
Русский
строй

СОДЕРЖАНИЕ

Сборник “Русский строй” продолжает серию книг, открытую сборником “Неизбежность Империи”. Мы снова приглашаем читателей к разговору об Империи, о национально-государственном становлении России, об основаниях этого становления.

Речь в книге пойдет о вполне конкретном наполнении термина Империя. Авторы опубликованных в сборнике работ обсуждают строй русского духовного бытия, русский государственный строй, строй самосознания русской нации.

Порой разные позиции сталкиваются, опровергают друг друга (особенно в разделе “Поиск идеологии”). В этом столкновении, пожалуй, только и может отрыться нам смысл русской истории, смысл русского государственного строительства. Без новых открытий в этой области, без творческого поиска, без современного прочтения Русской Идеи вряд ли возможно достойное существование России. Понимание этого объединяет авторов “Русского строя”.

Продолжая исследовать исторический опыт Империи, мы так и назовем свой очередной сборник — “Русский смысл Империи”. Клуб “Империя” по-прежнему открыт для авторов и читателей.

А.Н.Савельев,
редактор-составитель

Александр Фоменко

РУССКИЙ МИР СОСРЕДОТАЧИВАЕТСЯ

Едва ли не поголовное *геополитическое поветрие* начала девяностых годов не привело, к сожалению, к более ясному и четкому разграничению основополагающих культурных и политических понятий, тех точек притяжения, целей и опасностей, среди которых нам следует вырабатывать свой маршрут, располагать свои средства и силы, выстраивать свою систему обороны и нападения.

В пору очередного, и всем очевидного, территориального и экономического кризиса, в пору кризиса политико-идеологического (ощущаемого многими) и, самое главное, кризиса религиозного — о котором мало кто задумывается — нам действительно трудно самоопределиться.

Мы — империя с неясными границами, невнятными задачами и целями, с неопределенной идеологией и неструктурированным, желеобразным населением. Из этого и приходится исходить.

Но при всей нашей морально-религиозной и культурно-политической неустойчивости мы, однако, остаемся чем-то особым, отдельным, самостоятельным в глазах остального мира. На первый взгляд, нам не на что надеяться: Россию сегодня никто не уважает и мало кто боится. Но... ее продолжают опасаться и потому учитывают во всех возможных будущих сценариях *те, кто принимает решения* во всех мировых столицах, во всех собраниях сильных мира сего[1]. Частично сегодняшнее внимание к нам как к возможной мировой силе и явной геополитической реальности объясняется нашим былым могуществом, но частично — осознаванием (или

Фоменко Александр Владимирович, политолог и литератор, автор многих статей по вопросам современной культуры и политики

[1] За прошедшие после II Мировой войны десятилетия сильно изменились не только способы и места принятия основополагающих, стратегических решений в области мировой политики и экономики, но и сами уровни, на которых эти решения обсуждаются и принимаются.

Знаменитая *кабинетная политика* европейских дворов XVII-XVIII в.в. ушла в прошлое, равно как и определение судеб Европы и мира на встречах “больших троек”, “четверок”, “двоек”, “семерок” или “восьмерок”. Мировые финансовые и политические центры, похоже, сегодня не столько правят миром, сколько управляют мировым хозяйством, лишь “претворяя в жизнь” стратегические решения съездов мировой элиты — *ума, чести и совести нашей эпохи.* Масонские же ложи и клубы превратились в нечто вроде *head-hunting agencies*, многочисленных служб по набору кадров в мировую элиту.

“Мировое правительство” — этот постоянный ночной кошмар патриотов всех стран — до сего дня не стало видимой реальностью. Однако геополитические решения сегодня действительно принимаются на мировом уровне. Хотя и не в ООН, не в НАТО, не в Европейском Сообществе и не в других известных глобальных или региональных международных организациях.

На ежегодных встречах Бильдербергского клуба (объединяющего англосаксонскую и европейскую деловую и политическую элиты) или Трехсторонней комиссии (где встречаются ключевые фигуры политики, *mass-media,* финансовых и деловых кругов не только Америки и Европы, но еще и Японии) — вот где формулируются судьбоносные для мира цели и способы их достижения. Места проведения этих покрытых завесой тайны встреч постоянно меняются, но принцип отбора участников остается постоянным — это принадлежность к числу *лиц, принимающих решения* (или способных эффективно влиять на их принятие) и приверженность идее *нового мирового порядка.*

бессознательным ощущением) неизбежности нашего возвращения в мировой концерт держав.

Конечно, только Тот, кто действительно создает музыку сфер, знает, кто будет солировать сейчас или потом, чья партия и когда будет сыграна. Нам сегодня не до прогнозов или предположений. Нам бы — в уповании на Божью волю и милость — разобраться хотя бы с доставшимся нам наследством. То есть с тем, чем мы сегодня располагаем (или думаем, что располагаем) в сфере политико-географической и хозяйственно-культурной.

О нашем геополитическом наследстве

Итак, что нам досталось от прошедшего?

Евразийская держава — полурасколотая, полунадломленная: и территориально, и идеологически. Уже не Российская Империя и не СССР, но все еще евразийская и все еще держава.

Русская Православная Церковь — гораздо более реальная как институт, чем нынешнее Российское государство. Во всяком случае, не столько угасающая, сколько возрождающаяся — особенно в сравнении с Западными исповеданиями.

То ли культура, то ли цивилизация — некая цивилизационно-культурная взвесь в сердцах и умах граждан быв. СССР. Все еще читаемая и чтимая классическая словесность — сохранявшая русским их культурное лицо даже в пору официального создания “новой исторической общности людей — советского народа”. Заполонивший все и вся международный американизированный масскульт, быстро поглотивший усталого советского собрата и назойливый до (спасительной для нации) аллергии. И во всех наличествующих родах искусства и литературы — полное *отсутствие Большого стиля*, дурное смешение всех возможных направлений и веяний.

При этом впервые за семьдесят послеоктябрьских лет русские творцы ощутили себя на воле — вне философско-идеологических и культурно-политических запретов и предписаний и без всякой экономической поддержки государства. Не православного, но и не атеистического государства.

Власть также продолжает по мере сил плевать на население и его чаяния, но строит уже не только бетонно-кирпичные соты-блоки для жилья, не только фараонические монументальные комплексы, но и православные храмы, а также мечети и другие молельные дома.

А само население, уставшее было от коммунизма, уже донельзя измучено “перестройкой” и “реформами”. Распавшись на слои и общественные группы с различными интересами, это *русско-советское* население все-таки еще хранит память о своей общности — и не только перед 9 Мая.

Принцип “человек человеку — волк” не возобладал: предприятия и институты массовым увольнениям предпочитают сохранение коллективов —

во что бы это ни стало. Промышленность и наука почти порушены, но однако — все еще существуют, вопреки всем враждебным сценариям . Все смешалось в доме, но сам *дом* — стоит. Что не может не вселять некоторой надежды.

Возрождение не может быть скорым. *До тех пор, пока вопросы чисто хозяйственные, денежные будут поглощать все внимание наших вождей и правителей — мы будем продолжать наше более или менее успешное физическое выживание.* Духовно-культурной же и геополитической реальностью мы станем лишь тогда, когда прекратим бездумно повторять чужие идеологемы, вроде "мирового коммунизма" или "нового мирового порядка"; когда задумаемся над своим собственным путем и начнем исполнять свою, для нас написанную, партию в мировом концерте. Когда, наконец, *поднимем взгляд горе*, прекратив созерцание движения чужих подошв.

Это сегодня сделать — труднее всего.

Долгие годы явная химеричность официальной советской идеологии поощряла и даже подстрекала нас не доверять высоким словам и отвлеченным понятиям, и исходить в своих политических размышлениях из чисто материальной или материалистической — хотя и весьма разнообразно понимаемой — полезности. Мы почти совсем отвыкли смотреть на политику с точки зрения культуры и религии. И — перестали учитывать в *Realpolitik* такого рода причины и следствия наших действий или нашего бездействия.

Мы и Рим. Мы и Европа. Мы и Запад.

Сегодня Романо-Германская Европа все глубже осознает свое культурное и геополитическое единство, всячески укрепляет его — часто вопреки очевидным хозяйственным противоречиям в Европейском Сообществе. (Хотя организационное, институциональное объединение, вплоть до полного "стирания" национальных суверенитетов — цель скорее *граждан мира*, сторонников *нового мирового порядка*, нежели самих европейцев.)

В то же время Россия в целом Славянский (не только Восточно-Славянский, но и Славяно-Российский) культурный мир переживает приступ культурного областничества и даже культурного раскола, сепаратизма. Кто — под видом стремления к осознанию своей культурной и духовной самости и самобытности; кто — в страстном порыве к *оевропеиванию*, к культурно-политической ассимиляции в Западном мире. Отдельные, даже более или менее успешные, попытки построения нового славянского и/или православного культурного единства пока не меняют общей картины.

Ясно, что грезы Н.Я.Данилевского о триумфе Славянского культурно-исторического типа так и остаются грезами. Всем ныне очевидно, что культурно-политический *Pax Slavia* (не только *Pax Slavia Orthodoxa*, но даже и католический *Pax Slavia Romana*) может существовать только в присутствии магнита мощной Русской империи — притягиваясь ею или отталкиваясь от нее.

Природа политики не терпит пустоты. Как *Pax Slavia*, так и *Mitteleuropa*, существуют лишь *между империями* Запада и Востока, Рима и Москвы (Санкт-Петербурга). В исторически-геополитическом и в эсхатологическом смыслах *культурной самодостаточностью* (не только самобытностью*) обладали и обладают лишь полюса* — Россия и Европа, Евразия и Запад, но не какие-то средостения между ними.

В статье “Римское будущее Европы”, опубликованной более десяти лет назад[1], французский католический автор Реми Браг блестяще определил смысл очевидного своеобразия Европейского культурно-исторического единства. “Европа не родила саму себя, и другими цивилизациями она была воспринята именно как римская, а не греческая или иудейская,” — утверждает Р.Браг. И добавляет: “Быть римлянином — значит воспринимать старое как новое, обновлять это старое, пересаживать его на новую почву, а сама эта пересадка превращает старое в некий принцип, или источник нового развития”. Да, европейская (римская) традиция и европейская (римская) самобытность состоят в *передаче* некоего опыта, в возобновлении и восстановлении.

“Римлянин сознает себя греком по отношению к варварской стихии и варваром по отношению к греческому культурному миру”, к эллинизму и классицизму. Это комплекс ощущений знаком, разумеется, не только собственно ромеям-европейцам, но и нам, русским — в той мере, в которой мы являемся европейцами и христианами. Ибо, как пишет тот же Р.Браг, “по отношению к Ветхому Завету христианство есть то же, что римляне по отношению к грекам”. (Цитируемый автор недостаточно, правда, четко разграничивает Ветхий Завет и иудейский народ, претерпевший очевидную метаморфозу после Первого Пришествия Христа.)

Но *Россия — она одновременно и собственно московская, и греческая, и римская.* Хотя учение старца Филофея о Москве как о Третьем Риме никогда не было ни официальной политической доктриной русских монархов, ни официальным мнением Русской Церкви, однако западные (европейские) умы не случайно столь болезненно-внимательно отнеслись к нему. Отрицательное отношение Европы к Третьему Риму — лишь следствие ее ненависти к Риму Второму: итогом и символом этой ненависти стало разрушение Константинополя крестоносцами в 1204 г.

Любовь-ненависть России к Европе — следствие и итог ее ревности-любви к тому же Второму Риму-Царьграду и ответ на отношение европейцев к городу Константина. Второй Рим — Константинополь — до своего сокрушения служил живым воплощением не только православного христианства, но и эллинизма как такового. Эллинская и христианская ойкумена, в которой жили наши предки, была частью Восточной Римской Империи. *Мы — славяне и русские — прямо от Константинополя-Рима восприняли и эллинизм, и христианство, и имперскую государственность.*

[1] *Communio,* 1984; русский перевод в журнале: *Символ,* 1986.

В отличие от нас, кельты, германцы, галлы, франки — познакомились с эллинизмом и христианством *через* Рим, *посредством* его. Ибо и духовно, и физически они были не только соединены, но и отъединены Римом от чистой эллинской и христианской ойкумены, *нашей ойкумены* (в той мере, разумеется, нашей, в какой мы к ней принадлежали). И добровольное крещение князя Владимира Киевского, и миссионерски-просветительная мирная деятельность епископа Стефана Пермского — находятся в одном ряду. А крещение *огнем и мечом* саксонцев Карлом Великим и католически-протестантская миссия в Южной и Северной Америке — в ряду совершенно ином. Эту, достаточно важную часть римской (европейской) традиции мы, русские, испытывали лишь *на себе*, лишь в страдательном смысле (на Чудском озере и в степях левобережной Украйны, далее — везде). Но *никогда, вплоть до эпохи Коминтерна* — на других.

Мы чувствовали себя греками (*православными*) по отношению к язычникам и басурманам, латинянам и “люторам”. В крайностях своих это ощущение собственной правоты и чистоты могло доходить до Аввакумовой степени гордыни: тогда и греки виделись “обусурманенными” варварами. Но даже в этих случаях *римский прозелитизм* (старание обратить других в свою веру во что бы то ни стало) оставался чужд нашей церковной и культурной традиции. Весь пафос Аввакума был все таки направлен на *охранение* собственной чистоты, а не на насильственное очищение других прочих.

Третий Рим — все же не Первый и не Второй. И по отношению к греческому православному Востоку, к его монашеской и богословской традиции, мы, вполне естественно, могли ощущать себя так же, как римляне — по отношению к классической Греции. Но и в предельном, крайнем случае Святейшего Патриарха Никона — исправление богослужебных книг и обрядов по древним образцам не дает оснований говорить о проявлении чувства какой бы то ни было варварской неполноценности по отношению к классической христианской традиции. (И дело, конечно, не только в том, что Русские цари столетиями помогали деньгами православным грекам и покровительствовали им перед Султаном, за что и поплатились — Крымской войной с европейско-турецкой коалицией.)

Русское дело — Империя

Да, функция и цель деятельности римлянина-западноевропейца-англосакса есть *передача, транспортировка* ценностей всемирного (если не вселенского — хотя бы в замысле) порядка неким варварам: миссионерство, прозелитизм, культуртрегерство и колонизация[2].

[2] *Колонизация* как социально-экономический и исторический феномен — не обязательно предполагает “обратный ход” и не обязательно требует лишь безоговорочного осуждения: история так называемой “деколонизации” со всей очевидностью доказывает это. Ибо раз подвергшиеся Западной колонизации, а затем “освобожденные” территории Черной Африки, например, уже в течение десятилетий так и не могут выйти из порочного круга кровавых межплеменных войн и

А смысл *русского дела*, смысл и задача деятельности русских — *сохранение и охранение* себя и своей культурно-политической и религиозно-нравственной самости, своей жизненной самодостаточности. Это, разумеется, особенно трудно делать в эпоху мировой *апостасии* (отпадения от Христа). Но... ведь сегодня всем, и в первую очередь людям Запада, очевидно: церковная жизнь в России если и не настолько полнокровна ныне, как нам бы чаялось, но она много живее, чем, например, у католиков Западной Европы или Северной Америки и тем паче у многоразличных протестантов — причем без всяких натужных и ненужных “модернизаций” и при сохранении *догматической* чистоты.

Но не будем углубляться в сферы религиозные и собственно церковные — разговор о нашей русской миссии и о нашем русском долге наследников православной Святой Руси и Третьего Рима уместен лишь в церковно-православной аудитории...

Итак, о *русской самодостаточности*. Об осознании нашей особости, отдельности, самостоятельности в глазах остального мира и в своих собственных. Сколько бы мы ни рвались раствориться в “Европе от Атлантики до Урала” или превратить “Группу 7-ми” в “восьмерку” — ничего не выйдет. Мы — другие. И сколько бы мы ни пытались обратить советскую якобы-унитарность в якобы-европейский или якобы-американский федерализм — успеха не будет. Просто в силу природной, прирожденной, внутренне присущей нам *имперскости* (не империалистичности!). *Империя — наш общий дом*, оттуда мы родом.

Западники, славянофилы, большевики, евразийцы, либералы, патриоты — каждый мог и может строить свои предположения о России и ее судьбе. И не случайно уже набили нам оскомину рассуждения о европейской, азиатской или евразийской сути России. Все дело в том, что *Россия — это отдельный мир*.

“*Нам — внятно всё”*. Не только “галльский смысл” или “германский гений”. Мы — и Европа, и Азия, и Евразия — одновременно. Знаменитый генерал М.Г.Черняев — герой Туркестана и Балкан — издавал в прошлом веке газету, называвшуюся “Русскій міръ”.

Более точного определения нашей геополитической и геокультурной сути — не существует.

В полях России места хватило всем, с мечом приходившим, культуртрегерам — и европейским крестоносцам (от Тевтонского Ордена до Ордена SS), и азиатским ордам (и чингизидам, и крымчакам), и Коминтерну (от евреев до китайцев). Простора у нас хватает.

Но при этом за все время строительства и существования Русской Империи (Московского Царства) ни один коренной народ не исчез с лица нашей земли. (Между тем, для истории Западной Европы и Северной Америки

хозяйственной разрухи. Объяснять все лишь “происками” бывших колонизаторов вряд ли справедливо. Это, впрочем, тема отдельного разговора.

— это вещь совершенно не представимая.) И не один пришлый иноземец мирно укоренился в этой земле, сохранив “лица необщее выраженье”.

Империя Российская *никогда не была унитарна*. И Государь наш правил Финляндией именно как Князь Финляндский (конституционный монарх, в отличие от самодержавного Русского Царя). А завоевание Средней Азии хоть и прекратило торговлю русскими пленными рабами на местных невольничьих рынках, однако не привело к отстранению от власти того же эмира Бухарского, равно как и к отмене традиционного исламского законодательства в его и хана Хивинского владениях.

В *единой и неделимой Империи* столетиями не существовало ни единого юридического пространства — вспомним немецкое Балтийское право, Финляндскую и Польскую конституции, ту же Бухару. Не было и единого денежно-валютного пространства — Финляндия до самого 1917 г. имела собственную монету. А наличие в Императорской Армии многочисленных *иррегулярных* частей, в том числе набираемых по национально-религиозному и территориальному признакам, отрицает, кажется, саму идею единого военного пространства.

Единым было лишь политическое пространство — сфера *верховной власти* (но не мелочной опеки) *Белого Царя, олицетворявшего* собою живую идею имперской само-державной государственности. Сама титулатура русских монархов, с перечислением всех исторических титулов и всех земель, составлявших Империю, всех этих “и прочая, и прочая” — антиунитарна по самой своей сути. Императоры действительно управляли *разнообразными* народами, и не стремились стричь их всех под одну гребенку. (Куда уж там Соединенным Штатам, этому федеративному *плавильному котлу* народов и цивилизаций, было тягаться с нашим *мозаичным полотном*.)

Третий путь

Находясь меж Востоком и Западом, *Русскій міръ* (Российская Империя) не может не искать *среднего* (“третьего”) пути — то есть своего собственного, русского маршрута меж Сциллой и Харибдой извечных соблазнов. Наш путь — не левый, не правый, он — и прямой, и извилистый.

Между полюсами *Ratio* и *Intuitio* — парение *русской думы*[3]. Над обрядовостью католицизма и протестантским “оправданием верой” — *полнота предания* православной церковной традиции. Над республиканизмом (демократией) и авторитаризмом (диктатурой) — *патернализм* самодержавной традиции. Над интернационализмом (космополитизмом) и национализмом

[3] *“...из Русской думы.”* — так назывался предсмертный замысел художника Юрия Селиверстова: подготовленный им в 1990 г. в издательстве “Современник” (вышел в свет в 1995 г. в “Роман-газете”) хрестоматийного рода сборник, где тексты русских мыслителей и их графические портреты работы Юрия Ивановича, взаимодействуя друг с другом, рождали особого вида напряжение *думы*, размышления, не сводимого ни к рациональности спекулятивного философствования, ни к интуитивности поэтических прозрений.

(этнократией) — имперская традиция *народности*, верности государства национальным началам.

Не случайно русская действительность и русская политическая жизнь постоянно порождают непонятные для либерального Запада фантомы — скрещения идей далековатых. “Царь и Советы” — этот сменовеховский лозунг мог шокировать кого угодно лет этак семьдесят назад. Тридцать лет назад западным аналитикам в университетах и секретных службах должно было быть ясно, что — несмотря на хрущевскую попытку коммунистической реставрации — Россия явно *переварила* коммунистическое зелье. Отравление не привело к летальному исходу и народный организм начал перебарывать болезнь.

Перестройка и ее крах повлияли на процесс, но не изменили направления общего движения. Сегодняшний же союз “национал-патриотов” и КПРФ не удивляет уже никого, даже самих участников коалиции “народно-патриотических сил”.

Между капиталистической экономикой (властью посредством банковского капитала) и коммунизмом (отрицанием капитала), между Гайдаром и Анпиловым — русские, очевидно, выбирают сегодня свой, *третий путь*. Уже самым завзятым западникам-либералам становится ясно, что крах советского социализма не приведет к торжеству того постсоветского капитализма, который им, либералам, грезился.

Хотя эти книжники и фарисеи и продолжают упорствовать в своем стремлении “капитализировать” и “либерализовать” нас во что бы то ни стало. Происходит все под флагом “вхождения в мировое сообщество”. Точнее, удержания нас в зоне влияния и ответственности цивилизации Запада — не католического уже и не протестантского, а, скорее, *после-* и даже *противохристианского*. Нас удерживают от *третьего пути* всеми способами — от посулов и кредитов до угроз — и в оппозиции, и во власти поддерживая лишь тех, кто либо готов к участию в ударной стройке “нового мирового порядка”, либо не намерен препятствовать этой стройке. Делается это хоть внешне и не безуспешно, но в историческом смысле — напрасно.

Покой и воля

Не случайно в русской голове не родилось ничего, подобного маккиавеллиевскому трактату *Il Principe.* Советская эпоха, будучи наполнена повседневным маккиавеллизмом власти, не привела, тем не менее, к кодификации, к, так сказать, общественному признанию этого типа политического поведения.

Советские и постсоветские избиратели не случайно поражали и поражают сами себя своей наивностью и доверием к самым невероятным обещаниям “перестройщиков” и “реформаторов”. Даже сейчас, вроде бы

убедившись в лживости и цинизме существующей власти, русский избиратель все еще отказывается признать всеобщее вранье и воровство — нормой, а политику — заведомой грязью. Он все еще взыскует правды и надеется на нее: голосовать при этом он может и за власть, и за оппозицию. Вследствие этого даже разуверившиеся в кандидатах избиратели часто не ленятся прийти к урнам и все-таки проголосовать — *против всех*.

Вековые морально-политические ценности и традиции продолжают влиять на наше повседневное политическое поведение. Мы ведь столетиями впитывали опыт *православной самодержавно-монархической государственности* — где политика и государственная деятельность в идеале есть прежде всего *послушание, служба*, а потом уже — все остальное. В демократическом же, республиканском государстве политика — это прежде всего *роль*, к которой нужно стремиться, которую получаешь в обмен на некие обещания. И сама избирательная кампания — всегда немножко базар, торговля: хорошо, если не криминальные.

На *государевой* службе — как в монастыре: в качестве послушания, долга — свята и чиста самая грязная повседневная работа. Все это, разумеется, в идеале. В повседневной действительности происходить могло все, что угодно. Но это "все, что угодно" *не могло стать нормой*. Вспомним, хотя бы, разгул "женских царствований" XVIII века — там, действительно, всего хватало. Однако за "веком Екатерины" *неизбежно* последовал жесткий, даже репрессивный морализм Павла I. А за царствованием Александра I — отцеубийцы и воспитанника вполне *просвещенного* швейцарского масона Лагарпа — сменилось сурово-справедливым правлением брата его, Николая Павловича.

Мы сами можем не отдавать себе отчета в том, насколько глубоко сидит в нас традиционное отношение к государственной власти и ее носителям. Но это не значит, что повседневные политические действия и мнения не определяются этим отношением в очень большой степени[4]. (Так же как неосознавание "рядовым избирателем" степени воздействия на него телевизионно-газетного агитпропа не ставит под сомнение акт голосования *по внушению*, а не по здравому размышлению, десятков миллионов людей.)

Мы все знаем сердцем, что "*на свете счастья нет, но есть покой и воля"* — даже если не помним наизусть этих пушкинских строк. Стремление к покою

---

[4] Невозможно преодолеть тысячелетнюю инерцию "Слова о Законе и Благодати" митрополита Иллариона (пусть и сильно подорванную в XX столетии). Как нельзя перевести на английский или французский слово *воля* — в отличие от вполне переводимой *свободы* — или слово *подвиг*. Русские — вполне послушный и смиренный народ. Вовсе не какие-то бунтари-анархисты. И они создали великую евразийскую империю именно потому, что чувствовали или понимали — властвовать может лишь тот, кто умеет подчиняться.

Но при всем том, *Dura lex, sed lex* — эта римская (европейская) мудрость явно не про нас, и часто, может быть, к сожалению. Правда, по меньшей мере один раз в русской истории некоторое число наших соотечественников попыталось защитить закон как таковой — в сентябре-октябре 1993 г.

Далеко не случайно эта попытка потерпела крах — при почти полной апатии *молчаливого большинства* населения РФ, вовсе не одобрявшего при этом расстрела парламента. Как далеко не случайным было молчание большинства населения, которым сопровождались беззаконный раздел территории и имущества Российской Империи и СССР, а также многие другие художества разнообразных "реформаторов".

и воле живет в нас вопреки всем предлагаемым нам или навязываемым идеологиям, целям и задачам.

Состояние это — *покоя и воли* — означает, среди прочего, и наше внутреннее примирение с собственной *особостью* и *самодостаточностью*. Забвение любых идеологем, порождающих в нас чувство неполноценности, желание “подняв штаны, бежать за комсомолом” или за “мировым сообществом” — вот что сейчас необходимо русским.

С такими культурными, научными, природными, территориальными, хозяйственными и оборонными ресурсами *Русского цивилизационно-культурного мира* — смешно и нелепо стремиться позаседать в какой-нибудь “семерке” или “восьмерке”. Страна наша велика и обильна настолько, насколько может быть велик и обилен целый *континент* — глупо нам рыскать по свету в поисках кредитов, все глубже залезая в долговую кабалу (а “долговая кабала” не метафора ведь, а вещь вполне реальная). Ну не пристало нам радоваться приему в Совет Европы — наряду с Эстляндией или с другими столь же почтенными “членами мирового сообщества”. Что делать слону в посудной лавке? Да еще в чужой лавке? Да если хозяева явно предпочитают Мосек слонам?

Уже всем понятно, что фанатики “свободного рынка” никак не умнее “коммунистических” фанатиков. Что “мировое сообщество” в лице ООН, ЕС и НАТО — ничуть не человеколюбивее Коминтерна. Что “сексуальная революция” вовсе не полезнее “культурной революции”. Что “политическая корректность” ничем не лучше “идеологической выдержанности”, а цензура *больших денег* — цензуры государства. Пора, наконец, очнуться, прийти в себя и осознать необходимость поиска своего собственного маршрута. Пока мы окончательно не спустили за бесценок (не отдали за долги) *наше геополитическое и цивилизационное наследство — территорию, государство, экономику, культуру.*

Чем быстрее мы забудем о советах Международного Валютного Фонда и вспомним о собственной самодостаточности, чем спокойнее и решительнее начнем *восстанавливать Империю* — не впадая в разорительный империализм (в том числе и культурно-политический), в миссионерство и прозелитизм — тем скорее вновь станем духовно-культурной и геополитической реальностью, и тем неизбежнее вернемся в мировой концерт держав. А точнее, в концерт цивилизаций.

На пути к покою и воле — много препятствий.

Но... РУССКИЙ МИР СОСРЕДОТОЧИВАЕТСЯ.

ИСТОРИЯ ИМПЕРИИ

Константин Панченко

БЛИЖНЕВОСТОЧНАЯ ПОЛИТИКА МОСКОВСКОГО ЦАРСТВА

“Восточный вопрос”, камень преткновения в международных отношениях кон.XVIII-нач.XX вв., был в течении жизни нескольких поколений ключевым направлением внешней политики Российской империи. “Натиск на Босфор”, мечта о “золотом кресте над св. Софией” стимулировались не только насущными потребностями черноморской торговли. Свою роль играли абсолютно внеэкономические, хотя не менее весомые, представления об “интернациональном долге” России как православного Царства, о ее исторической задаче освобождения единоверных народов Восточного Средиземноморья.

Южный вектор русской внешнеполитической стратегии уходит своими корнями во времена достаточно удаленные — к кампаниям Суворова или Скобелева. И “греческий проект” Екатерины II, и претензии Николая I на роль покровителя османских христиан — все это было следствием идей, складывавшихся еще при дворе Бориса Годунова или Алексея Михайловича. Уже в XVI-XVII вв. Россия осознала и заявила свои права на “византийское наследство”, поддерживала тесные связи с православными народами Балкан и Леванта. Причем восточные единоверцы — в первую очередь греки — самым активным образом влияли на формирование русских геополитических приоритетов.

Немусульманские народы Османской империи пользовались достаточно широкой внутренней автономией в рамках своих этно-конфессиональных сообществ, возглавляемых патриархами или другими религиозными лидерами. Так, константинопольский патриарх, стоявший во главе православного общины империи, был наделен многими полномочиями светского правителя, в т.ч. вершил суд над духовенством и мирянами, собирал налоги, имел свою казну, полицию и т.д., что дало повод историкам сравнивать его власть о папской теократией. Подобными же правами обладали и другие иерархи.

Из православной среды выдвинулась привилегированная прослойка константинопольских греков, впоследствии названных фанариотами (по имени

Панченко Константин Александрович, кандидат исторических наук, сотрудник Института стран Азии и Африки при МГУ.

столичного квартала Фанар, где с XVII в. находилась резиденция патриарха). Благодарные туркам за полунезависимый статус православной церкви в империи и за защиту восточного христианства от латинской экспансии, фанариоты охотно служили Высокой Порте на постах советников, секретарей, переводчиков при османских визирях и пашах.

Пользуясь покровительством турецких властей, греки в XVI в. овладели высшими постами в Иерусалимском и Александрийском патриархатах, укрепили свои позиции в Антиохийской церкви. Эллинизация православных церквей Средиземноморья, привела к тесной взаимосвязи и взаимозависимости всех 4-х восточных патриархатов, что отразилось как на внутренней жизни христианского Востока, так и на его внешних связях. Самыми важными во внешней политике православной общины Османской империи были контакты с единоверными народами — Московским царством, Грузией, западнорусскими землями Речи Посполитой.

Принятие русскими самодержцами царского титула и переход политического первенства в восточно-христианском мире к Москве были с одобрением встречены фанариотами. Однако духовными лидерами православных народов они продолжали считать себя. Произошло как бы столкновение двух мессианских идеологий: греческой, апеллировавшей к блестящему прошлому Византии и ее всемирно-исторической роли, и русской, выразившейся в доктрине “Третьего Рима”.

В XVI-XVII вв. греческие иерархи ощущали себя богоизбранными хранителями православной традиции, “столпом благочестия”. Как и во времена Византийской империи, они стремились управлять духовной и политической жизнью единоверных стран. Так, например, борьба с католический унией на Украине в кон.XVI-XVII вв. координировалась из Константинополя, Афона и греческих монастырей Молдавии. В разное время в этом противоборстве принимали участие такие фигуры, как экзарх вселенского патриарха Никифор, умерший в польских застенках; талантливый полемист и проповедник александрийский патриарх Мелетий Пигас; Кирилл Лукарис, в 1590-е гг. — ректор православной коллегии в Вильно, а впоследствии — самый выдающийся константинопольский патриарх османский эпохи; наконец, иерусалимский патриарх Феофан, который в 1619 г. в Киеве тайно возвел в сан 7 православных епископов, восстановив тем самым исчезнувшую было на Украине православную иерархию.

В то же время, претензии поствизантийских греков на духовное предстоятельство в православном мире отнюдь не разделялись на Руси. В кон.XV-XVI вв. русская мессианская идеология носила преимущественно изоляционистский характер, Московия считалась последним оплотом истинного вероучения, а те же греки воспринимались как православные “второго сорта”, утратившие чистоту веры под владычеством мусульман.

Тем не менее, русские считали своим долгом покровительство православным церквям Османской империи. После гибели Византии на

Балканы, в Палестину, на Синай шел все возраставший поток пожертвований из России.

Такая благотворительность стала регулярной со времени Ивана Грозного. В одном лишь приступе раскаяния за убийство своего сына он послал восточным патриархам на помин души царевича 10 тыс. рублей — сумма, баснословная для XVI века.

В Восточном Средиземноморье эти средства распределял ряд русских дипломатов, из которых наиболее известны Василий Поздняков и Трифон Коробейников. В.Поздняков в 1559-1561 гг. дошел до Иерусалима, Синая, Египта. В Каире он встречался со стодесятилетним патриархом Иоакимом, знаменитым подвижником, и рассказывал ему о могуществе и благочестии московского царя.

При набожном Федоре Иоанновиче финансовая помощь восточным монастырям и патриархам еще более возросла. Именно тогда, впервые в истории в Москву приезжали за денежной помощью восточные владыки — антиохийский патриарх Иоаким (1586 г.) и константинопольский — Иеремия (1589 г.), с именем которого связано учреждение патриаршества в России.

Борис Годунов, чувствуя, возможно, что легитимность его власти сомнительна, очень дорожил расположением восточных патриархов и не забывал православный Восток своей милостыней.

В Смутное время, естественно, благотворительность прекратилась, но о приходом к власти Романовых приняла еще большие, чем в XVI в. размеры. Своего пика денежная помощь восточным единоверцам достигла при Алексее Михайловиче — человеке чрезвычайно религиозном, убежденном в своем мессианском призвании, как покровителя всего Православного мира. В краткий промежуток времени — конец 40-х — начало 50-х гг. XVIII в. — в Москве побывали 4 патриарха, множество архиереев, настоятелей монастырей и пр.

После осуждения Никона, правда, наступило некоторое охлаждение в отношениях о греками. Поток помощи восточным церквям, то уменьшавшийся, то увеличивавшийся, уже не достигал прежних размеров, а при Петре I почти иссяк. Эту милостыню посылали в виде, главным образом, пушнины, а также звонкой монеты, роскошной церковной утвари, икон и т.д. Размеры дотаций были огромны, на многие тысячи рублей, хотя никакой статистики на этот счет не велось. Точно также в Москве не интересовались употреблением милостыни, сама мысль о таком контроле показалась бы русским греховной. На этой почве, кстати, возникали бесчисленные злоупотребления, с Востока в Россию стекалось столько самозванцев и аферистов, что сами греческие архиереи просили московское правительство проявлять бдительность и не доверять всем подряд ходокам-челобитчикам.

В целом же, финансовая поддержка из России, несомненно, способствовала выживанию и даже относительному подъему православия в Османской империи. Особенно это относится к Синаю и палестинским

монастырям, оторванным от районов компактного расселения христиан и существовавших за счет пожертвований извне.

Щедрая милостыня греческим иереям была, среди прочего, и формой оплаты за услуги политического характера, предоставление сведений о состоянии Османской империи. Сотрудничество восточных патриархов с российской разведкой (функции которой выполняли Посольский приказ и воеводы пограничных городов) начинается с конца XVI в. Патриархи (прежде всего константинопольские и иерусалимские) выступали консультантами царских послов в Стамбуле и занимались сбором интересующей Москву информации. Наряду с патриархами, разведкой занимались и другие клирики, а также миряне — как доверенные лица патриархов или самостоятельно. С 1630 по 1660 гг. в этой роли выступали 10 митрополитов, множество архимандритов, монахов, купцов и т.д. Главным "резидентом" России на Востоке долгое время был архимандрит Амфилохий, приближенный константинопольского патриарха Кирилла Лукариса (ум, в 1637 г.) .После смерти Амфилохия в 1653г. за его место между тайными агентами-греками возникла настоящая конкуренция.

В целом же сведения греческих агентов часто были непроверенными или запоздалыми. Эти люди служили, как правило, недолго и при малейшей опасности прекращали все связи с русскими. Главным стимулом для большинства агентов были деньги; лишь немногие служили по идейным соображениям — но как раз такие оказывались самыми верными и ценными информаторами. К их числу относятся, например , Кирилл Лукарис или иерусалимский патриарх Досифей (1669-1707), охвативший Османскую империю целой сетью своих осведомителей и поставлявший в Москву важнейшие сведения о передислокации турецких воинских частей и политических планах Высокой Порты.

Османы, долгое время не интересовавшиеся внешними связями своих христианских подданных, с сер. XVII в. начинают проявлять беспокойство. Причиной тому стало восстание Б.Хмельницкого , победоносное начало войны России с Польшей — у северных границ Турции замаячил призрак православной супердержавы. Османские власти стали пресекать контакты восточных патриархов с заграницей. В 1657 г. по обвинению в шпионаже был повешен константинопольский патриарх Парфений III. В Молдавии задерживали и возвращали обратно едущих в Москву архиереев. Тем не менее, тесные русско-ближневосточные связи продолжались до нач. XVIII в., не прекращалась и разведывательная деятельность фанариотов, хотя патриарх Досифей со своей агентурной сетью не раз балансировал на грани провала.

Самым интересным в истории политического взаимодействия Московского царства и православного Востока были попытки балканского и левантийского духовенства влиять на формирование российской политики, как внешней, так и внутренней.

Это относится, в частности, к иерусалимскому патриарху Феофану (1608-1644), приезжавшему в 1619 г. в Москву за милостыней. Он возвел в патриарший сан Филарета Романова, принимал участие в спорах русского духовенства об исправлении богослужебных книг по греческим образцам, впоследствии вел постоянную переписку с царем Михаилом Романовым и Филаретом, и был самым уважаемым из восточных иерархов в России, при Феофане русская церковная жизнь снова начала подчиняться греческому влиянию.

Выдающуюся роль в истории России сыграл иерусалимский патриарх Паисий (1644-1661). Талантливый политик и дипломат, он был одержим идеей создания огромной “неовизантийской” империи, объединяющей православный мир. В 1648 г. Паисий встречался в Киеве с Б.Хмельницким , вдохновлял его на борьбу о поляками и воссоединение о Россией. Он же, то лично, во время поездки в Москву в 1649 г., то через приближенных митрополитов, выступал посредником в переговорах Хмельницкого с российским правительством о принятии в подданство Украины. Огромные усилия понадобились Паисию, чтобы склонить к этому московские власти, не желавшие ссориться с поляками, и чтобы удержать разочарованных запорожцев от опрометчивых недружественных России шагов, способных сорвать замысел.

Окрыленный растущим могуществом православных народов, Паисий вынашивал грандиозный геополитический проект московско-запорожско-молдавско-валашской коалиции против турок, увязших в войне о Венецией. Удар с севера по Османской империи должен был быть поддержан восстанием греков и сербов в тылу у османов.

Проект, однако, был отвергнут осторожными московскими политиками В обстановке, когда Россия мыслила себя неотъемлемой частью всего восточнохристианского мира, естественной была церковная реформа Никона, унификация русских обрядов по образцу остальных православных церквей. Считается, что именно Паисий вдохновил царя и патриарха на эту реформу, как необходимый шаг для грядущего объединения православных народов под скипетром московского-панвизантийского самодержца. Никона же соблазнила идея теократической власти по образцу иерархов Востока. В ходе церковной реформы Паисий постоянно поддерживал шаги Никона по введению греческих обрядов.

Еще в период подготовки к реформе Никона московское правительство отправило на Восток дипломата и богослова иеромонаха Арсения Суханова (1600-1668) с поручением на месте разобраться во всех подробностях греческих богослужебных обрядов и их отличиях от русских. В 1651-1653 гг. Арсений посетил Молдавию, Константинополь, Египет, Палестину, Сирию, Грузию. Он встречался с несколькими восточными патриархами, вел богословские диспуты с Паисием, отстаивая русские варианты обрядов, и собирал информацию о военнополитическом состоянии Османской империи. Одно из самых любопытных мест в бумагах Арсения — это описание

укреплений Иерусалима, где российский путешественник проявляет неожиданные для его сана познания в фортификации и баллистике, дает дельные советы на случай возможной осады и штурма города.

Трудно сказать, действительно ли царь Алексей Михайлович простирал свои планы столь далеко; однако доподлинно известны его мечты освободить от османского владычества христиан Балкан. В 1656 г., возможно, в эйфории от первых успехов в войне с Польшей, царь говорил: "мое сердце сокрушается о порабощении этих бедных людей (*греков — К.П.*), которые находятся во власти врагов веры. Бог... взыщет с меня за них в день суда, ибо, имея возможность освободить их, я пренебрегаю этим... и я принял на себя обязательство, что, если Богу будет угодно, я принесу в жертву свое войско, казну и даже кровь свою для их избавления".

Слова эти были оказаны антиохийскому патриарху Макарию (1648-1672), приезжавшему в Москву в 1654-1656 гг. за милостыней и принимавшего участие в проведении реформы Никона. Макарий, как и все арабское духовенство Сирии, был солидарен и с греками и с Никоном в деле "исправления" русских обрядов по восточным образцам. Хотя антиохийский патриарх не обладал ни силой воли, ни государственным умом Паисия, но тем не менее (возможно, как раз поэтому) он пользовался особым расположением царя.

Макарий был единственным из патриархов Православного Востока, кто побывал в Москве дважды. Вторая его поездка, в 1666-1668 гг., по приглашению Алексея Михайловича, была связана о судом над патриархом Никоном.

Опала патриарха вызвала неоднозначную реакцию на Востоке — ведь Никон был главным проводником греческого влияния в России. Так, иерусалимский патриарх Нектарий уклонился от приглашения в Москву для участия в процессе над Никоном и осудил поехавших туда патриархов антиохийского и александрийского

Осуждение Никона, когда-то преклонявшегося перед антиохийским патриархом — далеко не самый достойный эпизод из жизни Макария. Суд над Никоном шел предвзято, низложение его было предрешено заранее, потому что восточные патриархи рассчитывали получить за эту услугу от царя богатую милостыню. Тот же собор, осудивший Никона, разбирал вопросы взаимоотношений светской и духовной властей, их разграничения. Восточные патриархи представили свое суждение по данной теме, опять же, заранее согласованное с царем и боярами.

Куда более самостоятельную позицию в отношениях с Россией занимал уже упомянутый иерусалимский патриарх Досифей (1669-1707). Выходец из низов, он сумел сделать блестящую карьеру в иерусалимской церкви и в 28 лет стать патриархом. Сильная воля, энергия, талант политика и ученого — все это выделяло его на фоне остальных восточных архиереев. Досифей считал свою Иерусалимскую церковь столпом и светочем истинной веры, а себя —

хранителем благочестия во всем православном мире. Он заботился и о борьбе с унией в Трансильвании, и о восстановлении церквей в Грузии, но больше всего занимался русскими делами. Досифей видел Россию “Третьим Римом”, которому суждено освободить от “неверных” христиан Востока. Поддерживая тесные связи с русским правительством, Досифей употреблял все свое влияние, чтобы направить военную экспансию России на юг — в Причерноморье и на Балканы, настраивал Российское правительство против западных держав, предрекая соперничество с ними за османское наследство, разрабатывал стратегию будущих войн с Турцией...

В этой связи следует коснуться вопроса о политической ориентации православных народов Ближнего Востока. Все они, еще со времен Флорентийского собора 1439 г., вполне осознанно предпочитали османское владычество господству католической Европы (можно вспомнить известное поздневизантийское изречение: “Лучше турецкая чалма, чем папская тиара”). Но еще выше в Этой иерархии предпочтений стояло православное царство, которое ассоциировалось с Россией. У православных восточных народов все время сохранялась мечта о том, что московский царь вступит во владение своим византийским наследством, Константинополем. Конечно, когда такое пожелание высказывал александрийский патриарх Иоаким перед Василием Поздняковым в 1560 г., это была не более, чем мечта. Но в XVII-нач. XVIII вв. одновременно шли три процесса: усиление России, вышедшей к границам Османской империи; ослабление османов, теряющих одну за другой свои провинции, населенные православными христианами; и экспансия западных держав, под чью власть эти земли и переходили.

Даже самые антитурецки настроенные представители восточного духовенства ясно понимали, что австрийское или венецианское владычество будет еще хуже, чем османское. На новозавоеванных землях православных насильственно обращали в унию и, как рассказывал в Москве афонский архимандрит Исайя в 1688 г., “от такого принуждения великая печаль всем, ибо под турецким игом была им тяжесть от налогов, а в вере принуждения не было”.

Видя, что османы не способны остановить наступление Запада, восточные иереи обращали взоры к Москве. По словам того же Исайи, “все великое христианство со слезами молит государей (*Петра и Ивана Алексеевичей — К.П.*), чтобы их из неволи басурманской в большую и горшую неволю пускать не изволили”. Подобные взгляды разделял и патриарх Досифей.

Интересы патриарха имели поистине глобальный размах. Не довольствуясь одной лишь политикан, он занимался церковными делами России, советовал, наставлял, указывал царям и патриархам. Досифей выступал посредником в спорах московского правительства и вселенского патриарха, подбирал учителей для Славяно-греко-латинской Академии, участвовал в полемике об обрядах, призывал к репрессиям против раскольников, советовал усилить миссионерскую деятельность по примеру католиков и т.д. Долгая

борьба Досифея с латинянами за обладание Св. местами Палестины, а также общая атмосфера религиозной нетерпимости, господствовавшая в православной общине империи, сформировали у иерусалимского патриарха стойкую неприязнь ко всем проявлениям Западной цивилизации. Поэтому Досифей стремился воспрепятствовать проникновению в Россию европейской науки, обычаев и т.п., считая, что тесное общение о иностранцами приведет к гибели православия.

Патриарх добился отстранения от преподавания в Славяно-греко-латинской Академии им же присланных учителей братьев Лихудов, которые, вопреки запретам Досифея, преподавали студентам латинский язык. Досифей давал царю указания по “кадровой политике” в церковных делах: не делать митрополитами и патриархами украинцев (воспитанников латинских школ), сербов, греков (тут Досифей “наступает на горло” собственному эллинскому патриотизму) — ибо все они склонны к католичеству — но возводить на высшие церковные посты только “природных московитян”, пусть даже малоученых, т.к. они “не любопытательны и не лукавы”.

Излишне говорить, насколько этот хранитель византийского благочестия был шокирован реформами Петра I. Досифей не мог примириться с участием русского царя в Великом посольстве, страстно убеждал его не посылать сына для обучения в Вену: “Приснопамятные отцы и праотцы святого вашего царствия... ни от каких франков не училися обычаю и наукам, а владели и владеете едва не всею вселенною, будучи крепки, велики, страшны и непобедимы...” Судя по всему, именно под влиянием Досифея константинопольский патриарх выступил против плана Петра женить сына на европейской принцессе: “...или де мало в Москве благородных честных девиц избранных и благочестивых?”. Тем не менее, Досифей продолжал служить идее “Третьего Рима”, который уже перестал существовать. К тому же патриарх, на свое счастье, не вполне осознавал всю глубину происходивших в России изменений, ломки византийских традиций.

После Досифея контакты России с православным Востоком резко сокращаются. Это было вызвано, во-первых, тем, что европеизированная послепетровская Россия надолго утратила чувство духовной близости с остальным православным миром, и, следовательно, потеряла всякий интерес к общению о греко-восточной церковью. Во-вторых, усиливалось противостояние Стамбула и Петербурга, и патриархи не хотели навлекать на себя подозрений в нелояльности.

Пауза в русско-восточных отношениях продолжалась до 1840-х гг., когда Россия возобновила активную политику в странах Леванта. И хотя в XIX в., в отличие от времен Московского царства, инициатива в закреплении на Востоке целиком исходила от России, она действовала по той программе, которую “заложили” в нее еще в XVII столетии при участии Паисия и Досифея.

Разумеется, не стоит преувеличивать влияние восточных иерархов на формирование московской политики — превращение русского мессианства из

изоляционистской в экспансионистскую идеологию не было навязано извне, а произошло на основе органичных внутренних процессов. Фанариоты лишь обратили свое немалое влияние на поддержку тех сил в московском обществе, которые хотели видеть Россию активным участником международной политики, прежде всего, в Восточном Средиземноморье.

Тесное соприкосновение о православным миром Балкан и Леванта принесло России свои плюсы и минусы. С одной стороны, фанариоты способствовали военнополитическому укреплению России и повышению ее культурного потенциала (та же Славяно-греко-латинская Академия не была бы создана без греческой помощи). С другой стороны, стремление России к слиянию с греко-восточным миром привело к трагедии раскола в русском обществе XVII в. Причем восточные патриархи своим некомпетентным вмешательством усугубили конфликт никониан и старообрядцев, придали ему столь непримиримый, кровавый характер.

Но при всех неизбежных издержках, эта тесная сопряженность судеб Русского государства и православного Востока сыграла огромную роль в процессе осознания Россией своего места в мире, своих друзей и врагов, внешнеполитических задач, то есть в формировании всей глобальной системы ценностей русского общества.

Игорь Артемов

ПЯТЬ СТОЛЕТИЙ БОРЬБЫ ЗА ВИЗАНТИЙСКОЕ НАСЛЕДСТВО

К числу идей, накрепко связанных с последними пятью веками русской истории, относится идея “византийского наследства”. Словно не подвластная влиянию времени, возникает она на различных этапах нашей истории, будоражит умы и влияет на события, затем, до конца не осуществленная, уходит в небытие, чтобы с новой силой ожить в иных обстоятельствах...

Эта устойчивая жизнеспособность, повторяемость и однонаправленность отнюдь не случайны. Цель, к которой так настойчиво, с предельным напряжением воли и духовных сил стремились многие поколения наших предков, — не может быть целью ложной.

События российской истории последних лет неопровержимо свидетельствуют, что “византийское наследство”, включающее в себя политические и духовные узлы современного “балканского вопроса”, вновь становится значимой частью русского правосознания.

Поколение русских политических и общественных деятелей, выходящее на рубежи XXI века, должно ясно представлять цели и задачи национальной России. А значит, устремляясь в будущее, обратимся к опыту прошлого.

Третий Рим. XV век от Рождества Христова

По мере ослабления духовного и политического влияния порабощенной турками Византии на дела восточно-христианского мира, возрастает авторитет и значение Московского Царства. Успехи в собирании русских земель превратили московских великих князей в выразителей русских общенациональных интересов.

Идея наследования Москвой духовной и политической гегемонии во всем православном мире нашла символическое выражение я браке Ивана III с Зоей (Софией) Палеолог и закреплена принятием великим князем Московским царского титула.

Артемов Игорь Владимирович, кандидат исторических наук, Председатель Правления Русского Общенационального Союза

В 1492 году митрополит Московский Зосима впервые именует Ивана III (1462-1505) “государем и самодержцем всея Руси, новым царем Константином в новом граде Константина Москве, всея русской земли и иных многих земель государем”.

В этой фразе заключены основные тенденции развития русской национально-государственной идеологии в последующее время:

- укрепление в Москве духовного центра восточно-христианской цивилизации;
- создание и укрепление связанного с ним центра политической силы;
- установление контроля над родственными народами и территориями.

Вся последующая русская политика вплоть до 1917 года является, в той или иной мере, реализацией именно этих задач.

Теория “Москва — Третий Рим” была окончательно сформулирована в духовных центрах Северной Руси в конце XV — начале XVI веков. Она не была сепаратистской ни по духу, ни по замыслу. С точки зрения священной традиции, сохранение духовных ценностей является делом более важным, нежели сохранение территории государства, потерявшего духовный смысл своего существования.

В русском самосознании обоснование законности духовной империи — “Святой Руси” — было первичным по отношению к идеологии земного Царства, хотя и не отделялось от нее. На эту тему возможны, конечно, различные историософические спекуляции. Мы оставляем их в стороне. Отметим другое. Именно духовная, религиозная обоснованность действий как царя, так и народа, были положены в фундамент становления идеологии Третьего Рима.

Для нас это принципиально важно. Здесь основа, говоря современным языком, “визитная карточка” нации. Ставшая наиболее полным выражением христианского принципа непрерывности бытия, концепция “Москва (Россия) — Третий Рим” дает своим последователям прочную опору в прошлом и ясные ориентиры в будущем.

Движение на Юг

В XVI столетии, покончив с последствиями ордынского ига, Россия начинает борьбу за утраченные в прошлом земли Поволжья и Малороссии. Покорены татарские ханства в Казани (1552), Астрахани (1556) и Сибири (1589). Отвечая на постоянные набеги крымских татар, вассалов турецкого султана, русские переходят в стратегическое контрнаступление. Результатом

его явилось взятие казаками Азова в царствование Михаила Федоровича (1613-1649). Быстро осваивается Дикое Поле — степные пространства Юга России.

В царствование Алексея Михайловича (1649-1676) во внешнеполитической деятельности России усиливается мотив покровительства единоверным народам Южной Европы. Идея православного единства под политическим протекторатом Московского царя легла в основу церковной реформы патриарха Никона. Не вполне удачно осуществленная и канонически не безупречная, церковная реформа середины XVI века дала, тем не менее, мощный толчок к сближению России с православными греками, сербами, болгарами. Повышение влияния России на православном Востоке и укрепление государственного могущества привели, впоследствии, к разработке и практическому исполнению глобальных внешнеполитических проектов в русле борьбы за "византийское наследство".

Во второй половине XVII и в течение всего XVIII столетия борьба с Турцией и ее сателлитами становится одной из основных внешнеполитических задач российского государства.

Войны 1676-81, 1686-1700, 1710-13, 1735-39 годов привели к усилению позиций России в Причерноморье, присоединению большей части Украины и подрыву военных возможностей Крымского ханства. Однако, чем больших успехов добивалась Россия в борьбе с турками и татарами, тем сильнее становилось противодействие европейских держав, в первую очередь Англии, Франции, Австрии и Польши, оказывавших явную или тайную поддержку противникам России. В дальнейшем этот военно-стратегический альянс турок-мусульман с католическими и протестантскими державами Европы будет не раз восстанавливаться для противодействия России.

Конец XVIII века стал триумфом военнополитического могущества России. В 1768 году началась очередная русско-турецкая война, поводом для которой послужил случайный переход казачьим отрядом турецкой границы в районе Балты. Подстрекаемый французами и поляками султан объявил России войну. Война закончилась в 1774 году. Русские войска под началом П.А.Румянцева и А.В.Суворова нанесли туркам сокрушительные поражения у Рябой Могилы, на Ларге и Кагуле, у Козлуджи. Русский флот под командой графа Алексея Орлова и адмирала Г.А.Спиридова успешно действовал на турецких коммуникациях в Средиземном и Эгейском морях, а в1770 году уничтожил турецкий флот в знаменитом Чесменском сражении. Сухопутные войска перешли через Дунай и взяли Хотин и Яссы. По Кучук-Канарджийскому мирному договору (1774) Россия получила территорию Новороссии и свободный выход к Черному морю. При Екатерине II (1762-1796) русский флот чувствовал себя едва ли не хозяином островов Греческого Архипелага и контролировал все коммуникации в Восточном Средиземноморье.

Именно в годы войны идея борьбы за "византийское наследство" вновь, после почти столетнего перерыва, была ясно сформулирована. Разработанный

в канцелярии князя Григория Александровича Потемкина “греческий проект” предусматривал необходимость военного изгнания турок из Европы и образование на Балканах православного Греческого царства, включающего земли южных славян. Во главе его намечалось поставить внука Екатерины II — великого князя Константина Павловича. Аналогичные предположения разрабатывались при петербургском дворе и позднее. Согласно проекту, представленному Екатерине II князем А.Безбородко в 1782 году, европейские владения Турции следовало разделить между Россией и Австрией.

Несмотря на всю привлекательность потемкинского проекта, Екатерина II осознавала, что экономических и военных ресурсов России, достаточных для разгрома Турции, не хватит для прочного освоения огромных территорий, плотно заселенных разноплеменным населением. Враждебная позиция европейских держав также настраивала на осторожный лад. Проект Безбородко первоначально был одобрен Екатериной и австрийским императором Иосифом II, однако, столкнувшись с европейской дипломатической коалицией во главе с Великобританией, австрийцы дали “задний ход”. Одновременно с этим Англия и Франция активно модернизировали турецкую армию. Британские и французские инструкторы обучали османских солдат, инженеры строили крепости.

Оставив на время балканское направление, русские нанесли удары по туркам в Восточном Причерноморье. В 1783 году был присоединен Крым и земля до реки Кубань. Попытки Османской империи вернуть утраченное в ходе войны 1787-91 годов закончились разгромом сухопутных сил войсками А.В.Суворова и флота эскадрой Ф.Ф.Ушакова. Ясский мирный договор закрепил за Россией Крым, Кубань и Грузию. На юго-западе граница между Россией и Турцией была установлена по Днестру.

Таким образом, в результате шести русско-турецких войн Россия прочно закрепилась на северном побережье Черного моря и получила стратегический выход на балканский и кавказский театры. Войны эти принесли стране славу и утерянные в прошлом территории. Однако стратегическая цель — проливы и Константинополь (Царьград, к воротам которого, по преданию, прибил свой щит Вещий Олег) — осталась не достигнутой.

В1798 году правительству Павла I (1796-1801) дипломатическим путем удалось добиться того, чего его предшественникам не удавалось достичь силой оружия: Россия получила право беспрепятственного прохода через Босфор и Дарданеллы. Соответствующий договор был возобновлен в 1804 году при Александре I. Разрабатывавшиеся в начале XIX века российским внешнеполитическим ведомством проекты предусматривали, в частности, возможность присоединения к России Константинополя с окрестной областью в несколько километров на европейском и азиатском побережьях.

Попав в последние годы своего царствования под влияние австрийского канцлера Меттерниха, император Александр I (1801-1825) вначале осудил освободительное движение греков против Турции. Вождь греческого восстания

А.Ипсиланти был исключен с русской службы, грекам было официально отказано в русской помощи. Перед смертью Александр убедился, однако, в коварстве и лицемерии Меттерниха. Отношение императора к восточному вопросу изменилось. В 1825 году Россия стояла на пороге объявления войны Турции.

Император Николай 1 (1825-1855) с момента своего воцарения поддерживал политику силового давления на Турцию. По Аккерманской конвенции 1826 года Россия получила официальное право покровительства над православными Молдавией, Валахией и Сербией. В ходе войны 1828-29 туркам были нанесены поражения на суше и на море. По Адрианопольскому договору 1829 года Греция получила независимость, Сербия, Валахия и Молдавия широкую автономию.

Дальнейшее усиление России на Балканах встретило организованное сопротивление со стороны Англии, Франции и Австрии. В 1841 году (по Лондонской конвенции) им удалось добиться отмены Ункяр-Искелесийского договора 1833 года между Россией и Турцией. Согласно этому договору, Порта в случае войны России с третьими державами обязывалась закрыть проливы для всех иностранных кораблей.

Образовавшаяся впоследствии англо-франко-турецкая военная коалиция действовала при “вооруженном нейтралитете” Австрии, демонстративно придвинувшей свои войска к российской границе.

Неудачная для нас Крымская война 1853-56 вновь отодвинула приемлемое решение балканского вопроса. Парижский мир 1856 года привел к значительному ослаблению позиций России в регионе. Ей было запрещено иметь на Черном море военный флот и крепости, к Турции отошла Южная Бессарабия. Экономика страны была сильно истощена.

В последующие годы задачей внешней политики России, возглавлявшейся канцлером князем Горчаковым, стало восстановление подорванного войной военного и политического престижа страны. В 1871 году Империя восстановила свои права на Черном морс. Вновь были отстроены крепости и воссоздан флот. Дольше всех сопротивлявшаяся этому Великобритания вынуждена была смириться, подписав итоговые документы Лондонской конференции 1871 года.

Нарушение Турцией прав балканских славян, массовые зверства во время подавления восстаний в Болгарии, Боснии и Герцеговине, вызвали в России массовый подъем общественного мнения в защиту южных славян. В 70-е годы XIX столетия выкристаллизовалась идеология панславизма, связанная с именами Н.Я.Данилевского, И.С.Аксакова, Ф.И.Тютчева, М.П.Погодина и других. Русско-турецкая война 1877-78 годов, начавшаяся для России не вполне удачно, закончилась полным военным разгромом Турции. Перейдя через Балканы, русские взяли Филиппополь и Адрианополь, передовые отряды русской армии подходили к воротам Константинополя (Стамбула). Турция запросила мира на русских условиях (Сан-Стефано).

Весной 1870 года армия была в состоянии одним броском захватить турецкую столицу и установить контроль над всем Балканским полуостровом. Однако, столкнувшись с противодействием Англии и Австрии, Александр II (1855-1881) пошел на уступки. Условия Сан-Стефанского договора были пересмотрены Берлинским конгрессом 1878 года. Россия получила Западную Армению с крепостями Карс, Ардаган и Батум, а также часть Бассарабии.

Почти у цели

Отступив перед напором объединенной Европы, Россия, еще на шаг приблизившаяся к Босфору, ни на минуту не забывала о своих исторических задачах. Военная и идеологическая подготовка к захвату константинопольского геостратегического узла шла в 1880-90-х годах полным ходом. Вот как выглядели сформулированные в те годы основные пункты концепции борьбы за “византийское наследство”:

1. Будучи преемницей духовной и политической гегемонии Византийской империи на Балканах и на всем православном Востоке, Россия должна контролировать территории, ставшие колыбелью восточно-православной цивилизации. При этом Константинополь должен принадлежать Империи непосредственно, а соседние государства — Болгария, Сербия, Греция и др. — составлять дружественный ей военнополитический союз.

2. Являясь оплотом восточно-христианского мира, Россия не может более терпеть надругательств турецких властей над православными святынями. Крест над Святой Софией, поверженный в 1458 году, должен быть восстановлен, а Константинополь стать духовным центром созданного вокруг России союза единоверных государств.

3. Военный контроль над Черноморскими проливами позволит прочно обеспечить наши юго-западные рубежи не только со стороны слабеющей Турции, но и со стороны Англии; качественно усовершенствовать морские силы Юга России; контролировать коммуникации на Ближнем Востоке и в Средиземноморье (быстрый выход к Суэцу, Гибралтару); получить оперативный простор для действий Черноморского флота.

В 1891 году Особым совещанием была принята программа строительства Черноморского флота, значительно превосходящего возможные потребности этого внутреннего моря (8 броненосцев, 2 крейсера, 19 миноносцев). Эти корабли могли быть использованы только на просторах Средиземноморья или Атлантики. А для этого надо было преодолеть проливы.

Первый вариант захвата Босфора был разработан в 1885 году. Вот что сообщает о нем и о последующих приготовлениях Сборник общества истории флота “Наваль” (вып 2):

“В первый рейс были назначены немобилизованные полевые войска Одесского военного округа: 13-я и 15-я пехотные дивизии, 4-я стрелковая

бригада, 11-й, 12-й и 13-й саперные батальоны, понтонный батальон, железнодорожный полк, 6 полевых батарей и две сотни донских казаков.

Отдельно должны быть доставлены тяжелые орудия “особого запаса” <...>

Второй рейс должен был состояться через две недели. Им перевозились мобилизованные части Одесского ВО: 14-я и 34-я пехотные дивизии, 14-я и 34-я артиллерийские бригады.

Специально для установки тяжелых орудий в проливах был организован так называемый “особый запас”. В его составе были тяжелые береговые орудия (штатные для береговых крепостей) и некоторое количество полевых орудий.

Так, в 1894 году только в Одессе и “особом запасе” состояло:

- 11-дюймовых (280-мм) береговых пушек	5
- 9-дюймовых (229-мм) береговых пушек	10
- 6-дюймовых (152-мм) пушек весом 190 пудов	7
- батарейных 107-мм пушек	20
- 9-дюймовых (229-мм) береговых мортир	36

Итого 78

Весной 1895 году общее количество орудий было доведено до 116-ти. 6 июля 1895 года в Петербурге было собрано Особое совещание в составе министров: военного, морского, иностранных дел, русского посла в Турции А.И.Нелидова, а также высших военных чинов. В постановлении совещания упомянуто о “полной военной готовности захвата Константинополя”. Далее сказано: “взяв Босфор, Россия выполнит одну из своих исторических задач, станет хозяином Балканского полуострова, будет держать под постоянным ударом Англию, и ей нечего будет бояться со стороны Черного моря. Затем все свои силы она сможет сосредоточить на западной границе и на Дальнем Востоке, чтобы утвердить свое господство на Тихом океане”.

5 декабря 1896 года на совещании министров под председательством Николая II было рассмотрено решение о высадке в Босфоре. В совещании принимал участие посол Нелидов, горячо отстаивавший план вторжения<...>

Командовать операцией назначили вице-адмирала Копытова. В операции должны были принимать участие эскадренные броненосцы “Синоп”, “Чесма”, “Екатерина II”, “Двенадцать Апостолов”, “Георгий Победоносец”, “Три святителя”; крейсер “Память Меркурия”; канонерская лодка “Терец”; минные заградители “Буг” и “Дунай”: минные крейсеры “Гридень” и “Казарский”, а также 10 миноносцев.

Командиром сводного десантного корпуса был назначен генерал-лейтенант фон Шток. Состав первого рейса был усилен по сравнению с планом 1895 года. В его составе теперь числилось 33750 человек с 64 полевыми и 48 тяжелыми орудиями (из “особого запаса”).<...>

Русское командование должно было в 72 часа после начала высадки укрепить вход в пролив со стороны Мраморного моря. На берегах пролива

устанавливались тяжелые орудия “особого запаса”, “Буг” и “Дунай”, поперек залива выставляли заграждение в три ряда мин (всего 825 штук).<...>

Десант имел хорошие шансы на успех. Захват Босфора практически был обеспечен.<...>

Адмирал Копытов и русское командование были настроены весьма решительно, и они немедленно подавили бы сопротивление турок, не считаясь с потерями своих войск.”

...Решение о вторжении было отменено в самый последний момент. Тем не менее продолжалась подготовка к высадке на Босфоре, не только военная, но и дипломатическая. В 1909 году Николай II заручился гарантиями доброжелательного нейтралитета одной из ведущих средиземноморских держав — Италии — в случае установления русского контроля над проливами.

В годы Великой войны 1914-17 годов одним из условий, выдвигавшихся Россией перед союзниками по Антанте, было присоединение к Империи Константинополя и Южной Фракии. 8 марта 1915 года посол Франции в Санкт-Петербурге М.Палеолог вручил министру иностранных дел России Сазонову меморандум с указанием на “доброжелательное отношение правительства республики в деле разрешения вопроса о Константинополе и проливах”.

В том же духе высказался король Георг V: “Я и мое правительство считаем, что обладание Константинополем и другими территориями, как это установлено в соглашении, заключенном нами с Россией и Францией, является одним из важнейших и постоянных условий мира, когда война будет доведена до победного конца”[1] .

Осуществиться этим планам было, однако, не суждено.

Коммунистический откат

После революции и гражданской войны Россия раскололась. На территории “последней из Великих Империй” установилась как бы Анти-Россия: безбожная, антинациональная и вероломная. Остатки прошлой, тоже небезупречной, но более искренней и честной России, лишенные родной почвы, медленно угасали на Западе.

Внешнеполитическая стратегия СССР базировалась отнюдь не на национальных интересах. В идеологических планах Маркса-Ленина для России места не оказалось. Это нашло выражение и в отношении к “византийскому вопросу”, В 20-30-х годах в советских изданиях появился ряд “разоблачительных” публикаций о “политике царизма на Балканах”. Вплоть до Второй мировой войны усилия Кремля были в значительной мере направлены на идеологическое и политическое подчинение т.н. колониального (“третьего”) мира борьбе с западным империализмом.

[1] Впоследствии Англия и Франция заняли прямо противоположную позицию и вынудили Грецию передать Турции Адрианополь и другие территории, освобожденные греческими войсками после Первой мировой войны.

В годы Великой Отечественной войны 1941-45 гг., балканский театр появился в советской геостратегии прежде всего в плоскости военнополитической. Разгром Красной Армией прогерманских режимов в Румынии, Болгарии и Венгрии, крах самого Третьего Рейха сделал закономерным возникновение в Восточной Европе и на Балканах сферы советского влияния н установление в ряде стран коммунистических и просоветских режимов.

Прочно удержаться в регионе Москва, однако, не смогла. Уже в конце 40-х годов из сферы прямого влияния СССР вышла Югославия, а позднее — н Албания. Греция стала членом НАТО.

Ситуация стала меняться с калейдоскопической быстротой после вступления горбачевской “перестройки” в завершающую стадию, и особенно после распада СССР в 1991 г, Во всех странах “народной демократии” произошла смена просоветских режимов на, в большей или меньшей степени, прозападные. Распад союзной Югославии и Чехословакии, появление на карте Европы новых государств (Македония, Словения, Хорватия и др.) существенно изменили ситуацию в этой части света.

Балканский узел

О состоянии и перспективах нашей страны говорят много и разное.

Пессимистический прогноз рассматривать не стоить. Даже при нынешнем режиме Россия занимает все более прочное положение в мире, постепенно реанимируя статус сверхдержавы. Варианты возможны в другой области — цивилизационной и культурологической. Говорить о них походя не стоит, и мы оставляем основательный разбор соответствующих проблем для других публикаций.

Рассмотрим современный узел проблем и интересов различных мировых сил в т.н. “балканском вопросе”.

США и их союзники недвусмысленно встали на путь поддержки интересов мусульманских стран. Именно благодаря их влиянию стало возможным само существование мусульманского государства в Боснии и Герцеговине. Не имея возможности контролировать Черноморские проливы непосредственно, американцы хотят делать это через союзника по НАТО — через Турцию. Турция и исламский мир, в свою очередь, пытаются взять исторический реванш за поражения от христианского мира, в т.ч. и от балканских славян. Для них ослабление Сербии н исламизация Боснии — еще один шаг вглубь Европы, а союз с США — прагматический альянс. Впрочем, вряд ли кто в мире считает сегодня США государством христианским и “белым”.

Для Германии развитие событий в регионе имеет значение с позиций восстановления среднеевропейской зоны своего влияния. Немцы охотно

поддержали отделение от Югославии Хорватии и Словении. Они будут искать влияния и в Турции, однако исламизация Балкан не в их интересах.

Россия

Развитие событий в пределах бывшего СССР показывает, что, избавившись (хотя и не полностью) от колоссального азиатского бремени, Россия будет сосредоточиваться на западном направлении. Постепенная реинтеграция восточно-славянского пространства приведет к естественному стремлению контролировать, в частности, Балканский регион. Цели русской политики могут быть кратко и ясно сформулированы:

1. Формирование на Балканах дружественного России союза государств с опорой на а) единство геополитических интересов, б) культурное и цивилизационное родство (православие, славянство).

2. Борьба с агрессивным исламским фундаментализмом и проникновением мусульманского мира на Европейский континент.

3. Обеспечение надежности и стабильности функционирования Черноморских проливов, имеющих для России большое экономическое (экспорт, верфи и проч.) и военнополитическое (выход в Средиземное море и к Суэцу) значение.

Достижение этих целей существенно повысит влияние России в мире. Этого не хочет сегодня ни одна из действующих в регионе внешних сил. Именно это заставляет консолидироваться т.н. “мировое сообщество” в вопросе об антисербских санкциях и покровительстве разбойным действиям боснийских мусульман. Только слабый отдает поле боя без борьбы. А формы борьбы совсем не изменились за тысячи лет истории человечества. Поэтому русских пытаются сегодня запугать “международной изоляцией” и исключением из “сообщества народов”. На Россию оказывают давление еще до того как она начала действовать, и это не удивительно. Наши недруги неплохо знают логику истории.

Сегодня мы лишь определяем направления и принципы реализации русских национально-государственных интересов. Одним из таких направлений станет, по-видимому, борьба за “византийское наследство” в его современном прочтении.

Цели и задачи нации неизменны до тех пор, пока жива нация.

Михаил Монаков

МОРСКАЯ СТРАТЕГИЯ ИМПЕРИИ

Стратегия в Мировом океане

Слову “стратегия” в русском языке не повезло. Обстоятельства общественного и государственного развития нашей страны в двадцатом столетии сложились так, что его употребление в сравнении с другими европейскими языками существенно ограничено.

Открыв словарь С.И.Ожегова, мы узнаем, что слово это означает науку (искусство) ведения войны или искусство руководства общественной (политической) борьбой (революционным движением).

Энциклопедические издания дают, как правило, дефиницию стратегии военной, имея в виду высшую область военного искусства, теорию и практику подготовки страны к войне, ведение боевых действий стратегического масштаба.

Большая Советская Энциклопедия уделила несколько строк стратегии классовой.

Таким образом, понятие **национальная стратегия**, так часто употребляемое западными политологами, в нынешнем научном мировоззрении, а следовательно, и в политическом обиходе как бы отсутствует.

Перевернув все справочники и словари советского периода, вы не найдете также упоминания о национальных интересах, поскольку иных интересов, кроме классовых, марксистская наука не признавала.

Практика, однако, убедительно свидетельствует о том, что национальные интересы, в реальной жизни имеют место. Очевидно также, что именно они, как наиболее значимые из множества интересов, существующих в обществе, определяют содержание и очередность задач национальной политики.

Уяснение последних логично ведет к выбору форм и способов действий, адекватных условиям, заданным объективной реальностью. Именно здесь начинается область **национальной стратегии**. В тех случаях, когда речь идет о морской державе, уместно говорить о ее стратегии в Мировом океане, как о неотъемлемой составной части стратегии национальной.

Монаков Михаил Сергеевич, капитан первого ранга, член военно-исторической группы Главного штаба ВМФ. Настоящая статья представляет собой переработанный и дополненный вариант доклада на 38-м международном конгрессе "Морская мощь и морская стратегия в XIX — XX вв.", сентябрь 1996 г., г. Баткюлунгсборн, Германия.

Последняя по определению имеет своей основной целью реализацию коренных интересов страны в земной гидросфере и охватывает либо все направления морской деятельности (экономическое, научное, военное, экологическое, культурное, гуманитарное и т.п.), либо на те из них, которые представляются нации жизненно важными.

В общем случае важнейшей задачей любой морской державы является обретение морской мощи соответствующей ее интересам в Мировом океане и наиболее эффективное применение последней в целях экономического, политического и социального развития.

Путь России к Мировому океану

Мировой океан стал полем взаимодействия и борьбы цивилизаций и государств с незапамятных времен.

Тем не менее, говорить о целенаправленной деятельности в морях и океанах будет справедливо не ранее начала эпохи великих географических открытий. Эпоху эту можно рассматривать также как глобальную экспансию еврохристианских цивилизаций.

Будучи политическим, культурным и военным центром одной из них, Россия была вовлечена в этот процесс почти одновременно с Западной Европой. Однако в нашей стране процесс протекал в специфической форме, обусловленной природно-климатическими условиями Северной и Северо-Восточной Евразии, ставшей главным объектом колонизации русской нации, рождавшейся вместе с великой Российской государственностью.

В связи с этим, в отличие от западных держав, устремившихся за моря и океаны, употребивших всю государственную волю и энергию первопроходцев на завоевание заморских территорий, Русское государство умножало свои владения на континенте, вовлекая в орбиту своего политического, экономического и культурного влияния земли с суровыми природными условиями, малопригодные для жизни и хозяйственной деятельности.

Второй особенностью колонизации по восточно-европейскому образцу было иное соотношение между государственным и частным интересом. В то время, когда европейские монархи поощряли предприимчивость своих подданных, усматривая собственную выгоду в росте облагаемых налогами доходов от торговой и промышленной деятельности, русское правительство стремилось превратить вольных конквистадоров в “государевых людей", устанавливало казенную монополию на торговлю наиболее ценными товарами из новоприобретенных земель, присваивая значительную часть прибыли от внутренней и внешней торговли.

Контроль со стороны государства не был слишком обременительным для пассионариев, покорявших Студеное море и зауральские дали. Удаляясь на многие сотни верст от Москвы, они обретали почти неограниченную свободу

для проявления собственной инициативы. Однако помощь оружием и боеприпасами или хотя бы символическим финансированием смелых предприятий за счет казны были совсем не лишними, поскольку суровы были края, в которых русские землепроходцы искали удачи. И редко кому удавалось по-настоящему разбогатеть, устремившись “встречь Солнцу, в страну Катай”.

Несмотря на многие объективные и субъективные препятствия, колонизация Северо-Восточной Азии шла уверенными темпами. Параллельно этому процессу шел процесс формирования единого внутреннего рынка, охватывающего огромную территорию стремительно растущего вширь Московского государства. Частная русская торговля неуклонно развивалась, и власти к середине XVI века уже вполне осознавали свою выгоду в ее дальнейшем росте. Несомненно стремясь ускорить этот процесс, а заодно — укрепить свое влияние в торгово-ремесленном сословии, правительство Ивана IV предоставило посадским людям ряд прав, ограждавших их от произвола крупных феодалов. В соответствии с Судебником 1550 г. горожане были возведены в особый “честный” чин.

Объективными историками ужа давно отмечено, что годы правления Ивана IV характерны не только жестокостями опричнины. В это время произошло несколько важнейших событий, означавших переход Русского государства от вынужденного изоляционизма к активной внешней политике, что имело безусловно положительное влияние на его развитие морских коммуникаций.

Присоединение Казанского и Астраханского ханств установило русский контроль над Волжским речным путем на всем его протяжении от истока до устья. Последнее сводило на нет посредническую роль Турции, бывшей до середины XVI века главным контрагентом русских земель в их сношениях со среднеазиатскими ханствами, закавказскими княжествами и Ширваном, создавало необходимые условия для ведения транзитной торговли, превращало Московское государство в главное связующее звено между Западной Европой и Центральной Азией.

Во-вторых, была подорвана многовековая монополия Ганзейского Союза на ведение торгового обмена между Западом и Востоком Европы, так как в 1550-х годах Русское государство впервые завязало непосредственные торговые отношения с Англией, Нидерландами и Испанией. Принципиальное значение имело то, что эта торговля велась морским путем, с 1563 г. через поморские села на Белом море, с 1557 г. — через балтийский порт Нарву (т.н. “Нарвское плавание"), а с 1565 г. — через русские поселения на Кольском полуострове: Печенгский монастырь и Копу.

В-третьих, сложилась структура и основные направления вывоза и ввоза. Предметы русского ремесла экспортировались на восток, а русское техническое сырье — на запад. С востока ввозились главным образом бумажные и шелковые ткани, с запада — сукна и металлические изделия. Ведя

транзитную торговлю, русские перепродавали немцам главным образом нефть, керосин и шелк.

Из этого видно, что первоначально в развитии внешней торговли были заинтересованы главным образом правительство и торгово-ремесленное население городов. Между тем, выход Русского государства на мировой рынок совпал по времени с началом буржуазной революции в Нидерландах, и заключительной фазе борьбы между Англией и Испанией и первенство на морях. Испанская монархия пыталась организовать экономическую блокаду Англии и мятежных Нидерландов, поскольку обе эти страны остро нуждались в привозном хлебе. Главным поставщиком хлеба на европейский рынок была Польша, а ее новый король Сигизмунд III слыл фанатичным католиком. Последнее обстоятельство позволяло испанцам надеяться на успех переговоров о прекращении экспорта польской пшеницы протестантским еретикам.

Параллельно переговоры на ту же тему велись с московским правительством, однако, здесь послы Карла V не нашли готовности следовать в фарватере испанской внешней политики. Наоборот, этот демарш подтолкнул Ивана IV к тому, чтобы разрешить вывоз русского зерна в “Брабанскую землю”. Естественно, это означало появление некоторого интереса к заморской торговле среди крупных землевладельцев, бывших экономическим и политическим ядром правящего класса и главным производителем товарного зерна.

Потребность в создании благоприятных условий для выхода на внешний рынок переместилась с периферии комплекса национальных интересов к их центру. Поэтому историческая пауза между завершением собирания земель Северо-Восточной Руси и началом нового этапа борьбы за обладание побережьем Балтики была недолгой. Покончив с Казанью и Астраханью, Москва втянулась в череду тяжелых и длительных войн за ликвидацию режима политической, экономической и культурной изоляции Русского государства.

Таким образом переход России к активной политике в примыкающих к ее территории морях, к формированию собственной стратегии в Мировом океане был обусловлен объективными предпосылками, лежавшими в основе ее политического, экономического и общественного развития.

В то же самое время определились основные виды морской деятельности, представлявшие наибольший интерес для Русского государства и его подданных:

- экономическая (морская торговля, морские промыслы, морские перевозки),
- научная {исследовательская),
- военная (силовое присутствие в районах жизненно важных с точки зрения национальных интересов, оборона территории страны с морских направлений).

Для уяснения содержания стратегии России а Мировом океане на протяжении последующих трех веков необходимо также учитывать мощное

влияние географического и климатического факторов, которое вполне проявилось уже с середины 1550-х гг., когда Московское Государство стало вести морскую торговлю с Западной Европой через Белое море и отдельные пункты на побережье Кольского полуострова. Несмотря на очевидные выгоды непосредственных торговых сношений с Московией, проделать долгий и опасный путь вокруг северной оконечности континента решались немногие западноевропейские купцы. Это было уделом отчаянных смельчаков. К тому же этот маршрут действовал лишь в течение короткого летнего времени. Доставка товаров из Центра к северным морским пристаням и во встречном направлении, к народам центральных русских провинций, была столь же трудным и ненадежным делом. Приходилось преодолевать сотни верст по таежному бездорожью. Поэтому, как и а глубокой древности, негоцианты предпочитали идти реками. В северном краю были они бесчисленны и многоводны, однако покрывались льдом на многие месяцы.

Балтийское побережье было гораздо ближе к торгово-ремесленным городам центра страны, и плавание по Балтике не было столь опасным как в бурных морях Ледовитого океана.

До 1617 г. под контролем Москвы находилась практически вся территория нынешней Ленинградской области, тем не менее, правительство Ивана Грозного и его ближайших преемников не считали это достаточным условием для развития собственной морской торговли. Во-первых, побережье Финского залива, включая дельту Невы, не имело мест удобных для устройства большого морского порта. Во-вторых, и это главное, Финский залив замерзает с конца ноября до конца марта. В-третьих, древний торговый путь (через Неву, Ладогу, Волхов и Мсту к Валдайскому водоразделу и далее по Тверце и Волге в Каспий) во второй половине XVI-го столетия уже не отвечал физическим объемам внешнего товарооборота. Поэтому русское правительство стремилось овладеть балтийским побережьем к Западу от устья реки Нарвы, климатические и географические условия которого в большей степени отвечали потребностям торгового мореплавания, а по Западной Двине имели более удобное сообщение с Центром Восточно-европейской равнины нежели пристани в устье Невы или в Новгороде.

В связи с этим главной политической целью войн, которые велись Иваном Грозным, Алексеем Михайловичем и Петром Первым была аннексия территорий современных Эстонии и Латвии, и надо признать, что в тех конкретно-исторических условиях иного способа реализации коренных национальных интересов для России практически не существовало.

Решение этой исторической задачи заняло в общей сложности 163 года, вместивших семь царствований.

Сколь много значила для юной русской нации победа в Северной войне 1700-1721 гг. свидетельствуют следующие исторические факты.

За годы войны в России возникла крупная промышленность, ориентированная на вывоз продукции за рубеж. 11 казенных и более 20

частных металлургических заводов, произвели 1725 году около 700000 пудов железа. Из страны-импортера черных и цветных металлов Россия превратилась в одного из крупнейших экспортеров металлургической продукции, выйдя к середине XVIII века на первое место в мире по производству железа. Около 50% (а в отдельные годы — до 75-80%) производимого в стране железа вывозилось за рубеж, преимущественно через Санкт-Петербург и Ригу. Россия стала главным поставщиком железа в Англию, Францию, Голландию и другие страны Западной Европы. До 1780-х гг. Англия получала из России до 50'% необходимого ее промышленности железа.'

В стране заново была создана судостроительная промышленность — 7 крупных казенных верфей, десятки оружейных заводов и арсеналов, свыше 100 суконных, полотняно-парусных, писчебумажных, кожевенных, стекольных, пороховых, лесопильных и других мануфактур.

Непосредственный выход России на мировые торговые пути обусловил углубление специализации в сельскохозяйственном производстве, усиление его товарного характера. Выделились районы, в которых возделывались преимущественно технические культуры: лен и конопля. В 1717-1720 гг. через Архангельский и Санкт-Петербургский порты было вывезено 238.780 пудов льна и 1.549.120 пудов пеньки.

Благотворное влияние морская торговля оказала и на развитие животноводства. Из Петербурга и Архангельска и период с 1717 по 1719 г. за границу было отправлено юфти и кож — 403.218 пудов, сала говяжьего — 338.985 пудов, мяса

говяжьего — 165.79 пудов, щетины — 122.62 пуда. Предметом вывоза становится коровье масло и даже хлеб (по особому разрешению). В 1726 году Петербург вышел на первое место по обороту внешней торговли, оставив позади Архангельск. В 1726 году через этот порт было вывезено товаров на 2.403 тыс. руб., а ввезено на 1.560 тыс. руб. В том же году экспорт только по трем портам — Петербургу, Риге и Архангельску — составил 4.238 тыс.руб., а импорт — 2125 тыс. руб. вывоз таким образом примерно в два раза превысил ввоз, что имело самые благоприятные последствия для роста национальной экономики.

Период с 1726 по 1768 г. был, в основном, временем адаптации России к новой геополитической роли, включения национальной экономики в мировой торговый обмен и международное разделение труда.

К началу 1760-х г. в жизни страны накопились количественные и качественные изменения, обусловившие смещение в фокус национальных интересов Черноморской проблемы.

19 февраля 1762 года правительством Петра III был издан манифест "О даровании вольности и свободы всему российскому дворянству. Вслед за этим последовал указ от 28 марта, в соответствии с которым разрешался вывоз хлеба за границу. Стимулируя расширение посевов и экспорт пшеницы, Екатерина II издала указ на шесть лет освободивший вывоз пшеницы и пшеничной муки из

всех портов империи, за исключением портов Лифляндии, Эстляндии и Финляндии.

Между тем, рост русского экспорта сдерживал во многом сезонный характер торгового судоходства на Балтике, на долю которого приходилось около 80% морской торговли страны.

Южное направление имело и еще одно мощное преимущество, — крупнейшие реки Восточно-европейской равнины брали начало на водоразделе в самом центре страны и в большинстве принадлежали к бассейну Черного моря, а Волга, образующая с притоками разветвленную систему внутренних водных путей, охватывающих большую часть российской территории к Западу от Урала, в районе Царицина почти вплотную приближалась к большой излучине Дона. Последнее обстоятельство учитывалось Петром I, который сразу же после взятия Азова приказал начать работы на трассе будущего Волго-Донского канала.

Войны за Северное Причерноморье и Крым заняли в общей сложности около 20 лет. Их результатом стали присоединение к России огромной территории между устьями Дона и Днестра, Крымского полуострова, восточного Приазовья и Кубани.

Россия получила столь желанный выход к теплому незамерзающему морю, однако надежды на бурное развитие черноморской торговли не оправдались. Черноморская проливная зона осталась под контролем Османской империи.

Попытки решить эту проблему силой натолкнулись на мощное сопротивление Англии, Франции и Австрии, увидевших в усилении Российского государства угрозу своим интересам на Балканах и в Средиземноморье.

Великая Французская революция 1769-1793 гг., наполеоновские войны, обрушившие прежнюю систему международных отношений, внутренний кризис, вызванный исчерпанностью потенциала развития в рамках прежней социально-экономической и политической системы, вынудили русских подчинить внутреннюю и внешнюю политику интересам консервации режима в сложившихся к началу XIX в. отношений внутри российского общества. Это повлекло замедление темпов экономического роста (а впоследствии — длительную экономическую стагнацию), смену приоритетов, ослабление внимания к проблеме морской торговли.

Попытки мирным путем договориться с Турцией, наладить с ней дружественные и даже союзнические отношения к успеху не привели. Слишком остры были противоречия, слишком велико было нежелание других великих держав видеть русский флаг за пределами прибрежных морей.

Все это привело к Восточной (или Крымской) войне 1853-1856 гг. между англо-франко-турецко-сардинской коалицией и Россией. Империя потерпела первое чувствительное поражение.

Правительство под давлением этого факта пошло на коренные социально-экономические и политические преобразования, открывшие стране путь в индустриальное будущее.

Однако “черноморскую проблему” пришлось решать вновь и практически с исходных позиций, с борьбы за восстановление статуса полноправной черноморской державы. Задача эта была решена и ходе русско-турецкой войны 1877-1878 гг.

Проблема черноморских проливов, как и прежде осталась нерешенной, хотя к ее решению Россия приблизилась вплотную. Между тем, нужда в благоприятном их режиме к этому времени стала как никогда острой. К этому Россию вела логика бурного пореформенного развития ее экономики, быстрое превращение страны в современное общество, имеющее интересы в мировом океане.

Морская стратегия Империи

К последнему десятилетию XIX в. высшее военно-политическое руководство России выработало в целом вполне устойчивые взгляды на общие стратегические задачи флота. На севере и востоке наши морские силы выступали гарантом стабильности, на Балтике мы стремились сохранить свое господство, на юге с помощью мощного флота — изменить в свою пользу режим черноморских проливов. Однако предшествовавший этому переход к паровым и броненосным судам потребовал создания по сути совершенно нового флота, в то время как финансовые ресурсы были весьма ограничены, к тому же отсутствовали соответствующие требованиям времени мощности в отечественной промышленности.

Пониманию значения военно-морских сил способствовало и то, что, несмотря на очевидные боевые успехи, победа России в войне с Турцией 1877 — 1878 гг. так и не стала полной. Отсутствие мощного флота на Черном море наиболее остро сказалось в ходе мирных переговоров. Уступив давлению великих держав, угрожавших в случае захвата Константинополя ввести свои броненосцы в Черное море, Россия была вынуждена довольствоваться признанием независимости Болгарии и Румынии, а также незначительными территориальными приобретениями в Закавказье и Бессарабии. Ключи от Босфора и Дарданелл, столь много значивших для русской промышленности и торговли, остались всецело в руках Турции.

Все это побудило правительство еще в 1881 г. образовать так называемое Особое Совещание для разработки стратегических задач и государственных программ строительства флота. Совещание возглавил великий князь Алексей Александрович. В него вошли военный министр, министр иностранных дел и управляющий Морским министерством. Позже к этой работе привлекли и

министра финансов. Совещание определило основные задачи для флотов Черного и Балтийского морей, а также для флота Тихого океана.

Черноморский флот должен был с началом боевых действий на театре овладеть устьем Босфора. Кроме того, флоту и Одесскому военному округу еще в мирное время надлежало подготовиться к высадке там стратегического десанта численностью свыше 30 тыс. человек. Балтийский флот должен был исключить угрозу с морского направления русским владениям в Прибалтике и столичному району.

На Тихом океане было решено ограничиться обороной отдельных пунктов побережья, главным образом инженерно-артиллерийскими средствами и минными заграждениями. Для защиты национальных интересов на Дальнем Востоке в дополнение к кораблям немногочисленной Сибирской флотилии на театре предполагалось развернуть оперативные соединения крейсеров Балтийского флота. Правда, последнее признавалось возможным лишь при благоприятной для России обстановке на Европейском ТВД. Исходя из этих задач, Совещание определило контуры первой военно-морской программы России. Боевым ядром российского военного флота должны были стать броненосцы, способные действовать как в прибрежных морях, так и в открытом океане. По завершении 20-летней программы их число предполагалось довести до 26 ед. (18 на Балтике и 8 на Черном море).

Для борьбы на коммуникациях считалось необходимым иметь в строю не менее 33 крейсеров 1 и 2 ранга, а для обороны побережья — 20 канонерских лодок и 120 миноносцев. Однако изменения в международной обстановке и явное завышение возможностей государства повлекли в дальнейшем пересмотр как задач флотов, так и планов их развития. Сначала это было вызвано быстрым усилением германского флота, а затем проблемами защиты национальных интересов на Дальнем Востоке (1).

В результате в 1888 г. Балтийскому флоту впервые в качестве основной была поставлена задача содействия армии при обороне побережья в районе Либавы и Риги, что на протяжении трех последующих десятилетий неизменно требовалось от сильнейшей военно-морской группировки нашего государства. Основная же задача Черноморского флота, вытекавшая из плана десантной экспедиции на Босфор, сохранялась в качестве таковой до последних дней династии Романовых. Иная формулировка задач и соответствующее им строительство флота были присущи для Тихого океана. В 1898 г. принимается специальная "Программа для нужд Дальнего Востока". И хотя она имела чрезвычайный характер, вызванный быстрым усилением японского флота, однако в ней для эскадры Тихого океана не поставлено задач, сравнимых по четкости формулировок с задачами для БФ и ЧФ. В ней содержались лишь самые общие пожелания о сохранении благоприятного соотношения сил в этом ключевом для России регионе. Так отсутствие ясных политических и военных задач нашей страны на Востоке закладывало основу грядущей там военно-политической катастрофы (2).

Надо отдать должное правительству Николая II, сумевшему извлечь чисто военные уроки из проигранной войны. Так, после Цусимы была произведена реорганизация органов стратегического управления флотом. В число реорганизационных мероприятий вошло и создание Морского генерального штаба (МГШ) на базе стратегической части Главного морского штаба, основной задачей которого стало "составление плана войны на море и мероприятий по организации боевой готовности морских вооруженных сил империи".

Уже 2 октября 1906 г. начальник МГШ капитан 1 ранга Брусилов представил Николаю II доклад о программе развития и реформ морских вооруженных сил России. Документ примечателен тем, что в нем содержится попытка определить "вечные" интересы страны в Мировом океане. В нем, в частности, утверждалось, что исторические цели России на Ближнем и Дальнем Востоке могут быть реализованы "только при развитии морского могущества и при помощи сильно боевого флота на Черном море и на Тихом океане", где "...главным противником ... на протяжении двух столетий являлась Англия". Однако к решению этих задач, по мнению начальника МГШ, можно приступить не ранее, чем обезопасить себя на Западе "созданием флота на Балтийском море". Предлагался и новый концептуальный подход к формированию кораблестроительных программ — "строить важно не отдельными кораблями, но сразу целый тактический организм — эскадру" (4 броненосца, 2 бронированных крейсера, 6 легких крейсеров, 20 эскадренных миноносцев).

Доклад Брусилова получил положительную оценку монарха, а его основные принципы легли в основу программ развития российского флота. Подготовленный несколько позже проект закона "О Российском императорском флоте" предусматривал создание на Балтике к 1930 г. огромных морских сил, состоящих из 28 линейных кораблей, 12 броненосных крейсеров, 32 крейсеров, 126 эскадренных миноносцев и 42 подводных лодок. Группировка сил Черноморского флота к 1919 г., по планам Морского ведомства, должна была состоять из 8 линейных кораблей, 4 броненосных крейсеров, 9 легких крейсеров, 36 эсминцев и 26 подводных лодок.

Основными стратегическими задачами этих сил, по мнению руководства Морского ведомства, должна была стать оборона морских путей, а именно из Атлантического океана в Балтийское море, из Японского моря в Тихий океан и из Черного моря в Средиземное. Срок готовности к решению этих задач определялся 1918 г., причем на первом этапе реальным признавалось только "обеспечение свободы морского пути из Черного моря в Средиземное". Однако война разразилась, или, как считают некоторые историки, Россию в нее втянули в 1914 г.(3).

Стратегическое применение сил нашего флота в ходе первой мировой войны осуществлялось в соответствии с оперативными планами 1907 — 1914 гг., разработанными применительно к реальному соотношению сил на Балтике

и в Черном море. В основе замысла применения сил БФ лежала идея боя на Центральной минно-артиллерийской позиции, в районе между Ревелем и Гельсингфорсом (Нарген-Порк-кала-Удц) в случае попытки прорыва в Финский залив превосходящих сил германского флота. А в районе Моонзундского архипелага была оборудована Передовая минно-артиллерийская позиция, где, кстати, и развернулись решающие морские бои кампаний 1915 — 1917 гг.

Однако наиболее эффективными оказались в юго-западной и центральной части Балтики активные минно-заградительные действия русских сил, которые велись в рамках борьбы на коммуникациях в ходе кампаний 1914 — 1915 гг. Причем к борьбе против германского судоходства на Балтике привлекались все рода сил, хотя следует признать, что не все они действовали достаточно успешно. Особенно скромно выглядели достижения балтийских подводников (4).

В ходе той войны сложились и новые формы боевых действий на море. Морские бои, атаки и огневые удары стали частью многообразных по содержанию, продолжительных по времени и широких по пространственному размаху действий оперативного масштаба. Так, основным содержанием оборонительных сражений у Моонзунда стали действия разнородных сил флота, в которых тактические группы и временные (оперативные) соединения смешанного состава доказали свою высокую эффективность. Опыт борьбы за Моонзунд оказал большое влияние на последующую разработку теории и практики применения сил РККА.

Иначе складывалась обстановка на Черноморском ТВД. Неопределенность в верхах российского военнополитического руководства в отношении прогноза развития обстановки на юге страны привела к тому, что Черноморский флот вступил в войну, не имея четкого оперативного плана. Прорыв в Черное море германского линейного крейсера "Гебен" привел русское морское командование на театре в замешательство, хотя подобное развитие событий прогнозировалось в МГШ еще в 1907 г. Внезапное нападение германо-турецких сил на русские приморские города и военно-морские базы окончательно дискредитировало сырой проект оперативного плана флота и выдвинуло на первое место задачу борьбы с военно-морскими силами противника на театре. Лишь после того как она в основном была решена, а именно к началу кампании 1916 г., главными стали задачи содействия армии в наступательных операциях на приморском направлении и борьба на коммуникациях (5).

Одной из примечательных страниц первой мировой войны стали совместные действия союзных флотов по обороне Арктической океанско-морской коммуникации. Ведение Антантой войны на двух фронтах вывело эту коммуникацию на одно из центральных мест в коалиционной стратегии и привело русское правительство к коренному пересмотру своих взглядов на значение Северного морского театра. Была завершена прокладка

железнодорожного пути к незамерзающему Кольскому заливу и развернута флотилия Северного Ледовитого океана. Опыт таких действий союзные флоты в полной мере использовали в 1941 — 1945 гг.

Россия в Мировом океане: XX век

Двадцатое столетие выглядит едва ли не самым бурным и трагичным в истории российской государственности, и на этом историческом фоне судьба нашего ВМФ представляется особо драматичной. Наиболее тяжелой для русских моряков стала середина первого десятилетия века. Российский флот проиграл решающие. сражения русско-японской войны 1904 — 1905 гг., потеряв почти весь корабельный состав трех тихоокеанских эскадр. В результате, войдя в текущий век третьим по силе флотом мира, в 1906 г. он стал седьмым.

Возрожденный к началу первой мировой войны, российский флот борьбу на море вел в основном успешно, однако крушение империи в 1917 г. погребло под своими развалинами морскую мощь государства, а в последующие три года гражданской войны боевой состав Черноморского флота, Северной и Сибирской флотилий был утрачен почти полностью. Остатки же Балтийского флота оказались стесненными в восточной части Финского залива.

Если говорить о гражданской войне, то нашему флоту она дала, главным образом, специфический опыт борьбы на реках и озерах, когда группировки сил создавались в условиях дефицита времени, боевых кораблей специальной постройки, материальных средств и подготовленных кадров. Здесь советское командование проявило незаурядную гибкость и способность к тому, что в некоторых западных источниках именуется импровизациями. Как известно, в результате этой войны и иностранной интервенции Россия практически полностью лишилась своих морских сил. Но одним из самых тяжелых ее последствий, пожалуй, стала утрата советским руководством реальных представлений о задачах флота в новых послевоенных условиях, когда бывшие союзники — Англия и Франция — стали противниками, а бывшие враги — Германия и Турция — потенциальными союзниками.

В 20-х гг. народный комиссар СССР по военным и морским делам М.В.Фрунзе имел все основания подвести горький итог: "Флота у нас нет..."

Дискуссии о задачах и путях развития советского флота в 20-х гг. несомненно стимулировали развитие отечественной военно-морской мысли, способствовали творческому становлению целого ряда выдающихся теоретиков, таких как Б.Жерве, М.Петров, И.Исаков, В.Белли. Однако в то время в высшем военнополитическом руководстве страны отсутствовал

интерес к стратегическому применению сил флота, а потому в дискуссию по его общим стратегическим задачам оно на том этапе не вмешивалось. Морские же теоретики, не имея четких представлений о приоритетах внешней политики и сущности национальных интересов на новом этапе исторического развития государства, обосновывали цели борьбы на море соотношением сил на морских театрах, текущим состоянием и долгосрочным прогнозом развития морских вооружений. Эта методология, естественно, не могла привести к успеху ни теоретиков флота, ни их армейских оппонентов. В результате они втянулись в многолетний спор, в котором решающую роль играли не столько теоретические, сколько межведомственные противоречия. В конце концов ситуация осложнилась настолько, что для разрешения научных разногласий пришлось прибегнуть к методам административного характера (6).

8 мая 1928 г. РВС СССР после продолжительной дискуссии между представителями командования армии и флота принял постановление, определившее основные стратегические задачи ВМС РККА:

- содействие операциям сухопутной армии в прибрежных районах;
- оборона берегов в условиях совместного решения этой задачи средствами морских сил и сухопутной армии;
- действия на морских коммуникациях противника;
- выполнение особых морских операций (7).

Последняя из задач, сформулированная туманно, предполагала ведение активной обороны на море путем операций малой войны.

Упоминаемый документ представляет собой образец советской военной мысли тех лет, занятой поисками "асимметричного ответа" на подавляющее превосходство на море коалиции вероятных противников. И хотя нельзя сказать, что эти поиски были совершенно бесплодными, но альтернативы сбалансированному флоту найти так и не удалось, а увлечение "москитными силами" и подводными лодками в конечном счете привело к другой крайности — возрождению впоследствии культа тяжелых артиллерийских кораблей. Так представления о боевых действиях в ближней морской зоне с применением легких надводных сил, подводных лодок, базовой авиации и береговой артиллерии в 30-х гг. оформились в качестве официальных взглядов и нашли закрепление в боевых руководящих документах в виде теории "комбинированного (сосредоточенного) удара (боя)”.

Вместе с тем задачи флота даже в те годы понимались значительно шире, о чем свидетельствует, в частности, пояснительная записка, составленная в УВМС РККА к проекту пятилетнего плана развития Военно-Морских Сил, — "Основные соображения по развитию Военно-Морских Сил РККА на вторую пятилетку": "...В основу плана развития Военно-Морских Сил РККА должны быть положены следующие задачи:

А. На Дальнем Востоке.

Прочная защита Владивостока с моря и недопущение высадки десанта противника (Япония) на побережье Советского Союза в Японском море и Татарском проливе.

Действия на важнейших морских коммуникациях Японии...

Нанесение ударов по базам японского флота и военной промышленности на Японских островах.

Содействие сухопутным войскам РККА на реках Амур и Сунгари.

Б. На Черном море.

Недопущение прохода флота противника (Англия, Франция) в Черное море. В случае прохода — уничтожение соединенного флота противника и безусловное недопущение высадки его десанта на нашем побережье.

Защита крупных промышленных и политических пунктов на побережье Черного моря...

Нанесение ударов по базам флота противника и действия на его коммуникациях.

В. На Балтийском море.

Оборона Ленинграда на морском направлении, недопущение высадки десанта противника на территорию Советского Союза.

Обеспечение высадки нашего десанта на побережье Финляндии и Эстонии и острова Финского залива.

Содействие операциям сухопутных войск РККА в прибрежной полосе.

Действия в Балтийском море против флота и на коммуникациях противника. Противодействие проходу (флота) противника в Финский залив.

Г. На Севере (Кольский залив, Баренцево и Белое моря).

Оборона Мурманска и Архангельска...

Противодействие проходу противника через горло Белого моря. Действия на основных и важнейших морских коммуникациях противника (Англия)...*'

На второстепенных театрах (Каспий, р. Днепр) ставились задачи сохранения (завоевания) господства и содействие операциям армии (8).

Как видим, даже простой перечень этих задач приводит к выводу, что СССР нуждался в сильном сбалансированном флоте. Однако сами разработчики программы, следуя официальной концепции, полагали, что стратегические цели вооруженной борьбы на море могут быть достигнуты массовым применением подводных лодок среднего и малого тоннажа, тяжелой авиации и средств береговой обороны. В связи с этим к 1937 г. предлагалось иметь в строю 299 подводных лодок, 327 торпедных катеров, а в составе ВВС РККА — более 1000 боевых самолетов, предназначенных для действий против

морского противника. Правда, предполагалось также сохранить в составе флота три модернизированных линкора типа "Марат", число крейсеров довести до 11 ед., а эсминцев — до 62.

Вместе с тем, планируя вести боевые действия главным образом в прибрежных районах, советское военно-морское руководство рассчитывало обойтись всего 37 тральщиками специальной постройки, 12 сторожевыми кораблями и 30 противолодочными катерами. Десантные же корабли специальной постройки в проект программы вообще внесены не были (9).

Известно, что восстановление морской мощи требует огромных ресурсов, которыми наше государство тогда не располагало. Поэтому до середины 30-х гг. Советский Союз вынужден был ограничить возможность защиты своих интересов на море в рамках поддержания Военно-Морских Сил РККА на уровне требований так называемой малой войны, планируя применение сил флота в ближней морской зоне. И лишь во второй половине третьего десятилетия, когда промышленность страны превзошла уровень, достигнутый ею к началу первой мировой войны, а также в связи с новым витком гонки военно-морских вооружений в мире, мы приступили к строительству океанского флота. Руководство СССР рассчитывало к середине 40-х гг. создать современный ВМФ, способный, как минимум, вести боевые действия против флотов нацистской Германии, Японии и Италии одновременно, а по суммарному водоизмещению и боевому потенциалу сопоставимый с ВМС таких стран, как Великобритания или США.

Однако неготовность советской промышленности к реализации столь крупной программы и начало новой мировой войны заставили временно отказаться от этого плана. Но уже в 1946 г., по настоянию И.В.Сталина, крупнейшим морским державам вновь был брошен вызов. Правда, и эту программу постигла печальная участь, и после смерти Сталина она подверглась коренному пересмотру. Возобладавшая в руководстве государства ориентация на новейшие достижения науки и техники сформировала мнение, что в атомную эпоху СССР должен войти с качественно иным ВМФ, состоящим из небольших надводных кораблей, мощных подводных сил и морской авиации, вооруженных ракетами. В результате программа развития флота была сокращена наполовину. При этом из боевого состава ВМФ не только вывели десятки устаревших кораблей, но отправили на слом девять находившихся в постройке крейсеров, а также крейсер "Адмирал Нахимов", вступивший в строй в 1953 г. Однако надо заметить, что следом было развернуто строительство атомных подводных лодок и началось создание системы морских стратегических ядерных сил и современных противолодочных комплексов.

К середине 30-х гг., вернувшись в русло "нормальной великодержавной внешней политики", Сталин остро ощутил необходимость поддержки ее не только современной армией, но и флотом, по своим основным параметрам отвечающим претензиям СССР на участие в мировых делах. Это ощущение

появилось у него даже раньше, чем разразилась война в Испании — первый конфликт, в котором цели Советского Союза не были достигнуты из-за отсутствия флота, способного к длительным действиям за пределами ближней морской зоны, и в начале 1936 г. военные впервые получили от Сталина задание разработать программу строительства "большого флота". Однако при этом он не счел необходимым хотя бы в общих чертах разъяснить существо новой морской политики Советского Союза. Его флагманы вынуждены были исходить из того, что любая из великих морских держав должна рассматриваться как потенциальный противник, хотя в первую очередь флот должен был готовиться к войне против Японии, Германии и Италии.

По этой программе в течение 10 лет предполагалось увеличить суммарное водоизмещение ВМС РККА более чем в 10 раз, обойдя ВМС таких стран, как Япония, Франция, Италия и Германия, и заняв третье место в рейтинге крупнейших флотов мира. При этом суммарное водоизмещение советского ВМФ к 1945 г. должно было составить 2269 тыс. т, число надводных кораблей дальней морской зоны — 225 (23 линкора, 2 авианосца, 11 тяжелых и 25 — легких крейсеров, 164 лидера и эсминца), число подводных лодок — 355 (10).

Пока имеются лишь косвенные свидетельства того, для каких целей советский лидер предназначал эту мощь, поскольку режим Черноморских проливов, Курильские острова и возвращение СССР прав на аренду Порт-Артура неизменно фигурировали в переговорах и во время визита В.Молотова в Берлин осенью 1940 г., и в Ялте в 1945 г. (11).

Советское же военно-морское командование, приступив к реализации плана -развертывания большого флота, начало спешно разрабатывать целостную теорию оперативного применения сил ВМФ, вопросы повышения их боеготовности, а также интенсификации оперативной и боевой подготовки. В определенной мере ему удалось за отпущенный короткий срок решить основные теоретические проблемы и принять эффективные меры на случай внезапного нападения. Однако серьезное ослабление кадрового состава флота в результате многочисленных репрессий не позволило к началу войны добиться существенного прогресса в практическом освоении эффективных форм и способов боевых действий на море. И все же, как представляется, тяжелые потери, понесенные флотом в первые месяцы войны, и многие неудачные решения его командования в значительной степени были обусловленные верно поставленными задачами и неправильными прогнозами относительно образа действий вероятных противников.

К тому же, когда иллюзии в отношении Германии были окончательно развеяны иона стала считаться первым и опаснейшим из всех потенциальных противников Советского Союза, оперативные планы флотов строились на предположении, что немцы станут действовать в духе советских взглядов на морскую войну. Ожидалось, например, что на Балтике они будут высаживать десанты на советское побережье и оказывать огневую поддержку своим

сухопутным войскам, действующим на приморском направлении. На Черном море сильно преувеличивалась вероятность прорыва сил итальянского флота, а угроза Крыму со стороны суши всерьез не рассматривалась. Правильно была спрогнозирована лишь главная задача Северного флота — нарушение коммуникаций, по которым будут осуществляться перевозки в интересах группировки немецких войск в Заполярье.

В результате этих просчетов предпринятые командованием ВМФ СССР действия в первые дни войны нисколько не помешали немецкому наступлению и даже затруднили организацию боевой деятельности своих сил, приведя к чувствительным и, главное, неоправданным потерям в крупных надводных кораблях. К тому же, как было подчеркнуто в Информационном бюллетене, изданном в 1967 г. Главным штабом ВМФ, существовавший к началу Великой Отечественной войны боевой состав ВМФ даже с учетом перспектив его развития не отвечал реальной обстановке и задачам, которые пришлось решать Военно-Морскому флоту в 1941 — 1945 гг. (12).

А без учета этих обстоятельств невозможно дать объективную оценку результатам оперативно-стратегического применения Советского ВМФ в годы войны.

Переход ВМФ к послевоенному строительству совпал с началом ракетно-ядерной эпохи, периодом адаптации держав-победительниц и всего международного сообщества к новой расстановке мировых сил. В связи с этим при разработке наших первых послевоенных программ вновь обострилась проблема формулировки общих стратегических задач ВМФ, а также задач и состава сил его группировок на отдельных морских театрах. Тем не менее анализ показывает, что и в первое послевоенное десятилетие устойчивых взглядов относительно их содержания в Советском Союзе не сложилось. Возникло даже слабое подобие дискуссий 20-х гг., которые, однако, не оставили глубокого следа в истории советской военно-морской мысли.

Более того, разногласия относительно содержания стратегических задач и состава ВМФ вылились в конфликт по поводу включения в программу тяжелых крейсеров и авианосцев, а также в спор между Сталиным и Кузнецовым относительно расчленения двух флотов — Балтийского и Тихоокеанского — на четыре самостоятельных оперативно-стратегических объединения. Последнее, несомненно, стало причиной недовольства Сталина Главнокомандующим ВМФ и первого отстранения адмирала от должности, а чуть позже — мотивом для репрессий против ряда лиц из числа высшего руководящего состава ВМФ.

Неустойчивость взглядов на роль флота в будущей войне продолжала напоминать о себе и в первые годы после смерти Сталина. При этом советские руководители были последовательны лишь в том, что ВМФ СССР не должен пытаться оспаривать господство США и Великобритании в Атлантике и Тихом океане, а потому замысел применения группировок сил флота предполагал в первую очередь ведение боевых действий в интересах сухопутных войск и

лишь во вторую -самостоятельные действия в пределах своих операционных зон, т. е. в границах прибрежных морей.

Несомненно, что многочисленным подводным силам, пережившим в 1946- 1957 гг. очередной период бурного развития, во внутренних морях с их ограниченной оперативной емкостью делать было нечего, да и задача борьбы на океанско-морских коммуникациях в Атлантике органично вытекала из самого факта географического расположения лидера государств западного блока по ту сторону океана, хотя новой "битвы за Атлантику" СССР не планировал. К тому же послевоенные наметки стратегических задач ВМФ к середине 50-х гг. все больше входили в противоречие с новыми условиями, требовавшими ведения глобального противоборства периода "холодной войны", равно как и с возможностями быстро развивавшихся средств вооруженной борьбы на море.

Строительства океанского ракетно-ядерного Военно-Морского Флота завершилось к середине 70-х гг. Был достигнут многократный рост как разнородных сил ВМФ, так и других компонентов морской мощи государства, резко возросла активность Советского Союза в изучении Мирового океана, его биологических и минеральных ресурсов. Но последовавшее в начале 90-х гг. крушение восточной сверхдержавы обратило этот процесс вспять. Морская мощь страны резко сократилась, хотя Россия пока еще остается второй среди морских держав мира, и сегодня передней стоит сложная задача — найти адекватный ответ на реальные угрозы коренным национальным интересам в Мировом океане с учетом политических, финансовых и иных ограничений, обусловленных нынешним кризисом. И хотя некоторые позитивные процессы, происходящие в нашем обществе, сняли для военных историков прежние проблемы при поиске и обсуждении материалов о составе и задачах ВМФ, практика использования российского и советского флота в период 1890 — 1990 гг. до сих пор остается за рамками фундаментальных исследований. А ведь именно она решающим образом влияла на содержание военно-морских программ и боевое применение сил флота.

Формулировка новых стратегических задач группировок сил ВМФ и обоснование состава ракетно-ядерного океанского флота СССР — важнейший итог научно-теоретической и практической деятельности школы Адмирала Флота Советского Союза С.Горшкова. Наиболее весомым вкладом этой школы в развитие отечественной политической и военной мысли стало то, что впервые за три века страна получила целостную теорию морской мощи государства, в которой военному флоту отводилось первое место для своевременных и адекватных ответов на вызовы. Однако наличие такого флота, каким бы мощным он не был, признавалось совершенно недостаточным для нормального экономического и социального развития государства. По представлениям "школы Горшкова", стране надлежало иметь единую государственную программу реализации национальных интересов в Мировом океане и наряду с военным флотом качественно развивать транспортный, промысловый и

научно-исследовательский флоты, распространяя их деятельность на всю гидросферу.

Наиболее существенным вкладом теоретиков этой школы в развитие военно-морского искусства стала разработка на рубеже 60-х гг. основ теории применения ВМФ в стратегических операциях глобальной ракетно-ядерной войны, а также его участия в мероприятиях Вооруженных Сил по обеспечению стратегического ядерного сдерживания. Задача МСЯС понималась ими как участие совместно с другими видами ВС СССР в стратегических операциях по поражению объектов, составлявших основу военного и экономического потенциала противника, уничтожению его средств ядерного нападения и нанесению поражения группировкам его сил, а также нарушению государственного и военного управления, дезорганизации вражеского тыла. Второй стратегической задачей ВМФ предполагался срыв или максимальное ослабление ракетно-ядерных ударов по территории СССР с морского направления путем уничтожения морских носителей ядерного оружия. При этом среди задач ВМФ оставались и традиционные: содействие сухопутным войскам, включая высадку десантов различного масштаба, а также борьба против военно-морских сил противника и действия на океанско-морских коммуникациях.

Основным родом сил, способным решать главные стратегические задачи ВМФ, признавались подводные лодки. Их развертывание и боевую устойчивость должны были обеспечить силы общего назначения, способные завоевать господство в некоторых ограниченных районах Мирового океана и закрытых морях. Завоевание господства на закрытых морских театрах путем уничтожения военно-морских сил противостоящих коалиций предполагалось и в интересах ведения совместных операций с другими видами Вооруженных Сил на приморских направлениях континентальных ТВД. В соответствии с этими взглядами получила дальнейшее развитие теория морских операций. К концу 80-х гг. были разработаны и проверены в ходе учений следующие виды операций: операция флота, операция флотилии (самостоятельная или как часть операции флота), операция эскадры (самостоятельная или как часть операции флотилии). При этом содержание морских операций вытекало из основных стратегических задач флотов. Получила дальнейшее развитие теория боевой готовности, высшей формой поддержания которой стала боевая служба.

Боевой состав ВМФ к середине 80-х гг. насчитывал 192 атомные подводные лодки (в том числе 60 РПК СН), 183 дизельные подводные лодки, 5 авианесущих крейсеров (в том числе 3 ТАВКР), 38 крейсеров и больших противолодочных кораблей 1 ранга, 68 больших противолодочных кораблей и эсминцев, 32 сторожевых корабля 2 ранга, более 1000 кораблей ближней морской зоны и боевых катеров, свыше 1600 боевых и транспортных летательных аппаратов. Применение этих сил осуществлялось в порядке обеспечения мероприятий стратегического ядерного сдерживания и обеспечения национально-государственных интересов страны в Мировом

океане в рамках концепции, разработанной С.Горшковым на рубеже 60 — 70 гг. Перемены конца 80-х — начала 90-х гг. не могли не сказаться на состоянии и стратегических задачах ВМФ. Поиск Россией своего нового места в мире неизбежно сопровождается поиском новой стратегии страны в Мировом океане. Этот процесс еще не завершен общий итог 300-летней истории нашего флота дает нам все основания для исторического оптимизма.

К новой стратегии

Стратегия мировых держав в Мировом океане складывалась под влиянием ряда объективных и субъективных факторов, к числу которых относятся:

- географический фактор (наличие свободных незамерзающих выходов в Мировой океан, степень разобщенности морских театров, протяженность побережья в климатических поясах, пригодных для земледелия, ведения хозяйственной деятельности и морской торговли, наличие и распределение биоресурсов и минеральных ресурсов континентального шельфа, наличие островных территорий, их удаленность от континентальной части страны, экономическое и военное значение береговой черты, ее изрезанность, наличие внутренних водных путей и наземных дорог, связывающих регионы континентальной части страны с важнейшими участками ее морского побережья, в первую очередь — с незамерзающими , свободными для выхода в Мировой океан);
- экономический фактор (наличие у нации финансовых и материально-технических ресурсов, необходимых для удовлетворения ее потребностей во всех сферах морской деятельности);
- научно-технический фактор (наличие в распоряжении общества соответствующих гражданских и военных технологий, позволяющих эффективно заниматься тем или иным видом морской деятельности, степень изученности гидросферы);
- демографический фактор (численность, половозрастной и этнический состав населения, его подвижность, социальная стратификация, образованность, профессиональная подготовка, соотношение между сельским и городским населением, населением приморских (островных) территорий и территорий континентальной части страны).

К этим факторам в России добавлялись субъективные факторы, оказывающие огромное влияние на морскую стратегию:

- политическая зрелость национальной элиты (не путать с этническими), ее способность к осознанию подлинных национально-государственных интересов, к достижению на их основе общенационального согласия;
- выбор той или иной модели общественного развития;

- адекватность решений, принимаемых властью (их теоретическое и идеологическое обоснование, соответствие реальной обстановке и реальным возможностям);
- национальные традиции и предпочтения;
- морально-психологическое состояние населения страны, его способность к мобилизации ради реализации подлинных национальных интересов.

Основное содержание стратегии государства на море, в Мировом океане, можно вывести из этих факторов с учетом национально-государственной доктрины (сформулированной официальной, реализуемой без объявления или представляющей собой сумму официальных взглядов во всем их противоречии).

Так или иначе, морская стратегия должна иметь своей конечной целью:

1. Обеспечение потребностей развития общества за счет эксплуатации ресурсов Мирового океана, морской торговли, взаимодействия и взаимообмена с другими государствами, цивилизациями через моря и океаны.

2. Реализация жизненно важных национально-государственных интересов путем взаимодействия или конфронтации в Мировом океане с другими государствами, группами государств, союзами, коалициями.

Поэтому морская стратегия России в XXI веке неизбежно будет включать в себя теорию и практику как экономической и научной деятельности (в качестве приоритетного направления или в качестве сферы, освобожденной от административных препятствий), так и военной деятельности в Мировом океане.

ЛИТЕРАТУРА

(1) Петров М. Политика России в Первой мировой войне на море. М.: Государственное военное издательство, 1926. С. 24 — 40, 42 — 45, 47 — 50; Золотарев В., Козлов И. Русско-японская война 1904 — 1905 гг., Борьба на море. М.: Наука, 1968. С. 44 — 45.

(2) Петров М. Там же. С, 25, 51, 67 — 88, 118, 159 — 162; Шацилло К. Русский империализм и развитие флота накануне первой мировой войны (1904 — 1914). М.: Наука, 1968. С. 24.

(3) Петров М. Там же. С. 101 — 110, 157 — 158.

(4) Петров М. Там же. С. 214 — 230; Флот в первой мировой войне. Т. 1. М.: Воениздат, 1964.; Павлович Н. Развитие тактики военно-морского флота. Ч. 3. М.: Воениздат, 1983. С. 7 — 8; Томашевич А. Подводные лодки в операциях русского флота на Балтийском море. М.;Л.: Воениздат, 1939. С. 271 — 275.

(5) Флот в первой мировой войне. Т. 1. М.: Воениздат, 1964. С. 62 — 71; 321 — 324.

(6) Морской сборник. 1927, 1928,1929,1930.

(7) Военно-исторический журнал. 1988. М 5. С. 62 — 63; Родионов Б. и др. Три века Российского флота. Т.2. СПб.: Логос, 1996. С. 262 — 263.

(8) РГА ВМФ ф. р-1483, оп. 1. д. 201. лл 1 — 3 об.

(9) Там же, лл. 7-9.

(10) ОЦВМА, ф. 2, д. 39524. л. 1 — 32.; д. 39б97, м. 1 — 9.

(11) Безыменский Л. Как Сталин хотел поделить мир с Гитлером. //Независимая газета. 1996, 8 мал.

(12) Бюллетень Главного штаба и боевой подготовки Военно-Морского Флота № 16. М.: Воениздат, 1967. С. 17.

Андрей Смирнов

РУССКИЕ НА ПАМИРЕ

В 1894 году на Памире завершился поход, начатый в 1853-м на берегах Аральского моря. Тогда, сто лет назад, многие тоже не понимали, зачем нам эта холодная высокогорная пустыня с горстью нищих обывателей. Под треск очередей, разрывы мин и разговоры о ненужности жертв встретила русская армия в Таджикистане сотую годовщину присоединения к России последнего клочка Средней Азии.

Знакомство России с Памиром состоялось еще в 1876 году, когда была покорена Ферганская долина и отряд генерал-майора М.Д.Скобелева поднялся на Алайский хребет. Ясным июньским днем с перевала Арчат Белый генерал и его сподвижники увидели на юге ярко-зеленые луга Алтайской долины, а за ними — “непрерывную стену снега”, которая “тянется на пространстве более ста верст, играя на солнце, как хрусталь, гранями отдельных вершин”. Это сиял вечными снегами Заалайский хребет, за которым лежала горная страна Памир.

Нам не трудны
снежны горы.
И Алайский крутой скат.

Уральские казаки смело взобрались на Памирское нагорье и дошли до перевала Акбайтал, что вознесся на 4.655 метров над уровнем моря! Уже тогда мы были вправе занять и весь Памир до его южной границы — снежного хребта Гиндукуш: все это были владения Кокандского ханства, присоединенного теперь к России. Однако от Акбайтала скобелевцы вернулись: слишком много забот было у нас и по эту сторону Алая. Кроме того, Россия не хотела раздражать своего старого врага Англию: ведь мы приближались к “жемчужине британской короны” — Индии! Со своей стороны, Петербург полагался на англо-русские соглашения 1872 — 1873 годов, по которым Памир признавался сферой влияния России.

Однако в 1883 году британцы нарушили этот договор и побудили своего вассала — афганского эмира занять западнопамирские ханства Рошан и Шугнан. Родственные таджикам обитатели этих областей испытали все ужасы

Смирнов Андрей Анатольевич, кандидат исторических наук, основная сфера научных интересов — история русского флота. Настоящая статья впервые была опубликована в газете “Гражданин России” в 1995 г.

восточного завоевания с вырезанием целых кишлаков, тотальным грабежом, угоном женщин и детей в Кабул. В итоге капитан Б.Л.Громбчевский, посетивший в 1889 году рошанское селение Сарез, был “приятно удивлен” “симпатию населения к русским”. “Жители, — сообщал он, — называли себя не иначе, как подданными Белого Царя”.

В восточную часть Памира, где кочевали летом русскоподданные киргизы, после 1884 года вторглись китайцы. В 1889-м их посты стояли уже в самом центре нагорья, и у англичан созрел план раздела Памира между Китаем и Афганистаном. Тем самым они чужими руками преградили бы русским путь к Гиндукушу и далее в Индию. Кроме известий об этом плане, нас не могли не встревожить частые рекогонсцировки Памира британскими офицерами и начатая в 1890 году прокладка шоссе Сринагар — Гильгит, которое выводило англичан на ближайшие подступы к Памиру с юга. Становилось ясно, что в войне с Россией — а она могла вспыхнуть в любой момент — Англия и ее союзники не преминут воспользоваться памирским плацдармом. В 1885 году через Рошан уже шло афганское серебро для ферганских мятежников...

Медлить больше было нельзя. В мае 1891 года туркестанский генерал-губернатор барон А.Б.Вревский приказал командиру 2-го Туркестанского линейного батальона полковнику М.Е.Ионову произвести рекогносцировку Памира и “восстановить права России” на эту область. Отряд Ионова состоял из 122 человек, которых выделили войска Ферганской области — охотничьи команды 2-го, 7-го, 15-го, 16-го и 18-го Туркестанских линейных батальонов и 6-й Оренбургский казачий полк. Охотничьи команды были предшественниками нынешних разведрот и спецназов; в них отбирали самых сметливых, расторопных и отважных солдат. За плечами же самого Михаила Ефремовича Ионова были 25 лет боев и походов в Средней Азии. А эта школа учила никогда не теряться, действовать решительно и по обстановке... 10 июля 1891 года по перевалу Кызыл-Арт отряд поднялся на Памир.

Старый туркестанец верно понял свою задачу. Не имея ни санкции МИДа, ни прямого приказа Вревского, игнорируя китайские посты и разъезды, он расставлял на своем пути пограничные знаки — камни с надписью: “Полковник Ионов. 1891”.

Обойдя всю восточную часть южной окраины Памира, Ионов с 30 казаками, охотниками и офицерами 26 июля перевалил через Гиндукуш и спустился в Индию! За ханством Ясин, куда он попал, лежали уже владения английского вассала — магараджи Джамму и Кашмира... Пройдя по Индии около ста верст, полковник повернул на север и через перевалы Даркот и Барогиль вновь вышел на южную границу Памира, к афганскому форту Сарход. Завидев 20 оренбургских казаков, едущих со стороны Индии, гарнизон Сархода “быстро поразмыкался по балкам”, и оказавшемуся в одиночестве коменданту оставалось лишь просить Ионова не разглядывать его “секретный объект”. Разглядывать не стали...

Удивлен был и следивший за Ионовым английский капитан Янгхазбэнд, на которого наткнулись у мазара Базай-Гумбез. Имея приказ о выдворении британца за пределы России, полковник заявил, что может применить силу, но предпочтет поверить честному слову гвардейского драгуна королевы Виктории... Слово было подкреплено распиской, в которой Янгхазбэнд обязывался на другой же день покинуть нашу территорию и впредь не пересекать указанной ему Ионовым государственной границы.

А вот другой викторианец — лейтенант Девисон, обнаруженный на обратном пути у реки Аличур, — доверия Ионову не внушил. Конвоировать соглядатая в обтрепанном штатском до границы было некогда, и Дэвисона забрали с собой. Китайскому же пикету, при котором отирался англичанин, приказали немедленно убираться из России, что и было исполнено...

“Самовольно” перейдя Гиндукуш, Ионов доказал возможность похода в Британскую Индию по кратчайшему пути — через Памир. Конечно, этот путь не был самым удобным; главный удар следовало наносить от Кушки и Термеза через Афганистан. Тем не менее ценность Памира в глазах русских военных сразу же возросла, и главный штаб с военным министром П.С.Ванновским высказался за скорейшее занятие нагорья нашими войсками. Однако МИД, боясь рассердить Англию и уповая на всесилие “дипломатических методов”, добился фактического отказа от этой акции. “Вскоре это министерство нашло неудобным посылать даже астронома и топографа!” Поставленные Ионовым пограничные знаки поспешили объявить геодезическими...

Между тем в ноябре 1891 года английские войска заняли ханство Канджут, примыкавшее к юго-восточному углу Памира. Прогнанные Ионовым китайские посты сразу же после ухода русских в Фергану вернулись обратно, а афганские из западной части Памира выдвинулись в самый его центр.

Речь шла уже о достоинстве державы, и 18 апреля 1892 года Александр III повелел двинуть на Памир отряд, в который вошли сводный батальон от 3-й Туркестанской линейной бригады, половина 6-го Оренбургского казачьего полка, команда Туркестанского саперного полубатальона и 4 орудия Туркестанской конно-горной батареи. По настоянию дипломатов, войскам все же запретили выдвигаться южнее реки Мургаб, которая делит Памир на северную и южную половины (не путать с туркменским Мургабом!). Но во главе отряда стоял Ионов! Из инструкции Ванновского он запомнил главное: задачей экспедиции является “охранение наших интересов в Памирском крае”...

В июне 1892 года светло-синие погоны оренбургских казаков и линейцев и алые артиллеристов и саперов вновь расцветили пустынные долины Восточного Памира. Несмотря на запрет, Ионов с сотней оренбуржцев, ротой охотников и двумя пушками прошел за Мургаб, к озеру Яшилькуль: там, на урочище Сумэ-Таш, обосновался афганский пост... На рассвете 12 июля два казачьих взвода отрезали посту пути отхода, а третий с Ионовым приблизился к нему вплотную. Вышедшие навстречу двадцати русским 18 афганцев

отказались сложить оружие и покинуть нашу территорию, и Ионов скомандовал: “Хватай их, братцы!” Б завязавшейся схватке оренбуржцы уничтожили весь пост: у самих — трое раненых. 13 афганцев было убито, а 5 взято в плен. После этой стычки афганские отряды поспешили очистить Памир, и Александр III мог с полным правом начертать на полях доклада о Сумэ-Таше: “Не мешает иногда и проучить их”.

А капитан А.Г.Скерский с 45 казаками проник на крайний юго-восток Памира, к урочищу Ак-Таш, где китайцы уже возводили укрепление. По требованию нашего офицера они тут же убрались на свою территорию, а укрепление русские срыли.

В сентябре 1892 года Ионов вернулся в Ферганскую долину, а на урочище Шаджан остался на зимовку Шаджанский отряд во главе с генерального штаба капитаном П.А.Кузнецовым. Здесь, в центре Восточного Памира, на высоте 3.658 метров над уровнем моря, военный инженер штабс-капитан А.Г.Серебренников построил земляной редут с двумя барбетами — насыпными площадками для пулеметов “Максим”. Внутри редута поставили утепленные юрты, в которых разместились охотничьи команды 2-го, 4-го, 7-го, 16-го, 18-го и 20-го Туркестанских линейных батальонов, полусотня оренбуржцев 6-го полка и команда киргизских джигитов — всего 234 человека. Укрепление назвали Памирским постом; сейчас здесь населенный пункт Мургаб.

Отряд остался наедине с Восточным Памиром — плоскими сухими долинами между грядами таких же безжизненных холмов. Ни деревца; всюду камень, галька, песок и непрекращающийся, несущий тучи пыли ветер... Его непрерывный монотонный вой угнетающе действовал на психику, но еще тяжелее было переносить холод и недостаток кислорода. ведь долины лежали на высоте 3000-4000 метров над уровнем моря, а перевалы возвышались до 5000 метров. Люди теряли в весе; у них начиналась цинга, анемия, а у некоторых и горная болезнь. Изнуряли и резкие суточные колебания температуры. Например, 18 февраля 1893 года в час дня на солнце было + 20°С, в тени — $6{,}5^{O}$, а ночью — 35°С!

Но поставленные “над Индией” шаджанцы держались: у одних по обшлагу шла зеленая тесьма охотничьих команд, а на шароварах других были светло-синие казачьи лампасы... Вели разведку, строили вместо юрт полуземлянки, в бураны и 30-40-градусные морозы выходили на ночные учения: спасая людей от цинги, Поликарп Алексеевич Кузнецов не давал им расслабляться. Его же заботами в отряде был создан солдатский театр; уже в 1894 году на посту завели и свой оркестр... Сберегая солдата, капитан Кузнецов совершенно не думал о своем собственном здоровье и вконец его расстроил. Под стать начальнику был и отрядный врач Третьяков, страдая горной болезнью, он все же находил в себе силы обойти все помещения и держал под контролем здоровье каждого рядового. Так же заботился о солдате и старый

туркестанец капитан В.Н.Зайцев, отряд которого в августе 1893 года сменил на Памирском посту отряд Кузнецова.

Китайцы продолжали нарушать границы Памира, однако теперь на их пути все чаще вставали лихие оренбургские казаки. В мае 1893 года у перевала Бердыш наш разъезд, — казак и два киргиза — наткнулся на целую “лянзу” в 60 всадников, но продолжал смело ехать вперед. Когда же из толпы китайцев раздался выстрел, оренбуржец, не раздумывая, в одиночку понесся на лянзу и обратил ее в паническое бегство! Не удостаивая своим вниманием прочих, казак догнал стрелявшего и взял его в плен...

Сложнее было справиться с главой нашего МИД Н.К.Гирсом, твердившим, что занятие Памира повредит “дружеским отношениям” России с соседними странами. “От таких соображений, — справедливо писал генерал М.А.Терентьев, — конечно, легко перейти к проекту самых широких уступок ничего не стоящих земель соседям, ради сохранения “дружеских отношений”!” Но генерал-губернатор Вревский взял ответственность на себя, и в августе 1893 года наши посты встали на старой восточной границе кокандского Памира — у подножия Сарыкольского хребта.

А на Западном Памире вновь появились афганцы...Чтобы напомнить им о принадлежности этой земли России, в Рошан был отправлен с рекогносцировочной партией штабс-капитан С.П.Ванновский — сын военного министра. Пробиваясь диким ущельем реки Бартанг на запад, русские встретили афганский отряд в 6О человек, потребовавший от них повернуть назад. С Ванновским было всего 12 офицеров, казаков и охотников, но отойти значило подорвать престиж России, и штабс-капитан принял бой...

Именно тогда, 30 августа 1893 года, у кишлака Имц близ впадения Бартанга в Пяндж, сделала свои первые выстрелы по врагу трехлинейная винтовка Мосина, более полувека служившая нашей Родине. Всего две такие винтовки было на Бартанге у охотников 2-го Туркестанского линейного батальона, но их меткость и невиданная еще дальнобойность сорвали все атаки красномундирных солдат эмира. К вечеру у афганцев было уже 18 убитых, и им пришлось пропустить Ванновского...

Однако в 1894 году Западный Памир снова стонал от афганских насилий. Чтобы не допустить резни населения, мы сосредоточили на Памирском посту три отряда под общим командованием Ионова — теперь уже генерал-майора. А 19 июля 1894 года офицеры генерального штаба повели в Шугнан две рекогносцировочные партии. Долиной реки Шахдары шел капитан А.Г.Скерский, а вдоль течения Гунта продвигался подполковник Н.Н.Юденич — будущий полководец Первой мировой и гроза красного Петрограда.

Понижавшиеся долины постепенно превратились в громадные ущелья; появились лесные заросли, сплошной зеленой стеной отделившие прижатую к утесу тропу от бурлящей Шахдары... 28 июля Юденич и Скерский встретили два афганских отряда по 150 человек, причем партия Скерского была вероломно обстреляна. Заняв оборону на урочище Вяздара — сначала с 40, а

потом с 74 туркестанцами и оренбуржцами, капитан заявил афганцам, что не отступили на шаг... И вновь выручили замечательные трехлинейки — их залпами с дистанции 1,5 — 2 километра 5 и 7 августа были отражены все попытки врага атаковать нашу позицию.

Отказался отступить и Юденич. А узнав, что в Шугнан идет с отрядом Ионов, афганцы 19 августа сами ушли за Пяндж — на этот раз навсегда. Шугнанцы целовали нашим офицерам руки, становились перед своими избавителями на колени...

23 августа 1894 года Ионов, Юденич и Скерский соединились у кишлака Хорог. В пяти верстах к западу катил свои воды Пяндж — западная граница Памира. 1 сентября вверх м вниз по реке ушли первые разъезды оренбургских казаков...

Наконец, в июле 1895-го англо-русская разграничительная комиссия уточнила на местности и южную границу русского Памира — тоже с Афганистаном. Из-за неразворотливости нашего МИД территория между реками Памир и Вахандарья с памятным для англичан Базай-Гумбезом все же досталась афганцам. Но что значили для испытанных туркестанских войск эти последние 20-30 верст до ворот в Индию — гиндукушских перевалов?

Словно вчера закончились памирские походы — настолько все здесь знакомо... По-прежнему страдает каким-то “комплексом вины” наше “министерство странных дел”, готовое ради “дружеских отношений” с соседом отдать ему... да хоть бы и Курильские острова. Но по-прежнему существуют и понятие державного достоинства, и та истина, что у России лишней земли нет! По-прежнему существуют государственные интересы, не всеми видимые за голым камнем тех же Курил. По-прежнему наших соперников убеждают отнюдь не слова. Наконец, по-прежнему есть в нашей армии капитаны Кузнецовы — найдутся и полковники Ионовы.

ОСНОВАНИЯ ИМПЕРИИ

Владимир Махнач

ДЕМОС И ЕГО КРАТИЯ

Автор: Демократия — это власть полноправных граждан.

Посол: Ну нет, Владимир Леонидович, демократия — это власть народа. Так написано в любой энциклопедии.

Автор: Не стану с Вами спорить. Важно лишь выяснить, кого в каждой конкретной ситуации причисляли к народу.

Житель — еще не гражданин

"Демос" по-гречески, разумеется, означает народ. Но и этнос (нация) — тоже народ. И лаос (население) тоже. Однако, мы нигде не прочитаем об этнократии или лаократии в Древней Элладе. Небезынтересно поспрашивать учащихся, кто, с их точки зрения, не имел гражданских прав в античных демократиях? Иными словами, кто не принадлежал к демосу? Даже самый серенький школьник, не задумываясь, назовет рабов. Ученик покрепче вспомнит о женщинах и юношах — эфебах, перепутав гражданские права с политическими: владеть имуществом, наследовать его, обращаться в суд свободные женщины, конечно, могли. Наиболее старательный не забудет о вольноотпущенниках, о варварах-инородцах. И почти никто из наших "рыцарей печального образования" не укажет весьма значительный слой свободнорожденных совершеннолетних эллинов, не имевших ни малейшего отношения к демосу и, следовательно, к демократии. Это были метэки, коринфяне, живущие вне стен Коринфа, фиванцы, вынужденные поселиться вдалеке от Фив. Чаще всего изгнанники. То есть в нашей терминологии

Махнач Владимир Леонидович, известный историк и православный публицист, автор многочисленных статей и первых в стране курсов "История отечественной культуры" (1995) и "История мировой культуры" (1990).

лимитчики или беженцы. Причем, мы в разговоре не называем собеседника “лимитчиком”, а эллин обязательно добавил бы к его имени “метэк”.

Почему в античном мире изгнание часто было наказанием за весьма серьезные преступления? Да потому, что оно было лишением гражданских прав. Таким же по последствиям было изгнание из средневековой городской коммуны Западной Европы. Так же точно изгнание практиковалось в Домонгольской Руси IX-XIII веков с ее множеством богатейших городов и вечевой демократией.

Мог ли метэк приобрести права гражданства? В разных греческих полисах по-разному, но всегда в форме дарования ему гражданами этих прав. Например, за то, что в тяжелый час метэк добровольно становился в строй фаланги и вместе с гражданами защищал город. Еще не свой, чужой! В Риме союзники служили во вспомогательных войсках, где служба была продолжительней и тяжелей, чем в легионах. Но служили вполне добровольно, ибо в отставку выходили гражданами. Признание “своим” у всех разумных народов требовало службы обществу и благонадежности. Можно видеть, как при избрании двух представителей от рязанских дворян в Земский Собор 1638 года ото всех станов выдвигают по два выборщика, а от новокрещенов — недавних христиан — по одному. И даже в Соединенных Штатах наших дней счастливчики, сподобившиеся гражданства, приносят торжественную присягу на верность не только законам, но и идеалам страны и нации.

На первый взгляд кажется, что число граждан в классических демократиях постоянно растет. До начала VI века до Р.Х. Афины управлялись аристократией, а народное собрание имело мало реального веса. Затем Солон поделил граждан на четыре имущественных разряда и максимальные права приобрели афиняне первых двух. Граждане Ш разряда — тяжеловооруженные гоплиты — составили демократическое меньшинство, а бедняки-феты остались практически вне власти. А в середине У века при Перикле демократия охватила все 30000 свободных афинян, и было даже запрещено упоминать, что у кого-то предки были фетами. И в Риме плебеи добились полноты гражданских прав, и в средневековых городах цеховые мастера, как правило, добивались равенства со старым торговым патрициатом. И так далее ко всеобщему равенству и светлому будущему?

Не тут-то было! Чем больше прав для своих, тем меньше их для пришлых! При том же Перикле гражданином признавался только сын афинского гражданина и афинской гражданки. Сам великий стратег угодил в этот капкан: Аспазия не была афинянкой, и Периклу пришлось униженно просить народное собрание особым законом даровать гражданство его сыновьям. Во многих государствах нашего времени гражданство вообще не даруется. Можете не сомневаться, что это как раз богатые и благоустроенные страны.

А как же такие непререкаемые “демократические нормы” как недопустимость лишения гражданских прав даже осужденного преступника?

Право двойного гражданства? Права человека, наконец? Преступник изгнан если не с территории, то во всяком случае из демоса. Следовательно, демосу и решать, после отбытия “метэком” наказания, принять ли в свой состав нового гражданина и за какие заслуги. Двойное гражданство означает ущемление прав своего демоса, в пользу чужого, если, конечно, там, где живет “двойной гражданин” тоже демократия. А признание прав человека, то есть прав варвара, иммигранта, бомжа, врага вашего демоса, наконец, есть попрание прав и каждого гражданина, и всего общества, демоса и, следовательно, норма предельно антидемократическая.

В античной Элладе сторонники аристократии посмеивались над монархистами, что у тех де в городе нашелся лишь один достойный человек, потому-то и царская власть, в то время как у них самих достойных граждан достаточно для аристократического правления. Так вот поборники демократии тоже веками исходили не из представления о неизвестно откуда взявшихся и на всякую, простите, пьянь свалившихся демократических правах, а из гордого сознания, что в их государстве честных и доблестных граждан достаточно для правления демократического.

Рождение потомка дарует власть

Предположим, что у нас все в порядке с происхождением, благонадежность, верность демосу ни у кого сомнения не вызывает. Значит ли это, что полные политические права уже приобретены? Как мы уже заметили, прежде чем стать гражданином, демократ вступает в строй фиванской фаланги, гентского ополчения, новгородской тысячи. Но, хотя формально афинянин переставал быть эфебом двадцати лет от роду, политическое полноправие он приобретал, женившись и родив ребенка. Гражданское общество тысячелетиями не сомневалось, что долг гражданина и в том, чтобы производить новых граждан. Иначе это действовало у римлян. Они были много менее социальны, нежели греки, и погружены в семейную жизнь. Они создали римское право (до сих пор достояние всего человечества — редчайший случай!), предельно оберегая частную жизнь. Но не жизнь индивидуума, а жизнь семьи. И полноправным субъектом римского права, естественно, становился “добрый отец семейства”. В нашей национальной традиции нигде прямо не звучит, что долг гражданина — деторождение. Однако, ни кто иные, как свободные домохозяева, составляют вече в любом городе Киевской Руси и, позднее, в Новгороде и Пскове. Подати до конца XVII столетия платятся “со двора”, то есть субъектом права остается домохозяин. Он же участвует в земском самоуправлении XVI-XVII веков, он же заседает в парламенте — Земском Соборе. И даже законодательство Российской Империи косвенно поддерживает идею нормальности деторождения гражданином: малолетство исчислялось до достижения 17 лет, гражданское несовершеннолетие — до 25.

А какой смысл обретала собственность в приобретении гражданства? Неужели правы марксисты, что власть всегда захватывают богатенькие? Великий Аристотель — первый, кто детально исследовал формы власти — полагал желательным причастность к правлению людей среднего достатка, исходя из того, что они вынуждены трудиться и не могут, подобно богачам посвятить всю жизнь опасным для общества политическим играм. Вместе с тем, в отличие от бедных, средние (так у Стагирита!) не склонны посягать на чужое имущество. Стагирит также благоразумно рекомендовал изменять имущественный ценз: с повышением общественного богатства повышать его и наоборот, дабы круг причастных к власти средних граждан сохранялся. Исократ в одной из речей перечисляет эгоизм и прочие пороки богатых, завершая утверждением, что богатые “столь ужасны, что хуже них могут быть только бедные”. Римляне долгое время бедняков-пролетариев (по-русски не “рабочих”, а “босяков”!) не допускали к службе в легионе, не доверяли. И.А.Ильин — давший единственным из русских философов нравственное обоснование частной собственности — убедительно показал, что любое общество заинтересовано вовсе не в наличии богачей, но в наличии собственности, особенно недвижимой, у большинства граждан. Настоятельно рекомендуем всем, услышав очередную ругань в адрес “мелкобуржуазных идей”, видеть в данном авторе врага своего демоса и демократии. Также, впрочем, и в том, кто поет славу “новым рашенам”, которые, разбогатев, станут и нас кормить. Гражданин предпочитает сам кормить себя и свою семью.

Гражданское общество обычно было солидарно или стремилось к солидарности. Но даже очень малочисленный демос состоял из корпораций. Плутарх рассказывает о великом афинском царе Тесее, что тот “не допустил, чтобы беспорядочные толпы переселенцев вызвали в государстве смешение и расстройство — он впервые выделил сословия благородных, землевладельцев и ремесленников и благородным предоставил судить о религии, занимать высшие должности... хотя в целом как бы уравнял меж собою все три сословия”. Аристотель утверждает: “Невозможным окажется создание государства без разделения и обособления входящих в его состав элементов либо при помощи сисситий (товариществ), либо при помощи фратрий и фил (общин)”. Городские коммуны — колыбель западной демократии — состояли из цехов и купеческих гильдий. Наша, весьма насыщенная демократической традицией, история веками знает сельскую общину, в XII-XVI веках — купеческие братства, в позднем Средневековье — городские сотни и слободы, в XIX-XX веках — земства. Когда XX столетие повсеместно выращивает многомиллионные мегаполисы, лживо называя это урбанизацией, идет разрушение гражданского общества. В мегаполисе разваливаются корпорации, исчезает внутригородская солидарность, общество превращается в массы, которыми лихо правят шайки, олигархии. Когда ныне со всех сторон лукаво проповедуется индивидуализм, это означает, что гражданин должен стоять

один как перст перед корпорацией чиновников, корпорацией банкиров, корпорацией чеченцев, преступников, журналистов, милиционеров...

Пока не взвилась четыреххвостка...

Демократия сурова. В сравнении с аристократией и монархией — двумя другими формами власти — наиболее сурова. О вредоносных для общества искажениях основных форм — тирании, олигархии и охлократии, столь привычных для нас с 1917 года доныне — пока речь не идет. Монархия терпима вследствие своей надсословности и высочайшей ответственности за судьбы нации, груз которой тащит каждый монарх, особенно христианский. Аристократия снисходительна в силу благородства и все той же ответственности. Демократия не может умалить ни достоинства, ни прав гражданина. Демократия, к примеру, не могла бы согласиться на запрещение продажи спиртного до определенного часа или в определенном количестве. Она скорее примет решение пороть алкоголиков, сажать бродяг в позорные колодки на городских площадях, как поступали в Англии до 1830 года. И, разумеется, решит, что поротый, опозоренный гражданином более не является. Демократия никогда не разрешит не продавать гражданам лекарства. А если существует проблема наркомании, то страдать уж точно не будет добрый гражданин. Страдать будет торговец наркотиками, а если потребуется, то и наркоман. Страдать так жестоко, как потребуют интересы граждан.

Иногда демократия бывает бессмысленно жестока. В 406 году до Р.Х. афинский флот одержал победу. Восемь стратегов-победителей были казнены за то, что не воздали должных почестей павшим. Стратеги воздать не могли: помешал шторм, но из пятисот судей-гелиастов лишь один осмелился голосовать против смертного приговора. То был Сократ. Победитель при Марафоне Мильтиад умер в тюрьме, победитель при Саламине Фемистокл — в изгнании. Совершенно также в 1634 году был казнен заслуженный полководец и герой боярин Михаил Шеин. Общественное мнение не простило ему поражения под Смоленском, хотя добрейший царь Михаил Федорович был против казни.

Но зато демократия не станет славить память военачальника, расплатившегося тремя-четырьмя бойцами за каждого солдата противника. В 1945 году демос по случаю окончания бойни заслуженно казнил бы маршалов во главе с Верховным Главнокомандующим, а затем радостно отпраздновал бы победу.

Демократия стара почти как монархия: обе они древнее государства. Если прообраз монархии — это семья, нормальная, разумеется, то демократия восходит к роду, равноправию сородичей. С увеличением населения и размеров государства прямая демократия сменяется представительной. Это неизбежно: веди не бывает площадей для стотысячных Народных собраний, и не сможет

работать такое собрание. Сословное представительство рождается в борьбе за единство: монарх в союзе с выборными от рыцарей и горожан противостоит раздробляющей воле крупных феодалов. В Арагоне первые кортесы собрались в 1185 году, в Англии первый парламент заседал в 1265, у нас — при Всеволоде Большое Гнездо — в 1211. На полвека старше наш парламентаризм! Парламент — всегда объединитель: американцы в борьбе за демократическое представительство шею сломали своим сепаратистам, а нашим школьникам и доселе лгут, что Гражданская война велась из-за негров. Нам доводилось обращать внимание слушателей еще в 1991 году на эту неоспоримую закономерность: будет развитие парламентаризма в России, не будет Россия терять свои земли под названием Независимых Государств. Из расчленения нашей страны в 1991 закономерно вытекает расстрел Верховного Совета в 1993.

Став представительной, демократия долгое время сохраняла элементы неформальных связей, присущие прямой. Граждане избирали л и ч н о з н а к о м ы х представителей. Когда население еще увеличилось, выборы стали двухстепенными. Граждане избирали л и ч н о з н а к о м ы х выборщиков, а те, как правило, были людьми опытными, представлявшими себе достоинства будущего депутата (по-русски — гласного — имеющего право голоса!). Лишь только ослабевает неформальность, между избирателем и избираемым протискивается шайка — политическая партия. Видный английский философ Френсис Хатчесон даже в 1-ой половине XVIII века еще задавал вопрос: может ли член партии считаться порядочным гражданином. И давал отрицательный ответ: ведь такой человек станет защищать интересы партии, а не общества! Но главное не в том: каждая партия внутри себя устроена недемократически и, следовательно, представляет олигархию, паразитирующую на демократии. Кстати, крупнейшие западные ученые признают партийность болезнью демократической системы, правда, неизбежной. В отечественной же истории партийная структура Государственных Дум и Учредительного Собрания уже привела Россию к краху в 1917 году.

Нормы, отделяющие гражданское общество от толпы, в представительной демократии принимают форму цензов. Основных цензов четыре: возрастной, образовательный, имущественный и ценз оседлости. Их знали уже древние, четко сформулированы они были в Городской и Земской реформах Царя-Освободителя Александра П. Как работал возрастной ценз мы уже видели: отстаивал интересы людей семейных и предоставлял гражданину возможность исполнить долг защитника Отечества в новых условиях всеобщей воинской обязанности. Образовательный ценз во всех странах сохранял смысл только до достижения всеобщей грамотности. Зато весьма интересен имущественный: из трех курий — землевладельцев, городских домохозяев и крестьян — он касался только второй. Таким образом этот ценз защищал не интересы богатых, а права собственника. Ведь любой крестьянин собственностью владел и жил в своем доме! А вот городские босяки

имущественным цензом отсекались. Что же касается ценза оседлости, присущего всем без исключения демократиям до начала нашего столетия, то он представляется совершенно необходимым условием разделения демоса и охлоса, граждан и толпы. Революционеры требовали “четыреххвостки”: всеобщего, равного, прямого и тайного голосования.

Зададимся вопросом, как продемонстрировать фиктивность демократии при коммунистическом режиме? Наивный школьник скорее всего укажет на наличие только одного кандидата в избирательных бюллетенях. Но это не критерий: что если, скажем, в Калуге так любят своего депутата, что больше ни о ком слышать не желают? Лучше вспомним открепительные талоны. Вы совершенно реально могли поехать из Уральска в Гурьев и там участвовать в избрании даже депутатов местных советов. Даже судей. Народных, между прочим. А когда г-н Собчак публично похвастался открытием в Санкт Петербурге специального избирательного участка для бомжей, только ленивому не все стало ясно про нынешнюю демократию...

Массы... из другого контекста

Когда решения принимаются одним процентом общества, мы видим аристократию или олигархию. Когда десятью — уже демократию. Вряд ли можно говорить о демократии, если число граждан — 90% населения. Увы, любое общество создает некий “отстой”: социальные низы, неприкасаемых, плебс, пролетариат, клошаров... Здоровое общество не жалеет сил и средств для уменьшения этого слоя. Честное общество всегда предоставляет возможность подняться из низов в народ, как и возможность подняться из народа в элиту. Разумное общество стремится не допустить деградации: культурной, профессиональной, социальной. Если общество допускает превращение инженеров, учителей и мастеров-стеклодувов в “челноков” и не отрывает виновным головы, общество больно. Лучше всех умеют бороться с деградацией православные христиане, у которых “хранитель веры православной — сам православный н а р о д”. У которых даже Православного Царя делает таковым, легитимизирует только православный н а р о д. Тело Церкви. Церковь каждого христианина пускает в народ, но и предъявляет требования повыше тех, что выполнял афинянин или даже римлянин. Однако, низы остаются всегда.

Наши революционеры навязали нам нелепейшую социальную пару: дворянство и народ. Римляне говорили иначе: Сенат, Римский народ и плебс. Когда плебеи тоже стали народом, остался пролетариат. О злобном противопоставлении дворян народу нам доводилось писать в работе “Диагноз” (“Иное”, М., 1995; “Москва”, №1, 1996), как о результате работы антисистемы. При таком подходе не только элита отрывается от нации, но и народ, средние

люди, выталкиваются в социальные низы. В советское время оппозиция стала еще идиотичней: интеллигенция и народ.

На научном жаргоне толпа, в которой мечтают смешать народ и низы, называется “массы”. “Масса — всякий и каждый, кто ни в добре, ни в зле не мерит себя особой мерой, а ощущает таким же, “как и все”, и не только не удручен, но и доволен собственной неотличимостью”. “Как говорят американцы, отличаться — неприлично”. “При всеобщем голосовании массы не решали, а присоединялись к решению того или иного меньшинства. Последние предлагали свои “программы” — отличный термин. Эти программы — по сути, программы совместной жизни — приглашали массу одобрить проект решения”. Все это написал Хосе Ортега-и-Гассет, ставя мрачный диагноз “Восстания масс”. И именно это нам предлагают, величая “электоратом”, бесстыдно навязывая вместо роли демоса, властно решающего свою судьбу, топот толпы, шарахающейся от одного плаката с обещаниями к другому.

Демос предпочитал и победив аристократию, доверять видные посты людям благородным. “Таких должностей, которые приносят спасение, если заняты благородными людьми, и подвергают опасности весь народ, если заняты неблагородными — этих должностей народ вовсе не добивается” — писал афинский публицист. Новгородец мог свергнуть и изгнать посадника, но предложение избрать посадника не из бояр отверг бы не из рабской покорности, а из гордости: не может всякая мелюзга править Господином Великим Новгородом. Гражданам присуще чувство ранга. А ключевую фразу массового сознания: “А я не хуже тебя!” — восхитительно разбирает К.С.Льюис. “Произнося такую фразу, никто не верит ей. Если бы кто верил, он бы так не сказал. Сенбернар не скажет этого болонке, ученый — невеже, красавица — дурнушке. Если выйти за пределы политики (не обязательно! — В.М.), на равенство ссылаются только те, кто чувствуют, что они хуже. Фраза эта именно и означает, что человек мучительно, нестерпимо ощущает свою неполноценность, но ее не признает”.

Если все поголовно объявляются гражданами, нет ни одного гражданина. Подзабытый русский мыслитель Сергей Левицкий тонко отмечал, что общество стремится к симфонии граждан, а массы — к унисону. Массовое сознание легко наблюдать, когда толпа, толкаясь, ломится в одну входную дверь, хотя и другая не заперта. Или когда целенаправленно швыряют окурки под несчастные московские липы. Гражданин, если нет урны, бросит на тротуар: за уборку персоналу деньги платят, а дерево — жалко!

И вообще, не омерзительно ли почувствовать себя даже на мгновенье массой? Рассказывают, что великий лингвист Роман Якобсон, попав после долгих лет на Родину, поймал в Москве кого-то из дореволюционных друзей и пожаловался: “Поразительно меняется лексика русского языка. Не понимаю, как можно пасху называть “сырковой массой”. Массы — это же из другого контекста. Ну, скажем, массы кала”.

Боже, Царя храни

О совместимости демократии с другими нормальными формами власти мы уже говорили о готовы добавить, что демократию чаще встречаешь как раз в сочетании с монархией или аристократией, чем в одиночестве. Народные собрания у греков долго существовали при аристократиях, но и во времена высшего расцвета афинского народоправства первый архонт, имя которого носил год, был благородного происхождения. В Спарте была составная система и считалась весьма устойчивой. Аристократии с демократиями правили в средневековых Новгороде и Генуе. А король, управляющий с парламентом, дает образец союза монархии с демократией. Рим послужил величайшему античному историку Полибию образцом идеального государства с монархическим элементом в виде консульской власти, аристократическим сенатом и народным собранием. Подобную полибиеву схему мы видим в Великобритании времен ее высочайшего могущества: король, палата лордов, палата община; для нас полибиева схема — это, несомненно, национальная традиция, в которой мы жили в эпохи наивысшего расцвета и благоденствия. В Домонгольской Руси: князь, бояре, вече, в России XVI-XVII веков: царь, боярская дума, земский собор.

Тюркская или монгольская орда, представлявшая собою народ-войско, избирала хана на курилтае. Избирался и константинопольский василевс, более того, от православного народа принимал посвящение христианского Царя, что дало право Владимиру Видеманну в “Знаках империи” назвать византийскую систему “самодержавной демократией”. И правил василевс, считаясь с волей столичного народа, организованного в димы (их часто некорректно называют “партиями цирка”). Каждый русский царь избирался собором, начиная со смерти первого тирана Ивана IV в 1584 году и до бюрократического переворота Петра I, второго тирана.

Зато цензовые демократии небезуспешно борются с искажениями власти. Демократы убивают тиранов, как Гармодий и Аристогитон Гиппарха в Афинах, как Брут Тарквиния в Риме. Цензовые демократии блюдут публичность политики, чем мешают пристроиться у себя за спиной олигархической шайке.

А охлократии, а массы? Аристократию люто ненавидят в соответствии с принципом “я не хуже тебя”. За монархизмом толпы скрывается тиранолюбие, потому что кто лучше тирана посвертывает шеи ненавистным гражданам. И все будут “как все”. Так революционная охлократия в борьбе с партийной олигархией вызвала к власти тирана Сталина. Ну, а олигархия тысячелетиями уютнее всего чувствует себя, угождая толпе внешне и манипулируя ею посредством демагогов.

“Презирая смерть”

Подлинные демократии, как мы видели, воспитывали гражданина воином, но этого мало: воинская служба создавала демократии. Пламенный аристократ Ксенофонт, описывая одну из страниц в истории Афин, походя признает, что тогда шла война , власть принадлежала имевшим тяжелое оружие, и это было справедливо. Неизвестный греческий публицист утверждает решительнее: “В Афинах справедливо простому народу пользоваться преимуществом перед благородными и богатыми по той причине. что народ-то как раз и приводит в движение корабли”... Ношение оружия и военная служба воспитывают в гражданском обществе даже чисто аристократические добродетели: честь и верность, ответственность и готовность принимать решения. Древние признавали за спартанцами исключительное умение отдавать приказы и исполнять их. Только гражданское общество могло воспитывать такое превосходное римское качество как дисциплина. Мы за советское время утратили смысл этого человеческого достоинства: не то послушание, не то субординация. А на самом деле дисциплина — это понимание (откуда и “учебная дисциплина”). То есть: “мне тяжело, но я делаю, ибо понимаю, зачем это нужно”. С этим качеством римляне подчинили мир!

Когда спартанского царя Агида спросили, как человеку остаться свободным, он ответил: “Презирая смерть”. А разве верность не величайшая из христианских добродетелей? Разве Спаситель наш Иисус Христос не победил смерть?

Знаменитый американский фантаст Роберт Хайнлайн в “Космической пехоте” рисует общество близкого будущего, которому смертельно надоела безответственность политиков. Военная служба совершенно добровольна: можешь не служить, быть бизнесменом, но тогда не сможешь принять участие в политической жизни, не станешь учителем. Нам довелось наблюдать одного юношу, увлеченного рокера, которому умственная неполноценность помешала служить в войсках (неизвестно и неважно: действительно он болен или симулировал), но не помешала гонять на мотоцикле и голосовать. Целый греческий полис мог бы помереть со смеху в коликах от анекдота об эфебе, ненормальном, чтобы сражаться за Родину, но достаточно нормальном, чтобы скакать на боевом коне и участвовать в политической жизни.

С воинской службой обычно связано естественное право свободного человека носить оружие. Знаменитый американский “Билль о правах” своей второй статьей декларирует, что так как государству необходима хорошо

подготовленная милиция, право граждан владеть оружием не подлежит ограничениям. Русские люди всегда были вооружены. “Русская правда” в случае нападения на вас с палкой предоставляла право ответить мечом. Устанавливала более высокую виру (штраф) за синяк, чем за кровавую рану: ведь синяк позорит! Только предельно антидемократическая система может создать ситуацию, когда бунтовщики и бандиты обвешаны оружием (теперь уже на “законном” основании), а граждане безоружны. Демократия вела бы себя диаметрально противоположно: граждан призвала поголовно вооружиться, а бунтовщиков при обнаружении оружия вешала бы.

Охлократия, пока не превратилась в бунтующую толпу, оружия не любит. Вдруг напьюсь “как все” и полезу драться, а этот гад-гражданин не “как все” мне мозги выпустит! Массы тиран или олигархи могут гнать в качестве пушечного мяса. Представителю черни можно приказать не стрелять, когда его бьют по морде. Это, пожалуй, единственный приказ, коего демократ никогда не выполняет. А еще лучше на “альтернативной службе”: куда спокойней три года дерьмо разгребать. Солдат, впрочем, из толпы действительно не получается. Римляне были правы.

Если кто-то, кое-где...

Древние демократы оставили в наследство два принципа формирования полиции. В Афинах полицейскую службу несли 300 скифов — государственных рабов. Оттуда идет здоровая традиция отношения к полицейской службе как к важной работе в сфере обслуживания. Нам большевики навязали кретинический термин “медицинское обслуживание”. Врач не обслуживает, он — пользует. Зато полицию — городскую службу до сих пор лживо зовут милицией-ополчением. А ведь до тех пор пока костромским милиционерам не внушили, что они обслуживают костромичей, а вовсе не служат государству, над нами продолжает висеть угроза полицейского государства, хуже которого и не придумаешь. Х.Ортега-и-Гассет пишет: “В самом начале прошлого века, когда с ростом пролетариата стала расти преступность, Франция поспешила создать многочисленные отряды полиции. К 1810 году преступность по той же причине возросла ив Англии — и англичане обнаружили, что полиции у них нет. У власти стояли консерваторы. Что же они предпринимают? Спешат создать полицию? Куда там!”

“У парижан,- пишет Дж.У.Уорд,- блистательная полиция, но они дорого платят за этот блеск. Пусть уж лучше каждые три-четыре года полдюжине мужчин сносят голову на Ратклиф Род, чем сносить домашние обыски, слежку”...(мордобой — В.М.).

Массы полицейский вариант устраивает. Массам даже может нравиться, что такой же “как все” сосед выбился в начальство и лихо орудует дубинкой. Гражданина злоупотребление резиновым “демократизатором” не устраивает

категорически. Демос, если уж допечет, скорее пустит по улицам гражданские патрули со своим оружием и собаками.

Есть и другой принцип. Греки четко формулировали, что законного правителя охраняют граждане, а тирана — наемники. Гражданами были римские ликторы, носившие перед консулами и преторами за стенами города пучки розог -фасций с воткнутыми в них топорами, что символизировало право римской власти сечь и рубить головы. В стенах же Рима топоры убирались, а перед народным собранием фасции склонялись как перед властью наивысшей. Автоматы перед демократией не показывают, дубинки же склоняют. Нам доводилось видеть в Иерусалиме, как солдаты ходят всюду с винтовкой на ремне, но полицейские -только с пистолетами и дубинками. Массам может и нравятся безоружные солдаты, но гражданам отвратительно, когда милиционер смеет держать автомат стволом им в лицо, чего не позволит себе ни один военнослужащий.

Внутренние войска? Не может у демократов быть таких войск! Аристотель писал об охране законного правителя: "Царь должен владеть вооруженной силой, и она должна быть настолько значительной, чтобы опираясь на нее, царь оказывался сильнее каждого человека и даже нескольких человек, но слабее сообщества граждан". Оказавшись перенесенным в наше время, эллин наверняка сказал бы: служба безопасности президента должна быть достаточно сильна, чтобы противостоять не только солнцевской братве, но и чеченцам, и достаточно слаба, чтобы противостоять русскому народу...

Заметим, что в США функции внутренних войск исполняет при надобности Национальная Гвардия, то есть ополчение граждан. Вообще, развитие принципа полицейской службы граждан демонстрирует нам всем знакомый выборный американский шериф. Это и наша национальная традиция: выборные из местных дворян шерифы звались в России губными старостами, а их выборные из крестьян помощники — губными целовальниками.

Cui prodest?

"Кому выгодно?" — знаменитый вопрос римских юристов — право же, требует ответа. Ведь не только то, что творится в злополучной Российской Федерации, но и то, что ей преподносят в виде образцов для подражания "цивилизованному Западу", демократией не признал бы ни эллин, ни римлянин, ни гражданин средневекового Бремена или Пскова, ни ученый юрист прошлого столетия. Везде охлократия. Нет, говорят "демократия", но цинично констатируют, что гражданское общество сменилось "массовым обществом". Охлократии обычно недолговечны, часто порождают тирании. Нынешние живут уже довольно долго, в чем дело? В том, что теперь каждая охлократия мнит себя демократией и маскирует олигархию — "власть

немногих”. Олигархий может быть и несколько, как у нас. Олигархия богачей и олигархия тайных обществ не внове. Рассмотрим свеженькое — прессу наших дней. Менее всего мы враждебны свободной прессе: гласность — форма существования демократии (как и монархии, и аристократии). Но когда всерьез называют прессу “четвертой властью”, возникает вопрос, какова природа этой власти? Демократическая? Кто избирает редактора? Кто избирает журналиста? Аристократическая? Смешно! Пока пресса — отрасль сферы обслуживания (как и полиция), дай ей Бог здоровья! Когда становится властью (как и полиция), вы в опасности, граждане.

Любая олигархия заинтересована в массах, в уничтожении общества, в замене его стадом. Коммунистический режим для этого перемешивал народ, лишая его гражданской солидарности. Перемешивал комсомольскими стройками, лимитом, уничтожением “неперспективных” деревень. Больше всего страдала Москва, за ней следом — немногие крупнейшие города. Их власти всегда боялись и усердно создавали население без роду, без племени, покорное начальству. Не за “демократов” голосовали Москва, Петербург, Екатеринбург, а за начальство. Не интеллигенты обеспечивали прохождение на выборах иных депутатов, что для многих — явные враги русского народа, а лимитчики. Еще во время “ельцинского референдума” 1993 года было замечено: где есть рабочие общежития, там послушно отбарабанят пресловутое “Да. Да. Нет. Да” все 90%. А в соседнем квартале с семейным укладом жизни уже только 50%. Так же закономерно город лимитчиков Зеленоград выезжал автобусами на “демократические” массовки. И так же закономерно превратился в криминальный центр Подмосковья.

Бюрократия, бюрократическая олигархия обожает перемещенных лиц. Не по доброте душевной расселял Горбачев в русских областях месхов, изгнанных Сталиным из Грузии, а затем узбекскими погромщиками из Узбекистана, вместо того, чтобы переселить из домой в Грузию на узбекские деньги. Потом пристраивали армянских беженцев из Азербайджана и азербайджанских — из Армении. Теперь журналистка смеет заявлять с телеэкрана, что беженцы пользуются всеми правами российских граждан. Посмела бы такое ляпнуть гражданскому обществу, назавтра лишилась бы гражданских прав вместе со всем семейством!

Теперь, замечая не весть откуда взявшуюся страстную озабоченность судьбами русских в “ближнем зарубежье”, озабоченность изданий, ранее особых симпатий к русским не проявлявших, задумываешься. На поверхности, конечно, страх перед вполне реальной русской ирредентой — движением за воссоединение нации. Не лучше ли поскорей выпихнуть великороссов с их земель в усеченную РФ? Но право же, вдруг они умные? Вдруг это еще и стремление обогатить олигархию несколькими миллионами людей, лишенных корней и собственности, полностью зависимых от начальства?

Думается, однако, что социальная ситуация хуже, чем нам хотелось бы, но лучше, чем нам кажется. Воронежская область первой разграничила

категории “гражданин” и “житель”. Демократическая тенденция в обществе есть, как есть и монархическая. И они не враждебны друг другу.

Владимир Видеманн

РОССИЯ И КОНСЕРВАТИВНАЯ РЕВОЛЮЦИЯ

Вступление

Мы живем в эпоху глобальных проектов. Радикально изменившийся за последнее десятилетие мир представляет собой, безусловно, совершенно новую проблемную ситуацию, на решение которой брошены, прямо или косвенно, наиболее оперативные силы человеческого разума. Именно активностью этих сил объясняется появление в СМИ всех уровней значительного количества крупномасштабных проектов, касающихся данной ситуации в ее различных измерениях.

Наша работа, представляющая собой один из таких проектов, есть одновременно и посильный вклад в общее дело исторического и практического осмысления новейших перемен.

Кризис современного мира

Новая проблемная ситуация, в которую оказался погруженным наш мир на пороге своего трехтысячелетия, может быть вполне адекватно обозначена заголовком одной из наиболее известных книг французского мыслителя первой половины XX столетия Рене Генона “Кризис современного мира”. Говоря о “кризисе”, Генон поясняет, что в данном случае он имеет в виду значение этого слова, в том числе, как “суд”, “решение”, “установление различий”:

“Фаза, которую обычно считают “критической” в самом широком смысле, непосредственно предваряет завершение всего процесса, независимо от того, приведет ли это к негативным или позитивным последствиям. Поэтому в данной фазе происходит подготовка к вынесению окончательного “решения”, взвешивание всех “за” и “против”, определение того, какие результаты являются позитивными, а какие негативными, и наконец, окончательное выяснение того, в какую же сторону в итоге склонятся весы” (1).

Новая проблемная ситуация — это общемировой структурно-системный кризис, что в приложении к реалиям общественно-политическим будет определяться как кризис институционально-правовой: под вопрос поставлены

Видеманн Владимир Владимирович, автор книги “Знаки империи “ (Берлин, 1995), главный редактор журнала “Императив”.

многие вчерашние аксиомы из области как национального, так и международного права, не говоря уже о правах личности (к примеру, право на гомосексуальный брак и т.д.). Кроме того, это, безусловно, и кризис экономический, теснейшим образом связанный с кризисами экологическим и популяционным.

Таким образом, кризис государственности, национальной экономики и экологии диагностируется на сегодняшний день далеко не только в России, но и в большинстве промышленно развитых стран Запада. Разумеется, на Западе соответствующие кризисные явления имеют свою локальную специфику (как, впрочем, и аналогичные явления на Дальнем Востоке или в других частях света), но в данном случае нам хочется обратить внимание читателя на универсальный аспект охватившего современный мир кризиса (т.е. на то, что присуще всем нынешним кризисным формациям без исключения): а именно, на рост противостояния социального и либерального факторов в общественном производстве — противостояния труда и капитала.

Три фундаментальных производственных фактора

Тем не менее, палитра противоречий современного мира (во всяком случае, в смысле последнего как суммы современных индустриальных наций) не сводится, в то же время, исключительно к дуальному противостоянию труда и капитала, поскольку не менее весомым во всей системе общественного производства является фактор земли, значение которого разрабатывается и выражается сторонниками “третьего начала” (или “третьего пути”) — консерватизма.

Это “третье начало” как производственный (и вообще политэкономический) фактор было в значительной степени вытеснено в течение первой половины нашего столетия с исторической сцены радикализировавшимися либерализмом и социализмом, перешедшими, в конечном итоге, к открытой взаимной конфронтации в период “холодной войны”. Одновременно с окончанием этой войны изменился сам характер противостояния либерализма и социализма, которое перешло из сферы чисто геополитической на уровень внутренней политики отдельных обществ и государств. Вместе с тем, такая смена конфликтной комбинации вновь выявила исторический потенциал консерватизма как неизбежного (хотя, порой, и скрытого) третьего фактора всякой политэкономической реальности.

Один из современных немецких философов национал-консервативного направления Райнольд Оберлерхер, к примеру, определяет место самого консерватизма и его функции в истории следующим образом:

“Три основных полит-идеологических направления парламентарной системы — консерватизм, либерализм и социализм — кристаллизовали в себе в

историческом и системообразующем смыслах три основных фактора экономического производства: землю, капитал и труд...

Община свободных землевладельцев, работающих на собственной земле с мощью собственных сил и собственных средств — т.е. среднее сословие в силу обусловленности собственными средствами — может быть свободно определена как община консервативная, либеральная или же социальная, ибо в такой среднесословной общине отсутствует буржуазно-общественное и парламентское противостояние между консерватизмом, либерализмом и социализмом” (2).

Следовательно, разделение на консерватизм-либерализм-социализм есть разделение, в известном смысле, условное, но в то же время и практическое, поскольку позволяет идентифицировать политические силы общества, утратившего свою изначальную бесклассовость. В то же время, консерватизм никогда не радикализируется по типу социализма или либерализма, ибо ему противоестественна сама тенденция к некому финальному искоренению какого-либо производственного фактора из состава изначальной триады.

Таким образом, чистый “...консерватизм существует лишь в периоды относительного монополизирования земли и недвижимости в руках консервативного класса, так что безземельные или малоземельные классы вынуждены компенсировать свою малоземельность посредством труда на факторном рынке в обмен на один из монополизированных ими самими противоположных факторов, — чтобы таким образом быть в состоянии воспроизводить производственный фактор или собственную жизнь, что в случае социалистического класса одновременно и является производственным фактором” (3).

Консервативная революция

Наше, несколько растянувшееся, вступление в основную тему рассуждениями о современном глобальном кризисе и о новом перекомбинировании трех основных политэкономических факторов обусловлено, не в последнюю очередь, тем, что именно Россия представляет сегодня один из наиболее вероятных плацдармов для очередного выхода на всемирную сцену классического политического консерватизма, функция которого, в немалой степени, задана объективно-исторически: стабилизация общественно-политических отношений через новое системное перераспределение производственных факторов посредством нового, соответствующего требованиям эпохи, Закона о земле- нового Кодекса земельного права. Фактически здесь речь идет о том глобальном социально-политическом процессе, который в первой четверти XX столетия получил название консервативной революции.

"...политическая консервативная революция означает революцию земельного права. Стало быть, консервативные революции обретают свое значение там, где имеют смысл революции земельного права", — пишет Р.Оберлерхер (4).

Однако, если в Европе идеи консервативной революции имели первоначально характер интеллектуального и культурного сопротивления сословия владельцев земли и недвижимости новым тенденциям, выражавшимся в перехвате политической инициативы либералами и социалистами, то в современной России консервативная революция призвана решать задачи на порядок выше: т.е. не просто мобилизовать "консервативный класс" в борьбе за собственные интересы, но вообще создать его, фактически, заново.

Наблюдая развитие современной русской общественно-политической мысли, нельзя не заметить все более интенсивное складывание определенного дискурса вокруг проблемы т.н. "третьего пути"- т.е. среднего пути между капитализмом и социализмом, который бы соответствовал историческим нормам национального экономического и правового сознания. К сожалению, до сих пор ни один из русских теоретиков "третьего пути" не обозначил ясно и внятно, в чем же, собственно говоря, чисто практически состоит особенность этого пути, и почему именно он для России предпочтительнее, чем классический капитализм (о классическом социализме сегодня вопрос, надо понимать, на повестку дня не ставится).

К примеру, вплотную к осмыслению этой проблемы подошел один из пионеров современной русской идеологии консервативной революции Александр Дугин:

"Экономика "третьего пути" должна иметь свое однозначное политическое выражение, сопоставимое с "партией либералов" или "партией коммунистов"...

"Третий путь" нуждается в таких носителях этой идеологической догмы, которые были бы сопоставимы по подготовленности, убежденности и информированности с либералами и коммунистами. Принципы экономики "третьего пути" столь же строги и однозначны, как и принципы двух других идеологий" (5).

Он также вполне обоснованно называет имена трех основных идеологов, давших начало либеральной, социалистической и консервативной традиции современной политэкономической мысли. Это — Адам Смит, Карл Маркс и Фридрих Лист. Тем не менее, А.Дугин (подобно другим известным нам отечественным авторам) нигде в своих трудах не связывает напрямую вопросы консервативной революции и "третьего пути" с землей как фактором общественного производства (не говоря уже о вытекающих из этого следствиях).

Таким образом, представляемая нами работа является, по сути, первой попыткой изложить перспективы складывания новой российской

государственности с позиций национал-консерватизма как политологической доктрины, призванной выразить интересы консервативной элиты грядущей России.

Земля и воля (историческая ретроспектива)

С изначальных времен у всех бесчисленных народов нашей планеты земля считалась наиболее священной из всех вещей. В особенности же земля почитаема у народов древних земледельческих культур, ибо здесь она представляет собой не только стихию предков, но и основное средство актуального существования общества. Именно у этих народов прежде всего произошел переход к патриархальной семье, зародились институты права, возникли первые исторически известные формы государственности. Во всем этом культурном становлении значение земельного фактора — и как общественно-производственного, и как культово-религиозного — играло, поистине, решающее значение. Из него, кстати, впервые возник и сам институт частной собственности (первоначально на религиозной основе).

Во всех земледельческих культурах земля являлась категорией сакральной, но лишь в некоторых из них — в очень немногих — она послужила, кроме того, основанием уникального исторического процесса политической эмансипации личности. Не вдаваясь в настоящей работе в подробности этого сложного явления, отметим лишь, что из числа европейских народов этим путем пошли сначала эллины и римляне, а затем германцы и славяне, продолжившие античные традиции земледельческой общинной вольницы.

Классическим государством, весь политический и социально-религиозный строй которого основывался на приоритетах консервативных ценностей земледельческой культуры, можно считать римскую державу (первоначально как республику, затем — как империю). Показательно, что никто не мог в такой степени гордиться своей личной свободой, своими гражданскими правами, как римляне. После принятия Римом христианства в качестве официальной религии государства, языческое жречество всех земледельческих культов империи было инкорпорировано в состав церковной иерархии, и таким образом древнейшая культовая традиция обрела новую унифицированную форму выражения.

Тот же самый процесс позже повторился в Северной и Восточной Европе. Германское и славянское языческое жречество практически поголовно перешло в христианство. Аргументы неоязычников о том, что цвет этого жречества — легендарные волхвы — якобы погиб при насильственной

христианизации, не соответствуют ни реальной истории, ни внутренней логике самой религии волхвов. Ведь известно, что в данном случае главой языческого фамильного земледельческого или военного культа являлся старший в роде, т.е. князь. Поэтому именно князья и были главными волхвами, но ведь они же первые, со своей дружиной, и крестились! Здесь мы хотим сказать, что принятие христианства германцами и славянами явилось вполне закономерным актом, ибо таким образом молодые европейские культуры восприняли родственную им и типологически подобную, более развитую и рафинированную, “отстоявшуюся” культуру древних земледельческих народов.

Как известно, германская и славянская земледельческая общины исторически строятся на родственных, если не сказать одинаковых, принципах: как свободное сообщество свободных людей. Это родство непосредственно прослеживается вплоть до XVIII столетия, когда произошло окончательное закрепощение подавляющей части немецких и русских крестьян. Однако, на крайнем севере Европы — в Скандинавии и Поморье — традиции свободной общинной жизни германцев и славян продолжали сохраняться; сохранялось и функциональное родство этой жизни. Сегодня это принципиальное родство может выступить в качестве одного из решающих факторов не только русской, но и европейской консервативной революции.

Миссия импероостроительства

Уже было сказано, что римская государственность представляла собой классический образец консервативного политического строя. Не случайно и то, что оба импероостроительных народа средневековой Европы — немцы и русские — взяли за образец своего политического становления институциональные нормы Римской Империи (позднейшей Византии). И дело даже не в том, что германская культура делала акцент на римском праве, а русская — на византийской религии, а в принципиальной созвучности общего римско-византийского строя традиционным нормам германского и славянского миров, и в особенности — русскому миру как особой форме базисного родства не только славяно-германского, но и общеарийского.

Весьма показательно то, что именно германские и славянские народы распространили начала своей земледельческой цивилизации на новые земли и континенты. Одни — на Западе (включая Америку), другие — на Востоке (включая Сибирь). Интересно и то, что одновременно с завершением деятельности тех и других первопроходцев, когда русские достигли своего крайнего восточного предела, а германцы (в лице англо-саксов) — крайнего западного (а в целом для тех и других это была Аляска), классический консервативный фактор импероостроительства оказался, как бы, исчерпан, и на историческую сцену стали постепенно выходить новые факторы: либерально-капиталистический (торговый) и социально-трудовой (индустриальный). В

результате англо-саксонский Запад сделал окончательную ставку на капитализм, а русский Восток — на социализм. Противостояние Систем одновременно знаменовало собой временный уход реального консерватизма (т.е. консерватизма в имперских масштабах) с политической арены истории, хотя и не без боя.

Бой дали немцы, причем сразу на два фронта: и против либерализма, и против социализма. Действительно, если непредвзято подойти к основным идеологемам эпохи Третьего Рейха (т.е. Третьей Империи, идея которой была впервые выдвинута консервативным мыслителем Мёллером ван ден Бруком, которому принадлежит и изобретение самого термина "консервативная революция"), то в них совершенно однозначно можно увидеть ориентацию на выявление консервативного фактора в экономике и социальной истории (Ф.Лист) в противовес факторам либеральному (А.Смит) и социалистическому (К.Маркс). Взять, хотя бы, известные лозунги о крови и почве, о жизненном пространстве, о завоевании Востока (Drang nach Osten как имперская земельная программа в духе консервативной революции).

Тем не менее, популистский режим Гитлера не отвечал тем целям, которые история ставила перед перспективами истинной консервативной революции в Европе. Показательно, что сами немецкие консервативные революционеры были репрессированы или лишены реальной политической инициативы. Все это, тем не менее, не делает консервативную революцию чем-то специфически немецким (как идейно, так и практически). Более того, гораздо более предпосылок к такой революции можно найти в русской жизни, прежде всего — в силу фундаментальной почвенности России (более фундаментальной, чем германской), а также вследствие самих размеров Русской земли.

В известном смысле, предтечей идей консервативной революции (не только русской, но и европейской) можно назвать П.А.Столыпина: весь размах и замысел его реформ говорят об этом. К сожалению, в противостоянии личности и истории, последняя нередко берет вверх. Однако, не состоит ли, в то же время, конечный смысл самой истории именно в наличии принципиальной возможности победы личности? Во всяком случае, христианское понимание истории говорит, что это так.

Объективно реформы Столыпина имели своей целью не только экономическое раскрепощение крестьянства, но и духовное раскрепощение самой личности земледельца, возвращение ей прав и достоинств, конфискованных в свое время помещичьей кабалой. В конечном же итоге речь шла о создании нового сословия национального землевладельца — фундаментальной опоры России как традиционалистского консервативного государства, как классической империи. Знаменитые программные слова Столыпина вновь становятся актуальными сегодня:

"Мы предлагаем вам скромный, но верный путь. Противникам государственности хотелось бы избрать путь радикализма, путь освобождения

от исторического прошлого России, освобождения от культурных традиций. Им нужны великие потрясения, нам нужна Великая Россия” (6).

Священная почва и имперская власть

Сущность консервативного имперского строя в его классической чистоте вполне иллюстрируется примером римского государства, о природе которого кратко и четко говорит французский историк середины прошлого столетия Н.Д.Фустель де Куланж в книге “Античное государство”:

“Римское государство (civitas romana) не расширялось за счет завоеваний; оно состояло исключительно из фамилий, принимавших участие в церемонии ценза. Римская территория (ager romanus) не росла; она оставалась ограниченной нерушимыми межами, приданными ей некогда царями и из года в год освящаемыми церемонией амбравалии. С каждым же завоеванием возрастали две вещи: власть Рима (imperium romanum) и территория, принадлежащая государству (ager publicus)” (7).

Следовательно, в данном случае государство понимается как фамильный союз, конституируемый общим публичным культом и правом. Частные земельные владения фамилий, входивших в этот союз, рассматривались как неотчуждаемые священные территории, связанные с фамильными культами предков. Считалось, что сами предки (а точнее — их души) непосредственно обитают в границах этих территорий, тогда как их бренные останки хранились в фамильных усыпальницах, где патриархальными главами семей свершались заупокойные ритуалы. Именно наличие (в частной коллективной семейной собственности) такого фамильного культа, соответствующей усыпальницы и священной территории являлось основанием полноценного гражданского статуса и всех связанных с ним прав и привилегий. Сумма этих священных территорий, ager romanus (букв. “римское поле”), представляла собой нечто вроде “неразменной монеты”, абсолютного ценностного императива римского общества и государства в его физической и метафизической проекциях (т.е. как суммы конкретных граждан, так и суммы всех предков и потенциальных потомков, связанных единым культом).

Доля семьи в римском поле автоматически означала долю в римской власти — imperium romanum (т.е. активное и пассивное избирательное право), а также привилегии во владении подчиненными этой власти территориями — ager publicus (букв. “общественное поле”). Таким образом, римлянами делалась разница между государством как таковым (т.е. как сакральной культовой институцией) и государственными владениями (римская власть над внешним, профанным миром).

В принципе, схожие представления существовали у многих других земледельческих народов древности (в частности, у тех же греков, а также германцев, славян и иных народов), но именно римляне придали им блеск

институционального совершенства, т.е. обратили религию — в право, культ — в политику, а свободную общину — в имперское государство. Не лишне, кстати, заметить, что законченную философскую (а в те времена это одновременно означало и научную) интерпретацию римскому имперскому порядку придали, в конечном результате, греки. Особенно же велика роль греков в христианский период развития античной имперской культуры.

Оформление православия в качестве официальной религии Империи привело к преобразованию всего римского политического строя, развитие которого происходило уже в русле новой универсалистской религии, но при этом на базе литургической преемственности древним культовым традициям. Так, в самом Риме в состав иереев местной христианской общины вошла большая часть старых римских жрецов, причем с монопольным закреплением должностей за определенными фамилиями. Римский первосвященник получил чин главы римского фамильного жречества — великого понтифика (между тем как в восточных церквах в иерейский состав вошли представители восточного дохристианского жречества).

Христианский храм взял на себя роль древней фамильной гробницы: под семьей (но уже духовной — не по ветхому чину Адама, а по новому чину Христа) теперь понималась вся Церковь, в рамках которой и продолжалось моление за предков и их ритуальное кормление. Вместо былых останков священных предков в храмах стали почитаться святые мощи. Сами христианские иконы исторически восходят к росписям древнеегипетских саркофагов, и таким образом являют собой ритуальные эквиваленты мумий — т.е. священных останков.

Римское поле — ager romanus — превратился в землю церковной общины, в новый образ священной почвы, земли предков, отечества. К примеру, территория Ватикана считается римским полем для всех католиков мира — их физической привязкой к стихии земли, священной почве, без доли в которой нет доли в культе.

В отличие от Рима, Константинополь сразу строился как имперская столица, и его население уже изначально объединялось целиком на основах нового имперского культа. Вся территория в пределах городских стен считалась священной и являла собой составную часть культового (церковного) пространства литургических священнодействий. Именно в Константинополе сложился классический православный служебный канон, его обряды. Один из важнейших культовых элементов древней полисной религии — общегражданские процессии по святыням города (в том числе и ритуал амбравалии) — обрели характер православных литий (разновидностью которых являются Крестные ходы). Первоначально такие процессии направлялись от храма к храму, а сама храмовая служба представлялась лишь как завершающая во всём ритуальном цикле. Каждый храм города имел свою специфику, а весь Константинополь в целом считался Новым Римом и Новым

Иерусалимом одновременно, земной проекцией сакрального Небесного града, Космополиса.

Церковная земля была священной и неприкосновенной. Иметь свою ритуальную долю в церковном “римском поле” мог каждый православный, но только он и мог, с другой стороны, иметь на этом основании право быть частным земельным собственником. Только православные, как подданные императора, считались гражданами Империи, в чем усматривается продолжение традиций римского гражданского общества. На этом основании частная собственность имперского гражданина бралась под священную защиту государственной власти. Благодаря этой политике в Византии стабильно существовал многочисленный класс свободных мелких и средних земельных собственников, в силу фундаментального консерватизма которого византийский социальный строй и само византийское государство просуществовали тысячу лет.

Византийская доктрина Священной Империи прямо считает, что имперская государственность образуется из воцерковленных семей (вспомним, что подобное представление о “семейном” характере государства существовало в Древнем Риме). Всякая православная фамилия, где бы она ни жила, находилась под прямым покровительством императорской власти, а ее частная земля причислялась к священной имперской почве, охраняемой как церковью, так и государством. Таким образом, в Византии ager romanus превратился в имперскую почву как собственность Церкви и имперских граждан. Ager publicus — это земельные владения иноверцев, входящие в состав имперской территории как основы политической власти Империи.

Традиции землевладения в России

Россия как государство складывалась под сильным воздействием византийских политических образцов, в то же время отвечавшим традиционной культуре ее земледельческих народов (славянских, балтийских и других). Владетельная древнерусская аристократия, приняв православие, тем самым осуществила, подобно древнеримским жрецам, переход национального жречества в имперскую церковную иерархию. Автоматически за господином в христианство — как новую религию патрона — переходили все его служилые люди (аналог римской клиентеле).

Кто оказал действительное сопротивление христианизации — так это кочевые степные и охотничьи угро-финские народы (мордва), населявшие значительные пространства территорий, администрировавшихся русской княжеской властью. Мордва, вообще составлявшая большую часть населения Северо-Восточной, Московской Руси, будучи, в конце концов, русифицирована культурно, в то же время отличалась наличием сильной родовой привязанности к язычеству, причем в форме матриархальных культов. Отсюда “народный”

облик русского православия (его Московской нормы) столь матриархален. Отсутствие в матриархате культа предков (как он понимается патриархальной земледельческой традицией) ведет к тому, что в феминизированном православии основной мистериальный акцент переносится с почитания иерархии священных предков на фактическое почитание природных стихий под внешним обликом Богоматери и особых святых.

Для великокняжеской власти эквивалентом “римского поля” были первоначально родовые владения рюриковичей (ager ruricus). Рюриковичи, вместе со всей своей обширной клиентелой, и составляли первоначально Русь. Ager publicus — общественное поле — состояло из территорий, политически подчиненных власти рюриковичей (imperium ruricorum), власти Руси.

Вплоть до времени Иоанна Грозного русские традиции землевладения сохраняли по существу характер древнего, дохристианского патриархального культа. В XVI веке Русское Государство пережило эпоху очередной консервативной революции — т.е. фундаментального земельного передела: государство перешло в своей опоре от составлявших “рюриково поле” родовых вотчин к византийской политической доктрине имперской почвы. Здесь имперская почва — это первоначальная опричнина как территория, находящаяся в непосредственном владении монарха, но уже не столько как рюриковича и Великого князя, сколько как поставленного Церковью василевса-самодержца, царя.

Москва, взявшая на себя миссию нового Рима, все более обретала облик храмового города, с сакральным центром в Кремле. Появились московские чины как основные носители имперской власти. Московское дворянство, наряду с духовенством, превращалось в новую консервативную элиту Русского Государства.

Несмотря на краткость данного исторического очерка, невозможно обойти вниманием петровские реформы и их последствия. С одной стороны, новое московское дворянство было призвано сыграть роль главной опоры консервативного политического порядка в Российской Империи, и в силу этого государство усиленно стимулировало рост дворянского землевладения. С другой стороны, этот процесс шел, в значительной степени, за счет закрепощения свободного крестьянства, что, естественно, подрывало сами изначальные устои социального строя русского государства. Эти устои подрывались также последствиями антицерковной политики Петра Великого, видевшего образцы политического совершенства не в имперских традициях древней Византии, а в протестантских странах современной ему Европы. Правда, если бы Петр был последователен, то ему следовало бы вовсе отменить крепостное право, ибо в той же Швеции, государственный строй которой русский монарх пытался копировать (вводя шведские регламенты, и даже, по образцу шведского короля, административно подчинив себе Церковь), крестьянская община во все времена была свободной.

Несмотря на относительную краткость крепостного периода (всего полтора столетия), его последствия для культуры национального землевладения в России оказались весьма тяжелыми. Кроме общего снижения производительности сельского труда, были серьезно подорваны духовные устои русской традиции свободного земледельчества, социальная этика и гражданское самосознание крестьянства. Эти роковые последствия стали было преодолеваться к началу нашего столетия, и столыпинская реформа должна была окончательно расчистить пути для становления нового национального консервативного землевладельческого класса. По известным причинам история страны пошла тогда другим путем...

Субъектность национального землевладельца

Сегодня Россия объективно стоит на пороге не просто очередной исторической консервативной революции (т.е. эпохи земельного передела), но консервативной революции предельно радикальной, ибо в ее первейшую задачу входит сотворение принципиально нового психологического и юридического субъекта национального землевладения вообще.

До нынешнего времени (канун 1997 года) вопрос о земле здесь не был по существу поставлен ни одной политической силой или партией. Конкретная позиция по этому вопросу есть только у коммунистов: нет приватизации земли! Ее разделяют так называемые “аграрии” — партия сельской номенклатуры советского призыва. Это вполне естественно, так как и те, и другие выражают интересы сторонников социалистического типа хозяйствования, активно сейчас вытесняющегося либерально-рыночным типом. Представители последнего типа в политике — это либеральные партии и движения, характеризующиеся установкой в земельном вопросе на механизмы свободного рынка. Либеральные партии до сих пор не провели закона о свободной приватизации земли лишь в силу того, что социальные последствия этого акта фактически непредсказуемы, что представляет собой объективную опасность устойчивости и так нетвердого режима.

Все попытки поиска компромисса в этом вопросе сводятся по существу к торгу между социалистами и либералами за взаимоприемлемую программу, которая, однако, в любом случае игнорирует интересы потенциального (пока что) консервативного общественного класса.

В вопросе о земельной реформе в России консервативная мысль стоит на принципах, существенно отличных от политических представлений либерализма и социализма.

Либерализм как таковой есть следствие развития коммерческих отношений, и его начала укоренились прежде всего у “прибрежных” наций, благосостояние которых основано преимущественно на торговом обороте. Не удивительно, что страной классического либерализма считается Британия, откуда его нормы, при немалом посредничестве масонских лож, распространились по всему миру, а в Соединенных Штатах даже обрели вторую родину. С либеральной точки зрения земля является обычным товаром, и это вполне естественно, так как в хозяйственном укладе торговых наций земля как производственный фактор не играет существенной роли.

Социализм, основывающийся на принципах коллективной собственности, отрицает право на существование частного земельного собственника вообще. Не будем здесь подробно описывать историческое происхождение социалистического хозяйственного уклада из т.н. азиатского способа производства, но лишь отметим, что чисто практически давно доказана предельная эффективность именно частного труда в сельском хозяйстве, и особенно — в земледелии.

Консерватизм как мысль и как стиль восходит к традициям социально-политической организации древних земледельческих обществ, основа существования которых состояла в земле — ее количестве и качестве, и чьи методы хозяйствования заложили фундамент для исторически сложившегося европейского способа производства (греко-римского/славяно-германского). Основными оплотами консерватизма в Европе всегда считались Германия и Россия, причем последняя — в наибольшей степени, и это понятно, учитывая ее территорию.

В России, как традиционной земледельческой стране, где почвенная стихия неразрывно связана с религиозными представлениями населения, именно землевладельческая, а не коммерческая психология определяет саму изначальную национальную гражданскую субъектность, историческое развитие которой определило, фактически, становление всей русской имперской консервативной политической культуры. Краеугольным камнем этой культуры, безусловно, можно назвать знаменитую Соборность. Через Соборность русская философия пытается не только объяснить онтологическую сущность собственно русского национального характера и уклада, но и показать истинные религиозно-этические пропорции универсального порядка. Что же такое Соборность?

Соборность

Западные, а подчас и отечественные авторы нередко интерпретируют Соборность как некий безликий коллективизм (с той лишь разницей, что первые это делают, как правило, в негативном, а вторые- в позитивном ключе).

По этому поводу московский историк и филолог Павел Тулаев, в своей книге “К пониманию русского”, совершенно справедливо замечает:

“Слово Соборность используется как синоним понятий социализм, коммунизм, патриотизм, единство, солидарность и т.д. Отрицание иерархической структуры мистического единства, центром и краеугольным камнем которого является Христос, а воплощением Вселенская Церковь, приводит к подмене: Лика Господня — ликом всенародной души, Соборности — государственностью и общественностью, богочеловеческого строительства — человекобожеским” (8).

П.Тулаев дает здесь теологическое определение Соборности, мы же представим ниже — полит-философское.

Мы полагаем, что социальные корни феномена Соборности лежат в культовых традициях древних земледельческих обществ, а доктринальные — в греко-римской политической философии.

Так, Аристотель, развивая свои представления о “природной” сущности греческого общества, выделял особую, на его взгляд, способность эллинов к сознательной солидарности ради общего политического блага. Коренное отличие эллина от варвара состояло, на взгляд древнего мудреца, именно в том, что варвары, по самой “недочеловеческой” природе своей, не способны к сознательному и добровольному подчинению личных интересов-общественным, политическим. Варвары, подобно животным, понимают только закон силы, и в этом состоит их принципиальная антропологическая ущербность. Эллины, напротив, строят свое существование на разумных началах, на возможностях сознательной солидарности свободных граждан.

Аристотель выстраивает целую иерархию господств — от мира животного до божественного. Так, согласно философу, домашнее животное по своей природе более благородно, чем дикое, ибо находится во власти человека, разумного начала, тогда как дикое животное подчинено неразумной природе. В человеческом мире подчиненность свободного человека выше по своей природе, чем подчиненность раба (а власть над эллинами в целом более благородна, чем власть над варварами), равно как статус лидера свободных граждан выше статуса тирана. Таким образом, чем выше степень добровольности подчинения, тем более трансцендируется духовно само соответствующее господство, и чем разумнее природа и форма подчинения, тем более облагораживающим (что с точки зрения норм античной этики одновременно означает и более эмансипирующим) будет обратное влияние господства. В идеальном случае мы будем иметь добровольное подчинение свободной личности Богу, где, в свою очередь, божественная власть не только окончательно облагораживает (обожает) личность, но и является гарантом ее финального спасения.

Принципы такой иерархии господств неразрывно связаны с греческой политической диалектикой как античной социальной наукой, ориентированной на идеалы разумности, свободы и общественного блага. Нам представляется,

что именно эти принципы лежат и в основании христианской Соборности как духовной основы спасительного добровольного объединения истинно свободных личностей. Онтологически заданная иерархичность господств находит свое выражение в мистической Соборной Церкви как теологическом эквиваленте идеального разумного (не путать с рациональным) порядка — античного космоса.

“Единение людей в такой Церкви, не эмпирической, а умопостигаемой, пребывающей вне времен и пространства, возможно только по разумению, по воле свободного выбора” (9).

Соборный передел

Теперь, возвращаясь к темам консервативной революции и субъектности национального землевладельца, в интересах которого эта революция должна осуществляться, сделаем из наших вышепредставленных умозаключений ряд выводов.

Так, консервативная модель русской государственности, предполагающая укорененность в исторических культурных традициях нации как политического субъекта, предлагает воссоздать в качестве изначальной “консервативной константы” всего общественно-политического строя институт церковного землевладения. Церковные земли должны стать отечественным эквивалентом “римского поля” — т.е. культовой священной почвы предков, принципиально неотчуждаемой.

Далее, символическую долю в этой почве должны иметь все члены Православной Церкви, а говоря точнее — все православные фамилии как субъекты новой имперской государственности. Юридически это будет означать “симфоничность” православности и имперской гражданственности, а практически станет основанием для материальной помощи Церкви ее неимущим членам (средства для этой помощи должны поступать как раз от доходов церковного землевладения).

Кроме того, всякая имперская фамилия должна частным образом владеть минимальным и неотчуждаемым участком земли из Имперского земельного фонда, а также иметь право на соответствующий кредит из Имперского земельного банка. Выход из имперского гражданства (эквивалентный церковному отлучению) должен влечь за собой утерю соответствующих земельных прав, и наоборот.

Таким образом, имперская почва будет состоять из совокупности церковных и частных (православных фамильных) земель. В целом имперское землевладение должно включать в себя как минимум одну треть всего земельного фонда страны.

Общественное поле, ager publicus, объединяет в себе земли, на которые распространяется имперская политическая юрисдикция, но при этом не

имеющие статуса священной почвы. К ним относятся государственные земли (предоставляемые в служебное пользование), рыночный земельный фонд, а также особые территории с преобладанием инородческого населения. Государственное землевладение, как и имперское, должно включать в себя как минимум одну треть всего земельного фонда страны. Отсюда, на долю свободного рынка и инородческих территорий приходится также примерно одна треть всеобщего земельного фонда.

Земельный передел, осуществленный подобным образом, восстановит разумные пропорции в политической, социальной и рыночной структурах российского землевладения, примирив и уравновесив его социалистический (ныне государственный), либеральный (рыночный) и консервативный (традиционалистский) факторы.

Национальная земельная политика

Одним из наиболее болезненных вопросов современной российской государственности является вопрос национальный, точнее говоря — инородческий. Для большинства политиков очевидно, что земельный передел на либерально-рыночной основе приведет к захвату большей части лучших земель не просто нуворишами-спекулянтами, но в значительной мере представителями азиатских инородческих фамильных кланов, о степени финансовой влиятельности которых само за себя говорит хотя бы положение в Москве. Народ, говоря без обиняков, не допустит к до сих пор священной для него земле инородцев, а в случае чего не станет с этим мириться. Однако, проблема эта может быть решена на основании консервативного земельного передела в самих инородческих окраинах.

Здесь наше предложение состоит в том, чтобы инородческое население также обрело собственный, национальный эквивалент “римского поля” — т.е. священной почвы, которая должна находиться в неотчуждаемом владении инородческих религиозных объединений. Эта священная почва, плюс гарантированная инородцам доля в частновладельческом фонде (размеры которой прямо пропорциональны процентуальной доле инородческого населения на соответствующей административной территории), должны составить экзистенциальный базис нового консервативного порядка национальных окраин, ориентированного на соответствующие национальные традиции их населения. Инородческое земельное право должно основываться на автохтонных началах, не зависимых от имперской власти (но и не нарушающих ее политических интересов). Именно консервативная революция в национальных окраинах сможет привести к естественной репатриации большинства инородцев из чисто русских регионов в места своего исторического проживания.

Следует подчеркнуть, что такого рода реформы необходимы, прежде всего, для восстановления справедливых исторических пропорций во всем “многоярусном” российском землевладении в принципе. Лишь вновь укоренив народы России в их национальных почвенных традициях, лишь выдвинув фактор земли как основу основ нового имперского социального и политического консервативного строя, можно будет говорить о дальнейших путях цивилизованного развития российской государственности в целом.

Консервативная элита

Закономерно спросить, какие общественно-политические силы страны начнут формирование будущей консервативной элиты России, в задачи которой будет входить сплочение всего класса национального землевладельца в политическую имперскую Соборность?

Безусловно, частью этой элиты должно стать духовенство. Кроме того, по логике имперского строительства, в эту элиту должно войти военное сословие, что предполагает непременное наделение его членов не только частной землей, но и государственными поместьями. В частности, в период становления поместного чиновного землевладения можно обратиться к опыту аракчеевских военно-земледельческих поселений. Здесь же следует сказать о гражданской чиновной корпорации, представители которой также составят часть консервативной элиты.

На базе фамильных традиций этих классов в России появится новый тип крупного частного землевладельца, а вместе с ним всё гражданское общество обретет фундаментальную укорененность в национальном имперском традиционализме.

Разумеется, не следует забывать и об инородческой консервативной элите, которая возникнет в национальных окраинах. Центральной задачей имперской власти в национальной политике должна стать гарантия и охрана земельных прав этой элиты (в пределах ее родовых территорий). К примеру, чеченскую проблему можно было бы решить, вернув тейпам в частную собственность традиционно принадлежавшие им земли, а также право на внутритейповую юстицию. При этом член тейпа, естественно, не может одновременно являться имперским гражданином. Эта же логика действует и в отношении других народов, проживающих в пределах России.

Если говорить о собственно русской родовой элите, аристократии, то ее потомки, безусловно, должны получить свой частный земельный минимум, а также иметь право на льготную аренду государственных поместий.

Заключение

В случае осуществления в России консервативного земельного передела, консервативной революции, три ведущих фактора общественного производства — труд, капитал и земля- восстановят здесь свое продуктивное функциональное равновесие. Тогда “русский потенциал” сможет повлечь за собой соответствующий “революционный” процесс в ряде других стран с традициями континентального почвенничества (прежде всего, в Центральной Европе). Это, в свою очередь, может сместить центр тяжести в характере современного развития цивилизации с либерально-рыночного фактора (чреватого, как минимум, экологической катастрофой) в пользу консервативного, почвенного, экологически-чистого. Это ни в коем случае не означает возвращения к доиндустриальным методам хозяйствования, но лишь освобождение от порочной логики избыточного производства и избыточного потребления, подрывающего не только основы всеобщего социального мира, но и самого экологического баланса планеты.

Консервативная революция — это наиболее естественное и перспективное преодоление кризиса современного мира в пользу нового имперского почвенного порядка, в идеале — нового Священного Союза.

Литература

(1). Р.Генон. Кризис современного мира. Арктогея, М.1991, С. 11.

(2). Р.Оберлерхер. Смысл консервативной революции. Императив-II/96. Берлин 1996.

(3). Там же.

(4). Там же.

(5). А.Дугин. Геополитическое будущее России. ЦСМИ, М.1995, С.71.

(6). Цитата по изд.: С.Глазьев. Экономика и политика. Гнозис, М.1994, С.309.

(7). N.D.Fustel de Coulanges. Der Antike Staat (“La Cite antique”), dtv/Klett-Cotta, Munchen 1988, С. 489.

(8). П.Тулаев. К пониманию русского. Лицей, М.1994, С.167.

(9). Там же. С. 161.

Сергей Городников

ПРЕОДОЛЕНИЕ СОВРЕМЕННОГО ВАРВАРСТВА

1

В России нет официозного, то есть конституционного политика, который бы не заявлял, что он за "цивилизованность" и против "варварства". Но путаница по поводу понимания этих слов царит повсеместная и подлинно варварская. Ибо лишь варвары не в состоянии объяснить, что же следует определить как современную цивилизацию и цивилизованность.

Так что же это такое, современная цивилизованность?

На вопрос этот *в принципе* невозможно ответить без осознания важнейшей причины всех мировых экономических и политических противоречий последних столетий. Доминанта этих противоречий усиливается с усилением мирового промышленного производства и приводит к выводу: *современная цивилизация есть цивилизация промышленная.* Собственно, уже Клод Сен-Симон в своем анализе развития политической борьбы во Франции с XV века до Великой французской революции включительно объясняет ее ход перемещением собственности от духовенства и дворянства к промышленникам и нарастанием классовой борьбы между ними. Он же высказывал убеждение, что основой будущего экономического строя будет научно и планово организованная *крупная* промышленность, а господствующая политическая роль окажется у ученых и промышленников.

То, что через почти два столетия после появления этих идей Сен-Симона, основанных на анализе исторических процессов, приходится повторять их как нечто совершенно новое для нынешней политической и информационной атмосферы России, говорит лишь о непросвещенности как наследников коммунистической партократии, так и сложившегося в условиях режима диктатуры коммерческого космополитизма правящего класса, его инстинктивно враждебного неприятия даже самой мысли о *реальном,* а не декларативном промышленном становлении государства. *Ибо в условиях промышленного развития, в политических тенденциях усиления значимости эффективности промышленного производства для социальной стабильности,*

Городников Сергей Васильевич, писатель и политолог, автор ряда книг и статей, посвященных теории Национальной Реформации, русскому национальному самосознанию.

именно социально организованные ученые и интеллектуально сильные, одаренные промышленники окажутся у власти.

Разве может нынешний сброд “народных неокоммунистов”, казнокрадов, спекулянтов, ростовщиков, бывших номенклатурных “кухарок”, бандитов, которые составляют основу основ экономических и политических сил вблизи исполнительной и представительной власти, — разве может этот паразитарный и бездарный слой, не способный иметь даже сколько-нибудь жалких принципов, — разве может он не пугаться перспектив промышленного развития России, немыслимого без резкого возрастания значимости образованности, таланта и социальной этики поведения в среде элиты, — то есть по сути немыслимого без решительного очищения власти от нынешней псевдоэлиты?

Разумеется поэтому, основные силы космополитичного правящего класса России напуганы нынешним характером мировой промышленной цивилизации и боятся даже упоминать, даже помыслить, что она именно *промышленная.* Поэтому-то, упоминая о своей приверженности цивилизованности, они говорят о некоей “демократической цивилизованности”, *не смея* приблизиться к пониманию того, что эта цивилизованность в ее современном качестве на Западе обусловленна тем лишь обстоятельством, что она зиждется на сильном промышленном базисе и без него невозможна. То есть она невозможна без тех требований к производственным и социально-корпоративным отношениям, какие обязательно формируют соответствующую им политическую среду демократической самоорганизации общества.

Соответствие культуры того или иного народа, этноса объективным и самодовлеющим требованиям передового производства, производственным отношениям, социальной этике, обуславливаемой этими отношениями, — именно это соответствие вполне однозначным требованиям, предъявляемым современным производством к *социальной культуре,* и является главным критерием оценки, выраженным в понятии “варварство”. Современным варварством является всё, что не соответствует этим передовым социально-корпоративным производственным отношениям, не соответствует развитию крупного промышленного производства и науки, в том числе и ее социально-политической ветви, занимающейся изучением проблем общества, усложняющегося вместе с усложнением производства.

2

При таком подходе оказывается, что режим диктатуры коммерческого космополитизма, оголтело ненавидящий промышленные политические интересы и их требования к составу и качеству власти, предстает самым что ни на есть агрессивно варварским, — причем сознательно варварским, а потому

ориентирующимся на объединение с теми силами, которые заинтересованы в сохранении контролируемой таким режимом страны в варварском, чуждом *современной* цивилизованности состоянии. Таким образом, все разговоры представителей правящего класса нынешней России о цивилизованном обществе, при осуществляемой нынешним режимом власти беспринципной диктатуре, являются по меньшей мере лицемерными.

С углублением развала промышленного производства Россия всё дальше откатывается к страшному варварству, и это видно по всей экономической, социальной и политической ситуации. Гибель государствообразующего этноса, исчисляемая ежегодно едва ли не в сотнях тысяч убийств, самоубийств, цифрами, отражающими уровень алкоголизма, проституции, фактами разрушения системы образования, деморализации силовых ведомств, разложения армии и других структур исполнительной власти, сопровождаемые самыми разнузданными экономическими преступлениями, ставшие естественной нормой неплатежи по кредитам, повсеместное нарушение деловых обязательств, расширяющийся хаос в банковской системе, — это, как и многое другое, свидетельствует, что страна отброшена в страшно далекое от цивилизованности бытиё, воспитывающее соответствующее массовое сознание — более отсталое, чем в большинстве стран третьего мира, уже подавивших у себя попытки установления режима диктатуры коммерческого космополитизма. Если называть вещи своими именами, то Россия сейчас оказалась несоизмеримо дальше от современной цивилизованности, чем это было при коммунистическом режиме, который решая задачи глобального противоборства с Западом вынужден был целенаправленно и мобилизационно наращивать промышленную мощь советского государства, вследствие чего и развивалась социальная инфраструктура, необходимая для такого наращивания, — то есть система высшего и всеобщего среднего образования, естественнонаучные исследования, здравоохранение, передовая военную инженерия, кадровое обеспечение для функционирования крупного промышленного производства.

Можно сваливать катастрофический развал промышленного производства недавней сверхдержавы на реформы, направленные на создание рыночного способа ведения хозяйства и соответствующих экономических и политических структур. Но в том-то и дело, что сложившийся в результате начального этапа реформ правящий класс *не желает* восстановления промышленной мощи страны, *не желает* становления России в качестве государства современной промышленной цивилизации. Он готов превратить Россию в колониальный сырьевой придаток промышленного Запада, готов законсервировать в стране культурную и духовную отсталость, моральное, политическое, нравственное одичание, отменить не только все успехи России в XX веке, но даже преобразования Петра Великого! Свидетельством тому — разрушение достижений культуры послепетровского и советского периодов государственности в пользу официозной идеологической и материальной

поддержки средневековой по своей сути традиции, постепенно возрастающая опора всей структуры режима на косную подделку под духовность. Движение по этому пути неизбежно ведет режим к профанированию православного догматизма, обвально отбрасывает страну на несколько веков назад, до уровня слаборазвитого феодального общественного сознания, сравнимого лишь с тем, каким оно предстает сейчас в традиционных исламских странах, — общественного сознания абсолютно чуждого промышленному производству вообще, но в особенности — производству современному, высокотехнологическому.

В нынешних условиях, когда большая часть населения России оторвалась от традиций деревенской жизни и крестьянского хозяйствования, ориентация на средние века ведет к превращению общественного сознания в сознание паразитарное. Только слепец не убеждается в этом устойчивыми тенденциями деградации социальных и производительных ценностей, заменой их ценностями исключительно потребительскими, хищно асоциальными, то есть — *варварскими.*

3

Вырвать страну из трясины экономического и социального распада может только прорыв в самую современную форму цивилизованности. Такой прорыв не может быть эволюционным. Он возможен теперь только и только через революцию в хозяйственных отношениях, в социальных отношениях, в политических отношениях; только и только посредством революционного передела этих отношений и достижения их принципиально нового качества, соответствующего требованиям высокотехнологичного постиндустриального промышленного производства, требованиям производства XXI века.

Такой прорыв в промышленную цивилизованность постиндустриального общества, общества *завтрашнего мира*, оказывается потенциально реализуемым сейчас в России вследствие вызревающего общегосударственного кризиса, то есть вследствие кризиса правящего класса, с одной стороны, и кризиса этики городских низов — с другой. Кризис реализуется именно в результате неизбежной социальной революции — *русской Национальной революции.*

Сейчас вопрос о революции стал однозначно ясным. Либо государствообразующий этнос — русский народ как таковой, а с ним и государство, окончательно завязнут в варварстве и погибнут, либо в среде русского народа выявятся революционные силы для осуществления Национальной революции, которые уберут от власти и раздавят основные кланы ныне правящего класса, осуществляющие варварскую диктатуру коммерческого космополитизма, вырвут из политической жизни страны интернациональную коммунистическую традицию, создавшую предпосылки

возникновению экономических и политических основ этой диктатуры. Революционные силы породят условия для становления в России собственной промышленной цивилизации, собственной цивилизованности. *Либо-либо,* третьего выхода из разрастающегося общегосударственного кризиса не дано!

ожесточенный, бескомпромиссный и беспощадный характер борьбы за выживание государства, борьбы русских национал-революционеров с колоссальными пережитками средневековых народных традиций, оказывающихся чудовищно реакционным препятствием на единственном пути прогресса России (в том числе традиций смутного и безответственного народного патриотизма), с выступающим на стороне варварства правящим классом коммерческого космополитизма, предопределяет жесткую и бескомпромиссную постановку проблемы: что и где в современном мире есть варварство, каковы его союзники; а, что и где есть цивилизованность, *реальная цивилизованность, перспективная цивилизованность, с которой сорван флер неясности, неопределенности и словоблудного тумана.*

4

Так как промышленная цивилизация и идеологическая, политическая борьба против нее впервые появились в Европе, то естественен особый интерес русского национализма к европейскому опыту. Важно отметить, что уже с самого зарождения европейской цивилизации борьба с ее особыми политическими требованиями к характеру общественных отношений приняла сначала откровенно расовый оттенок (который позже был тщательно закамуфлирован всякого рода либеральными идеологиями, абсолютизирующими права человека, идеологиями классовой борьбы пролетариата против собственников производства).

Протестантские реформации, вызванные потребностями развития промышленного производства, потребностями революционного изменения этики производственных отношений, социологизации этих отношений тоже приняли определенно расовый характер. Яростные и бескомпромиссные требования Мартина Лютера подавлять евреев, “предавать огню их синагоги и школы, разрушать их жилища, сгонять их, как цыган, в шатры или хлева” очевидным образом отразили внутреннюю потребность Реформации в расизме для защиты и продвижения целей становления новой в мировой истории *промышленной* цивилизации, цивилизации собственно европейской.

На каждом витке революционного усложнения производственных отношений, оказывавшихся необходимыми для усложнения структурности производительных сил развивающегося промышленного производства, обязательно поднималась волна ужесточающегося расизма в его конфронтационном антагонизме к другим расам, чуждым этике корпоративных

производительных интересов. После того, как в каждой конкретной стране корпоративные производительные интересы распространялись на всю страну, происходили буржуазные революции. Они уничтожали всяческие паразитарные привилегии и в конце концов заканчивались Национальными революциями, которые в свою очередь разрушали разделение всякой конкретной страны на столицу и провинции, чтобы создать национально-корпоративное общественное сознание, необходимое уже *государственному* производительному интересу. Национальные революции из своих внутренних политических потребностей вызывали к жизни расовый национализм *как раз для формирования и защиты национально-государственного производительного интереса*.

Национально-государственный производительный интерес первых буржуазно-капиталистических стран породил законченную форму самосознания европейской промышленной цивилизации, как совершенно особой цивилизации, для которой всякая другая мировая цивилизация прошлого и настоящего оказывалась страшно социально отсталой, неразвитой, неспособной воспринять этику промышленного производительного труда, а потому озлобляющейся против европейской цивилизации, готовой восстать для ее разрушения и, следовательно, оказывающейся действительно варварской по отношению к ней. В этом и только в этом заключалась причина исторической прогрессивности цивилизаторского колониального империализма Европы (вернее, европейских буржуазно-капиталистических держав недавнего прошлого),не имевшего аналогов мирового могущества.

Проблемы возникали, поскольку эффективные национально-корпоративные общества оказывались этнократическими обществами, а потому производительность промышленного производства оказывалась прямо зависящей от численности государствообразующего этноса, от размеров территории конкретного государства. Поэтому с усложнением производительных сил, с укрупнением промышленного производства, оно на каком-то этапе не могло дальше развиваться внутри конкретного национального государства, и лидерство в процессе усложнения промышленного производства, углубления и расширения воздействия на него науки переходило к другому, более крупному национальному государству. Именно это государство становилось передовым в промышленной цивилизации, а отставшие государства постепенно переходили к относительному враждебному антагонизму по отношению к данному государству, накапливали в себе симптомы варварства.

За примерами для подтверждения далеко ходить не надо. Еще три-четыре десятилетия назад Западная Европа снисходительно презирала отсталость Японии. Но сейчас именно Япония вырвалась в лидеры мирового промышленной цивилизации, тогда как Западная Европа отстает от темпов соответствующих процессов с каждым десятилетием всё более явственно и становится консервативно-брюзгливой в оценках своих успешных

конкурентов. Поэтому ориентация восточноевропейских сателлитов бывшего СССР на Европейский Союз, враждебный России, есть ориентация на вчерашний день исторического прогресса.

Только Россия среди европейских государств имеет демографический и территориальный потенциал для того, чтобы стать лидером в процессе дальнейшего усложнения промышленного производства, то есть стать лидером перспективной цивилизованности, по отношению к которой остальная Европа предстанет носительницей варварских инстинктов и интересов. Но такое произойдет лишь в случае свержения русским национализмом нынешнего режима диктатуры коммерческого космополитизма, краткосрочного осуществления социально-политических задач Национальной революции и мобилизационного восстановления на новом технологическом уровне мощи промышленного производства. Только таким образом будет обеспечен прорыв к перспективным технологиям XXI века и достижениям современнейшей науки. Как раз поэтому русский революционный национализм является в нынешней России единственным подлинно цивилизованным политическим движением, и он вынужден бороться с самой злобной ложью самых варварских сил современного мира — сил захвативших власть в России и установивших в ней разрушительную диктатуру коммерческого космополитизма.

5

Русский национализм вынужден будет осознать себя в качестве радикально цивилизующей политической силы и проводить революционную политику разрыва пуповин, которыми российская государственность традиционно связывалась с всяческими пережитками варварства. Внутриполитические задачи напряженной и жестокой борьбы за спасение государства, за становление перспективных социально-корпоративных национальных производственных отношений — это задачи, выполнимые лишь военно-политической диктатурой авангардного национализма. Они диктуют русскому национализму именно такой — радикальный -характер осознания своей цивилизаторской миссии в судьбах России и остального мира.

Русский национализм сможет прийти к власти и спасти государство только тогда, когда он станет в современном мире главным борцом за имманентные признаки европейской промышленной цивилизации, открыто и ясно проводящим решительную политику перестройки менталитета государствообразующего народа, неизбежную накануне эпохи постиндустриального промышленного производства в обстоятельствах нарастающего давления экологического, энергетического, продовольственного, демографического кризисов, повсеместно обостряющейся проблемы нехватки всех видов ресурсов.

Все Национальные революции прошлого проходили при беспощадном идеологическом и практическом борении вокруг понимания задач промышленной цивилизации. Они выплескивались в окружающие страны для беспощадной же борьбы с вероятными и фактическими союзниками внутреннего варварства. Поэтому они должны были обозначать четкую национальную границу разделения мира, разъединяющую внутреннюю сверхцивилизованность и внешнее варварство. Не избежит этого и русская Национальная революция.

В нынешней России, к примеру, достаточно беглого взгляда на состав верхних эшелонов власти, чтобы догадаться о том, что их общий уровень развития мало чем отличается от уровня развития подавляющего большинства верхов правящих режимов всех бывших союзных республик развалившегося СССР (что и позволяет им объединяться в СНГ). Но русский национализм в борьбе за становление самого перспективного цивилизованного общества потерпеть такого не может и не потерпит! Он обозначит бесспорную, отвечающую геополитической целесообразности границу русской промышленной цивилизации, внутри которой проведет чистку от пережитков варварства, уничтожит любую форму культурных и политических отношений с другими странами, которые будут пытаться выступать как равноправные партнеры, не имея оснований при этом быть передовыми промышленными государствами.

Русский национализм должен учиться презирать варварство других стран и народов ради того, чтобы не допускать в свой правящий класс внутренние проварварские силы. Без этого невозможно создать собственно русскую национальную элиту, национально-корпоративный средний класс с высокой этической культурой труда, высокой социальной культурой общественных отношений.

Андрей Савельев

СУВЕРЕНИТЕТ, ФЕДЕРАЛИЗМ, СЕПАРАТИЗМ

Три концепции национального строительства

Идея нации тесно связана с идеей государственности — это признают почти все. Наци и государство — два неслитных, но и нераздельных понятия (подобно пучку света и образованному им изображению на поверхности). В то же время, замечая порой возникающую противоречивость государственных и национальных интересов, не стоит путать государственность с режимом. Режим может быть оккупационным, антинациональным, непрофессиональным, но государство — достояние нации. Кроме того, важно видеть соотносимость нации с цивилизацией (культурное и религиозное измерение) и этничностью (природным, географическим фактором).

Наиболее распространенная концепция нации в отечественной политологии может быть названа по европейскому подобию "федерализм" только условно.

Наиболее существенные черты этой концепции

— отождествление нации и этноса (то есть исторического и природного);

— отождествление национальной принадлежности с гражданством (отождествление исторического с политическим, традиционного с текущим);

— представление о том, что народ состоит из наций.

Отзвуком этой концепции являются строки из "ельцинской" Конституции: "Мы многонациональный народ России...", а также термин "россияне", применяемый правительственными кругами к гражданам России. Цивилизационной моделью федерализма является неоевразийство — концепция этногенетической революции, сближающей славянские и тюркские нации, образуя из них евразийскую нацию. Этот процесс объявляется исторически обусловленным и естественным. Политической реализацией этой концепции является сепаратизм, превращение России в конфедерацию, особый статус "титульных" республик, ущемление прав русских.

Вторая концепция — концепция национального государства, строительство которого выдается за объективную необходимость лишь на основании европейского исторического опыта.

Савельев Андрей Николаевич, политолог, организатор семинаров "Национальная доктрина", составитель сборника "Неизбежность Империи", автор ряда статей, посвященных проблемам построения национально-государственной идеологии.

Основными чертами этой концепции являются:

— отождествление нации и государства, режима и государственности как таковой;

— представление о несущественности этнического состава населения? а отсюда и стремление к уравниванию территориального статуса субъектов Федерации;

— опять же, отождествление национальной принадлежности (“россияне”) с гражданством.

Отзвуком этой концепции является расхожее утверждение, применяемое в журналистских и околополитических кругах: “Все мы россияне” или “У нас одна нация — россияне”. Цивилизационной моделью для этой концепции является европеизм или атлантизм, перенесение на российскую почву европейских рецептов государственного строительства без учета исторических и этнических особенностей России. Политической реализацией этой концепции являются проекты русификации России (в равной степени и по существу являющиеся и проектами дерусификации), проекты по выделению в России русской республики и превращение ее в самостоятельное государство по типу nation-state, сводящиеся к расчленению страны.

Третья концепция — концепция имперской России. Ее основание таково. В России живут русские (нация со своими этносами или этнос со своими субэтносами), россияне (коренные народы, принимающие ведущую роль русских или лица иностранного происхождения с двойной идентичностью — например “русские армянского происхождения) и иностранцы; первые две категории являются гражданами России, последняя требует натурализации с принятием двойной идентичности.

Нация реализуется в своей земной ипостаси в качестве системы государственных институтов, пораженных первородным грехом и требующими постоянной покаянной практики — служения. В небесной ипостаси нация реализуется в высших смыслах, миссии, которая всегда идеальна и независима от греховной практики. Смыслы ведут нацию, обращая политику в прикладную этику.

Цивилизационной основой здесь служит представление о России как об уникальной цивилизации, представление о русской земле — как о земле, где когда либо жили русские люди, организованные в государственную систему.

Политической реализацией этой концепции служит русский национализм (в варианте его духовной зрелости) и православное мировоззрение, обращенное к сфере политики.

Федерализм европейский и российский

Концепция федерализма возникла на Западе в попытках разобраться в понятии “государственный суверенитет” при утрате исторических перспектив абсолютными монархиями, а затем — при формировании многомерной системы международных влияний, отчасти меняющих взгляд на суверенитет (1). Кроме того, федерализм стал попыткой преодолеть общий кризис государственности, которая не справлялась с насущными внутренними и внешними проблемами — “государства стали слишком маленькими, чтобы заниматься большими проблемами, и слишком большими, чтобы заботиться о малых делах” (2).

Двуполюсный мир, в котором сверхдержавам удалось склонить многие страны довольствоваться усеченными формами суверенитета, и усиление роли региональных элит, требующих автономизации, породили массу теоретических изысканий, сводящихся к тому, что прежнее понимание суверенитета должно отойти в прошлое. На его место должно прийти понимание сдержек и противовесов между различными субъектами власти как внутри страны, так и в межгосударственных отношениях. Большие государства должны были обратиться в большей степени к собственным внутренним проблемам, дав возможность малым государствам усилить свое влияние в международных делах.

Подобное обстоятельство целиком рождено западной цивилизацией и является отражением его внутренних достижений и внутренних же проблем. По сути дела речь идет о том, что в новых обстоятельствах утрачена тайна власти, которая не может уже быть открыто вербализирована. Экономические достижения, в то же время, позволяют расходовать немалые ресурсы для выстраивания виртуальной реальности, имеющей принципиально антиимперский характер. Все голографические фигуры в политике, как оказывается, царствуют, но не правят. Это все понимают, всех это устраивает, но не дай Бог ущемить гражданина такого общества в его праве осуществлять свой вклад в реализацию этой иллюзии — вот модель западной демократии.

За пределами западной цивилизации нет стремления к выстраиванию виртуальной реальности, как нет и ресурсов для ее поддержания. Фиктивное перенесение проблем осуществления суверенитета в современных условиях Запада, например, в Россию, вызывает катастрофическую утрату управляемости страной. За воспринимаемой иллюзией, оказывается, ничего не стоит!

По всей видимости, о суверенитете можно говорить в рамках определенной цивилизационной традиции. Если цивилизации удалось поддержать имперскую форму государственности, то внутри нее можно допускать некую иерархию суверенитетов различного уровня, обставленных различными условиями (такова картина на Западе, все еще имеющем в своем составе империю США). Если же имперская государственность по какой-то причине рухнула, то в рамках цивилизации формируется сложная система отношений, в которой, тем не менее, суверенитет становится главным

достоянием той или иной страны, как и борьба с суверенитетом других стран (таково положение на постсоветском пространстве).

Принятие такого взгляда на сложившиеся геополитические обстоятельства должно вести к следствию, признающему принципиально иной характер осуществления суверенитета в России и окружающих ее государств, нежели чем на Западе.

Изначально понятие “федерализм” означает просто децентрализацию власти на основе конституционных норм и межправительственных соглашений.

Главные теоретические установки западной модели федерализма таковы (3):

1.Наличие гражданского общества (область общественного ограничивает сферу государственной власти, ограждая от вмешательство в некоторые аспекты частной жизни гражданина; государство постепенно превращается в одну из многих форм гражданских ассоциаций). Правительство обладает лишь правами, которые делегированы ему суверенным народом.

2.На каждом уровне сформированные правительства обрамляют тот или иной сегмент гражданского общества, образуя своеобразную матрицу, построенную на иных принципах, чем властная иерархия или олигархическая централизация. Структурная децентрализация с распределением властной нагрузки на различные единицы внутри матрицы.

3.Территориальное оформление любых форм соучастия во власти.

4.Полная федерализация всей территории политии с целью избежать периферизации отдельных автономизированных субъектов. Отсутствие доминирующего субъекта, угрожающего полномочиям остальных субъектов (наличие субъектов с относительно равной мощностью).

5.Наличие у населения федерации относительно близкой политической культуры, невраждебной федерализму.

6.Создание федеративных конструкций на основе широкого общественного согласия.

7.Использование системы соглашений для поиска баланса сотрудничества между сотрудничеством и конкуренцией центрального правительства и федерированных единиц.

Евро-атлантическая традиция федерализма достаточно жестко противостоит как примитивному унитаризму, так и фрагментаризации. Полиэтнические федерации обычно поддерживаются более жесткими мерами против этнократизма (“этнического национализма”). В современной России этнократизм маскируется под федерализм и в качестве политической технологии использует перехватывает мифологии западного федерализма.

Федерализм имеет множество форм и оттенков, которые следует видеть и различать:

1.Федерация — форма организации государственной власти при которой центральное правительство учреждается самоуправляющимися территориями

путем делегирования определенного набора полномочий (США, Швейцария, Канада).

2.Конфедерация — отличается от федерации сохранением за субъектами, учреждающими центральную власть, права на полный государственный суверенитет и собственное законодательство, а также право самостоятельного выхода из конфедерации без согласия остальных ее членов (Европейский Союз).

3.Федератизм — асимметричная система отношений между центральной властью федерированного государства и отдельным субъектом, сохраняющим широкую автономию и отказывающимся лишь от некоторых прав в пользу федерального центра (Пуэрто-Рико, Гуам в рамках США).

4. Ассоциированная государственность — в отличие от предыдущего случая предусматривается возможность разрыва содружества при определенных условиях (Микронезия, Маршалловы острова и США).

Помимо этих форм существуют также унии (Великобритания и Северная Ирландия), лиги (Ассоциация государств Юго-Восточной Азии), кондоминимумы (Андорра под совместным протекторатом Франции и Урхельского епископа Испании), конституциональная регионализация (Италия), конституциональное управление (Япония).

Все эти формы отнюдь не противоречат государственности, предназначаясь для укрепления связей между федерированным субъектом и центральной властью. Лишь странной и нетипичной трансформацией федерализма можно считать международное федералистское движение, ставшее формой интернационализма новых левых, взявших на вооружение сахаровский лозунг “всемирного правительства” (4).

Западный федерализм — скорее “цветущая сложность”, чем общий закон жизни. В России такого рода федерализм на сегодняшний день возникнуть не может в силу “погодных условий” исторического момента, да и всей предшествующей истории. На Западе федерализм тоже мгновенно исчезает с обострением политической ситуации, наступающей, например, в условиях войны.

Тем не менее, разговоры о федерализме — одна из самых любимых тем политиков современной России. Сепаратизм — тоже одно из политических увлечений, за которое принято только слегка журить. Федерализм и сепаратизм являются признаками одновременно “окончательных демократов” и “титульных лидеров”. У первых это пошло от идей академика Сахарова, из коих ни одна не доказала своей жизнетворности, зато многие стали знаменем разрушителей и расчленителей России. У вторых это просто способ существования. О чем им еще говорить, если не о правах национальных меньшинств?

Впрочем, и “демократы”, и “этнократы” больны одной болезнью — ненавистью к исторической России, русофобией. Потому они и сбиваются в стаю в таких объединениях как движение “Реформы — новый курс”

(В.Шумейко), Конгресс национальных обществ России (КНОР), “Сенежский форум” (Р.Абдулатипов), Союз народов России (Ю.Скоков) и проч. Потом эти стаи сбиваются в орды, пытающиеся выдать фобии и филии своих лидеров за норму, а норму — государственный централизм — представить чем-то постыдным.

Пытаясь “догнать и перегнать” западных федералистов, наши не разрабатывают ни теории федерализма, ни проектов создания новых институтов власти, ни конституционных законов, ни управленческих решений. У них главное — оторванное от какой-либо легальной практики слово, плюс закулисная политическая игра, интрига, заговор.

Федерализм практически стал официально признанной идеологией, тиражируемой в десятках нормативных актов, законов и закрепленных указами концепций. Между тем, глубокое понимание основ государственности, требующих федеративного устройства (и даже в какой-то степени федеративного мировоззрения) до сих пор совершенно не сформировано. Даже заимствование некоторых моментов чужого опыта происходит без творческого осмысления.

Само понятие “федерализм” появилось в России хоть и со ссылкой на европейский опыт, но в основном лишь вследствие того, что федеративное устройство формально присутствовало в конституционно-правовой традиции, открытой большевиками. Реальная практика государственного управления экспертами, готовящими документы высшему руководству страны, не проанализирована.

Если уж заимствование столь необходимо, следует заметить, что европейское толкование федерализма не столь однозначно, как принято считать в среде формулирующей государственные проекты российской интеллигенции. Если в Великобритании говорят о федеральном правительстве, федеральной полиции и прочем как об атрибутах государственного единства, то в Германии — как о некоей политической технологии, позволяющей землям не утонуть в унитаризме, порождающем в ответ центробежные тенденции. Во Франции деление на округа и департаменты — всего лишь инструмент управления без всяких философствований. Какой же из типов федерализма нам более подходит, у кого учиться?

Есть еще один аспект европейского федерализма, который показывает, что учиться необходимо осторожно, не увлекаясь. Усиление федералистских настроений в Европе порой превращается в своего рода реанимацию интернационализма, находящего для себя новые пути. Попытка превратить “Европу отечеств” в “Европу регионов” породили своеобразную смесь сепаратизма (под лозунгами федерализма) и интернационализма (лозунг объединенной Европы). Поэтому европейский вариант федерализма тоже не безобиден. Как и в России, его скрещение с интернационализмом богато разнообразием негативных перспектив.

Перенесение модели объединенной Европы на Россию вовсе может быть признано грубой спекуляцией. Дело в том, что в России и в Европе идут **разнонаправленные процессы.** Если Европа выдумывает модель общеевропейской солидарности (порождающей нечто вроде европейской нации), то для России это — давно пройденный этап. Россия как раз борется против уничтожения объединяющей ее идеи, против разъединения русской нации — великороссов, белорусов и малороссов, а также против отделения от России коренных этносов, столетиями живущих рядом с русскими. Если в Европе федерализм — модель новой интеграции, то в России — модель дезинтеграции, уничтожения государственности. Воистину, “что немцу здорово, то русскому — смерть”.

Федерализм европейский, несмотря на внутреннюю его противоречивость, все же достаточно решительно противостоит сепаратизму. Например, попытки признать население Корсики отдельным народом, включенным в состав французского народа, были признаны противоречащими национальным интересам. В российском же варианте все наоборот — сепаратистские настроения процветают под сенью официозного федерализма, зреют там — за этой сенью. Сам российский федерализм поэтому является лишь мягкой (до поры, до времени) формой сепаратизма.

Если европейский федерализм сохраняет деление на нации и отечества как дань историческим реалиям, то российский федерализм утверждает это деление как историческую новацию — крайне опасную по своей природе и уже наступившим последствиям подмену задач этнического бытия задачами борьбы за обособленную государственность. Европейская интеграция — признак складывающейся цивилизации, способной успешно конкурировать в XXI веке с другими мировым цивилизациям. Россия — уже сложившаяся цивилизация. Попытаться цивилизовать Россию европейскими средствами, переиначенными этнократическим сознанием радетелей интересов малых народов, — значит лишить ее конкурентоспособности. При этом ни один народ на территории России не может получить перспектив достойного бытия без России, как единого государства, опирающегося на русскую историческую традицию.

Часто приверженцы федерализма в России ссылаются на удачный опыт Германии. Но там федеративное устройство проистекает из прежнего состояния расчлененности. Германских государств до империи Бисмарков было более трехсот, их объединение было способом выживания. В России такой государственной чересполосицы не было никогда. Даже федерация княжеств Киевской Руси и последующая раздробленность — нечто совершенно иное.

Может быть, Киевская Русь в чем-то аналогична нынешней Германии с ее близкими территориальными и культурными идентичностями. Но после того как Россия вобрала в себя Великую Степь, и разнородные культуры своих южных соседей, сформировала двойную идентичность — этническую и

общенациональную, снова выпячивать старую удельную особость — преступление. Попытки введения в России европейского федерализма оборачиваются расчленением государства и кровопролитной войной.

Повторимся, что **федерализм европейский и федерализм российский отражают принципиально разнонаправленные доктрины**. А потому и оценка их благотворности должна быть также совершенно противоположной.

Россия вынуждена была сохранять унитарные формы управления большим геополитическим пространством, имея разный по глубине, но нераздельный, суверенитет над различными территориями. Система государственного строительства европейского типа — федерация территорий с равным статусом, для России не годилась и не годится по историческим причинам.

У России был ресурс, позволяющий сохранять более стабильный мир, в отличие от Запада. Этого ресурса не было у народов, зажатых на европейском полуострове. Именно поэтому Европу перепахивали войны, перемешивающие и уничтожающие народы, выплавляющие из них современные нации. Европейцам элементарно не хватало пространства, чтобы мирить разнородные этносы. В войне близкие этносы формировали федерации для борьбы с противником не на жизнь, а на смерть. Никакой мирной ассимиляции не наблюдалось, целые народы просто стирались с лица Земли. Не случайно крупнейшие войны, включая две мировые, были порождены именно Европой.

Если немецкая идея соотносится с универсальной общенемецкой идентичностью и является объединительной идеей для всех немцев, то русская идея — идея вселенская, идея надэтнического единства при ведущей роли русских в этом единстве. Значит федерализм в Германии связан с контролем уровня “спекания” земель, имеющих собственную (хотя и близкую к общенемецкой) идентичность. Для России годилась бы такая форма региональной политики, которая, наоборот, ограничивала бы степень обособления по разному ориентированных этносов и степень обособления имеющих свои специфические интересы регионов. Попытки же представить дело так, будто в многонародном государстве федерализм еще более необходим, чем в этнически однородном, — дело крайне вредное, направленное против России.

Российский вариант государственного устройства исторически ближе не к Европе, а к Америке (с оговоркой, что культурная основа государственного строительства принципиально различна). За 200 лет с момента принятия Конституции США их территория увеличилась в четыре раза (и никто не попрекнет отцов-основателей США в “имперских амбициях”) — нечто похожее на освоение Сибири, Средней Азии и Дальнего Востока Россией. Вместе с Конституцией США действуют конституции штатов — нечто похожее есть и у нас. Только у них как-то удается избежать войны законов, а у нас царит законодательный беспредел.

Правовое изобилие не могло бы существовать в США, если бы не нейтрализовалось жестким практицизмом. Преступник в Америке — в любом штате преступник, только и различие — смертная казнь или пожизненное заключение. А гражданин всюду вооружен, только и разницы между штатами — в одном носи оружие, где пожелаешь, в другом — храни только для защиты жилища. То же и с коррупционерами, предателями родины, врагами нации. Не говоря уж о любых формах сепаратизма. Общеамериканская идентичность не противоречит идентичности территориальной. У нас же эти идентичности конфликтуют, а федерализм этот конфликт возводит в правило и даже закрепляют в государственных актах. Федерализм в России стал политикой удельного суверенитета, конкурирующего с суверенитетом центрального правительства.

Тезис о “многонациональности” России, как и большевистская установка на интернационализм, вместо гражданского равенства утвердили в России равенство прав народов. В этих условиях сепаратисты могли использовать исходящую от них угрозу государственному единству в качестве аргумента для выбивания всяческих льгот и привилегий. Федерализм становится инструментом выбивания этих льгот.

Если представить себе некий этнографический рельеф, имеющий место в любой стране, то можно выделить три конкурирующих отношения к этому рельефу. Первые полагают, что этот рельеф мешает общественной жизни и должен быть по мере возможности всюду разглажен. Вторые полагают необходимым усугублять естественные неровности рельефа бастионами, через которые не проехать без выплаты обременительных пошлин, не проложить коммуникации без целой истории с переговорами со строителями этих “китайских стен”. Третьи — чья позиция наиболее конструктивна — разумно относятся к естественным образом сложившемуся рельефу и учитывают его при прокладке коммуникаций — где-то используют этот рельеф, где-то подправляют его, но не становятся рабами этого рельефа.

Мы видим, что российский федерализм принципиально отличен от федерализма европейского, хотя и пользуется его терминами и аргументами. Наша доморощенная форма федерализма ведет к тому, чтобы понастроить на этнографической карте России как можно больше бастионов.

Если в недавно утвержденной Президентом Концепции национальной политики России признается “естественным, важным и плодотворным для государства сохранение и развитие всего многоголосья языков, культур, верований, и традиций”, то федералисты позволяют себе давать расширенные интерпретации такого рода установок. Отсюда появляются утверждения о необходимости поглощения России тюркскими народами, о запуске нового витка этногенеза и формировании какой-то евразийской нации и много чего еще.

Апофеозом российского федерализма является фактическое объявление генеральной линии властей на конфедерализацию России. Это было сделано

устами министра юстиции сказавшего на заседании правительства, что статус субъекта Федерации не определен в Конституции и может варьироваться в самых широких пределах, с точки зрения самостоятельности. Власть сама себе стремилась объяснить статус Чечни, отданной в управление отъявленным бандитам.

Вероятно предвкушая такой разворот событий, один из федералистов противоположного фланга пишет В.Пастухов (13): “Ситуация напоминает замкнутый круг. Государственное единство больше нельзя сохранить имперскими средствами, но империя остается необходимым условием существования России как единого целого. Разорвать этот круг можно только изменив саму основу государственности, ее структурные элементы. На место фиктивных субъектов Федерации следует поставить реальные, способные действительно быть лидерами конституционного движения.” Выдвигается идея укрупнения субъектов Федерации и выравнивания их экономических потенциалов. Действительно, только таким образом и можно было бы прийти к европейской модели федерализма. Но вопрос о конкретном воплощении идеи разбивает ее, поскольку в этом случае все равно неизбежны поначалу практически полная унитаризация страны и решительное силовое подавление поднявших голову сепаратистов.

Итак, западный и российский федерализм — суть принципиально разные явления, На Западе это путь компромиссов, в России — путь антигосударственного заговора. Осознание пагубности монополии федералистов на нормотворчество должно привести руководство России к необходимости опереться на совершенно иную интеллектуальную традицию, способную остановить процесс разложения российской государственности.

Евразийский федерализм

В условиях вялотекущей гражданской войны и ослабления рычагов государственного управления среди российских и СНГовских политиков наиболее популярна стала роль миротворцев-объединителей. Образовалось обширное поле для демонстрации благих намерений и бесконечных пресс-конференций без всякого видимого результата.

Реализуя установку на создание “новой реальности”, политики сформировали в рамках СНГ международную среду, в которой они котируются и имеют вес, не вступая в конкуренцию на поле традиционной дипломатии. Это среда “евразийской идеи”, понятой с одной стороны как основа для интеграционных процессов (5), а с другой — как идеологический базис национальной (удельно-этнической) модернизации (6). В научной среде, не поспевающей за требованиями времени, возникает странный гибрид полузападничества-полуевразийства (7).

Все эти подходы находятся в видимом противоречии с евразийством как философской школой, рожденной в среде русской эмиграции и отчасти продолженной в работах некоторых современных философов.

Старое (в каком-то смысле, классическое) евразийство базировалось на следующих важнейших представлениях:

— отличие пути России от путей европейской цивилизации, обращение России в поисках спасения к Востоку;

— традиционализм: христианский аскетизм, великодержавная государственность, соборность;

— мессианская идея (“народ-богоносец”) и всечеловеческое единство.

Евразийство, с одной стороны, вобрало в себя лучшие черты национальной философии, с другой — несло на себе отпечаток политической конъюнктуры, требовавшей объяснения (может быть, и оправдания) неожиданно долгого и устойчивого существования большевистского государства.

Евразийская идея стала вариантом наднациональной межкультурной идеологии. Иллюзорность фундамента созданной конструкции можно продемонстрировать на примере фундаментального утверждения Н.С.Трубецкого (8): *“Национальным субстратом того государства, которое... теперь называется СССР, может быть только вся совокупность народов, населяющих это государство, рассматриваемая как особая многонародная нация и, в качестве таковой, обладающая своим национализмом. Эту нацию мы называем евразийской, ее территорию Евразией, ее национализм — евразийством”.*

Здесь было выпущено из виду, что Россия (СССР) есть то многонародное государство, которое наследует функцию Российской Империи и оформляет уже сложившуюся многонародную нацию, которую не нужно изобретать, — русскую. Восприняв у славянофилов идею соборности, евразийцы трансформировали ее в миф о *“духовном родстве*” русского народа с его финскими, монгольскими, тюркскими соседями. Сообразно этим установкам, русская революция рассматривалась как отстранение от традиционных для Европы путей развития и обращение к более органичным для Евразии формам государственного устройства. Далее развитие мифа идет в сторону иллюзии о всечеловеческом единстве, на пути к которому евразийская общность является определенной эволюционной ступенью.

О необходимости и возможности славяно-тюркской интеграции говорят и современные исследователи, продолжающие традицию старого евразийства (7,9). По их мысли наследие мусульманской культуры, “туранского элемента”, наследие Степи — чуть ли не важнейший элемент русской культуры. Обращаясь на Восток, старые евразийцы пытаются выйти из спора почвенников и западников, избавляясь от “русского изоляционизма”, “панславизма” первых и прозападной цивилизационной предопределенности вторых. Но здесь же проявляется и неуважение к собственно русской

цивилизационной перспективе, декларируется опасная стратегия исторического творчества в направлении выведения какого-то гибрида русско-туранской цивилизации.

Тут, правда, к старому евразийству прибавляется “демократический” довесок.

Так, авторы (7) ограничиваются представлением о способах модернизации России проблеме выбора между программами вестернизации или истернизации. Изобретенная ими форма евразийства позволяет заявить: “В цивилизационном смысле все идут к одному — какому-то среднеевропейскому типу общества, к господству среднеевропейского уклада. Имеет место единый поток истории, описываемый унитарными законами общественного прогресса.” Или еще: “...мы с порога отметаем вариант национально однородного российского государства, задуманного как государства русских. Россия этнически не гомогенна; она не государство русских. Россия — образование синтетическое, является агрегацией культурных, исторических, хозяйственных, ментальных зон народов, которые со своей суверенностью никогда не расстанутся.”

Действительно, суверенизация Великороссии от России — абсурд. Но разве не идеал национально-государственного устройства — универсализация гражданских прав и гражданского самосознания (при сохранении этнической специфики)? Кроме того, почему нужно обязательно выводить любое национальное своеобразие из каких-то общечеловеческих универсалий? И почему нужна не национально-государственная специфика, а непременно этническая? С одной стороны, авторы настаивают на универсализме, с другой — опираются на этнические различия, пренебрегая социокультурными надэтническими феноменами. Авторы пишут: “Национальность — категория этническая, нация — социально-историческая, государственно-геополитическая.” Почему же несколькими страницами раньше не было этого понимания? Почему русскость отождествляется с этнической гомогенностью?

Демонстрируя какой-то полуатлантический и полуевразийский подход, авторы обосновывают свое позитивное отношение к грядущему всплеску этногенеза. О русской нации, как считают они, можно определенно говорить во времени прошлом; в отношении настоящего и будущего высказаться сложно, ибо, как утверждается, пока неотчетливы принципы, скрепляющей нацию государственности. Потому то и русский вопрос не подлежит обострению. Более того, заявляется, что Русская идея как модель трансляции модернизации из центра на окраины обанкротилась, сшибка облаченных в националистическую тогу общечеловеческих и персональных ценностей с национальными увенчалась успехом первых. Видимо это и обосновывает “демократическое” неоевразийство — попытку модернизации России за счет принятия западных ценностей при цивилизационном лидерстве периферии по отношению к русскому центру.

Авторы (7) объявляют конфронтационной триаду православие — самодержавие — народность. По их мнению вариант новой российской идеологии должен вводить другую триаду: демократия — веротерпимость — солидарность. Непонятно, почему нельзя говорить о православной веротерпимости, самодержавной демократичности, народной солидарности? Вероятно, неоевразийцам все время мерещится, что патриотические установки замыкаются исключительно на русских.

Социокультурный плюрализм, неустранимый в мировой масштабе, авторы (7) пытаются перенести на Россию. И только с этой точки зрения защищается самобытность России, понимаемая как право на свой внутренний плюрализм, включающий помимо элементов западной культуры какие-то еще элементы. Здесь действительно прорисовывается определенное противодействие попыткам европоцентристской цивилизационной унификации. Но очень уклончивое и неопределенное.

Если утверждается, что подданные Российской империи, а затем СССР в отличие от жителей Европы давным давно обладали двойной идентичностью (национальной и цивилизационной), то каковы основания считать, что общецивилизационная идентичность — это евразийство? На наш взгляд цивилизационная идентичность у России только русская, соединяющая разнообразные этнические идентичности на основе русской национальной культуры. Единственно правильный выбор — в русификации России, превращении России в русского государство, соответствующее ее цивилизационной миссии. Проблема понимания России вовсе не заключена в полиэтнизме и поликонфессиональности. Восстановление исконного разнообразия России, выродившегося в XX веке в дурной интерэтнический и интерконфессиональный плюрализм, требует самососредоточения национального духа, выделения высших смыслов и их национальных, русских интонаций.

Правда старого евразийства состояла в критике безоглядного западничества и обосновании собственного пути России в мировой цивилизации, рассмотрении русской культуры как синтеза других культур, порождающего уникальную самобытность. Интересны и глубоки были разработки евразийцев в части причин русской революции, условий ее победы, учения о правящем отборе, которые сегодня не только не потеряли своей актуальности, но могут служить прямым руководством к действию по выводу России из кризиса. Ошибочность взглядов евразийцев, доказанная временем, состояла в том, что декларированный “исход к Востоку” не состоялся. Восточная цивилизация не получила возможности сделать существенный вклад ни в культуру России, ни в систему ее государственного строительства, что было связано как с объективно существующими защитными механизмами русской цивилизации, так и с субъективными причинами, порожденными бюрократической машиной коммунистического режима.

У евразийцев начала века русское еще не растворялось в Евразии, но вектор их внимания уже был обращен к Востоку, что походило на позицию либералов, которые не верили в русскую цивилизацию и искали рецептов прогресса на Западе. Старые евразийцы пытались найти в исламском мире альтернативу безрелигиозному рационалистическому Западу.

Критиков классического евразийства было много и в давние годы. Так, Г.Флоровский писал, что малая правда сочеталась в евразийстве с великим самообманом, что на правильно поставленные ими же вопросы они смогли ответить только *"кружевом сомнительных грез"* (10). Современные евразийцы малую правду забыли, а грезами упиваются вполне.

"Замысел преодоления русской смуты выдохся и измельчал в евразийстве", — пишет Г.Флоровский. Дальнейшее измельчение и без того мелкой евразийской идеи дается в издании "Современная русская идея и государственность" (11). Только там эта мелочность выдается за значительность.

Авторами упомянутого издания делается правильный акцент на то, что старые евразийцы говорили о Евразии, не имея в виду население всего материка, но только территорию России-Евразии, на которой сложился особый мир, отличный от Европы и Азии. Развивается тезис старых евразийцев, говорится об общности судеб всех народов, населяющих эту территорию, и составляющих якобы "суперэтнос" славянских, финно-угорских и тюркских народов. (По этому поводу можно привести слова того же Г.Флоровского, который упрекал евразийцев за увлечение своей оригинальностью и географическим методом до превращения территории в субъект истории.)

Вполне последовательно излагается экспертами РАУ глубоко порочная мысль о том, что после распадения империи русский народ станет только одним из равноправных народов, населяющих государственную территорию. Действительно, старые евразийцы прославляя духовность русского народа, умудрялись рассматривать русскую историю в контексте чингисхановского объединения народов. Они сводили роль русских к строительству государства во владениях Чингисхана — объединителя народов.

Для привязки тюркских народов к Русской Идее и доказательства их особой роли коммуно-евразийцами РАУ-корпорации делаются две ложные посылки: вывод о неправомерном восприятии прошлого степных народов как дикости и утверждение об особой роль Великой Степи и ее народов в становлении России. В итоге объявляется о том, что *"русский этнос преобразился в великодержавный и евразийский лишь после выхода на просторы Великой степи и ее хозяйственного освоения и заселения".* Далее имеется и вовсе абсурдная формулировка о том, что именно вышеуказанная причина дала образование т.н. "красного пояса" — зоны, в которой избиратели оказали максимальную поддержку коммунистическим кандидатам на выборах 1993 г.

А вот и тезис, смыкающих позиции российских “демократов” и “евразийцев”. Говорится (вслед за Н.С.Трубецким) о том, что права нерусских народов СССР уже никак не могут быть отняты и любые попытки сокращения этих прав вызовут якобы состояние длительной и тяжелой борьбы. Так обосновывается закрепление русского народа в качестве бесправной тягловой силы “евразийской цивилизации”.

Неслучайно общеевразийским национализмом считается этническая индифферентность.

Пожалуй единственная яркая критическая работа по современному евразийству — развернутая статья А.Руцкого (12). Руцкой пишет, что “*вненациональное евразийство — это решение не на много лучшее для России, чем либерально-космополитическое”.* Поэтому проект евроазиатского союза — не что иное, как попытка узаконения предыдущих разделов Российского государства и расчленения русской нации. У современных евразийцев мечты о континентальном единстве народов очень походят на мечты о воспитании “советского человека”. Им не понять, что русская православная идея имеет вселенский характер, и по сути своей является духовным стержнем единства народов на территории исторической России.

Усиление сторонников евразийства в патриотическом движении характеризует противоборство с либеральными западническими идеями негодными методами. Евразийство уводит движение от насущных проблем — собственно русских, от православной русской идеи, от восстановления национальной традиции. Евразийство снимает Русскую Идею в качестве цивилизационной альтернативы “атлантизму” и “пантюркизму”, оставляя территорию России в качестве полигона для разрешения спора между ними.

Новое евразийство объявилось во властных структурах России не как философское или политическое течение, обращенное к наследию старых евразийцев, а как поверхностное обоснование интеграционных инициатив в рамках СНГ. Прежде всего, это была инициатива номенклатуры постсоветского Востока, ощутившей свою ненужность ни Западу, ни традиционному Востоку, почувствовавшей внутриполитическую несостоятельность. Инициатива нашла отклик среди ищущих свое лицо (точнее — новую маску) политиков России.

В целях текущей политической конъюнктуры старое евразийство представляется как единая система взглядов на “сотворчество народов” Евразийского континента. Но тут сразу намечается противоречие: старые евразийцы явно предпочитали критиковать западную цивилизационную систему и отдавать предпочтение Востоку, к которому Россия должна была повернуться лицом. У новых евразийцев все наоборот. Взгляд восточных евразийцев уперся в Россию, отгораживающую их вожделения от западной цивилизации. Обращение российских евразийцев к Востоку оказалось лишь ответом на этот пристальный взгляд.

Если старые евразийцы решительно противостояли “недугу европеизации”, то новые не видят в западничестве ничего дурного. Для них евразийская интеграция служит лишь способом консолидировано добиваться причастности к Европе.

В идее старых евразийцев современным политикам импонирует как понятие о сильной государственной власти, так и представление о ее гибкости, отражающей местные нужды. Теперь это представляется как попытка отстоять самоценность великого государства на началах *“демократического межнационального консенсуса”.* Межу тем, старые евразийцы говорили как раз об особом типе демократии в России, которое заключается не в народоправстве, а в особой стратегии власти, опирающейся на моральную поддержку народа (“демотия”, народность).

Обобщенно можно выразить новое евразийство следующими установками:

1.Признание проблемы самоидентификации как важнейшей для цивилизационного комплекса евразийства. Попытка видеть эту самоидентификацию в будущем единстве, позволяющем жителям Евразии гордо заявлять: “Я евразиец!”. Концепция континента-родины, единой для всех народов.

2.Пересмотр истории. “Стереотип” татаро-монгольского ига предлагается заменить тезисом о славянско-тюркско-монгольском дуализме, который был фундаментом Евразии. (В этом тезисе позиция старого евразийства все-таки в какой-то мере наследуется.)

3.Привязка к русской культуре культуры тюркских народов в качестве ее первоисточника и одновременно “демократическая” трактовка евразийства (в противовес “географической”), опирающаяся на общечеловеческие ценности.

Согласно взглядам новых евразийцев оказывается, что идеи интеграции отнюдь не противоречат идеям академика А.Сахарова, предложившего в свое время свою концепцию союза евроазиатских государств вместо СССР. Между тем, известна идея А.Сахарова, предлагавшего решить проблему самоопределения различных регионов СССР через местные референдумы, которые должны были определить, жить ли стране единой или быть расколотой на мелкие дробности. По всей видимости, отношение к сомнительным государственным идеям А.Сахарова (его нравственные идеи мы не подвергаем сомнению) как раз и отделяет старое евразийство от нового.

Парадокс нового евразийства состоит в том, что обоснование интеграции бывших республик СССР в его концепции (если эту хаотическую систему взглядов можно назвать концепцией) должно сочетаться с оправданием распада СССР. Вспоминается давний тезис о том, что “прежде чем объединяться, нужно размежеваться”. Этот тезис осторожно выдвинул в оправдание распада СССР лидер партии ПРЕС и сторонник неоевразийской интеграционной идеи С.Шахрай (здесь и далее обсуждается и цитируется (5)). Он оправдывает распад СССР тем, что центробежные силы были слишком

мощными; утверждает, что судьбу СССР решили не три человека в Беловежье, что ее решила История.

Вместе с тем, сам С.Шахрай и другие неоевразийцы вовсе не противостояли центробежным силам, они были вместе с этими силами и даже составляли костяк команды разрушителей единой государственности. Сейчас же, после очевидного провала политики разрушения и расчленения, С.Шахрай со своей партией и своими единомышленниками находится среди охотников списывать все свои просчеты и преступления на Историю.

Неоевразийцы, оправдывая разрушение СССР, часто ссылаются на сомнительный с правовой точки зрения украинский референдум 1 декабря 1991 г., на котором жители республики голосовали за независимость и тем самым якобы решили вопрос о дальнейшем распаде страны. На это можно возразить тем, что в нормальной государственной системе такие референдумы невозможны, ибо власть должна защищать граждан в том числе и от регионального сепаратизма. Не выполнив эту функцию, центральная власть в лице взявшего на себя всю полноту ответственности Б.Ельцина и его соратников (теперь ставших евразийцами) ввергла страну в Смуту. Окружение Президента, его администрация, крупные правительственные чиновники, осваивая еразийство, говорят о том, что СНГ остановил неконтролируемый распад и создал основу для реинтеграции. С тем же успехом можно говорить и о том, что СНГ стал формой легитимации распада, закреплением его результатов.

Всегда среди умеренный сторонников определенной идеи найдется хотя бы один неумеренный, который нечаянно выскажет всю правду, выстроит не слишком приличные доводы откровенно и рельефно. Так, вторит С.Шахраю М.Урнов (Аналитический центр при Президенте РФ). Он полагает, что интеграция началась как раз с российской Декларации о суверенитете. Мол, это сразу нормализовало отношения внутри бывшего СССР. А второй шаг по созданию предпосылок к интеграции — Беловежское соглашение. Мы снова видим здесь знакомый тезис о размежевании перед объединением, только более откровенно высказанный.

Другие “откровенные” неоевразийцы изобретают, например, такое обоснование рассыпания СССР: “*74 года его* (поскольку говорится об СССР, то цифра несколько неточна — А.С.) *существования не смогли убедить национальные республики, входящие в его состав, что подобная форма государственности является для них приемлемой*.” Можно возразить, указывая на то, что именно эти годы вместе с выпавшими на долю народа испытаниями как раз и доказывают, что форма государственного устройства была выбрана чрезвычайно стойкая и устраивающая “национальные республики”.

Веские возражения можно привести и против аргумента о том, что “*нельзя жить по единым законам от Чукотки до Карпат, от Архангельска до Батуми”*. Как раз можно и должно на больших геополитических пространствах жить именно так! В противном случае, нет никакой разницы

между Батуми, Чукоткой и Москвой в их претензиях жить по особому правовому распорядку. Именно реализация тезиса об отсутствии эффективной дальнодействующей силы закона подорвало единство государства и привело в конечном итоге к малоприличному торгу властных группировок по вопросу о неизбежной интеграции. (Отметим, что и "короткодействующая" сила закона в этом случае исчезает. Москва, да и многие другие регионы центра России, начиная с 1991 г. , в лице своего чиновничества избавилась от необходимости соблюдать российское законодательство.)

В этом торге, тем не менее, снова утверждается, что полную экономическую интеграцию можно каким-то образом совместить с полной политической независимостью. Что же это, если не закрепление номенклатурной ренты в многочисленных парламентах, правительствах, посольствах и пр.? Что же это, если не игры номенклатуры, ничего общего с национальными интересами России и цивилизационными интересами евразийского пространства не имеющие?

Если говорить о действительных источниках популярности евразийских идей, то, скорее всего, они связаны с чувством самосохранения, обострившимся у правящих группировок стран СНГ в процессе разложения государственности в этнических улусах постсоветской выделки.

Если в своих общих стратегических установках новые евразийцы предпочитают ясно не определяться, то технологические интеграционные схемы (законопроекты, соглашения и пр.) разрабатываются ими подробно и в большом количестве.

Можно выделить следующие характерные черты политических технологий неоевразийцев:

— доходящее до болезненности внимание к политическому суверенитету (исповедание принципа "федерализма", сочетающего разговоры об интеграции и испуг даже перед конфедеративными соглашениями);

— стремление к формированию наднациональных органов в экономической, политической, военной и судебной сферах, которые допускаются пока лишь до выполнения декоративных функций;

— стремление к выравниванию правового статуса граждан в сочетании с жесткими политическими границами, позволяющими проводить обособленную этнополитику.

Если российские евразийцы воодушевлены найденными, открытыми вновь философскими формулами, то евразийцы других частей СНГ более сдержаны и постоянно "осаживают" своих не в меру оптимистичных коллег. Они говорят о том, что конфедеративное объединение — это далекая конечная цель интеграционного процесса. По всей видимости, именно такой — растянутый и бессмысленный с государственной точки зрения процесс, и предполагал своей инициативой о Евразийском союзе Н.Назабраев, президент Казахстана. То же самое имеет в виду Украина, объявляя, что нельзя начинать интеграцию сразу с обсуждения вопроса о конфедерации. Украинским

государственным мужам больше по душе длительные проработки глобальных идей на бессчетных международных конференциях. А пока они торгуются из-за Черноморского флота, спешно украинизируют Крым, насаждают в русских областях преподавание на украинском языке, переписывают историю... Казахстан же остается в соответствии со своей Конституцией "формой государственности самоопределившейся казахской нации"...

Н.Назабраев со своим проектом Евроазиатского союза предпочитает не определяться с целями интеграции. Он выдвигает некую технологию, которая сводится к созданию "кормушки" в виде общего парламента с практически бесперспективным способом принятия решений квалифицированным большинством (правда, исключая право "вето" для каждого "национального" фрагмента такого парламента). Кроме того, предполагается автоматическое изменение гражданства вместе с изменением места жительства. Здесь преследуется цель подменить, замотать вопрос о предоставлении двойного гражданства русскому населению на территории того же Казахстана.

Среди новых евразийцев иногда слышны голоса скептиков, прагматическим чутьем улавливающих бесперспективность длительных дебатов, на которые История не отпускает времени. Например, отмечается, что отмежевание от Европы, особенно в экономической области, с распадом СССР только усилилось. Оказалось, что в Европе нас не ждали. Вместо подключения к НАТО, ЕЭС, Европейскому союзу, России предложена лишь бессодержательная программа "Партнерство во имя мира". СНГ не рассматривается в качестве субъекта европейской, да и мировой политики. Были надежды на то, что распад СССР позволит некоторым республикам (точнее некоторым группировкам) играть достойную роль в Азии. Но там с интеграционными инициативами оказалось еще сложнее. Таким образом, быстрая реставрация единства на просторах бывшего СССР представляется единственным путем восстановления стратегической стабильности и национальной самодостаточности.

Интеграционным процессам противодействуют иррациональные амбиции удельных номенклатур, размытость их представлений об общенациональных, гражданских, государственных интересах, да и своих собственных. Значительную роль в подрыве интеграционных процессов играет эгоцентрически настроенная интеллигенция, утверждающее свое бытие в системе государственной власти через обоснование этнократических основ государственности.

Политические прагматики (член Президентского совета Э.Паин и др.) говорят о том, что внутри Российской Федерации перепады в экономическом развитии и цивилизационном уровне регионов не меньше, чем между странами СНГ. Между тем, во всех странах СНГ по отношению к интеграционным процессам распространена политическая апатия и положительная реакция общества на объединительные инициативы возможна только при условии явных улучшений экономического положения. Если интеграция будет давать

плоды в этой области, она будет поддержана “низами”. Но для “низов” России существует опасность того, что все бремя интеграции целиком будет возложена именно на Россию.

Это второй веский момент, препятствующий интеграции. Хотя он опирается на ложную дилемму: либо сосредоточиться на внутренних проблемах России, либо — на проблемах реинтеграции. Мол, если не сделать выбора между этими двумя направлениями, политический курс будет зигзагообразным и хаотичным. Как будто не существует возможности вести взвешенный курс, учитывающей реальность государственной раздробленности как на уровне постсоветского пространства, так и на уровне Российской Федерации! Да и кто должен делать выбор? Если даже вице-премьер С.Шахрай не решается сделать такой выбор для себя, то что же говорить о более мелких фигурах, о “низах”, у которых толком никто и ничего не собирается спрашивать?

Ответ “низов” достаточно очевиден. Опыт белорусского референдума, сближающего славянские народы, говорит о многом. Поэтому и мечется номенклатурная верхушка от космополитических теорий к интеграционным идеям, находя промежуточное положение в идеях нового евразийства.

Два тезиса разоблачают несоразмерный (демонстрируемый напоказ) энтузиазм неоевразийцев:

1.Построения евразийцев прежних времен — это миф, который хотя и может быть использован при создании суперэтноса, нации, культуры, но не достаточен для создания государства.

2.Правовые формулы современного евразийства, вырванные из контекста истории и системы права (конфедерация, федерация, союз и пр.) по своим политическим последствиям могут иметь большую разрушительную силу (оба тезиса принадлежат члену Президентского совета А.Салмину).

Если уж говорить о реальной, а не мифологической интеграции, то речь должна идти о поддержке тех структур (общественных и государственных), которые уже являются субъектами интеграции. Если говорить о духовной и культурной общности, то ее надо подкреплять государственными решениями, касающимися, прежде всего, внутренних вопросов. Иначе фантомное ощущение переполосовавших Большую Россию цивилизационных границ будет усиливаться. Доказательство общности интересов России, Украины, Белоруссии, Казахстана не требует привлечения философского наследия — оно очевидно с точки зрения государственных и общенациональных интересов (тем более, если не считать, что за два-три года на территории СССР родилась целая плеяда жизнеспособных наций).

Потребность в интеграции не столь очевидна для части удельных “верхов”, которые все еще надеются приобщиться к европейскому цивилизационному пространству. Они хотели бы “въехать” в Европу, да вот беда — дальше России в Европу не пускают. Отсюда и недовольство,

недоверие к интеграции, не несущей в обозримом времени для СНГовских “верхов” европейского образа жизни.

В обсуждениях наших евразийцев случайно выговаривается, что национальные элиты в процессе интеграции должны идти на принятие общих критериев собственной эффективности. Вот это действительно всерьез высказанная правда. Не удовлетворившись эффективностью в своих этнических улусах, этнократические режимы мечтают подключиться к “эффективности” российских кланов, столь удачно выдаивающих свою страну, но побаиваются впускать на свою территорию сильных (“эффективных”) конкурентов. Поэтому всерьез интеграционные процессы будут запущены только в тот момент, когда будет гарантировано “право” республиканских номенклатур или когда распад удельной государственности выведет на политическую арену новые элитные слои, готовые делать себе политический капитал именно на реальной интеграции.

Кому жмет имперский ошейник

Недостатка в обличителях Империи в современной России нет. Зарубежные и отечественные ученые и журналисты стремятся встать в позицию побеждающей тенденции, предполагая, что современная Россия возникла в процессе распада империи и национального возрождения народов бывшего СССР.

Вот целый букет высказываний авторитетов всех мастей на счет Империи:

“Патриарх” диссидентов Александр Солженицын: “Нет у нас сил на Империю — и не надо, и свались она с наших плеч; она размозжает нас, и высасывает, и ускоряет нашу гибель.” (14). Концептуалист, математик-компьютерщик академик Никита Моисеев: “...нам открыты еще не плохие, хотя далеко не имперские дороги!” “Имперская ноша чересчур тяжела, да и немного сулит гражданину “имперской нации” (15). Генерал и кандидат в президенты-1996 Александр Лебедь, сменивший маску державника на маску радикального либерала: “...имперские часы остановились во всем мире.” “Эпоха империй кончилось.” (16). “Мы должны окончательно содрать с России имперскую маску” (из интервью, данного в США в декабре 1996). Известный социолог и публицист Игорь Клямкин: “Русский народ, как и другие, успел разочароваться в имперской власти” (17). Записной “демократ” Александр Янов: “Россия переживает коллапс вековой имперской цивилизации, распад всех традиционных ценностей” (18). Большой “друг” СССР, американский политик Збигнев Бжезинский: “Россия может быть либо империей, либо демократией. Быть и тем, и другим она не может.” (там же). Ельцинский аналитик Вячеслав Никонов: “России надо преодолеть не наследие последних 70 лет, а тысячелетнюю традицию авторитарной власти.” (19).

Каждому из этих высказываний соответствует некая нелепость, выявляющее полное непонимание автором того, что есть Империя.

Например, статья академика Моисеева называется “Агония России. Есть ли у нее перспективы?” Про перспективы агонии или перспективы России идет речь? Из статьи кажется следует, что про перспективы России... Статья генерала Лебедя называется “Закат империи или возрождение России”. Воспринять “или” можно в том смысле, что закат империи несовместим с возрождением России, то есть возможно лишь имперское возрождение. Впрочем, текст статьи говорит о том, что автор имел в виду совершенно обратное. Статья Клямкина и его соавтора называется “Кому в России нужна империя?” звучит в виде вопроса, но вопросов не вызывает. Если две первые статьи приобретают антиимперский характер в поисках лучшей доли для России, то третья враждебна русской государственности во всех аспектах.

Если анализировать труды приведенных авторов подробнее, то окажется, что противление имперской модели государственного единства ведется с позиций специфической политической философии, весьма причудливо сочетающей европейскую политическую риторику с оправданием сепаратизма и разворота России на восток.

Например, вслед за многими современными авторами, Моисеев использует термин “империя” лишь как обрывок неких идеологем — “империя зла”, “имперские амбиции”. Идеологемы позволяют не задумываться над типами государственного устройства исторических Империй и полезности их опыта для современности, закрывать глаза на устойчивость имперских государственных и общественных моделей. Это выгодно лишь для рассуждений, не обремененных поисками истины.

Отказаться от мечты об Империи — все равно что отказаться от собственной нации. И Моисеев отказывается: “...я отбрасываю все попытки обсуждения возможных путей с любых имперских и квазиимперских позиций. Любая мессианская позиция, будь то с коммунистическим, капиталистическим, православным или каким-либо иным “фундаментом”, сегодня утопична, непривлекательна, а следование ей смертельно опасно для любой нации.” Истинный патриотизм Моисеев видит в искании достойной жизни в мировом сообществе, в том, чтобы “найти среди горьких реальностей наименее горькую”.

Для неоевразийца, приписывающего мировым тенденциям свойства непреодолимых закономерностей, к которым можно только приспосабливаться, это вполне понятная позиция. Совместить ее с Русской Идеей, ищущей достойной жизни в опоре на высшие ценности, конечно же, невозможно.

Моисеев, будучи ученым-прагматиком, легко опровергает сам себя, как только задумывается не над малопродуктивными измышлениями, а над задачами государственного строительства. В одном из своих интервью (20) Н.Моисеев рассказывает о своих предложениях М.Горбачеву, в которых одним

из требований успешности перестройки указывалось сохранение “императорской” власти генсека. Этим он продемонстрировал некоторое смутное представление об имперской власти и ее благотворности для государственного управления. К сожалению, эта интуитивная догадка в дальнейшем не нашла у Моисеева рационального продолжения.

Александр Лебедь вместе со своими консультантами из команды Чубайса, пишущими ему статьи, также использует термин “империя” как идеологему, которая, впрочем не имеет под собой никакой идеологии. Рассматривая термины “монархия”, “империя”, “республика” как этикетки, он тут же отдается игре в эти этикетки. Вполне в духе “этикеточного” понимания имперской формы политики, генерал Лебедь видит в империи лишь необузданный процесс “пожирания” чужих территорий.

Такое понимание возможно лишь при полном игнорировании русской истории. Только в качестве нарочитого издевательства можно принять тезис о том, что большевистское государство стало высшей формой проявления имперскости России. Представлять слом всего строя русской жизни в результате нескольких этапов предательства (от прямой измены Родине до вытаптывания русской культуры) в качестве органичного завершения имперского строительства — значит вовсе не понимать что есть существо национальной безопасности, что необходимо защищать от разнообразных угроз.

Между тем, вполне очевидно, что объектом защиты является определенный уклад жизни, обеспечивающий нации долговременную стратегию успеха, достойного существования и сохранения своей вселенской миссии. Представлять тягчайшее преступление против России в качестве перехода к последней стадии тупикового пути развития, отождествлять имперскость с интернационализмом — значит вовсе ничего не понимать.

Вот до чего примитивное понимание наиболее устойчивой формы государственного правления у Лебедя — нет территориальной экспансии, значит нет и империи. Значит вовсе не имперской политикой является доминирование на товарных и финансовых рынках СНГ, не имперский подход демонстрируется культурной экспансией. Это все, по Лебедю, политика национального государства, экономящего силы, чтобы не тратиться на удержание чужого. Понятие культурного империализм ему не ведомо.

А что же это такого чужого увидел Лебедь в Российской империи? Может быть территории Средней Азии, окультуренные и индустриализированные русскими? Поди ж ты, и Прибалтика, вдруг возникшая как геополитическое явление только в XX веке — тоже чужое? Наконец, и Украина с Белоруссией, заселенные субэтносами русского народа (в другой терминологической трактовке — этносами русской нации), — тоже чужое?

Дальше — больше. Чужими оказываются и Чечня, и Татарстан. А за ними проглядывают в качестве чужой земли Башкирия, Якутия, Калмыкия и т.д. Что же остается у России нечужого? Какой-то обглодок из чисто русских областей!

За Лебедя договаривает Найшуль (21). Он полагает, что полиэтнические государства должны разбиться на монокультурные национальные государства. Что это значит для России — вполне понятно. То же, что для СССР — Беловежский сговор.

Таким образом, имперский ошейник жмет всем недоброжелателям России, русофобам, федералистам, сепаратистам. А еще — неучам, не знающим и не желающим знать ни истории, ни современного состояния дел.

Но есть еще один тип противников империи — противников, связанных иным способом освоения идей русского национализма. Это потенциальные союзники имперской идеологии, и с ними стоит искать общий язык.

Попытка со стороны некоторых современных теоретиков русского национализма превратить понятие "империализм" в синоним понятия "интернационализм", предпринимаемая некоторыми национально ориентированными мыслителями, с нашей точки зрения также совершенно некорректна. Хотя противопоставление империализма и этноцентризма действительно вполне актуально. Но ведь национализм и этноцентризм — тоже вещи различные.

Империализм, по нашему мнению, глубоко национален и националистичен. Империализм как раз и есть форма выражения высшей идеи нации, имеющей общепланетарный масштаб, выражение устремления к экспансии собственной культуры (только так можно остановить чужую экспансию) и к общемировому доминированию (только так формируется центр силы, с которым считаются). Многонациональных Империй никогда не было. Империи всегда опирались на ведущую нацию, получающую вместе с ведущей ролью и привилегию культурного, общественного и экономического доминирования (последнее, правда, было не всюду и не всегда).

Узкий этноцентризм — то, что свойственно чеченцам и якутам. Русская нация — не этнос (хотя и имеет явные этнические корни, этнические признаки и этнический состав). Нация отличается от этноса не только тем, что она — сложное, а этнос — простое, но и тем, что она является открытой системой (не путать с теорией "открытого общества), ведающей высшие смыслы своего бытия, а не упертой в быт (почву), подобно этносам. Империя — форма бытия национальной мечты.

Русская империя вовсе не вынуждена спрашивать у чеченца соизволения на свое существование. Это скорее свойство СССР, который империей не являлся, пробавляясь интернациональным мифом о дружбе народов. Империи не свойственен и федерализм с его разделением суверенитета. Для Империи суверенитет всегда един, хотя глубина его в силу политических обстоятельств может быть различной (например, Украина после присоединения к России много лет не платила налогов в казну и управлялась гетманами), но все что касается собственно государственного суверенитета — свято.

В указанном смысле вполне приемлем и логичен термин национал-империализм, выражающий стремление нации к доминированию.

Здесь недурно снова попытаться помирить православных и язычников. Последние часто повторяют, что монотеизм разрушал кастовую систему. Причем, под кастой понимается нечто не совсем совпадающее с первоначальным смыслом этого понятия, а скорее некоторая аналогия, почти тождественная сословию. Но тогда указанное утверждение это совершенно неверно.

В одной из блестящих работ В.Махнача (22) приводятся многочисленные примеры наиболее устойчивых государственных образований, в который система государственного управления встраивала в механизм управления аристократию и демос, выключая из него охлос (босяков) и увенчивая пирамиду власти персоной монарха, олицетворявшего также и духовную власть. Так что с точки зрения православных националистов квазикастовая сословная схема также необходима. Только без выдумывания проектов новых религий вместе с неизвестно откуда берущимися жрецами.

Латинское слово imperium означает вовсе не экспансию, а суверенитет, управление, командование. В свое время Вашингтон говорил о США как о “восходящей империи”, имея в виду национальное становление (23).

Что касается имперских дорог, то они нам открыты или закрыты лишь в силу нашего желания или нежелания по ним идти. Воля и мудрость, героический и творческий порыв открывают пути в Империю. Кроме того, гражданин имперской нации получает в Империи главное — ощущение связи времен и мировой значимости собственной культуры, а значит и собственного бытия. Гражданин Империи преодолевает не только бытовую ограниченность повседневности, но и замкнутость во времени своего физического бытия. Он связан с предками и будущими поколениями, он чувствует их присутствие в настоящем.

Литература

(1) См. статью С.Лейкофф, Оппозиция “суверенитет- автономия” в условиях федерализма”: выбор между “или — или” и “больше-меньше”, “Полюс” №1, 1995 с. 177.

(2) См. отчет о сессии Колледжа федералистских исследований “Полис” №5, 1994, с.153.

(3) Д.Дж. Элейзер. Сравнительный федерализм, “Полис” №5, 1995.

(4) О.Ю.Аболин, Всемирный и европейский федерализм, “Полис” №5, 1994 с.142.

(5) Материалы “круглого стола” “Перспективы евразийской интеграции”, 14 июня 1994 г., М.: Партия российского единства и согласия, Дипломатическая академия МИД РФ, 1994.

(6) См., например, А.Арапов, Я.Уманский, Евразийство на постсоветском Востоке, “Полис”, №4, 1992.

(7) В.В.Ильин, А.С.Панарин, А.В.Рябов, “Россия — опыт национально-государственной идеологии”, М.: Изд. МГУ, 1994.

(8) Евразийская хроника. Вып.IX, 1927, с.28.

(9) А.С.Панарин, Новое прочтение старой идеи, “Этнополитический вестник”, №1,1995.

(10) Г.Флоровский, Евразийский соблазн, в кн. “Русская идея”, М.:”Искусство”, 1994, т.1, с. 305.

(11) Современная русская идея и государственность, М.:РАУ-корпорации, 1995.

(12) А.Руцкой, Россия: соблазны и надежды, “Соборная монархия” №6-7, спецвыпуск, апрель 1995 г.

(13) В.Пастухов ”Pro et Contra”, осень 1996, с.19

(14) А.Солженицын, “Как нам обустроить Россию”.

(15) Н.Моисеев, Агония России. есть ли у нее перспективы?, “Зеленый мир”, Специальный выпуск №12, 1996.

(16) А.Лебедь. Закат империи или возрождение России. “Сегодня” 26.04.96

(17) И.М.Клямкин, Т.И.Кутковец, Кому в России нужна империя?, “Сегодня” 01.02.96.

(18) А.Янов, “После Ельцина”, с.16. См. также комментарий на эту книгу — А.Кольев, “Демократический стриптиз”, “Русская перспектива”, М.:1996.

(19) В.Никонов, “Московские новости”, апрель 1995.

(20) Нужен прорыв. Интервью академика Никиты Моисеева, “Новая Россия” №1, 1996.

(21) В.Найшуль, “Сегодня” 23.05.96

(22) В.Махнач, Полибиева схема, “Императив” №1, 1996

(23) Артур М.Шлезингер, Циклы американской истории, М.: Издательская группа “Прогресс” “Прогресс-Академия”, 1992, с.201.

ПОИСК ИДЕОЛОГИИ

Искра Андреева

ПУТЬ К РУССКОЙ ИДЕЕ
Что говорит нам сегодня русская философия?

Сразу после Октября 1917 года начались систематические гонения на национальные святыни и духовные ценности России. Первой жертвой стало православие. За ним последовала русская самобытная философия; вместо нее "неистовые ревнители", где мытьем, где катаньем насадили марксизм-ленинизм. Путь домой наших национальных мыслителей растянулся на многие десятилетия.

Марксистско-ленинская философия в советскую эпоху была служанкой идеологии, царствующей служанкой, поскольку выполняла партийный императив: формировала важнейший элемент духовной жизни — основы мировоззрения, обязательного не только для членов партии, но и для всего народа. Ее идеологическая функция не сразу сформировалась; в первые послеоктябрьские годы профессиональная философия продолжала существовать, хотя ее носителям постоянно угрожали и чинили насилия. В некоторых университетах оставались старые профессора. Еще в 1918 году готовилось собрание сочинений П.Флоренского в девятнадцати томах; свет увидели в 1922 году только две книги. Н.Бердяев в 1919 году организовал Вольную академию духовной культуры. Перед тысячной аудиторией Политехнического музея он часто читал лекции; а однажды после философской дискуссии с Дзержинским в ЧК даже сам грозный хозяин этого учреждения распорядился отвезти его домой. Выходили старые и появлялись новые журналы (например, "Мысль и слово"), функционировали кружки, "буржуазно-помещичья" философия отцветала последним ярким цветом.

Но уже с 1921 года началась "гражданская война" в философии. Именно тогда закрылся историко-филологический факультет МГУ (он был вновь открыт только во время войны), профессора оказались без работы, а в 1922 году цвет русской философии был выслан из страны; остались единицы, которых не миновали репрессии 30-х годов; многие погибли в заключении

Андреева Искра Степановна, доктор философских наук, профессор, Автор более 130 научных работ, монографии "Идея мира в западноевропейской философии" (1975), серии сборников, посвященных современным зарубежным исследованиям истории западноевропейской и русской философии, монографии "Философия Канта и современный идеализм" (1987, в составе авторского коллектива).

(П.А.Флоренский, Г.Г.Шпет и др.). Высланные философы продолжили свою работу на чужбине.

Почему гонения обрушились в первую очередь на русских философов? Наше дело, — заявлял В.И.Ленин, — бороться с господствующей... национальной культурой великороссов. Русская же философия была философией национальной. В этой борьбе в авангарде оказались люди, занявшие культурную нишу, освободившуюся после гонений на русскую интеллигенцию, люди без корней, чуждые любой национальной культуре, люди — "Перекати-поле" (А.Чехов), и в первую очередь те евреи-интеллигенты (но не только они), кто готовил или принял революцию, а религиозные периферийные люди. "Евреи на перепутье", как писал русский философ Л.П.Карсавин (1928), интернационалисты и нигилисты. Еврей, порвавший со своей религиозно — национальной культурой, справедливо считал Карсавин, с ее идеей универсализма, особой предизбранности, первенствующего положения среди народов мира, миссианства и мессианизма с трудом входит в живую, ограниченно — национальную, но и органическую живую культуру другого народа (француза ли, русского ли). Вместо еврейской религии такие люди исповедуют абстрактные, безжизненные и вредоносные идеалы. Отсюда и влечение к радикальной демократии в политике, к абстрактному "научному социализму" в общественной жизни. "Этот тип не опасен для здоровой культуры и в здоровой культуре не действенен. Но лишь только культура начинает заболевать..., как он быстро... сливается с продуктами ее распада... и становится уже реальной опасностью" (1).

Русская культура и русский народ, открытые другим культурам и народам, "всемирно отзывчивые" на протяжении всей своей истории сумели душевно духовно породниться со многими представителями других народов, том числе и евреями, идентичность которых стала опираться на русский культурный фундамент. Но в условиях общественных потрясений, будь то Октябрьская революция или нынешняя трагическая страница нашей истории, когда сам титульный народ утратил свое национальное тождество, когда его гонят идти "туда, не знаю, куда", когда все обнищали, а культурная жизнь подвергается чудовищной девальвации и профанации, когда слово "русский" стало чуть ли не синонимом слова "фашист", возник большой соблазн отделиться, "расплеваться" с "этой" страной, показать "этим" русским, кто здесь на самом деле хозяин, и каким должно быть будущее у этих "тупых" и безнадежно отсталых русских. В авангарде всей этой кампании находятся главным образом именно "евреи на перепутье".

Что касается философии, сразу после Октября радикалы типа С.К.Митина (1882-1962) или В.В.Адоратского не случайно призывали вообще выбросить философию за борт современности: достаточно марксизма как политической идеологии. В наши дни такие установки "нееврейских евреев", как их называет немецкая публицистка Соня Марголина (2), в нашей стране по-прежнему широко распространены. Но теперь наши "реформаторы" душой и

телом привержены к абстрактному капитализму, насаждая его в стране с тем же усердием, как раньше социализм.

После высылки русских философов марксизм перестал быть одной из философских сект и превратился в официальную философию режима. Правда, в то время философская жизнь была еще жива и марксистская философия допускала "внутренний плюрализм": продолжал публиковаться бывший эмпиромонист А.А.Богданов, последователь Н.Федорова космист В.Н.Муравьев и др. В конце 20-х годов А.Ф.Лосев в течение трех лет издал восемь философских книг, которые могли бы составить его славу. Но "Диалектика мифа", вышедшая в 1930-м году, где он назвал диамат "вопиющей нелепостью" и усомнился в правде большевизма, перечеркнула его академическую деятельность[5]. Лосев провел несколько лет в лагере (причем меру его виновности определял нарком железнодорожного транспорта Л.М.Кагановч), а затем вынужден был молчать более двадцати лет.

Новая структура философского образования, которая создавалась в 20-е годы, опиралась на институт Красной профессуры (создан в 1921 г.), на Коммунистическую академию (1918), Коммунистический университет им.Свердлова (1919). С 1928 г. появилось Общество материалистов-диалектиков. После взаимных перебранок и свар ("деборинцы" против "механицистов", М.Б.Митин против А.М.Деборина и т.д.) к концу 20-х годов устоялся термин "диалектический материализм", а философия получила название "марксистско-ленинской"; быстро разрасталось "новое поколение советских философов" (Н.А.Карев, И.К.Луппол, Я.Э.Стэн, М.Б.Митин, Г.Е.Глезерман, П.Ф.Юдин и др.), а к середине 30-х годов их усилиями и с их помощью в ранг философского гения был возведен И.В.Сталин, завершивший создание канона марксистско-ленинской философии в 1938 году знаменитой четвертой главой в "Кратком курсе истории ВКП(б)", которая называлась "О диалектическом и историческом материализме". По некоторым сведениям она была создана Я.Э.Стэном, погибшим, как и многие другие представители "нового поколения", в ГУЛАГе. В результате разногласия на философском фронте умолкли, а жизнь философа стала иллюстрацией закона отрицания отрицания и превращения бытия в ничто. Настал "мертвый час" философии.

В четвертой главе в сжатом виде были сформулированы основные постулаты марксистско-ленинской философии — три черты материализма, четыре черты диалектики, три черты исторического материализма, получившие абсолютный авторитет и исключавшие возможность существования иных подходов. Ключевая идеологическая роль принадлежала теории общественного развития, в которой постулировалось пятичленное линейное прогрессивное движение всех человеческих обществ, всех народов Земли от первобытного общества, через рабовладение, феодальный строй, капитализм к социализму как первой стадии коммунизма (4). Здесь не было места для альтернативного

---

[5] А.Ф.Лосев позволил себе, например, такой пассаж: "Иной раз вы с пафосом долбите: "социализм возможен в одной стране..." Не чувствуете ли вы, что кто-то или что-то на очень высокой ноте пищит у вас в душе: "Н-е-е-е-е"...?" (3).

развития, либо даже для тупиковых путей, для открытого будущего: "планы партии будут выполнены", "победа коммунизма неизбежна".

С этой верой в будущее (светлое или мрачное?) все советские люди обязаны были жить и непрерывно подкреплять свою веру бесконечным повторением этих аксиом, призванных внушать исторический оптимизм и поддерживать веру в историческую миссию коммунизма, которому суждено осуществиться благодаря революционной практике рабочего класса как у нас в стране, так и за ее пределами. По подсчетам немецкого советолога Г.Веттера (побывавшего в советском плену после войны, а затем дома создавшего толстенный том, посвященный советской философии), до начала 50-х гг. было осуществлено 301 издание "Краткого курса" общим тиражом 35.762 тыс. экземпляров, а четвертая глава была опубликована в газетах и журналах тиражом 65 млн. экземпляров.

Четвертая глава стала основой теоретического обучения и для ликбезов, и для вечерних университетов марксизма-ленинизма (в которых должны были в обязательном порядке раз в два-три года "повышать свой идейный уровень" лица с высшим и средним образованием), и для академических философских исследований, и для студенческой молодежи, которая до конца 80-х гг. была обречена слушать лекции, участвовать в семинарах, писать рефераты и сдавать экзамены по установленной свыше жесткой программе курса, который назывался "Диалектический и исторический материализм”. С такой всеохватностью, массовостью и глубиной могло соперничать разве что Евангелие.

Но этот "мороз" не мог полностью загубить ростков новой жизни. Хотя и в жестких рамках догматической марксистско-ленинской философии, живая мысль пробивалась до войны на то открываемом, то закрываемом вновь философском факультете Московского института философии, литературы, истории (МИФЛИ), где преподавали старые профессора, изучались древние и новые языки. В 30-е годы в издательстве Academia публиковались труды Гегеля (как теоретический источник марксизма), Дж.Вико и других зарубежных авторов. В начале войны вышли три тома "Истории философии" (называются они "Серая лошадь" — из-за серой обложки и потому, что честно служили многим поколениям студентов); в 1942 г. возник запрос на логику, нашлись и преподаватели (А.Ф.Лосев, В.Ф.Асмус, П.С.Попов, С.А.Яновская).

В созданном в 1947 году Институте философии Академии наук появились молодые люди, уцелевшие на войне, которые, оставаясь марксистами, были далеки от его догматического понимания; в журнале "Вопросы философии" (выходил с 1947 года и до 1958 года оставался единственным философским журналом) А.З.Каменский поставил вопрос о необходимости изучать русскую философию, но его призыв был проигнорирован; появлялись статьи, расходящиеся с господствующими установками (была опубликована, в частности, статья И.И.Шмальгаузена, защищавшая генетику, которую травили сторонники Н.Т.Лысенко. (Правда, в

том же журнале была опубликована одиозная статья "Кому служит кибернетика?"; автор, псевдоним которого до сих пор не раскрыт, доказывал, что, конечно же, мировому империализму).

На излете сталинских лет возникла новая интеллигенция, отличавшаяся от дореволюционной и от выдвиженцев 20-30-х годов, как плод политики всеобщего образования — подлинного завоевания советской власти. В философии крепла научно-образовательная инфраструктура (число профессиональных философов с 400 в 1947 году выросло до 1500 в 1955 году, а в 1975 году их было уже 14 тыс.) Главная их задача (которую в полной мере они не выполнили) состояла в обеспечении идеологической и политической чистоты подготавливаемых в Советском Союзе многочисленных кадров учителей и вузовских преподавателей, поэтому надзор за состоянием этой чистоты оставался строгим, хотя и не мог противостоять возрождению забытого внутреннего плюрализма.

Так появился новый тип философов, дистанцировавшийся от партийности и ориентированный на истину. Молодые способные люди обращались от догматических сегментов философского знания к теории познания и философии науки (П.В.Копнин, В.А.Лекторский, В.Н.Садовский, Г.С.Батищев и др.), к изучению истории философии (Э.В.Ильенков, В.В.Соколов, А.В.Гулыга, И.С.Нарский, П.П.Гайденко, А.С.Богомолов и др., которых обвиняли в "уходе от актуальных проблем современности"), к изучению современных западных и восточных философских течений (Ю.Н.Давыдов, Н.С.Юлина, Б.Г.Григорян, Н.В.Мотрошилова и др.), что называлось тогда "критикой современной зарубежной философии". И они действительно критиковали, "держали" дистанцию (и подчас не только из конъюнктурных соображений), что не мешало партийным боссам неустанно их наказывать, хотя и в более мягкой форме, чем это было в сталинскую эпоху.

В наши дни некоторые философы, обращаясь к недавнему прошлому отечественной философии, отрицают само ее существование в советские годы. Например, В.Свинцов ("Независимая газета" 24.5.1994) утверждает, что жил "как на мусорной свалке", а известный советский философ А.П.Огурцов и его соавторы в словаре "Русская философия", изданном Российским гуманитарным университетом (статья "Подавление философии в СССР") заключают, что философия в СССР "была окончательно подавлена к 1950-му году", т.е. именно тогда, когда они начали весьма успешно ею заниматься. До сих пор многие исследования, созданные в те годы, не потеряли своего значения (например, работы П. Гайденко, Ю.Давыдова, Н.Трубникова, Ю.Бородая и др.).

Как раз в то время сформировались группы, начавшие массированное расширение предмета марксистско-ленинской философии, подрывавшее само ее существование. После публикации "Философско-исторических рукописей" Маркса предпринимались попытки теоретически обосновать принципы социализма "с человеческим лицом", что отчасти соответствовало идеологической потребности властей, хотя кардинально расходилось с

политической практикой как внутри страны, так и за ее пределами. Дискуссия об азиатском способе производства в конце 50-х годов, формально оставаясь на почве марксизма, опровергала знаменитый сталинский тезис о пяти социально-экономических формациях. В провинции (на Урале, в Сибири, Казахстане) возникли целые школы так называемых диалектиков-гегельянцев, группировавшихся вокруг глубокого знатока Гегеля Э.В.Ильенкова (члены Алма-Атинской, наиболее активной среди них получили даже название “гегильенковцы”). С начала 70-х годов начался настоящий бум в исследовании философии И.Канта — основоположника немецкой классической философии, которого недолюбливал В.И.Ленин. В иные годы выходило до двухсот работ, посвященных тем или иным проблемам кантовской философии. Возник "Кантовский ежегодник" и музей (в Калининграде), были проведены конференции и симпозиумы в ряде городов страны.

В 1960 году после долгой подготовки появился первый том "Философской энциклопедии" (завершающий, пятый том вышел в 1970 году), сыгравшей огромную роль в расширении поля философских исследований и если не разрушившей, то основательно расшатавшей догматическую структуру марксистско-ленинской философии (особенно содержанием четвертого и пятого томов).

Особое значение для возвращения советской философской мысли на столбовую дорогу мировой мудрости стало систематическое издание серии "Философское наследие", каждый том которого вводил в научный оборот тексты тех или иных мыслителей прошлого; к составлению, комментарию и созданию научных вступительных статей были привлечены лучшие специалисты. Первый том "Древнеиндийская философия" появился в 1963 году; серия, хотя в постсоветское время и переживает большие трудности, продолжает издаваться. В настоящее время вышло уже около 150 томов. Это лучшее, что было создано совокупными усилиями советских философов за все годы существования советской власти.

Нельзя обойти и деятельность Института научной информации АН СССР (созданного в 1971 г.), который вот уже более 25-ти лет систематически выпускает реферативные журналы, фиксирующие текущие процессы в области философии и других общественных наук как у нас в стране, так и за рубежом, а его проблемно-тематические сборники реферативных и аналитических обзоров послужили для выработки официальных идеологических принципов в меняющихся условиях, стали отправной базой для десятков диссертаций и монографий.

Так создавалось пространство, благоприятное не только для работы философов-профессионалов и гуманитариев вообще, но и для формирования в стране обширной культурной среды. В конце концов марксистско-ленинская философия, не имевшая внутреннего критерия истины, сохраняя свой официальный статус, до такой степени стала плоской, что ее перестали принимать всерьез. Так, к примеру, когда уже в разгар перестройки академик

Т.И.Ойзерман попытался отлучить от марксизма-ленинизма работу А.В.Гулыги "Немецкая классическая философия", редакция в том же номере представила на нее положительную рецензию. Но в философском знании при советской власти продолжало существовать огромное "белое пятно": строжайший запрет, своего рода священное табу на произведения самобытных русских философов, отвечающие чаяниям русского народа, изгнанных из страны и за рубежом продолжавших развивать философию, либо погибших в ГУЛАГе на родине. "Интернационалисты" не дремали. В "Философском наследии" можно по пальцам пересчитать издания, посвященные русским мыслителям. Да и то они принадлежали к так называемому направлению революционных демократов — Радищеву, Белинскому, Добролюбову, Герцену, Лаврову. В "Философской энциклопедии" почти каждая статья об изгнанных русских философах (за исключением статей о мыслителях, попавших в пятый том) начиналась с дефиниции "...реакционный религиозный философ, мистик...". О Бердяеве сказано, что он реакционер, а корпус его идей обозначен как "бердяевщина" (автор — Ю.Карякин).

Почти не было диссертаций, посвященных русским философам. Попытки издать произведения наших классиков заканчивались фиаско, а подчас и трагикомически. Так, в 1982 г. после многих усилий многих людей (включая хождение по цековским кабинетам космонавта В.Севастьянова) был издан том произведений русского космиста Н.Федорова "Философия общего дела". Издание было немедленно объявлено идеологически вредным, появились разгромные рецензии, главный редактор издательства "Мысль" Ф.С.Худушин уволен с работы, ответственный редактор тома А.В.Гулыга наказан, "наказан" был и сам Федоров: "Философию общего дела" продавали только в киоске Института философии (так сказать, для служебного пользования). Тираж маленькой книги А.Ф.Лосева о Вл.Соловьеве (1983) был запрещен для продажи в университетских городах, и возвращался в столицу из дальних сел и горных кишлаков, продаваясь по немыслимым в то время ценам. Несколько лет пролежал без движения (в редакции "Философское наследие") трехтомник сочинений Вл.Соловьева, составленный А.Ф.Лосевым и А.В.Гулыгой. Но зато, когда он вышел (уже как двухтомник) в 1989 году, прямо у стен Издательства его продавали по цене в десятки раз более высокой, чем по номиналу.

В первые годы перестройки философы активно подхватили выработанные в ЦК КПСС идеологические клише, они рьяно включились в обоснование "социалистического выбора" с человеческим лицом, "общечеловеческих ценностей", "человеческого фактора" и "нового цивилизационного процесса", "заграница нам поможет" и т.п. Разумеется, все это не имело большого положительного значения, более того, отсутствие критической дистанции затемняло смысл происходящего и препятствовало адекватной оценке начавшегося разрушения страны и смены духовных ориентиров.

Когда 31 декабря 1991 года рухнула советская власть, отошли в небытие такие понятия, как "советская промышленность", "советская культура" и т.п., перестала существовать марксистско-ленинская идеология, а реальная действительность предстала в ее античеловеческом обличье, философия пережила своего рода час "нуль": вместе со многими другими институтами, философы-догматики оказались не у дел. Но наработанный поколениями философов "задел" по изучению мировой философии способствовал "превращению" научных коммунистов в академических политологов, специалистов по эстетике — в культурологов, истматчиков — в социальных философов, преподавателей "научного" атеизма — в историков и теоретиков религии. Все они в той или иной мере до сих пор обременены наследием догматического марксизма. Историки же философии остались, сохранили свои позиции — акции этой области философского знания резко повысились: история философии сделалась ведущей областью преподавания и изучения, но имеет главным образом чисто академический характер. К тому же философия у нас в стране (и на Западе тоже) давно уже не стремится к целостному пониманию мира и человека, преобладает интерес к изучению отдельных проблем, поэтому ее усилия недостаточны для преодоления того духовного вакуума, в котором оказался народ. Более того, стараниями СМИ среди части нашей гуманитарной элиты получило достаточно широкое распространение нигилистическое крыло философского постмодернизма, возникшего во Франции и до такой степени некритически перенесенного на русскую почву, какая и не снилась догматикам-марксистам.

Отрицание целостности истины и времени (в их многообразии), проповедь их плюралистичности, релятивизм ценностей, апология деконструктивизма, т.е. по сути дела произвольного толкования чего угодно и как угодно в том числе философских учений и отдельных проблем, приводит к углублению духовного кризиса (причем не только в философии) и его смакованию. Главное для постмодернистов не установить ЧТО именно хотел сказать мыслитель (или писатель), не смысл и содержание его учения, а только КАК он выражается и КАК что-то при этом читается. Критериев же этого КАК нет: "все дозволено". Эта вседозволенность используется для личного самовыражения, за которым не стоит практически ничего кроме банальностей.

Отечественный мэтр постмодернизма В.Подорга, которому некоторые у нас прочат великое будущее, призывая читать текст по правилу "вне всяких правил", всякий раз "обновляя устоявшийся понятийный строй философской мысли", "обессмысливая смысл", следуя букве французского постструктурализма, манипулирует понятиями "телесность" и "тело", понимаемыми то как физическое тело, то как "тело текста", "тело письма" (5). В результате, даже его поклонники приходят в недоумение и принимают эти его понятия за метафору. Так, Сергей Федякин ("Независимая газета") в заметке о посещении им концерта Баха рассуждает о "теле музыки Баха". Избыток смысла или бессмыслица? Подорога до неузнаваемости

"обессмысливает" смысл и содержание концепции религии Киркегора, кризисных аспектов философии Ницше и т.п., о которых наш читатель так мало знает и не догадывается о произволе, подмене или простом невежестве. Слава Богу, этот автор пока еще не покусился на русских классиков...

Системный духовный кризис, в котором оказалась страна и народ, когда девальвировались традиционные ценности, когда вместо "новой исторической общности — советского народа" страна стала раздираться межэтническими противоречиями, когда коллективистские формы деятельности, труда и общежития заменяются беспределом эгоистического индивидуализма, безудержного потребительства одних и унизительной нищеты большинства народа, когда преданы и попраны национальные интересы страны, а государство не в состоянии обеспечить защиту самой жизни, когда "светлое" будущее капитализма, которое нам обещают, являет городу и миру свой звериный оскал, и впереди нет никакой надежды, когда человечество оказалось перед всеобщей катастрофой — ядерной, экологической, демографической — в этих условиях пережившая советскую власть философия оказывается неспособной дать человеку надежную мировоззренческую опору.

Складывавшиеся в определенных исторических условиях классические образцы западной философии, хотя и апеллируют к "конечным" экзистенциальным вопросам, которые вечно стремится решать человечество, в то же время несут на себе печать своего происхождения — своей истории, своего национального душевно-духовного склада, получившего выражение не только в языке, но в подходе к кардинальным философским проблемам. И.Ильин в свое время связывал особенности русского языка с потребностью русского народа мыслить "созерцающим сердцем"(6). В конечном счете, мировая мудрость имеет общечеловеческий характер, но не даром различаются англо-саксонский, французский и немецкий менталитет, в основе которого лежат различные нормы высказываний и, соответственно, разные способы философствования. Недавно на эту сторону дела обратил внимание английский историк философии У.Харвей в статье "Лингвистическая относительность французской, английской и немецкой философии"(7).

Западные и восточные философские системы многому нас учат, они расширяют кругозор, дают пищу для размышлений, наконец, поддерживают уровень научной среды, необходимый для профессиональной работы, но почти до конца перестройки в нашем распоряжении не было теоретической основы, которая могла бы помочь народному сплочению на духовных принципах общего нашему дому, необходимого в данных условиях мировидения. У себя дома мы оказались бездомными.

При советской власти несколько поколений русских людей подвергались жестокому эксперименту, целью которого было истребление исторической памяти народа; трагедией стала утрата национального самосознания. Первой жертвой пала религия, и особенно православие, основа общежития русского

народа, сокровищница духовных ценностей. Сотни храмов были разрушены, сотни тысяч священников погибли в лагерях. Но православие устояло: старушки спасли храм. Помню, когда во времена Хрущева комсомольцев посылали на Пасху к храмам, чтобы помешать Крестному ходу своими плясками и песнями, с каким самоотречением и как достойно вели себя эти русские женщины! Как если бы это было не церковное праздничное действо, а шествие на Голгофу.

Постепенно и молодежь стала обращаться к храму. Когда в 1989 г. все гадали, состоится ли празднование 1000-летия крещения Руси (что зависело от властей предержащих), ожидание было столь напряженным, что власти не посмели лишить народ этого праздника. Празднование 1000-летия крещения Руси стало важной вехой на пути возрождения православных святынь.

Русское прошлое, русская история стали другой жертвой эксперимента. Все прошлое России мазалось черной краской, извращались исторические события, само историческое существование народа. Гонениям или замалчиванию подвергались писатели, которые осмеливались с любовью и страстью повествовать о светлых и героических делах нашего прошлого (например, В.Пикуль, Дм.Балашов). Очернение трагического опыта Великой Отечественной войны зашло так далеко, что празднование 50-летия Победы казалось под вопросом. Но не вышло...

Та же судьба постигла и русскую философию. Понадобилось (уже на исходе перестройки) специальное решение ЦК КПСС, чтобы открыть путь для возвращения на родину труды самобытных русских философов. И сразу начался настоящий бум публикаций текстов русских классиков. Особо следует отметить начало издания собрания сочинений В.В.Розанова (издательство "Республика") и И.А.Ильина ("Русская книга"), наиболее национальных из наших русских мыслителей. После того, как было снято табу с сочинений русской философской классики и изданы были их главные труды, ощущалась большая потребность в обобщающих работах, которые могли бы представить целостную картину и дать развернутую интерпретацию развития идей в учениях ее наиболее крупных представителей.

В начале 90-х гг. были изданы "История русской философии" В.В.Зеньковского (написана за рубежом в 1948 — 1950 гг.), "Пути русского богословия" В.В.Флоровского (создана в 1937 г.), дающие последовательное изложение развития русской мысли. Появились исследования и современных отечественных авторов. Отметим работы Василия Ванчугова, Сергея Хоружего и Арсения Гулыги (8), в которых исследуются истоки русской философии и ее фундаментальные идеи — всеединство, соборность, исихазм, русская идея и др. и убедительно доказывается поистине всемирное значение русской мысли, поднявшей на новый уровень и христианскую богословскую традицию, и положительную философию — вершину немецкой классической философии.

Вслед за исследованиями появились и справочники. В 1995 г. имело место "обвальное" издание словарей: их вышло сразу четыре (9). Появление

такого количества справочной литературы — явление неординарное. Во-первых, это свидетельство достаточного уровня проработки учений наших классиков; во-вторых, это своего рода прорыв в новое измерение, в осмысление того значения, которое имеет для современной нашей духовной культуры введение в научный оборот концептуального богатства и актуальных идей представителей русского религиозно-философского ренессанса. Это, наконец, свидетельство окончательного крушения запретов и заслонов, которые вплоть до последнего времени ставились на путях овладения нами нашим же собственным духовным богатством.

Почему, к примеру, у немцев нет словаря, посвященного немецкой философии? Да потому, что в Германии никогда — ни при социализме (в ГДР), ни тем более при национал-социализме — не подавлялась национальная традиция, как у нас. Простой пример: в двух только что вышедших словарях есть обстоятельная статья "Соборность". Это — центральное понятие русской религиозной философии. Перевести его на другие языки невозможно. Между тем, ни в одном нашем общефилософском справочнике (даже в пятитомной "Философской энциклопедии") такой статьи нет. Больше того, такого слова нет ни в одном словаре русского языка, изданном при Советах. Слово было уничтожено. Слава Богу, только на бумаге.

Однако, до сих пор бытуют нигилистическая установка, отказывающая русским философам быть причисленными к философскому цеху. Еще Л.Троцкий, одержимый идеей насильственного преобразования России и всего человечества, с пафосом вопрошал: "Где наш Гегель?... В философии у нас нет никого, кроме третьестепенных учеников и безличных эпигонов" (10). В наши дни г-жа Т.Иванова, услышав, что один русский писатель похвалил родную мудрость, подняла переполох: как можно мириться с утверждением, что "русская философия куда сильнее немецкой?" (11). Ведь в России расхожее русофобское клише: быть не может ничего более достойного, чем на Западе. Даже один из лучших немецких славистов М.Хагемайстер (Марбург) сомневается в существовании русской философии как науки (12), очевидно, следуя догме позитивисткого понимания философии, в которой не может быть места для "поэзии", для отступления от строгих рационалистически обоснованных понятий. Но подобная позиция не выдерживает критики.

Особая форма общественного сознания, философия как "любовь к мудрости" не имеет собственного языка выражения: его находит она либо в науке, либо в искусстве. Если западная философия выражалась главным образом в виде научных систем, то отечественная мысль тяготела к образному строю мышления. Наши философские корифеи — Пушкин, Достоевский, Герцен, Чернышевский, Толстой — доступны всем, наделенным способностью к концентрации внимания. Таковы и русские мыслители конца XIX — начала XX века. Русская философия способна быть понятой и понятной для любого любознательного читателя, поэтому она может и должна стать организующим началом на путях возрождения национального самосознания.

Догма об ущербности русской философии как "тупикового отростка философского развития" основывается еще и на том, что она пронизана православием, принципиально религиозна. Поэтому хулители отбрасывают ее в средневековье, что выражает их "прогрессистскую" уверенность в том, что средневековье "отсталое", и только Новое и Новейшее время с его Просвещением, культом рациональности и постмодернизмом являются передовыми, а "передовое" всегда лучше "старого". Русская философия "ходит в ретроградах" и благодаря негативному отношению к православию со стороны русофобов, хотя, как справедливо утверждает С.Хоружий, православие было принято русской философией в качестве мощного и живого движения только как "феноменальная почва для философствования" (13), в этом нет ничего прискорбного или отсталого, ибо "греческое вероисповедание", по словам Пушкина, дает нам особый национальный характер.

Прав был А.Ф.Лосев, когда еще в начале века писал, что среди наших философов есть равные по значению мировым величинам. Он имел в виду выразителей "религиозно-философского ренессанса". Это направление имеет значение не только для России, но для всего мира. Известно, что Ф.Достоевский, Вл.Соловьев, Н.Бердяев, Л.Шестов, И.Ильин, С.Франк, Л.Карсавин, Б.Вышеславцев и др. приобрели всемирную известность. Концепции многих из них легли в основу влиятельных западных философских учений XX века — экзистенциализма, персонализма, философской антропологии и др. А уже в наши дни на Западе началось активное освоение философского наследия П.Флоренского, Г. Шпета, А.Лосева.

Совершенно неприемлемы поэтому утверждения молодого российского философа В.Малахова о том, что нельзя говорить о духовной преемственности с философами, покинувшими страну в 20-е годы. Те, кто сегодня пытаются построить мост между прошлым и настоящим (к их числу автор относит А.В.Гулыгу, С.С. Хоружего, Н.Гаврюшина), обречены на неудачу, ибо "вера в то, что с этого можно снова начать развитие прерванной мысли — только иллюзия". Возврат невозможен потому, утверждает Малахов, что за годы советской власти были уничтожены институциональные и личностные предпосылки духовной преемственности: произошел радикальный разрыв между прошлым и настоящим (14). Такая позиция совершенно не согласуется с опытом духовной жизни, причем не только нашей страны: ныне и на Западе на прошлое смотрят не только как на предпосылку современности, как на нечто "отсталое", а как на свою непосредственную составную часть. Стремление к слиянию того, что есть, с тем, что было, насущная потребность, особенно в наших условиях: старая мудрость сегодня обретает новую жизнь.

Русский народ на уровне здравого смысла — в своей повседневной жизни и в своих чаяниях — недвусмысленно придерживается идеи народной общности, государственного интереса, составной частью которого является единство страны и защита ее безопасности, поддержки сирых и обездоленных,

укрепления защищенности индивида, правопорядка, нравственности и справедливости, миролюбивых отношений между народами. Фундамент этих чаяний продолжает базироваться на осознании единства истории и судьбы (что крайне важно для народа, прошлое которого веками подвергалось испытаниям на прочность), на православном, подчас стихийном и неосознанном, самосознании, истребляемом и подавляемом, но полностью так и неискорененном из духовного обихода.

Русская самобытность и православие задолго до Горбачева и компании одержали победу над коммунизмом (в марксистско-ленинском понимании). Русский народ, переболев "бесовщиной", медленно, в мучительных страданиях очищается от нее. И когда пытаются навязать ему для подражания образцы буржуазной конкуренции и индивидуализма, он сопротивляется, и тяга к традиционным жизненным ценностям только усиливается.

Массовое устремление профессиональных философов к изучению и пропаганде русской философской классики, стремление опамятоваться, взглянуть на то, что было и чего не сделано — не только духовная, но нравственная и гражданская потребность, исполнение долга перед народом. Философы призваны дать СЛОВО для формулирования целей здорового народного жизнеустройства, тщательно осмыслить эти цели и способы их достижения, приемлемые для народа и пригодные для реального их воплощения в жизнь.

Что говорит нам сегодня русская философия?

Русская философия обращена к общечеловеческому идеалу (понятие которого ввел в философию Кант). Это философия положительного идеала. Она в высшей степени современна для всего мира, утратившего веру ("Бог умер" — провозгласил еще Ницше), превратившего в божество накопление богатства и безудержное потребление. Плоть от плоти православного сознания, глубоко освоив достижения мировой классики, русские философы конца XIX — начала XX века сконцентрировали внимание на главной человеческой проблеме — на смысле жизни, целью которого является преодоление смерти. Идея всеединства, идея сущностной, энергийной связи Бога, мира и человека, в которой человек становится посредником между Богом и миром и способен породить "духовное человечество" (15), легло в основу космического мышления русских философов, побудило их обратиться к проблеме бессмертия. Бессмертие с библейских времен было предметом веры. Русские идеалисты (в первую очередь Н.Федоров) превратили его в предмет знания, но не понятийного, дискурсивного, а интуитивного, основанного на диалектической очевидности, на непосредственном знании, реализуемом в деятельности, в том числе и научной (16).

Русская философия указывает людям достойный путь — создание высокой человеческой общности, где индивид не задавлен всеми, и все не страдают от острых углов индивидуализма. В решении этой задачи они, опираясь на православие как религию любви, обосновывали идею всемирного

боления за всех, идею общечеловеческого единения. Кант предрекал мирный политический союз народов. Сегодня весь мир влечется к единству. И хотя наша страна ныне лишилась единства, хотя ее понуждают подчиниться денежному мешку западных воротил, ее будущее, как и будущее человечества — в единении.

Вопрос, однако, состоит в том, каким будет это единство — "империей зла" во главе с избранной элитой избранных народов ("золотого миллиарда") и социальных групп (транснациональных компаний), во главе с группой избранных пенкоснимателей, навязывающих тоталитарными средствами свою волю народам: академик Н.Н.Моисеев предупреждает о мировом тоталитаризме в этом случае (17), или исполнится мечта о соборном слиянии человечества, спаянном общей ответственностью за экологическое и глобальное выживание, за спасение самой планеты Земля, взыскующем высокой морали, гражданской и космической ответственности духа, в котором каждый народ и любой человек займет достойное место. Соборность народов Земли — путь к общечеловеческому единству.

Рассматривая пути национального развития, русские мыслители сосредоточивали свое внимание на русской идее. Ныне ей посвящены многочисленные статьи и книги, в том числе и хулительные, когда нас уверяют, что эта идея есть не что иное, как программа экспансии и "идеология русского империализма" (18), как "государственная имперская идея" (19), когда при ее упоминании "по коже пробегает легкий мороз" (20). В этом случае имеет место недобросовестная подмена смысла русской идеи.

Когда говорят об "имперском" содержании русской идеи, подменяют ее философско-мировоззренческие принципы политическими; другая подмена состоит в том, когда со всей очевидностью в ней подразумевается шовинизм и антисемитизм, что служит обвинению ее сторонников (конечно же, в первую очередь "красно-коричневых", но не только их, а и всего русского народа) в этих пороках. В этом следует разобраться.

Прежде всего, "евреи на перепутье" (хулителями русской идеи выступают именно они) стремятся всячески подогреть мысль о русском антисемитизме и шовинизме, превращают русскую идею в идею шовинистическую. Между тем, сегодняшняя наша ситуация как раз опровергает это расхожее обвинение: с 1918 года не было такого количества евреев, сколько имеется в нынешнем нашем правительстве. И ничего, никаких эксцессов не наблюдается. Что касается так называемого бытового антисемитизма, то, по словам Сони Марголиной, он питается главным образом муссированием в СМИ темы о "правах евреев" и о русском "антисемитизме", драматизация которой оправдана стремлением стимулировать исход евреев из России в Израиль. Но и при этом, по ее словам, как и по мнению западных социологов, бытовой антисемитизм в России не сильнее, чем в других странах Запада (21).

С другой стороны, нападки на русскую идею как на идею имперскую призваны в очередной раз опорочить прошлое России как "тюрьмы народов" и тем самым отвадить русских от попыток увидеть в своем прошлом не только "чернуху". Между тем, еще раз повторим, эта идея не несет в себе идеологической и тем более политической нагрузки.

Что касается обширности страны и сосуществования в ней многих народов, то ее расширение на Восток не было порабощением народов; поначалу это было хозяйственное освоение земель в связи со стремлением к границам, которое завершилось выходом к Тихому океану. Оно было аналогично движению "к границам", продвижению на "дикий Запад" первых американских поселенцев, тоже вышедших к Тихому океану, с той только "маленькой" разницей, что "по дороге" они огнем и мечом истребляли туземцев — индейцев, загоняли их в резервации; русские же мирно сосуществовали с коренным населением, сохраняя его быт и обычаи. Россия была семьей, а не тюрьмой народов. Многие народы, имевшие собственное государственное устройство, добровольно присоединялись к России.

Собирание земель не было продиктовано "русской идеей", как стремится доказать нам Игорь Чубайс (не путать с Анатолием, Игорь — брат нынешнего вершителя наших судеб) (22). Такое собирание диктовалось "реальной политикой" хозяйственного и геополитического обустройства страны. Поэтому И.Чубайс совершенно напрасно, хотя и не без задней мысли, привлекает русскую идею для своего обоснования путей преодоления того тотального кризиса, в каком оказался режим. Для него важно, что русская идея служила прежде и должна служить теперь лишь обоснованию новой идеологии.

Постоянные призывы забыть о русской идее, избавиться от "невроза уникальности"(23), отказаться от замкнутости "в рамках какой-то русской идеи" (24), так же как желчные стенания Б.Парамонова (Радио "Свобода"), многие месяцы обвинявшего русский народ в инфантилизме и, следовательно, в вопиющей "отсталости", остаются втуне: русская идея продолжает жить в сознании народа, она стала культурной реальностью, становится философией будущего.

Все чаще встречаются призывы сделать русскую идею "государственной", предварительно "деидеологизировав" ее (25). Но она может послужить лишь мировоззренческой базой для формирования политической концепции национального "государственного интереса", о котором сейчас так много спорят; поэтому русская идея не нуждается в деидеологизации. Конечно же, она как мировоззренческая основа никогда не будет принята властями так же, как не будет сформирована концепция действительно национального государственного интереса, несмотря на то, что Б.Н.Ельцин обязал "через год" представить "русскую национальную идею" (не та власть): в лучшем случае это будет идеологическая программа новейшей номенклатуры.

Что такое русская идея в ее изначальном облике? Русская идея не замыкается на идеологии, она обозначает конечные жизненные цели не только нашего народа, но и всего человечества. Термин "русская идея" родился под пером Достоевского в 1860 г., в ней видел он синтез всех лучших идей, которые развивает Европа в отдельных своих национальностях (26). Вл.Соловьев считал ее новым аспектом христианской идеи (27), а для Н.Бердяева смысл русской идеи — братство народов, искание всеобщего спасения (28). В отечественной философии эта идея получила развитие в упомянутом выше смысле в силу характерных особенностей русской культуры.

По И.А.Ильину, русская культура — дитя исторических катастроф. Войны обрушивались на Россию беспрестанно. Но Россия, как феникс, возникала из собственного пепла и вновь расцветала. Русская идея всеобщего спасения родилась из катастрофического прошлого страны (29).Сегодня весь мир сползает к катастрофе: глобальные экологические проблемы; истощение ресурсов не за горами; духовный кризис; несмотря на видимое благополучие просматривается закат США как сверхдержавы и европейской цивилизации вообще. Это уже предчувствуют они сами (30). Поэтому опыт России преодолевать беду важен для всех. К этому добавляется особенность исторического существования России как "срединного" государства между Западом и Востоком, включающего множество народов, сосуществование которых строится на диалоге и открытости другим культурам; отсюда ее "всемирная отзывчивость" (Достоевский), способность принять в себя идею всечеловеческого единения.

Почему идея объединения и спасения человечества, родившись именно в России, укоренилась в народной душе и в сочинениях отечественных мыслителей, существует ли глубинная связь между идеей всечеловеческого спасения и духовной жизнью русского народа? В.В.Розанов в статье "Возле "русской идеи"" утверждал, что народ, живущий в униженности, терпении и смирении, не может не тянуться к мечте о всеобщем братстве. В обоснование своей мысли Розанов цитирует одного из героев Достоевского: "Истинный вечный Бог избрал убогий народ наш, за его терпение и смирение, за его невидность и неблистанье, в союз с Собою: и этим народом он покорит весь мир своей истине..." (31).

"Русская идея, — писал И.Ильин, — есть идея сердца... сердца, созерцающего свободно и предметно; и передающего свое видение воле для действия, и мысли для осознания и слова. Вот главный источник русской веры и русской культуры. Вот главная сила России и русской самобытности. Вот путь нашего возрождения и обновления. Вот то, что другие народы смутно чувствуют в русском духе, и когда верно узнают это, то преклоняются и начинают любить и чтить Россию" (32). Русская идея есть идея православного христианства, которое воспринимает Бога не столько от Павла, сколько от Иоанна, т.е. не воображением, которому нужны страхи и чудеса (первобытные верования), не властной земной волей закона, требующего повиновения

(иудаизм и католицизм), не мыслью, ищущей толкования (протестантство), а "любовью, воссылая ему молитвы любви и обращаясь с любовью к миру и людям" (33).

На протяжении всей своей истории русский народ предпочитал порой заботиться не о хлебе насущном, а выяснять свое отношение к Богу. Бог есть любовь, писал Достоевский. Православие как религия любви, обращенной ко всем человечеству, изначально приняла идею свободной личности. Каждая душа сама по себе "внемлет Богу", сама принимает решение и отвечает за него. В глубине народа русского, утверждал Н.Бердяев в труде "Русская идея", "заложена свобода духа большая, чем у более свободных и просвещенных народов Запада... Огромность свободы есть одно из полярных начал в русском народе и с ней связана русская идея" (34). Поэтому вызывают удивление нынешние призывы и здесь учиться у Запада: дайте, мол, нам протестантизм с его индивидуализмом и предопределением, иначе пропадем! (35). Возродить веру можно, лишь обратившись к отечественной традиции.

Конечно, есть в народном характере черты, прямо противоположные личной свободе. Л.Толстой назвал их "роевым началом", потребностью прильнуть к таким же, как ты, подобно пчеле, прилипающей к рою. "Единица — ноль", вещал поэт, и звал "каплею литься с массою". Здесь коренится самозабвение в общих начинаниях, здесь уничтожается, как считал Чаадаев, личное бытие и заменяется бытием социальным, безличным. Но это — одна сторона дела. Есть другая. Достоевский выступал антиподом Толстого, защищая в "Легенде о великом инквизиторе" личностное начало, испокон веку присущее русской культуре. Такое начало не отрицает единство общего, социального и единичного, личного.

Органичное сочетание того и другого нашло выражение в понятии соборности — зерне русской идеи, центральном понятии русской философии, введенном А.С.Хомяковым, который писал, что собор "выражает возможность собирания множества в единство", где единство нельзя уподобить груде песчинок или кирпичам, уложенным в стену (36).

Совместима ли свободная личность с соборным началом? Собор — это церковь: в храм Божий приходят все вместе, следуют общему ритуалу, но каждый остается самим собой, возносит свою личную молитву, сам держит ответ перед Божеством за свои поступки. Л.Карсавин утверждал, что соборность — это симфония, гармоническая согласованность, всеединство. Она включает в себя богатство особенного и единичного, выражает слияние индивидуального и социального. Русская мысль понимает соборность как интуитивную очевидность, веками воспитанную православием в народе. Это, по словами Хомякова, "единство свободное и органическое, живое начало которого есть божественная благодать взаимной любви"(37). В этом смысле русские мыслители считали ее противоположной как католическому авторитаризму, так и протестантскому индивидуализму. П.Флоренский сравнивал соборность с русской песней: она допускает полную свободу

голосов при сохранении гармонического единства; в ней нет навсегда неизменных партий, а единство достигается внутренним взаимопониманием: каждый более или менее импровизирует, но тем не менее не разлагает целого. Именно во взаимном проникновении, в тождественности частей и целого реализуется фундамент русской философии — идея всеединства.

Насколько соборность реализуется в жизни? Вячеслав Иванов, поэт и философ, рассматривал соборность как идеальную величину, не как данность, а как задание не только для теоретической мысли, но и для осуществления творчества жизненных форм (38). Русские мыслители разделяли эту позицию. С.Франк в работе "Духовные основы общества" подчеркивал ее практический аспект. Отвергая индивидуализм, русские мыслители указывали, что надо спасать не человека, а человечество (Хомяков), что спасаться надо не отдельными делами, а общим делом человечества (Вл.Соловьев). В русском космизме идея соборности обрела деятельностные черты: в "Философии общего дела" Н.Федорова она воплотилась в конкретную программу борьбы со смертью, в план хозяйственного освоения космоса. Русская эсхатология, обращенная к "концу времен", видела в последней книге Евангелия не "конец всего сущего", а предупреждение человечеству: катастрофа наступит, если люди не предотвратят ее, последнее же — в их силах, "...важно преодолеть понимание Апокалипсиса как ожидание конца и суда. Возможно активное понимание Апокалипсиса как призыва к творческой активности человека, к героическому усилию и подвигу" (39). Русская эсхатология поэтому активна и гуманистична, она предполагает не уничтожение, а преображение человечества на путях абсолютной морали.

Поэтому негативные оценки соборности — например, что "с этой идеей русское сознание просто отстало от европейского" (40), что соборность есть "особое дорефлексивное состояние жизни" (41), что она "компенсирует недостаточную оформленность личности" (42) — свидетельство непродуманного или предвзятого отношения к проблеме. Тяга к общности — не стадный инстинкт. Будущее человечества — в высокой общности, где личность полностью раскрывает себя. Идея соборности решает эту проблему.

Человечество начинает со стадности, затем преодолевает ее и рождает более высокую общность. Индивидуализм способствует выходу из стадности, но сам он — не высший плод культуры, да и не способен преодолеть такие общности, которые могут представлять опасность для человечества; это общности, основанные на идеях национальной исключительности ("раса господ", "избранный народ"), преступные сообщества, масонские ложи, политические партии "нового типа", куда трудно войти, а еще труднее выйти (КПСС, НСДАП и др.). Все они построены по иерархическому типу с преимуществами "для своих" и с подавлением "иных". Соборность же открыта, общедоступна, человечна. Будущее принадлежит соборности.

Но если русская идея, основанная на мысли о соборности человечества, — путеводная звезда, идеал, зовущий к высокой цели, спрашивается, имеет ли

она сегодня какое-либо практическое значение для нашей страны, пережившей катастрофу 1917 года, последующие и сегодняшние бедствия? По горькой иронии судьбы, народ, выносивший идею всеобщего братства, снова и снова вовлекается в кровавые катаклизмы, и вместо обетованного рая на земле он оскорблен, ограблен, раздавлен и поставлен на грань уничтожения. Органичны ли для сегодняшней России, "работают" ли сегодня исторически выработанные формы культуры?

К счастью, стремление к соборности живет в народе. В наши дни люди соборуются не только в храме, но и возле него: общины прихожан по доброй воле кормят голодных детей в воскресных школах, помогают друг другу в житейских делах. Малые предприятия подчас могут существовать благодаря соборному соучастию работающих в них людей. Стихийное "государственное" мышление в условиях предательства правящим слоем национальных народных интересов питается идеей соборности. Развиваются и другие формы соборного единения по месту жительства и т.п. Известный философ А.Зиновьев (проживающий в Германии) в одном из интервью призывает к единению в "коммунальности", по видимому позаимствовав этот термин из западной литературы (43): из США пришла в Европу давно знакомая ей еще с конца XIX в. от Ф.Тенниса (44) идея общности (синонима термину “коммунальность”). Для России нет нужды изобретать новое слово: общность издавна практиковалась у нас дома в соборе, в общинности, многие годы предаваемой прогрессистами анафеме. Вот и И.Чубайс страшится соборности, призывая культивировать в Новой России "умеренный коллективизм" (45).

Сегодня много спорят о православии, самодержавии, народности как формуле русского возрождения. Высказанная министром народного просвещения России С.С. Уваровым еще в 1832 г., которого долгие годы хулили как мракобеса и ретроград, а саму формулу рассматривали как образец русского шовинизма, она стала предметом полемики не только среди философов, но и в среде публицистов и “околополитической тусовки”. В основе этой триады лежит русская идея (46).

Народ, как и человек, для русских философов — неповторимая индивидуальность. Он имеет право на существование, достоин уважения, творит свою самобытную культуру. Народность связана с национальным самосознанием, без которого народ не может существовать; он должен чувствовать свое соборное единство, сопринадлежность, самобытность. В самосознании русского народа нет места шовинизму как массовому явлению. Любовь к своему народу — патриотизм и национализм — несоединима с ненавистью к другим народам. Ильин толкует национализм как позитивное проявление национального духа: "Любовь к своему народу не есть неизбежно ненависть к другим народам; самоутверждение не есть непременно нападение; отстаивание своего совсем не означает завоевание чужого. И таким образом национализм и патриотизм становятся явлениями высокого духа, а не

порывами заносчивости, самомнения и кровопролитного варварства, как пытаются изобразить это иные современные публицисты, не помнящие родства и растерявшие национальный дух" (47).

"Любовь к родному пепелищу, любовь к отеческим гробам. Животворящая святыня!" В ее основе лежит вера в историческое призвание народа, порыв к осуществлению его единства. Это, как считал И.А.Ильин, духовный огонь, возводящий человека к жертвенному служению, а народ — к духовному расцвету. Национальное самосознание базируется не только на общности языка и психического склада, но и на общности святынь. Современная трагедия русского народа — утрата национального самосознания, господство групповых интересов, взаимная неприязнь этнических групп, ослабление чувства взаимной общности.

Православная религия в наших условиях — единственное надежное средство воспитания морали, что сегодня необходимо прежде всего. Воспринимаемая как носитель нравственной чистоты, церковь быстро восстанавливает свои позиции, предвещая духовное возрождение страны, спасительное для всего мира. Добро для всех, добро, освященное религией — такова суть русской идеи, направленной на возрождение отечества и преображение мира. Поэтому религия способна стать и для верующих, и для неверующих не только этическим принципом, но и онтологическим идеалом, когда Бог предстает как целевая причина мира, влекущая к себе человечество. Задача состоит в том, чтобы выработать позицию, приемлемую для верующих и неверующих, единую для всех.

Что касается самодержавия, то оно выступает не как абсолютная, безграничная и бесконтрольная власть и не как тоталитаризм, хотя оно легко и может перерасти в абсолютизм. В демократии же для нас нет спасения. Она скомпрометировала себя еще в древности процессом Сократа: "пятьсот афинских матросов приговорили Сократа к смерти за неправильные философские убеждения" (М.Зощенко). За неправильные политические убеждения французские демократы казнили короля (большинством в один голос). Кант был противником демократии, видя в ней неизбежный путь к власти толпы или олигархии. У нас так и произошло дважды — в октябре 1917 года и в октябре 1993 года. В последнем случае выиграв гражданскую мини-войну, ельцинисты установили криминальную диктатуру.

Особенность русского самодержавия — твердая национально-патриотическая и по идее либеральная диктатура... она только и может спасти Россию от анархии и затяжных гражданских войн. Таково мнение И.А.Ильина. Монархия — символ единства страны; самодержец — помазанник божий, носитель не только высшей власти, но и высшей благодати. Легитимная монархия обладает отработанным механизмом передачи власти (48). Но в новых условиях монархия должна стать на деле, а не только на словах конституционной, защищающей равенство прав и возможностей как великое достижение культуры: правление должно осуществляться с помощью народа и

для народа. Наши же "народоправцы" принимают только первую часть формулы — "с помощью народа", вторая часть в их понимании звучит — "для себя".

Что требуется для того, чтобы вернуть народу его духовное здоровье? Прежде всего необходима комплексная программа для возрождения национального самосознания: возвращение и актуализация исторической памяти народа, для чего необходимо усиленное освоение отечественной истории; возрождение народной духовности, воплощаемой в православии как религии единения и любви; углубленное освоение, развитие и распространение того поистине огромного богатства, которое было создано русскими мыслителями и так долго оставалось невостребованным.

Русские мыслители верили в грядущее национальное возрождение России, в торжество русской идеи. Сегодня русская идея звучит прежде всего как призыв к национальному возрождению и сохранению нашего материального и духовного достояния. Эта идея актуальна сегодня, как никогда. Русские философы, рассматривая жизнь как высшую практическую ценность, видели смысл ее в преобразовании космоса, в преодолении смерти, в рождении новой жизни, в жизни в семье, в развитии культурных ценностей; здесь прозревали они дыхание абсолюта, вечности, идеала. Задача ныне живущих русских философов состоит в том, чтобы оживить жизненные импульсы, заложенные в нашем культурном наследии, и тем самым способствовать не только элементарному самосохранению, но и духовному возрождению.

Примечания:

1) Карсавин Л.П. Россия и евреи/ Малые сочинения.- СПб, 1994.- С.447 — 451.

2) Margolina S. Das Ende der Luege.- Berlin, 1992 — S.95.

3) Лосев А. Из ранних произведений.- М., 1990 — С.469.

4) См. История всесоюзной коммунистической партии (большевиков).Краткий курс.- М.,1955. — С.119 — 127.

5) Подорога В. Выражение и смысл. Ландшафтные миры философии. — М.,1995 — С.9, 19, 26.

6) Ильин И. Сущность и своеобразие русской культуры //Москва. -М., 1996 — № 1 — С.179.

7) Harvey W. Linguistic relativity in French, English and German Philosophy// Philosophy today. — Celina, 1996 — P.273 — 288.

8) См. Ванчугов В. Очерк истории философии "самобытно русской"". — М., 1994; Хоружий С.С. После перерыва. — М., 1994; Гулыга А.В. Русская идея и ее творцы.- М., 1995.

9) См. Русская философия. — М.: Республика, 1995; Русская философия. Малый энциклопедический словарь. — М.: Наука, 1995; Сто русских философов. — М.: Мирта, 1995; Философы России XIX — XX столетий. Биографии. Идеи. Труды. — М.: Книга и бизнес, 1995 (первое издание этого словаря вышло в 1993 г.).

10) Троцкий Л. Литература и революция. — М., 1991. — С.268.

11) См. "Вопросы философии". — М., 1988. — № 3 — С.159.

12) См. интервью М.Хагемайстера в "Вопросах философии". — М., 1995 — № 11 — С.62.

13) Хоружий С. Философский процесс в России как встреча философии и православия // Вопросы философии. — М.,1991 — № 5 — С.27.

14) Malachov W. Ist Philosophie auf Russisch moeglich?// Deutsche Zeitscrift fuer Philosophie. — Berlin, 1995 — Jg. 43 — № 1 — S.63 — 73.

15) Соловьев В. Лекции о богочеловечестве/ Соч. в 2-х тт. — М., 1989 — С.170, 139.

16) См. об этом Семенова С. Николай Федоров: Творчество жизни. — М., 1990.

17) Моисеев Н. Есть ли будущее у России?// Наш современник. -М., 1996 — № 10.

18) Янов А. Русская идея и 2000 год. — Нью-Йорк, 1988. -С.321.

19) Хорос В. Русская идея на историческом перекрестке //Свободная мысль. — М., 1992 — № 6 — С.36.

20) Драгунский Д. "Новый мир". — М., 1993 — № 1 — С.9.

21) Margolina S. Op. cit. — S.12 — 13.

22) Чубайс И. От русской идеи к идее Новой России. — М., 1996.

23) См. выступление П.Скэнлина на "Круглом столе" фонда Горбачева, посвященном русской идее ("Вопросы философии. — М., 1994. — № 1 — С.66).

24) См. выступление А.Валицкого (Там же. — С.77.).

25) С.Рогов. Евразийский проект России // "НГ-Сценарии", № 5, 7.09.1996.

26) Достоевский Ф.М. Полн.собр.соч. в 30-ти тт. — Т.18 — С. 37.

27) Соловьев В. Русская идея /Соч. в 2-х тт. — М., 1989 — т.2.- С. 220.

28) Бердяев Н.А. Русская идея. — Париж,1971 — С.96.

29) Ильин И. Сущность и своеобразие русской культуры// Москва. — М.,1996. № 2.

30) Парадоксально, но возникла по аналогии с русской идеей европейская идея, основное содержание которой — признание кризиса Европы (Европа — не единственная сокровищница человеческого духа, осваивающего все континенты, это уже не господствующий регион) и анализ путей его преодоления. Ж.Деррида признанный глава западноевропейского постмодернизма провозгласил как данность обращение мирового духа к иным берегам. "Что такое эта Европа? Всего лишь мыс Старого Света, западное окончание Азии" (Цит. по Landbrecht L.Kritik der Moderne — Krise Europas?// Dialektik. — Hamburg, 1996 — № 1 -S.60). Сам Деррида — выходец из алжирской семьи еврейского происхождения уже готов не сознавать себя европейцем. Главное — во время перестроиться.

31) Розанов В.В. Среди художников. — М., 1994 — С.347.

32) Ильин И. О русской идее/ Собр.соч. в 10-ти тт. — Т.2 — Кн.1 — С.420.

33) Там же.

34) Бердяев Н.А. Указ.соч. — С. 48.

35) См., например, статью В.Хороса ("Свободная мысль". — М.,1992 — № 6 - С.46).

36) Хомяков А.С. Соч. в 2-х тт. — Прага, 1867 — Т.2 — С. 281.

37) Там же. — С.101.

38) Иванов В. Родное и вселенское. — М.,1994. — С.100 — 101.

39) Бердяев Н.А. О назначении человека. — Париж, 1931 — С.310.

40) См.статью И.Голомштока в "Еврейской газете". — Берлин, 1991 — 12 марта.

41) Б.Гройс Б. Поиск русской национальной идентичности // Вопросы философии. — М., 1992 — № 1 — С.55.

42) Г.Померанц в журнале "Столица". -М., 1991 — № 27 (33) — С.63.

43) См., например, сборник, посвященный проблеме общности: Gemeinschaft und Gerechtigkeit. — Frankfurt/Main, 1993.

44) Toennis F. Gemeinschaft und Gesellschaft. — Darmstadt, 1991.

45) Чубайс И. Указ.соч. — С.97.

46) См. Гулыга А.В. Русская идея и ее творцы. М.,1995 — С.43-69.

47) Ильин И. Основы христианской культуры / Соч. в 10-ти тт. — М., 1993 — Т.1 — С. 326.

48) Примечательно, как сегодняшняя власть крадется к монархии. Еще в первые недели президентства Ельцина немецкий журнал "Шпигель" предвидел такой поворот событий: на обложке был помещен портрет Ельцина в шапке Мономаха и с надписью "Царь Борис". Настораживают в этой связи пробные шары СМИ (Е.Киселев и компания) по поводу возрождении российской монархии; напрасно некоторые комментаторы видят в них попытки вернуть в Россию Романовых; подспудные задумки куда более зловещи.

Сергей Пыхтин

РУССКАЯ НАЦИОНАЛЬНАЯ ИДЕЯ И СОВРЕМЕННОСТЬ

Академический маразм

Академик Д.Лихачев, которому исполнилось 90 лет, так отреагировал на вопрос, относящийся к необходимости "единой консолидирующей идеи" для русской нации:

"Все это крайне опасно!... Нигилизм разовьется. Государство должно быть деидеологично. А вооруженное какой-то, пусть самой правильной идеологией, оно опасно, потому что становится нетерпимым к чужой идеологии. В государстве должно быть много идеологий. Так же, как не должно быть одного ислама. Почему Русская Православная Церковь потеряла столько своих приверженцев? Потому что в ней видели воплощение императорской государственной идеологии. Самодержавие и православие не должны быть рядом. Государство пусть стоит с алебардой на площади и следит, чтобы не грабили подданных.

Если не хватает своих идей — пожалуйста, приобретайте "за свой счет" чужие, заимствуйте. Но стоит ли пренебрегать собственным богатством? У нас есть блестящие философы, у нас живопись, музыка, близкие к религии. Когда я слушаю "Хованщину" или "Град Китеж", меня охватывают почти религиозные чувства. Но когда я вижу: весь первый ряд в театре заполнен людьми, украшенными орденами, эполетами, с кортиками воинственными, восхищающимися одномерностью идеологии, идущей со сцены, я легко представляю их марширующими по улице. Разве это не так? Поэтому я противник любой идеологии — сегодня она таит в себе страшную опасность... Всякая идеология ведет к деспотизму".(газета "Век" № 46 за 1996 г.).

"Новая газета", издание, находящееся под патронажем Фонда Горбачева и г-на Явлинского, в номере от 9.12.96 опубликовала письмо, в котором неутомимый старец, адресуясь съезду партии с плодоовощным названием, написал следующее:

Пыхтин Сергей Петрович, юрист, специалист по государственному праву, автор цикла статей на эту тему и книги "Мы приняли вызов", директор аналитического СВР-центра.

“Знаю, что сейчас многие убеждены в том, что спасение наше в общенациональной идее. Общенациональная идея в качестве панацеи от всех бед — это не просто глупость, это крайне опасная глупость! А разве гитлеровская идея не была национальной? Именно поэтому я с большим волнением слежу за нарастанием напряженности и усилением диктаторских настроений в Белоруссии. Необходимо очень внимательно заниматься этой проблемой, иначе мы будем иметь ближайшего соседа — страну, где попираются права человека, свобода мысли и свобода слова.

Я категорический противник всяких общенациональных идей. Вы посмотрите, что в таком случае получается: приняли идею, живем по ней, а вот всех тех, кто в нашу русскую идею “не вписывается”, — в острог? Я бы сказал так: жизнь по общенациональной идее неизбежно приведет сначала к ограничениям, а потом возникнет нетерпимость к другой расе, другому народу, другой религии. Нетерпимость же обязательно приведет к террору.

Единомыслие — это искусственность. Естественно многомыслие, многоидейность...

Если говорить о будущем России..., я бы сказал, что наше будущее — в открытости всему миру и просвещенности. Для государства, любого, в любые времена, на первом месте должны стоять морально-нравственные ориентиры...

Главной заботой государства, власти должна быть не химера национальной идеи, а культура. В самом широком ее понимании — образование, наука, искусство, отношение друг к другу и к природе. Культура как глубинное основание общественного устройства и всего социально-экономического развития. Не вульгарная надстройка в противовес базису, а главный смысл и главная ценность существования как отдельных народов и малых этносов, так и государства.

Культура сейчас, несомненно, важнее для нашего государства, чем цивилизация, но, к сожалению, это не находит понимания среди широких слоев управленцев. Вне культуры существование человечества на планете лишается смысла...”

Простим почтенному мэтру, специалисту в области языкознания, что он на десятом десятке своей жизни отождествляет идею с идеологией, национальную идею с государственной идеологией, что после 80 лет господства в России марксизма-ленинизма он позволил себе такое обобщающее умозаключение: “всякая идеология ведет к деспотизму”. Но “простить” не означает “согласиться”.

Человек без идеологии — дикарь, нация без идеи — сброд

Если бы академик развил свои размышления по этому предмету, то он наверняка вспомнил, что на точно такой же позиции стоял двумя столетиями ранее генерал Бонапарт, ставший императором Наполеоном I. Для г-на Лихачева французский император “тоже тиран — но умница, потрясающе образованный человек”. Потрясающе образованный капитан артиллерии, сделавший за 10 лет необыкновенную карьеру, считал любую идеологию опасной для империи, а идеологов — своими злейшими врагами. Означает ли принципиальное отрицание идеологии со стороны Наполеона, что во Франции периода его правления отсутствовал деспотизм? Ничего подобного. Нарочитая деидеологизированность наполеоновского режима ничуть не препятствовала тому, чтобы он являл собой пример откровенной, принципиальной, последовательной деспотии.

Государство может быть деидеологизированным, как первая французская империя, и одновременно находиться в условиях деспотического режима, и следовательно, не исключено противоположное соотношение — народовластие в условиях идеологизированности. Одно никоим образом не препятствует другому.

Если оставить за скобками духовную жизнь общества, останется одно только господство одной части общества над другой. В технологическом отношении власть в государстве ничем не отличается от власти в банде или воровской малине.

Стоит, к примеру, избавить общественные отношения раннего средневековья от поэтических и романтических красок, появившихся на живописных и литературных полотнах в эпоху Возрождения, получится ничем не прикрытое насилие, власть, использующая силу в качестве своего единственного аргумента. Бароны, герцоги, графы и тому подобные субъекты, заполонившие Европу, представляют собой на современном языке главарей какой-нибудь солнцевской, люберецкой или чеченской группировок.

В какой момент предводители вооруженных банд периода раннего европейского феодализма перестали быть обыкновенными грабителями, насильниками и убийцами? Как только их внутренний мир оплодотворили духовные формы и прежде всего религиозные.

В подлинном смысле этого слова Европа вновь вступала на путь цивилизационного развития, после того как прекратила свое существование Западно-Римская империя, лишь когда европейское рыцарство приняло участие в крестовых походах, событии, целиком опиравшимся на духовные идеалы, после которых историю новых европейских народов можно уподобить истории идей, а не истории криминальных деяний. Идеи начали управлять миром, а не одни лишь плотские удовольствия.

Отношения, свойственные варварскому периоду развития, становятся на путь цивилизованных отношений, а обыкновенное насилие превращается в государственные отношения, как только общество приступает к энергичному освоению идеального человеческого мира, как только оно начинает жить не только и не столько материальными, но главным образом духовными интересами.

Материя, оставаясь почвой для развития, уступает место для главного поля битвы миру духовных сущностей, не менее материальных, но гораздо более привлекательных для человека. Мир идей и есть тот естественный мир, в котором происходит человеческое развитие, как только человечеству удалось вырваться из стадии дикости и варварства, преодолеть родо-племенной этап развития.

Разве идеи сами по себе угрожают человечеству? Общество обречено на “нигилизм”, если, сосредоточившись лишь на материальной стороне жизни, оно попытается исключить область идеальных интересов. Человек, который не исповедует “идеологию” — дикарь, нация без “национальной идеи” — сброд. Такой оборот дела действительно “крайне опасен”, поскольку его результатом является регресс, движение вспять. Г-н Лихачев предлагает русским вновь стать дикарями с морально-нравственными инстинктами приматов.

В принципе абсурдно утверждение, что культура, искусство, образование, мораль и нравственность могут существовать вне идей и идеологий. Чтобы стать образованной и культурной личностью, необходимо много знать и обладать способностью к саморазвитию.

Спрашивается, а что составляет содержание образования? Знание одних только естественных законов. Они бездуховны, внечеловечны, нейтральны к смыслу человеческого существования. Тогда быть может общественные закономерности? Но и они имеют содержание лишь в том случае, если наполнены идейным смыслом, вне которого у них не оказывается собственного предмета, кроме бессодержательной софистики.

Современные культура и наука, образование и воспитание, которые г-н академик пытается предохранить от национальной идеи, как раз являются формами, в которых она воплощается, способами, воспроизводящими духовную жизнь нации из поколения в поколение.

Не надо далеко ходить, чтобы увидеть последствия “деидеологизации”. Страной без господствующей идеи, но с множеством чуждый ей “идеологий”, является современная Россия, разорванная посткоммунистическими режимами на десятки искусственных государственных образований. При этом г-н Лихачев никак не желает понять, что все то, что его ужасает в современном положении страны и в ее культуре, является закономерным результатом игнорирования распавшейся властью национальной государственной идеи. Тем, в частности, что разум значительного количества людей, еще недавно считавшихся соотечественниками, не обременен никакой “идеологией”.

С мнением почтенного мэтра, названного в связи с его юбилеем в “демократической печати” “совестью нации” (за неимением гербовой пишут на простой), строго говоря, спорить бесполезно, поскольку ни одно из его умозаключений не соответствует природе русского общественного развития.

Было бы опрометчиво устраивать дискуссию с г-ном Лихачевым на избранной им почве. Она напомнила бы известный спор Остапа Бендера с католическими священниками. Бендер заявлял, что “Бога нет”, ксендзы — “что Бог есть”. Г-н Лихачев, уподобив себя великому комбинатору, возглашает — “идеи нет и не должно быть”. Чтобы ему оппонировать, остается лишь сказать: идея есть.

Впрочем, г-н академик не столь примитивен и нахален, как его литературный прототип. Юбиляр, впавший в состояние мракобесия, отрицает не сами идей, он отрицает объективную необходимость национальной идей для русских. “Не бойтесь множества идеологий, но страшитесь, если в России появится национальная идея”. Такова суть откровений, активно внедряемых в сознание русского общества.

От конгломерата народов России
к русской нации

Прежде чем перейти к национальной идеи, необходимо понять, что из себя представляет нация, которая должна ею овладеть, что есть русская нация.

Человечество развивается в формах, которые изменяются в определенной последовательности. Семья, род, племя, народ — вот фазы этого процесса, принадлежащего естественной природе всех континентов, где существует вид Homo sapiens.

Общее количество народов, из которых сейчас состоит человечество и которые учитываются наукой этнографией, насчитывает примерно 2000, если не считать исчезнувшие, истребленные или ассимилированные народы. С мелкими и мельчайшими этническими группами эта цифра может быть увеличена до 8000.

Под влиянием политической истории человечества народная форма самоорганизации, доминировавшая на протяжении нескольких тысячелетий, приобрела новое качество. Впервые появившееся лишь в XVII-XVIII столетиях нашей эры. Качественно новая общность в развитии человеческой самоорганизации называется нацией.

В отличие от всех предшествующих форм самоорганизации нация представляет собой не естественно-историческую, а политическую форму, внешними признаками которой является государство. “Нация — это этно-социальная, культурно-историческая и духовная общность людей, сложившаяся в процессе формирования государства и укоренения высокоразвитой культуры. Русские как нация сформировались вокруг

великорусского, малороссского и белорусского этносов, включив в себя многочисленные народы, тесно связанные с русской культурой, духовной и государственной традицией”(А.Савельев, С.Пыхтин “Манифест возрождения России” , “Глаголъ”, СПБ, 1996).

Если в прошлом население большинства государств представляло собой некий конгломерат народов и народностей, объединенных непосредственным насилием монарха-суверена, то в новых условиях таким сувереном выступает нация. В результате 300-летнего периода, в течение которого происходило создание наций, их общее количество в настоящее время не превышает 150, из которых к великим относятся около 10 из них, и русская нация в том числе.

Совокупность непротиворечивых представлений о принципах своего собственного развития и своих стратегических интересах в мире и является национальной идеей. Поэтому первопричина появления заявлений г-на Лихачева находится на поверхности. Если русские не будут обладать национальной идеей, то окажется утраченной объективная основа для существования и русской нации. А без национальной идеи не будет ни национальной экономики, ни национальной культуры, ни национального государства. Таков на самом деле социальный заказ, отработанный престарелым академиком от лингвистики, оправдывающим таким образом политический развал страны.

Следовательно, не может возникнуть нации, тем более великой, если она не будет обладать самобытной, только ей присущей национальной идеей. Сама по себе национальная идея является продуктом возникновения и исторического развития нации. Но она объективно обусловлена и поэтому не может быть создана как субъективный акт философа, публициста или политика. Национальная идея не имеет авторства, в отличие от идеологии, которая, напротив, не может не быть результатом творческого акта конкретной личности или группы лиц.

Человечество, что самоочевидно, развивается неравномерно. В хронологическом отношении между отдельными его общностями (народами) пролегают тысячелетия, в лучшей случае — столетия. Русский народ в этнологическом отношении на несколько веков моложе большинства народов Европы, не говоря уж об азиатах.

Что же касается национальной фазы развития, то отдельные регионы Европы, к которой в расовом отношении принадлежит Россия, опережают ее на 200-100 лет. Время возникновения наций, в отличие от народов, можно определить достаточно точно. Как правило, они обязаны своим происхождением великим событиям, особенно — великим победам. Североамериканская нация родилась в огне Гражданской войны, французская — после Великой революции 1789 года, германская и итальянская нации — после того, как Германия и Италия были объединены в результате серии войн в XIX веке. Явление русской нации датируется победой России во второй мировой войне и, таким образом, принадлежит 1945 году.

Однако проблема, с которой встретилась русская нация, заключалась в том, что ее рождение не было сопровождено появлением русской национальной идеи. Своевременному ее появлению препятствовала идеологическая природа политического режима, установившегося в стране после 1917 года. Роль такой идеи выполняла глубоко антинациональная, принципиально русофобская доктрина марксизма-ленинизма, которая, тем не менее, была официальной идеологией, наслаждавшееся государством в массовом сознании.

Теперь, когда произошел крах этой идеологии, не имевшей с Россией ничего общего, наступило время для русской национальной идеи. Почва для нее наконец-то освобождена. Общество готово к ее усвоению. И отнюдь не случайно в средствах массовой информации возникает услужливая фигура г-на Лихачева с проповедью о страшной опасности, грозящей России, если восторжествует на ее просторах русская национальная идея.

Представим, что образование и воспитание в России не будут русскими, каким тогда будет это образование и воспитание и будут ли они вообще? Если русская наука утратит свою русскую особенность, делающую ее непохожей ни на одну из научных школ, сможет ли тогда такая наука существовать? Разве возможно русское искусство, если оно перестанет быть национальным искусством, опирающимся на фундамент всего предыдущего развития? Живое вненациональное искусство так же невозможно, как вненациональный язык. Можно сконструировать эсперанто или воляпюк, но заставить разговаривать на них способен лишь метод откровенного, ничем не прикрытого насилия.

Говоря о том, что “национальная идея” представляет собой крайне опасную глупость, академик по сути обвиняет в глупости весь мир, все человечество. Потому что все более или менее крупные нации давным-давно “впали в безумие” и овладели национальными идеями. Не абстрактные морально-нравственные ориентиры, а национальные идеи служат им путеводной звездой в бурном океане всемирной истории. Не химеры общечеловеческих ценностей, а национальные интересы диктуют, что, где, когда и как должно предпринять то или иное государство. Нет в мире иных сил, кроме силы национальных идей, овладевших великими нациями, которые противостоят и борются между собой, что и составляет сущность нового этапа развития человечества.

Конечно, “гитлеровская идея” не была национальной для Германии. Она лишь казалось таковой в известный момент ее жизни. Но неужели у немцев должна отсутствовать национальная идея только потому, что в течение 12 лет их более чем 1000-летней истории существовал некий политик с псевдонимом Гитлер? Фюрера давно нет, а немецкая идея есть.

Отождествляя “гитлеровскую идею” с немецкой национальной идеей, г-н Лихачев рассуждает либо как глупец, либо как мракобес, либо как провокатор. Разве его трактат о вреде всех идей вообще сам по себе не является “лихачевской идеей”, родственной “гитлеровской”? И чем нетерпимость,

проявляемая почтенным старцем с академическим званием, отлична от нетерпимости к противоположным мнениям, которые выражали столь любимый им капитан французской артиллерии и столь нелюбимый ефрейтор германской пехоты?

Что же касается русской культуры, то всем образованным русским людям знаком литературный образ завзятого ретрограда, выведенный в пьесе Островского “На всякого мудреца довольно простоты”, — отставного прожектера в генеральском звании по фамилии Крутицкий, роль которого г-н Лихачев решил сыграть на старости лет в жизни.

Новая русская революция

Совокупность принципов, которыми руководствуется нация в целом в своем развитии, и является национальной идеей. Ее невозможно навязать или создать в камеральных условиях, словно партийную программу. Подобно тому, как музыка, создаваемая народом, лишь оранжируется композиторами (так считал Глинка), национальная идея, существуя объективно в общественном сознании, может формулироваться в области идеологии как миг творческого озарения. Критические моменты истории нации порождают таких деятелей, которым судьба дает необходимые слова и мысли, подобно тому как они в виде трактата появились из-под пера Сийеса, и в виде нот у Делиля вв время Великой французской революции..

Стало общим местом характеризовать переживаемый Россией период как кризис или смуту. Ни тот, ни другой термин не передают сущность происходящего, являясь либо абстракцией, либо архаикой. Нет необходимости использовать метафоры, когда язык обладает точным определением.

Россия находится в состоянии революции, сводя счеты с предыдущим строем, полностью изжившим себя, и с властью, превратившейся в тормоз для следующей исторической фазы.

Послевоенные годы оказались для Советской России сгустком противоречий. С одной стороны, обществом были созданы гигантские производительные силы, особенно в интеллектуальной сфере, превратившие ее в одну из двух сверхдержав мира, с другой — они пришли в состояние конфликта с существующими производственными отношениями, “внутри которых развивались”. Но чтобы понять природу современной революции, необходимо точно определить характеристику строя, который ей приходится отправлять в небытие.

Социально-экономические, общественно-политические отношения, существовавшие между 1935 и 1989 годами, не описываются на том доктринерском языке, которым пользовался предыдущий режим, его толкователи или ревнители марксистско-ленинских и либеральных теорий. Ни о каком социализме, ни о первоначальном, а тем более “окончательном” или “развитом” не приходится говорить. Социализм оставался в России на том

уровне, который он мог занимать в силу того, что владел лишь сознанием правящей страной номенклатуры, а в последние годы — только лицемерно использовался ею.

Риторический, схоластический, официальный социализм, составлявший “идеологию” режима, не соответствовал его содержанию. То, что режим думал или говорил о себе, что он называл “социализмом”, в действительности являлось высокоорганизованным, обобществленным, полностью огосударствленным феодализмом, если угодно “феодальным социализмом”.

Благодаря относительной молодости и огромному энергетическому потенциалу, сосредоточенному в России и в ее населении, русские добились колоссального подъема на сравнительно более низком уровне общественных отношений, чем великие нации Европы и США. Что западные страны обеспечили при буржуазно-капиталистических формах, России удалось в условиях высшей фазы феодализма.

Таковы предпосылки для того, чтобы сформулировать главные составляющие современной русской национальной идеи. Вопрос, если его ставить в позитивной форме таким образом, заключается не в том, необходима или нет русским национальная идея. На самом деле проблема должна быть сформулирована иначе — какая идея может и должна быть в России национальной?

Три источника национальной идеи

Национальная идея имеет своим предметом по крайней мере три сферы, в которых нация должна реализовать принципы, удовлетворять потребности и обеспечивать интересы — это область экономических, общественных и духовных отношений, в конечном счете создающих неповторимый, уникальный строй жизни, русскую цивилизацию.

Чем была экономика России, страны, жившей последние 80 лет под названием “СССР”? Народнохозяйственным комплексом, организованным как единая фабрика, внутри которой господствовали административные, внеэкономические, опиравшиеся на авторитет или насилие отношения. Ни рынка, ни денег, ни товаровладельцев, ни граждан, ни нации, ни права. Всесторонне развитая в научно-промышленном отношении, но патриархально организованная сверхдержава, живущая в условиях социально-экономического эксперимента.

Теперь вместо этих отношений создается среда, состоящая из самодеятельных товаропроизводителей и товаровладельцев, граждан и организованных ими ассоциаций, взаимодействие между которыми опирается на систему гражданско-правовых, договорных, товарно-денежных отношений. С точки зрения политической экономии такая система является капитализмом.

Русское общество на протяжении тысячелетий в своей подавляющей массе состояло из населения, образ жизни которого определялся сельским

типом расселения. Разумеется, она никогда не стояла не месте и энергично развивалась. Однако развитие страны в течение нескольких столетий шло главным образом не вглубь, а вширь. Россия приобретала пространства, оставляя следующим поколениям задачу качественного преобразования русской цивилизации. Но это был такой вид развития, который ничем не напоминал средневековую Европу с ее “идиотизмом деревенской жизни” или Азию с ее безвольным подчинением населения авторитарным, деспотичным, закоснелым властителям.

Ситуация в России изменилась коренным образом только в течение нескольких последних десятилетий. Страны крестьян-земледельцев и крестьян-ремесленников, вне зависимости от того, живут они в сельских или городских поселениях, этой России больше нет. Она преобразилась благодаря стремительной индустриализации в страну городов, где утверждается господство морали и нравственности буржуазного (то есть городского) типа.

Духовная жизнь, возникновение, расцвет и гибель которой охватили краткий с точки зрения истории 80-летний период, заключался в приспособленном к русским условиям марксизме. Его идеология, отдававшая приоритет материальным условиям человеческого существования, принципиально отрицала самостоятельный характер идеальных отношений и не признавала, в связи с этим, возможность для появления наций как новой формы человеческих общностей, возникающей как результат длительного процесса становления нового вида государства.

В начале XX столетия, когда в России начали создаваться объективные предпосылки для национального этапа развития, русский марксизм создал “теорию национального вопроса”, в которой, с одной стороны, понятие нации оказалось калькой с понятия класса, с другой — произошло отождествление понятия народа и нации. Теория классовой борьбы, доминировавшая в марксизме, сузила до минимума горизонт его возможностей в области абстрактного мышления. Таким образом, состоялось еще одно отчуждение марксизма от действительного развития, превратившегося в отвлеченную от действительной жизни схоластику.

Теперь, когда эта доктрина окончательно рухнула, превратив русскую разновидность марксизма в анахронизм, русская нация стоит перед необходимостью творческого самопознания. Если она не захочет оказаться в плену других национальных идей или искусственных фальсификатов, вроде марксизма или либерализма, ей придется встать на почву собственных национальных ценностей. Перефразируя Наполеона, можно сказать, что нация, которая не хочет жить своим умом и обеспечивать собственные интересы, будет обречена на то, что усвоит чужие идеи и обеспечивать интересы своих врагов.

Система духовных ценностей, которыми нация должна руководствоваться для исполнения своей миссии на земле, называется национализмом. Само собой разумеется, что утверждение русского

национализма как господствующей системы взглядов одновременно должно означать и преодоление в общественном сознании таких его антагонистов, какими являются шовинизм, космополитизм и интернационализм, доктрин, неприемлемых вследствие их разлагающего воздействия для любой нации.

Интервью академика, с которого была начата эта статья, имело редакционный заголовок: “Русский человек по-детски доверчив”, что не соответствовало самому газетному тексту. Г-н Лихачев говорил о “страшной доверчивости русского человека”, считая ее “национальной чертой” русских. Она, якобы, постоянно заводит их в тупик, вызывая не “бунт и революцию, а лишь робкие сетования”.

Академик отстал от действительности по крайней мере на 8 лет. Он не заметил, что в России идет революция, что русские давно отказались от “робких сетований”, приступив к решительному преодолению отжившего прошлого. В отличие от мифического пролетариата, которому, согласно известному девизу, нечего было терять, русским, если они будут пребывать в состоянии робости, нерешительности, покорности, могут потерять шестую часть мира, освоенную ими за более чем две тысячи лет своего цивилизационного развития. Они могут потерять Россию, если будут игнорировать специфическую, потенциально опасную, революционную, а потому переходную фазу национального развития.

Революции не совершаются ни по воле начальства, ни по воли так называемого общества, ни из-за наличия в нем так называемых революционеров. Они происходят вследствие наличия совокупности объективных факторов, которые создают революционную ситуацию.

Оказавшись в такой ситуации, задача нации как раз состоит в том, чтобы активно действовать не вопреки, а в соответствии с ее логикой. Если русским сейчас что-то и мешает, так это недостаточная радикальность в действиях, которая возникла из-за отсутствия ясного понимания цели революции и ее стратегии. Иначе говоря, вследствие недостаточной концентрации в общественном сознании революционных идей, соответствующих характеру данного этапа.

Пройдя лишь первоначальный, в значительной степени разрушительный этап, современная русская революция неизбежно преодолеет собственные недостатки, а заодно опровергнет высокомерно-покровительственные суждения о русской недоразвитости и неполноценности.

На очереди новая фаза революции, которая помимо того, что она приобретет созидательный характер, одновременно станет и периодом утверждения ценностей русской национальной идеи, реализация которой в состоянии превратить Россию в лидера XXI столетия.

Поэтому новая национальная Россия должна без какого-либо сожаления отправить на историческую свалку все, что мешает ей развиваться, и прежде всего советы впавшей в детство “народной совести” с замшелыми баснями о

“государстве, стоящим с алебардой на площадях и следящим, чтобы не грабили подданных”.

Оценка ситуации социализмом, либерализмом, национализмом

Состояние, в котором находится Россия после августовского государственного переворота 1991 года, вряд ли является менее катастрофическим, нежели то, в которое она попала осенью 1941 или летом 1942, или же, если вспоминать более отдаленную историю, осенью 1917.

Как восемьдесят и пятьдесят лет назад, вопрос сейчас стоит предельно остро — быть или не быть русской цивилизации, окажутся ли русские в состоянии защитить свое отечество, сможет ли Государство Российское одержать победу над очередным смутным временем и восстановить в своих пределах порядок и закон, в конце концов — окажется ли она в числе лидеров XXI века или суждено ей очутиться на периферии мировой истории?

Конечно, когда приходится говорить о России вообще и Государстве Российском в частности, возникает необходимость пояснять, что речь вовсе не идет о некой государственной фантазии с абсурдным наименованием “Российская Федерация” и что подразумевается Россия в ее естественных геополитических границах, совпадающих с границами Советской России, которая тоже обладала нелепым псевдонимом — СССР. Режим традиционно предпочитал клички.

И когда речь заходит о русских, то имеются в виду два взаимосвязанных понятия — русские как народ и русские как нация. В качестве народа русскими является этническая общность, состоящая из великороссов, малороссов, белорусов и русинов. Слово народ потому и имеет своим корнем “род”, что имеет в виду природную, естественноисторическую общность, происходящую из одного родового начала.

Когда же употребляется термин нация, то имеется в виду не природная, а политическая общность, в которую помимо русских как народа, ее основного ядра, входят и другие коренные народы России (общим число 79). В этом качестве русские создавали, развивали и защищали единое государство с никогда не прекращавшейся 1100-летней историей. Отсюда следует историческое и практическое содержание таких определений, как национальный суверенитет, национальная территория, национальные интересы, национальная идея и т.д.

В настоящее время практически невозможно найти серьезного исследователя или политика, который бы отрицал системный характер кризиса в стране. Разумеется, не имеются в виду известного рода деятелей, для которых вызывающая пошлость превратилась в органично присущее им качество, в связи с чем их естественным образом действия является непрерывный эпатаж и глумление. Не о них речь.

Серьезные политические силы, в зависимости от их принадлежности к одной из трех идеологических партий (не путать с политическими партиями), — социалистической, либеральной или национальной, — дают принципиально различный диагноз кризису и методам его преодоления.

Для социалистов корень зла, поразивший русское (в их терминологии — советское) общество, состоит в разрушении “социалистического проекта”, ликвидации социальных завоеваний для “трудящихся”, проистекающих из событий октября 1917 года. Они искренно верят в то, что в СССР был социалистический тип социально-экономических отношений и именно их “отмене” Россия обязана своим теперешним состоянием. Революция 1917 г. побеждена контрреволюцией 1991 г. и, следовательно, преодолеть кризис можно лишь в том случае, если будет восстановлено то состояние, в котором пребывала страна до начала контрреволюции.

Недаром г-н Зюганов, наиболее последовательный политик социалистической ориентации, заявил о том, что Россия свой лимит на революции исчерпала. Социалисты, таким образом, за последние сто лет совершили политический кругооборот, превратившись из радикальных революционеров в консерваторов, из политиков, подвергавших всех и вся отрицанию, в политиков, опирающихся на наиболее косные социальные слои. Они, смешно сказать, грезят реставрацией.

Либералы видят первопричину кризиса как раз в противоположном, в том, что “не идут реформы”. Они настаивают на дальнейшей радикализации экономического и политического курса, на поглощении русского пространства ценностями так называемого западного образа жизни, которые для них являются “общечеловеческими”.

Приняв от допотопных социалистов, раздувавших “искры”, чтобы занялось “пламя”, практически все их первоначальные идеи и доктрины, либералы и теперь страстно настаивают на их реализации. Например, чтобы все народы России осуществили право на самоопределение вплоть до отделения. Для них, как и для социалистов начала века, Россия остается “тюрьмой народов” и они мечтают о том, чтобы эта тюрьма была разрушена до основания.

Либералы, подобно большевикам, обрушивают на русский народ обвинения в шовинизме, в эксплуатации других народов России, в приверженности тоталитаризму и т.д. и т.п. Единственным их вкладом в развитие этой некрофильной темы являются термины “империя зла” применительно к России, “красно-коричневые” в отношении своих политических противников и ярлык “фашисты”, который они вот уже несколько лет безуспешно пытаются приклеить ко всему, что имеет отношение к России, русским и русскому.

Но в отличие от социалистов, строивших свои воздушные замки на фундаменте теоретического коллективизма, для либералов нет ничего важнее прав абстрактной, независимой, лишенной каких-либо культурных корней

личности. Личность для них все, все остальное — ничто. Они готовы во имя “прав личности” разрушить любую материальную или духовную ценность, разумеется, если она принадлежит “этой” варварской, еще нецивилизованной ими стране.

Либералы — естественные космополиты, для которых такие понятия, как родина, отечество, нация, Россия — пустые звуки, ничего им не говорящие. Либералы живут “реформами”, отводя себе роль экспериментаторов, а “этой стране” — участь подопытного животного, который, быть может, останется в живых, но такой результат вовсе не очевиден.

По сути дела как социализм, так и либерализм в их “российской” интерпретации представляют собой чуждый отечественному духовному миру импортный товар, завезенный в “страну неверных” миссионерами Запада, подобно тому, как для аборигенов Африки или Америки тот же Запад изготавливал импортную духовную отраву под католической или протестантской религиозными упаковками. В странах-изготовителях социализма и либерализма эти доктрины находят применение в медикаментозных, чисто профилактических дозах, и лишь постольку, поскольку они не противоречат собственным, то есть национальным ценностям.

Перейдем теперь к третьей, национальной идеологии. Происходящий в России процесс националисты рассматривают в его истинном свете — как очередную русскую революцию, результатом которой может быть создание принципиально нового для нее социально-экономического строя (капитализма) и новой общественно-политической (буржуазно-демократической) системы отношений.

Здесь необходимы некоторые пояснения. Те виды отношений, которые режим после 1917 года назвал “социализмом”, если и имели право на такую квалификацию, то лишь как завершающую фазу феодального периода, — “феодальный социализм”, — с которым Европа, сводившая в XVII — XIX вв. свои счеты с феодализмом, даже не была знакома. Никакого социализма в России не было и объективно не могло быть. После 1917 г. она продолжала оставаться страной развитых феодальных отношений, взяв на вооружение популярную коммунистическую риторику. Однако этих отношений было вполне достаточно для того, чтобы и дальше развивать производительные силы общества, превратившие Россию в одну из двух сверхдержав мира.

Следовательно, Россия вовсе не отстала от других великих наций. Ее мнимая отсталость в действительности представляет собой историческую молодость, поскольку русские — самая молодая среди великих наций мира. Поэтому ей еще предстоит пройти все фазы развития, которые другие, более зрелые нации уже преодолели.

На русской почве, разумеется в совершенно специфических условиях, еще предстоит увидеть и капиталистически организованное национальное хозяйство, и буржуазное общество, возникающие из огня современной

революции. Но это будут не бестелесные, схоластические абстракции, не заимствованные копии, не смесь французского с нижегородским, а настоящий русский капитализм и настоящая русская буржуазность. Они должны неизбежно утвердиться в стране, если социально-экономическая революция обретет принципиально новое качество — превратится в русскую национальную революцию.

Причины, объективно вызвавшие вторую в XX веке революцию, коренятся в закономерностях предыдущего этапа русской истории, в том, что политическая система, точно так же, как и правившая страной “номенклатура”, созданные после Первой русской революции (1905-1935), вместо того чтобы развиваться одновременно со страной, окончательно разложились, а прежние экономические отношения, опиравшиеся на тотально огосударствленную, обобществленную собственность, из “форм развития превратились в их оковы”.

Зревшие в недрах экономики, общества и власти противоречия в конце концов вылились в открытый, системный кризис. Но поскольку начало революция совпало с общим разложением общественного сознания, практической неготовностью ведущих сил общества к революционному действию, теоретической неразработанностью целей революции, ход событий постепенно приобрел весьма опасное, катастрофическое направление.

Прогрессивный на первых порах характер революции сменился регрессом, очевидным движением вспять. Не имея осознанного стратегического курса, революция сбилась с пути, погрязла в частностях, утратила ориентиры в своем движении, попала в руки негодяев, мошенников и предателей, реализующих либеральный план, принципиально губительный для России.

Если говорить о современном состоянии страны с предельной откровенностью, а лишь так можно помочь делу, то ее критическое положение, имеющее все признаки национальной катастрофы, обусловлено, в сущности, тремя факторами: недееспособность государственной власти, неэффективность экономического механизма и равнодушие русского населения к судьбе страны. Таковы главные враги России.

Власть неспособна, экономика неэффективна

Существующая в РФ и обязанная своим происхождение павшему партийному режиму и нескольким государственным переворотам (1989, 1991, 1993), власть представляет собой противоречивую и неработоспособную систему, закрепленную в Конституции 1993 года. Вот главные принципы ее конструктивной схемы, которые не выдерживают никакой критики. Это -

децентрализация полномочий между так называемыми федеральным и региональными политическими структурами;

множественность властных институтов на федеральном уровне под видом реализации “теории разделения властей”;

наделение нижней палаты парламента — Государственной Думы — только законоделательными, чисто формальными функциями по принятию законов, которые не считаются принятыми, если их не одобрит верхняя палата и не примет президент;

превращение верхней палаты парламента — Совета Федерации — из общенационального сената в собрание удельных князей;

отсутствие ответственного перед представительной властью правительства, структура и состав которого определяется не потребностями государства, а волей президента;

наделение президента РФ полномочиями некоронованного монарха, все отличие которого от самодержца состоит в его избираемости населением, и которого невозможно легальным образом отрешить от должности даже за государственную измену;

распыление судебной системы на автономные функциональные образования, целиком зависимые от местных или центральных органов исполнительной власти; ведомственное дробление вооруженных сил страны.

Добавим к этому еще некоторые важные моменты.

Административно-территориальное устройство, создававшееся прежде всего для организации управления большими территориями, расположенными в 11 часовых поясах, превращено в федеративное деление. Великороссия, никогда не создававшаяся как союз нескольких прежде самостоятельных государств, никогда, к тому же, не являвшаяся федерацией, превращена в федерацию неких 89 “субъектов”. Их территория определялась административными актами в 30-е, 40-е, 50-е и 60—е годы и неоднократно изменялась под влиянием экономических, хозяйственных, оборонных, политических и волюнтаристских факторов. Если сравнить территориальные устройство этой части России в начале века и теперь, то между ними невозможно обнаружить ничего общего.

Сами по себе “субъекты федерации” неравноценны и каждый из них обладает различным правовым статусом внутри федерации, вплоть до ассоциированного членства, как, например, Татария или Якутия. Отношения внутри РФ регулируются вовсе не Конституцией или законами, а особыми соглашениями между федеральной и региональными властями, что является видоизмененной формой чисто средневековых, по-существу феодальных отношений сюзерена-короля с вассалами-князьями.

Фарсовый характер, который приняли события в так называемой Чечне после того, как Кремль оформил сделку с лидерами вооруженных чеченских мятежников, придав им вызывающе-респектабельный вид государственных

деятелей, как нельзя лучше демонстрирует содержащиеся в Конституции механизм политического разрушения страны и деградации власти.

Отношения сюзерена Ельцина с поднявшим бунт вассалом Дудаевым (фамилии здесь не имеют значения) напоминают, но как карикатуру, сюжет из романа В. Скотта “Квентин Дорвард”, где описываются перипетии сложных интриг французского короля Людовика XI, герцога Бургундского Карла Смелого и вожака шайки негодяев Гильома де ла Марка по прозвищу “Арденнский Вепрь”.

Но если Франция XV века преодолевала феодальную раздробленность и становилась единым, централизованным государством, РФ конца XX столетия, наоборот, борется с централизацией, утверждает раздробленность как форму своего будущего, строит неофеодальные отношения.

Может ли государственная машина РФ, сконструированная для подобных целей, обеспечить защиту русских национальных стратегических интересов? По-видимому, нет. И не потому, что за ее рычагами случайно оказались продажные, некомпетентные, хладнокровно-жестокие и подлые деятели. Напротив, именно политики с подобными личными качествами и могут управлять такой машиной власти. Потому что она предполагает в чиновниках не государственный образ мыслей, а страсть хищников, набрасывающихся на государство точно так же, как стервятники набрасываются на падаль. Подобная государственная машина в состоянии лишь разрушать государство, но не сохранять его.

Итак, Конституция, переполненная пустопорожними юридическими россказнями о правах и свободах отдельного, абстрактного, не имеющего национальных признаков человека, знает лишь один главный интерес, с которыми власть желает иметь дело — это частный, своекорыстный интерес бюрократии, которому она покровительствует и который поощряет.

Перейдем к экономике. Необходимо различать национальное хозяйство и экономические отношения. Первое представляет собой совокупность производительных сил общества, ее естественные, производственные, интеллектуальные и трудовые ресурсы, соответствующим образом организованные и вовлеченные в целесообразную деятельность. Второе — реально существующий механизм, приводящий национальное хозяйство в движение, придающее ему динамизм, развивающий его в соответствии с объективными интересами и потребностями нации и государства.

Производительные силы, расположенные на территории Российской Федерации, провозгласившей свой “выход” из России, никогда не создавались в качестве обособленного хозяйственного комплекса. Напротив, после 1917 года национальное хозяйство страны восстанавливалось, создавалось и развивалось по принципу единого концерна, работающего в режиме общегосударственного плана. Его функционирование заведомо не предполагалось при самостоятельности, изолированности, обособленности

отдельных хозяйствующих элементов, располагавшихся на территории той или иной “союзной республики”.

Обособившись от единого хозяйственного комплекса, его часть неизбежно должна была утратить некоторую долю жизнеспособности, поскольку ее полноценное, технологическое функционирование обусловлено производствами, оставшимися за границами РФ.

К примеру, хозяйственные комплексы в Белоруссии и Прибалтийском крае, являвшиеся некой общностью лишь как статистическая величина, представляли собой сборочные производства, финальные стадии длительного производственного цикла, приближенного территориально к местам производственного или личного потребления, а также к границам государства, если соответствующие продукты предназначались для экспорта.

Одно это, сугубо политическое обстоятельство, то есть расчленение единого государства на 15 частей, превратило дееспособное национальное хозяйство Советской России, потенциал которого составлял до 80 процентов совокупного потенциала США, в искалеченный, деформированный, дезорганизованный организм.

Политические границы, перекроившие единый хозяйствующий комплекс, снизили оказавшийся в РФ потенциал не на величину, пропорциональную оставшимся основным фондам, а существенно больше. Ситуацию должны были усилить распавшиеся экономические связи, несуразные границы, валютные, таможенные и политические факторы. Хозяйственный потенциал РФ уже теперь на порядок слабее американского.

Но это лишь одна, так сказать объективная по отношению к производительным силам, сторона дела. И без того кризисное состояние усилилось после того, как за дело взялся либеральный политический режим, пришедший к власти в “новой России”. Несколько стратегических решений, принятые им еще осенью 1991 года, в состоянии окончательно похоронить будущее русского производственного потенциала.

Денационализация собственности, практика свободного ценообразования и отказ от монополии государства на внешнюю торговлю должны были обескровить и без того ослабленный, в сущности многократно ампутированный производственный комплекс, который к таким экономическим правилам деятельности не был ни приспособлен, ни готов. Кроме того, национальное хозяйство было таким образом подставлено под внезапный удар враждебных и конкурирующих в экономическом и в политическом отношении сил стран “золотого миллиарда”, прежде всего из блока НАТО.

За пять лет существования в таких условиях, созданных самой властью, по отношению к 1990 году объем валового внутреннего продукта в РФ упал до уровня 60 процентов, объем промышленной продукции — до 48, производственных капитальных вложений — до 20. Стремительная замена плановых экономических условий на рыночные, а также открытие границ для

иностранных товаров до такой степени трансформировали приоритеты, что более 30 процентов мощностей обрабатывающей промышленности, а следовательно и занятая в них рабочая сила оказались ненужными, излишними. Неизбежная инфляция, последовавшая за либерализацией цен, лишила не только отдельных граждан их накоплений. С этим можно было бы как-то смириться. Главный удар пришелся по производственным предприятиям.

Без оборотного капитала любое производство не более чем груда безжизненного, мертвого, неработающего металла. В условиях товарно-денежных отношений деньги — кровь производства. Их отсутствие означает полную утрату им самостоятельности и дееспособности. Промышленность, лишившаяся одновременно и средств существования и, благодаря ваучерной приватизации, собственника в лице государства, должна была оказаться во власти “денежных мешков”, международного космополитического и ростовщического капитала.

Открыв границы для его деятельности, режим предопределил, в чью пользу в конечном итоге будет осуществлен процесс перераспределения собственности. Российские банки, которые постоянно мелькают в московской прессе, демонстрируя свое величие, в действительности выполняют роль мелких маклеров международных финансовых корпораций, прибирающих к рукам наиболее выгодные предприятия.

Показательно, что до 90 процентов операций на фондовом рынке с ценными бумагами отечественных производств, совершается в пользу иностранцев. Контроль над собственностью переходит к ним. На очереди, без всякого сомнения, установление иностранного контроля за главным для внешнего мира богатством РФ — ее недрами.

Страна, еще совсем недавно являвшаяся второй сверхдержавой планеты, на паритетных условиях взаимодействовавшая с другими великими державами и возглавлявшая так называемый “второй мир”, обрекла себя на медленное, но неотвратимое умирание, добровольно отказавшись от самого главного: экономических условий своего собственного воспроизводства, развития и обороны.

Равнодушие и нелюбопытство — главные враги русской нации

Безразличие, с каким русские воспринимают действительность, охватившая население апатия, не имеющая по масштабу своего распространения, по-видимому, прецедентов в современной истории, пренебрежительное отношение к судьбе национального богатства, собственного государства, да и к своему собственному будущему — такова первопричина, благодаря которой созданная таким “электоратом” государственная машина, вместо того, чтобы защищать страну, планомерно ее истребляет, а экономика оказывается в роли азартного, аморального и

безнравственного игрока, способного лишь направо и налево расточить все, что унаследовано, приумножено и нажито.

Все остальные поступки, которые можно записать в своеобразный мартиролог ныне живущим поколениям взрослых русских людей, состоят в том, что они собственными руками, ногами и головой превращали самих себя из людей, защищенных всей мощью великого государства, в ничем не защищенных, живущих в состоянии постоянного страха индивидуумов, из граждан-собственников, совладельцев самого мощного в мире предприятия, в скопище полунищих и нищих, просящих подаяние, из наследников великой русской культуры в потребителей суррогатов американской эрзац-культуры, пригодной разве что для плебеев и черни, если говорить по-русски — для быдла и босяков.

Все интересы и потребности, которые могут быть у современного, развитого, обладающего опытом и знаниями общества, свелись к набору примитивных, элементарно-пошлых инстинктов. Подобно жителям античного Рима времен упадка, жители России возжелали лишь panem et circenses (хлеба и зрелищ), им захотелось есть, пить и танцевать. Трудовая, сама по себе творческая деятельность потеряла в массовом сознании какую-либо ценность, превратившись в тяжкую, обременительную необходимость, повинность. Философия рантье, живущего на процент, оказалась более убедительной, чем мировоззрение труженика и творца.

Чем сильнее развращалось общество или его отдельные элементы, тем невероятнее оказывались результаты его публичной деятельности. Крупные мегаполисы, городские агломерации с многомиллионным населением из центров науки, культуры и промышленности превратились на какое-то время в центры массового общественного разложения, выбрасывая во внешний мир духовные метастазы и общественных деятелей с комплексом Герострата. Лимита передавала власть лимитчикам.

Население именно этих центров в своей основной массе взяло на себя главные разрушительные функции, голосуя всякий раз за наиболее оголтелые, извращенные, беспощадные в отношении России идеи, избирая во власть наиболее одиозных, скандально известных, патологически-русофобствующих политических деятелей. Чтобы у читателя не сложилось впечатления, что автора посетила личная мизантропия, перечислим наиболее “выдающиеся” проявления общественной мизантропии со стороны наших соотечественников. Вот они.

Выборы состава Съезда народных депутатов СССР в 1989 году, который через два года постыдно предал, не пошевелив пальцем, великое государство, повторив в коллективной форме то, что Николай II совершил персонально, отрекаясь противозаконно от престола. Без просьбы, без подкупа, без попойки.

Весной 1990 г. выборы законодательных органов власти союзных республик, краев и областей и местных Советов, большую часть которых

поразила маниакальная страсть к суверенизации. Stuitorum infinitus est numerus — число глупцов бесконечно.

Референдум в марте 1991 года, на котором население РСФСР проголосовало за установление президентского режима, тем самым предопределив состояние войны между властями Российской Республики и Советской России (СССР). Настоящий casus belli. После этого избрание г-на Ельцина президентом РСФСР в июне 1991 года, сделавшее лобовое столкновение "союзной" и всех "республиканских" властных номенклатур неизбежным, а затем бездумная массовая эйфория от совершенного в Москве в августе 91-го государственного переворота, окончательно свалившего режим г-на Горбачева.

Декабрьский референдум в Украинской Республике в том же году, на котором ее русское население (малороссы, великороссы, русины и белорусы) согласилось на отделение от Советской России (СССР) и вслед за этим повсеместное молчаливо-равнодушное одобрение Беловежского пакта. У всех окраин оказалась настоящая пунийская верность (Punica fides), то есть никакой верности.

Поддержка на референдуме в апреле 1993 г. экономических мероприятий, проводившихся с января 1992 правительством Ельцина-Бурбулиса-Гайдара, сущность и неизбежные последствия которых описана выше. Но тогда большинством овладел нагло-отвратительный девиз — Salve lukrum — привет барышу.

Безразличие великорусской провинции к сентябрьско-октябрьскому государственному перевороту в Москве и одобрение на состоявшемся в декабре 1993 г. референдуме ельцинского проекта Конституции. Она установила такую систему органов государственной власти и такое государственного устройства, которые обязательно должны привести остатки России к окончательному разложению и краху.

Пассивно-неодобрительное отношение общества к робким, противоречивым, зачастую преступно-халатным попыткам режима подавить чеченский вооруженный мятеж в 1995-1996 гг., создавшее морально-психологические предпосылки к дальнейшему развитию процессов этнического и территориального сепаратизма.

И в качестве своеобразного эпилога — переизбрание г-на Ельцина президентом РФ на второй срок в июле 1996 г. Plaudite, cives — рукоплещите, граждане.

Можно вспомнить еще десятки и сотни примеров противоестественного, не укладывающегося в разумные рамки поведения населения, но и этих, по-видимому, достаточно для того, чтобы исчезли любые сомнения в том, кому Россия обязана своим настоящим положением. О тебе идет речь — великий, мудрый, трудолюбивый, терпеливый — и какой еще там — русский народ.

Не коварные американцы, не алчно-хитроумные евреи, не фанатичные тюрки-мусульмане и конечно же не наглые инородцы, а именно русские,

составляющие абсолютное большинство граждан, довели Россию до величайшей национальной катастрофы, государственного распала и экономического коллапса. Их неожиданно проснувшиеся фантастическая лень, предельное равнодушие и патологическая жадность. Они исполнители, все остальные — в лучшем случае — только соучастники.

Алгоритмы русских революций

Ни одна нация и ни одно государство, представляющее собой несущую мировую конструкцию, благодаря которой развивается само человечество в целом, не может быть гарантировано от периодов, когда под вопрос ставится их дальнейшее существование. Каждый взлет завершается падением и каждая победа — расплатой за нее. Omnia orta cadunt (все, что возникло, гибнет).

Трудно найти более или менее продолжительные отрезки в существовании крупных, действительно великих государств, которым ни приходилось бы оказываться на грани распада, завоевания или полного исчезновения. Если взять последнее тысячелетие, то история ни одного из и поныне существующих держав, не говоря о тех, которым пришлось покинуть политическую и обосноваться на исторической карте мира, не обошлась без кризисов, катастроф, депрессий, смут и тому подобных событий.

Если бы речь не шла о России, то все предыдущее объяснение могло бы завершится общим некрологом или эпитафией, в которых было бы уместно написать: fuimus Troes (здесь была Троя).

Для тех, кто исследует русскую цивилизацию со стороны, ее современное состояние может показаться безнадежным. Любой объективный консилиум специалистов бесстрастно определит — больной неизлечим. На протяжении всего лишь последней сотни лет в отношении России выдающиеся специалисты, светила науки обрекали ее на смерть трижды, всякий раз попадая пальцем в небо. Она, словно Феникс из пепла, возрождалась в еще более мощном, величественном, несокрушаемом состоянии, посрамляя всех своих могильщиков.

Не чувствуя, не зная русского мира, невозможно обнаружить его действительного потенциала. Не понимая закономерностей, согласно которым развивается Россия, нельзя даже приблизительно предугадать дальнейший ход событий.

Еще раз подчеркнем. Описанное выше состояние государства, экономики и общества относится не к фазам их благополучия, развития в условиях относительного покоя, а к “истории болезни”, к тому многофакторному процессу, который мы называем Второй русской революцией XX века. А у русских революций есть собственные траектории и тенденции, которые и теперь позволяют смотреть в русское будущее с оптимизмом, разумеется, с той оговоркой, что в реальном мире ничто не совершается само собой, без человеческих усилий, так сказать по воле Провидения. Речь идет о

предпосылках, которые можно реализовать, а не об паразитирующей на невежестве астральной галиматье.

Итак, чтобы понять Вторую русскую революцию, необходимо вернуться к этапам Первой. Причины, породившие ее, заключались, с одной стороны, в невероятно высоких темпах хозяйственного развития, с другой — в неспособности существовавшего порядка вещей справиться с управлением в параметрах такого развития. Известная формула — "верхи не могут, низы не хотят", — правильно, хотя и примитивно, описывает состояние общества, сделавшее революцию неизбежной. Вторая русская революция также оказалась неизбежной. Она была обусловлена такими же точно причинами, как и Первая, разумеется, на новом, гораздо более высоком, более сложном уровне развития. (Более подробно об этом см. С.Пыхтин. Русские революции в судьбе Империи. Сб. "Неизбежность империи" М. Интеллект, 1996, с.178-230).

Никогда русские революции не происходили вследствие отчаяния, невыносимости существовавших жизненных обстоятельств, безрассудности, обусловленной отсутствием опасности что-либо потерять, кроме своих цепей. Слава Богу, Россия никогда не знала, в отличие от Европы, пролетаризации, босячества. Русские революции всегда — проявление невероятного и всестороннего подъема, взрыва духовной энергии и вместе с тем они же — по крайней мере на первоначальных этапах — очевидный общественный, организационный и идейный хаос.

Обозначим этапы, через которые прошла революция начала века.

Сначала это был кризис управления, утрата властью способности руководить стремительно развивавшимся обществом, потеря авторитета низших слоев населения по отношению в "верхам", постепенное развитие массового недовольства, переходящего в протест (1905-1917).

Затем период открытого кризиса, падение режима и состояние всеобщего развала, вылившегося тогда (благодаря участию России в мировой войне) в открытое столкновение противоборствующих сил — гражданскую войну, в которой определился формальный победитель, а значит и новые условий общественного развития(1917-1922).

Наконец, консолидация и кристаллизация общественного организма, окончательное утверждение экономических, а вслед за ними и идеологических форм его существования (1923-1935).

Что же мы наблюдаем теперь? В сущности, кроме современных материальных условий, в которых развивается революционный процесс, нет ничего нового, необычного. Как и тогда, сначала кризис управления, разложение "партийного нобилетета", его постыдное бегство из власти — 1985-1991 гг. И теперь — многолетнее состояние всеобщего развала, сначала двоевластие, затем многовластие, наконец — фактическое безвластие.

Если и дальше применять аналогии, то вот уже в течении пяти лет на исторических часах России значится новый 1917 год. Г-н Ельцин пытается воплощать в своем лице одновременно два начала, реинкарнацию демагога

Керенского и авантюриста Корнилова. А спустившись на столичную почву, мы обнаружим воскресших обитателей кладбища политических животных — полковника Рябцева и городского голову Марона, двух известных московских политиканов той поры, память о которых навсегда исчезла, но дело которых воплощается г-ном Лужковым.

В отличии от фундаментальных общественных течений, ясных для простого понимания, в верхних слоях и на поверхности бушуют страсти и кипят водовороты, в мутных потоках которых трудно уловить мерную поступь исторических законов. Но они присутствуют и здесь. Несмотря на всю множественность действующих лиц, толкающихся на политической арене, они являются не более чем олицетворением трех идеологических начал общественного сознания, сменяющихся во власти. Вкратце они уже обозначены — это социализм, либерализм и национализм, представляющие собой квинтэссенцию длительного процесса развития и дифференциации идей.

Все их многотысячелетнее многообразие является, в действительности, отражением развития самого человечества, точнее говоря, его сменяющихся видов. Пока оно находилось в родо-племенном состоянии, господствовало интуитивное сознание, опиравшееся на обобщение непосредственного, чувственного наблюдения. Когда эта фаза сменилась длительным периодом создания народов (этногенеза), возникло сверхчувственное религиозное сознания, предопределившее, кстати, формирование цивилизаций, совпадающих с границами распространения мировых религий.

После того, как процесс постепенно достиг более высокого уровня, связанного с появлением наций как нового, политического вида общностей, обладающих более развитым естествознанием, возникло и соответствующее им идеалистическое отражение — цивилизационное или, в более узком смысле, национальное сознание.

Что касается наиболее агрессивной, европейской разновидности религиозного сознания, оно, сосредоточившись на области духовной жизни, оставило в мирской жизни свои карикатурные, атеистические противоположности — социалистическую (коллективистскую) и либеральную (эгоистическую) доктрины, превратившиеся в самостоятельные сущности примерно в XIX столетии.

На современном историческим этапе развития взаимная борьба национализма, социализма и либерализма и составляет внутреннюю природу политического хаоса, приобретающего под этим углом зрения видимость порядка. По сути, когда дело касается власти, происходит кругооборот идеологий. Каждый режим является его олицетворением.

Борьбу идей во время Первой русской революции можно выразить в виде формулы Н — Л — С, означающей: национализм — либерализм — социализм. Кризис, в котором очутилось управление обществом, совпало с моментом, когда власть находилась в руках национализма в его зародышевой, закономерно еще неразвитой форме. После этого наступил период хаоса или

видимость либерального управления — 1917 год. Первая русская революция завершилась тем, что в стране утвердился режим коллективизма, или социализм, который на русской почве приобрел неожиданные черты “государственного феодализма”.

Новая революция в Россия начиналась с того, чем завершилась Первая революция. Ее идеологическая формула С — Л — Н. Первоначальный этап связан с падением режима, следовательно, его неизбежным следствием является поражение доктрины “социализма” (1991).

Либерализм, паразитирующий на общественном разложении, в состоянии добиться власти лишь в условиях социального и идейного хаоса. Недаром Ф.М. Достоевский вывел предупреждающую русских формулу: “либералы погубят Россию”.

Однако, как только общество приобретает внутреннюю способность к преодолению кризиса, либеральной власти придет конец. В нормальных условиях носители либерализма исчезают из власти, словно плесень на солнце.

Согласно предположению, сформулированному выше, именно тогда наступает время русского национализма, и республика становится делом нации. Таков внутренний смысл Второй русской революции, осознание которого дает обоснованную надежду на то, что она завершится утверждением в России нового общественного строя.

Novus ab integro nascitur ordo — новый порядок рождается снова. Для этого надо только, чтобы страна вырвалась наконец-то из чертова колеса, который является новым изданием 1917 года, продолжающегося не 12, а 72 месяца.

С точки зрения русского национализма

Национальная идеология не может быть выдумана, ее создание происходит в процессе возникновения нации. До тех пор, пока миру не явлен субъект, то есть нация, не может быть и национальной идеологии. При этом, разумеется, под нацией следует иметь в виду не этническую или народную общность, а общность этнополитическую.

Русской нацией мы называем политическую общность, созданную русским народом и включающую в себя все многочисленные коренные народы, интегрированные в русскую духовную, культурную и государственную традицию. Русские как народ, в свою очередь, представляют этническую общность, состоящую из великороссов, малороссов, белорусов и русинов.

Русская нация, в отличие от русского народа, в историческом масштабе времени только-только возникла, и, следовательно, нет основания для того, чтобы упрекать ее в том, что у нее нет национальной идеологии, что она в этом отношении не очень развита по сравнению с теми же немцами, японцами, французами или китайцами. Великие нации возникают только в свое время и в результате великих исторических побед, которые им удается одержать. При

этом численность нации имеет второстепенное значение, хотя, как правило, они достаточно многочисленны.

У русской нации имеется конкретная дата рождения — 1945 год, победа в Великой отечественной войне. Подобно тому, как на Куликово поле пришли владимирцы, суздальцы, новгородцы, а вернулись с него русские люди, так и здесь в огонь Великой отечественной войны уходили отдельные народы, а возвратилась единая русская нация.

Следовательно, тот факт, что национальная идеология рождается именно сейчас — это не аномалия, а норма. Ничего необычного в этом нет. Русские ни от кого не отстали; просто русская нация самая молодая из великих наций мира. Упрекать же ее в молодости так же нелепо, как юношу в том, что у него нет седины в бороде.

Выше уже говорилось, что русскому национализму, как и любому национализму, противостоят две искусственные доктрины — социализм и либерализм. Но главная опасность для нарождающегося русского национализма исходит с иной стороны. Это русский этноцентризм, совокупность представлений, в которых русскому народу отдается абсолютное предпочтение по сравнению с другими коренными народами России.

Идеология этноцентризма ставит на первое место эгоистические интересы собственного этноса, какого-то одного отдельно взятого народа. Русский этноцентризм готов пожертвовать русскими национальными ценностями в угоду ложно понимаемыми русскими народными ценностями. И в этом состоит его главная ошибка.

Для русского национализма основная ценность сосредоточена в Государстве Российском. Потому что на современном, национальном, этапе развития человечества в государственности воплощается высшая форма его самоорганизации. Недопустимо противопоставлять русский национализм русскому государству. Государство является единственной формой национальной самоорганизации, инструментом утверждения национальных ценностей, орудием защиты национальных интересов в мире.

Главная и единственная проблема современной России состоит в том, что она является русским национальным государством, в которой пока еще не утвердилась русская власть.

Необходимо помнить: национализм как основополагающий принцип политики возникает тогда, когда власть в государстве принадлежит элите, которая исповедует идеологию национализма.

На сегодняшний день все великие державы мира имеют националистические режимы, обеспечиваемые национальной элитой. Все, за исключением России. И благодаря тому простому обстоятельству, что ее вторая в XX столетии революция, являясь по своим целям и задачам буржуазно-капиталистической, не приобрела третьего, совершенно необходимого ей качества — она не стала русской национальной революцией.

Русская власть в России может возникнуть лишь в том случае, если массами русского населения обладает русская национальная идея. Одно не может быть без другого.

Современная русская революция не приобрела национального характера, и в этом ее трагический смысл. До тех пор, пока в обществе разнуздываются эгоистические страсти, торжествует индивидуальный интерес, будущее российской государственности находится в опасности.

Проявился капиталистический характер революции, утверждаются товарно-денежных отношения, возникают независимые, свободно действующие на рынке товаровладельцы. Общественные отношения окончательно изживают в себе патриархальные, чисто крестьянские формы человеческого общения. Общество приобретает открытый, современный характер. Без утверждения в нем центростремительных общенациональных идей, без торжества общерусской национальной солидарности в обществе буржуазно-капиталистического типа не останется ничего, кроме эгоизма и индивидуализма, духа своекорыстия и стяжательства.

Национализм предохранит русское общество от деления на отдельные человеческие атомы, от распада на аморфные составные элементы, от этнического и территориального сепаратизма, наконец, от необходимости установления деспотического режима власти. Национализм к тому же является гарантией демократической формы правления.

Очевидно, что кроме национализма, утвердившегося в сознании движущих сил революции, ничто не сможет обеспечить целостность страны. Поэтому все противники, недоброжелатели и откровенные враги России именно сейчас так страшатся проявления этого спасительного для будущего русской нации лекарства, пугают, подобно г-ну Лихачеву, “специалисту по древней русской литературе”, нелепыми, абсурдными, неправдоподобными последствиями. Но таким образом они могут лишь разоблачить себя и свои действительные подлые намерения.

Русский национализм должен исходить из нескольких аксиоматических утверждений, относящихся к национальному суверенитету, национальному самосознанию и национальному соответствию.

В контексте собственной истории Россия не тождественна Российской Федерации. Территория последней в строгом смысле слова не является даже Великороссией. Национальная русская революция лишь в том случае окажется победоносной революцией, если в качестве политических границ возрожденной России будут восстановлены государственные границы Советской России (СССР).

Духовно-нравственная основа повседневной жизни России, ее индивидуального, общественного и юридического самосознания сосредоточена в православии. Именно на этой исторически обусловленной, а не искусственно созданной, абстрактно выдуманной почве необходимо строить основы национальной русской этики.

Обеспечение полноценного развития общественно-государственных институтов в согласии с русскими национальными интересами, воспитание, образование, культура, искусство и иные формы, в которых проявляется самобытность России, зависит от того, насколько органично они будут соответствовать русским народным традициям. Это соответствие возможно при безусловном русском народном доминирования во всех ключевых отраслях воздействия.

Стратегические цели русской национализма вытекают из реальных условиях, в которых находится российская государственность, русская нация и русское национальное самосознание.

Главная задача, которую объективно необходимо выполнить в сравнительно короткий исторический срок, состоит в том, чтобы решить демографическую проблему заселения суверенных русских территорий. Чтобы придать национальному хозяйству необходимый динамизм, чтобы не испытывать недостатка в трудовых и интеллектуальных ресурсах, чтобы обладать мощными вооруженными силами, в России общая численность русских должна составлять не менее 500 млн. человек.

Экономический механизм должен быть переориентирован на обеспечение этой задачи в максимально короткий срок. При этом подразумевается непрерывный рост качества жизни и функционирование всех систем, обеспечивающих национальную безопасность (вооруженные силы, военно-промышленный потенциал, силы безопасности и т.д).

Общество должно избавиться от иллюзий, связанных с пацифистской демагогией. Межгосударственные отношения признают лишь такие аргументы, основой которых является сила, совокупная мощь, которую нация может привести в движение. Представляя собой форму общественной болезни, любая революция имеет в качестве своей предпосылки ослабление всех государственных институтов. Невозможно осуществлять революцию, переход из одного качественного состояния в другое, не предохраняя общественный организм от нежелательных последствий. Поэтому каждая революция выбирает военную форму в качестве повседневной одежды, мобилизуя гражданский патриотизм.

Революция не может обойтись без милитаризации общества и государства. Лишь превратившись в военный лагерь, она будет в состоянии уничтожить всех своих внутренних и внешних врагов. Лишь вооружив все взрослое мужское население, всех добропорядочных граждан, она покончит с открытыми формами уголовных проявлений.

Было бы опрометчиво и вредно повторять вслед за противниками русской идеи, что мол, распался Советский Союз, что этот распад необратим, что невозможно представить себе процесс политической консолидации.

Для русского национализма очевидно, что распалась не Россия, а власть в России. Враги России активно пытаются внедрить в общественное сознание представление, что распалась страна. А если распалась страна, то восстановить

ее вряд ли возможно. Но если распалась всего лишь власть в стране? Восстановить власть по силам любой нации, сменить ее — тем более.

Естественной целью русской революции в этих условиях становится реваншизм. Иначе говоря, обеспечение суверенных прав Государства Российского на всем пространстве его национальной территории, метод, благодаря которому дважды (1612, 1920) восстанавливалась территориальная целостность, государственную власть и порядок в России.

Для этого русская национальная идея должна создать качественно новый человеческий материал, избавив русского человека от всех форм смирения, созерцательности, непротивления и пассивности. Она должна превратить каждого русского в сгусток неиссякаемой энергии, жаждущий всесторонней, непрерывной, деятельной экспансии, повсеместно утверждающей справедливость, правду и порядок.

Русская идея должна восторжествовать в области духовных сущностей, постигаемых национальной религией. Под ее ударами должны пасть все секты, псевдорелигии и доктрины, делающего русского человека рабом предрассудков.

Русская идея должна установить господство над национальной экономикой и денежными отношениями, подчинив их задачам развития национального хозяйства. Не вещи и деньги должны управлять русским человеком, а он — вещами и деньгами.

Русская идея должна подчинить себе виртуальную реальность, создаваемую с помощью электронных систем и коммуникаций, превратив их в средство русского культурного самосовершенствования и доминирования.

Русская идея должна умножать творческие, духовные, интеллектуальные и физические возможности личности, поскольку они несовместимы с любыми формами деградации (пьянство, наркомания, безнравственность). Физическое здоровье, духовная гармония, семейная полноценность в каждом поколении должны быть непременным условием существования русских.

Русская идея в виде господствующей идеологии государственной власти в России, превратит ее, таким образом, в русскую национальную власть, в руководящий орган, последовательно и планомерно реализующий волю русской нации. Современному русскому сознанию, которое постоянно обращается к истории, чтобы обеспечивать точность и доказательность своего стратегического выбора, должна быть чужда философия мирного существования во что бы то ни стало. Поэтому, суммируя задачи, решаемые русским национализмом, необходимо отчетливо сознавать, что их итогом должна быть имперская форма российской государственности, и следовательно политическая стратегия по возрождению России не может быть ничем иным, как реализацией политики империализма. Признания заслуживает лишь такой мир, который является результатом, продолжением и подтверждением русской победы.

Николай Розов

К РАСЦВЕТУ ЧЕРЕЗ СМИРЕНИЕ
Эскиз политико-экономической и социокультурной стратегии России на рубеже веков

Исторические системы и строй этноса

Ближайшие десятилетия будущего России следует рассматривать в контексте долговременной логики исторического развития, по крайней мере, с начала расширения Московского государства в XV в. Наиболее адекватными теоретическими конструкциями (парадигмами) являются современные представления о разных логиках развития исторических систем.

Введенная И.Валлерстайном категория “историческая система” позволяет интегрировать системные (номотетические, относящиеся к синхронии) и исторические (идеографические, относящиеся к диахронии) аспекты устойчивых наднациональных целостностей. Историческая система — социальная целостность с пространственно-временными рамками, внутри которых действует та или иная “логика”, определяющая основную совокупность явлений.

Изолированные общины и племена (мини-системы), большие военно-политические державы (миримперии), широкие сети обмена с ядрами накопления (мир-экономики), культурно-генетические общности этносов и наций (цивилизации), объединенные властно-правовым режимом, единством мер обмена и языком социальных взаимодействий общества (общества или страны) являются основными известными типами исторических систем (сам Валлерстайн выделяет только три первых типа).

В этих терминах строй этноса — его устойчивую политико-экономическую и социально-культурную идентичность — можно рассматривать как сквозной исторический инвариант социальных форм, культурных образцов и психологических ментальностей, сохраняющийся при смене исторических систем: мир-империй, мир-экономик, обществ.

В масштабе большого исторического времени строй этноса рядоположен цивилизации, но цивилизация по определению включает не один, а несколько этносов. Так, в рамках Евразийской цивилизации, наряду с русским строем можно говорить о греческом, сербском, украинском, белорусском, румынско-молдавском, татарском, северо-кавказском, грузинском, армянском, средне-

---

Розов Николай Сергеевич, доктор философских наук, профессор Новосибирского государственного университета.

азиатском строях. Их объединения или разделения — предмет специальных исследований.

Прежде чем перейти к характеристике самих по себе евразийской цивилизации и русского строя, рассмотрим те основные исторические системы, которые наложили наиболее существенный отпечаток на русский строй вообще и на наше современное состояние в частности.

Мир-империи

Тип исторических систем, организованных как широкие централизованные политические структуры, объединяющие даннически-перераспределительными отношениями социально и культурно разнородные провинции.

Устойчивость мир-империи зависит от эффективности выполнения следующих ключевых функций:

— регулярный сбор дани (в любом виде) с провинций,

— перераспределение дани через централизованную пирамиду чиновников,

— пресечение сепаратизма провинций,

— территориальная, преимущественно военная, экспансия с целью захвата новых даннических провинций, утверждения легитимности имперской власти и подавления внутренних волнений.

Начиная с Древнего Египта и ранних деспотий Месопотамии (ок. 3000 лет до н.э.) до повсеместного становления национальных государств (XVII-XX вв.) практически все крупные царства Евразии, Африки, Центральной и Южной Америк строились, расширялись, воевали друг с другом, гибли и возрождались в логике мир-империй.

При столкновениях мир-империй между собой факторами победы и расширения (согласно исследованиям Р.Коллинза, между прочим, теоретически предсказавшего распад СССР в публикациях 1983-86гг.) являются:

— преимущество в ресурсах (население, продовольствие, техника, финансы, интегративные качества религии или идеологии) и возможности их мобилизовать в военных целях;

— окраинность как наличие географически защищенного тыла (любопытно, что при территориальном расширении статус окраинности/центральности рано или поздно меняется на противоположный);

— отсутствие чрезмерных трат на коммуникации и на контроль над территорией.

Россия как мир-империя

Успешно расширялась в течение пяти столетий, главным образом за счет овладения северо-восточными пространствами, свободными от других мир-империй, за счет занятия выгодного окраинного геополитического положения, за счет способности мобилизовать людские и природные ресурсы средствами государственного внеэкономического (частью идеологического, частью насильственного) принуждения.

К концу XX века все эти факторы перестали действовать, напротив, Россия оказалась в ситуации хронического недостатка мобилизационных ресурсов, с крайне слабой по современным меркам сетью внутренних коммуникаций, а главное — в геополитически невыгодном центральном положении между такими силами как:

— Западная и Центральная Европа с поддержкой НАТО,

— мир ислама (прежде всего, Турция и Иран), имеющий давние претензии на протекторат над Средней Азией и Кавказом,

— Китай, бурно растущий демографически, экономически и технологически,

— богатейшая Япония, ведущая экономическая держава, с которой до сих пор не подписан мирный договор,

— главная военная держава Тихого и Мирового океана — США.

Поражение в Афганистане, распад Варшавского блока, распад СССР, изоляция Сербии и дипломатические неудачи России на Балканах, Чеченская трагедия — закономерные звенья одной цепи. Причем породившие их неблагоприятные факторы не исчезли, а лишь усиливаются.

Введение в России свободных цен и легализация обмена валют 1992 г. включили Россию еще и в другую логику — логику развития локальных мир-экономик и современной капиталистической мировой экономики.

Россия в глобальной мир-экономике

Мир-экономика (термин Ф.Броделя, понятие И.Валлерстайна) — тип исторических систем, организованных сетями длинных товарных цепей, пересекающих множественные политические границы.

Страны, входящие в одну мир-экономику различаются по своему иерархическому статусу на ядро (сосредоточение капитала, политической и деловой инициативы, новейших технологий), периферию (почти то же, что колония, постколония или сырьевой придаток) и “срединчатую” полупериферию, сочетающую черты ядра и периферии.

Вопреки первоначальным надеждам, вхождение России в мировую экономику обусловило не рост экономики и благосостояния, а их падение.

Объясняется это тем, что Россия имела претензии сразу попасть в ядро глобальной мир-экономики, где все места уже заняты и ревниво охраняются.

Полупериферийные или “срединчатые” (машиностроение и др.) и высокотехнологичные “ядерные” (наука, космос, биотехнологии, передовая медицина) сферы экономики закономерно приходят в упадок, поскольку требуемых инвестиций нет (с учетом действия уже мировых цен на территории России!), выход на мировой рынок затруднен (из-за отсутствия опыта и адекватных внешнеторговых структур), а внутренние резервы идеологической и насильственной мобилизации ресурсов исчерпаны.

Поэтому развитие пошло по расширению российского участия как периферии мировой экономики, через добычу и поставку природного сырья: нефти, газа, леса, металлов. Таким образом, Россия, вместо того, чтобы попасть в “контуры роста”, попала в “контуры кризиса и стагнации” , вместо соседства с Западом в “ядре” стала соседствовать с Третьим миром в “периферии”.

Парадокс державности

Смутное чувство надвигающейся опасности традиционно толкает Российскую власть и массовые настроения к возврату к политике державности. Возврат к державности предполагает всемерное укрепление границ, изоляционизм, возрождение государственной идеологии (с опасностью некоего симбиоза коммунизма, бюрократического имперства и официализированного православия). Однако, продолжают действие факторы, указанные выше, полностью отсутствуют факторы, которые благоприятствовали в свое время Ленину-Троцкому, а затем Сталину (массовый кредит доверия народа власти, реальный энтузиазм и готовность терпеть лишения, полная монополия государства на социальную информацию и т.д.).

Став центральной державой, Россия теперь будет вынуждена постоянно перебрасывать худеющие ресурсы из одной пограничной конфликтной зоны в другую. Поэтому следует ожидать продолжения военно-политических провалов.

При ослаблении позиции России возобновятся территориальные споры с Эстонией о приграничной Псковщине, с Финляндией — о части Карелии, с Украиной — о Севастополе. Резко усилятся региональные движения, особенно в добывающих областях, таких как Якутия и Тюмень, которые будут все громче требовать экономической или даже политической автономии от Москвы. Следствием явится понижение геополитического и геоэкономического статуса России, что опять усилит действие первоначальных факторов. В этих условиях гражданская война и распад России уже приобретают зловеще-реальные очертания.

В глобальном плане наиболее опасно неминуемое давление на восток России со стороны тройки гигантов: Китая, Японии и США. Отнюдь не является невероятным политический прессинг и последующие военные операции Японии на Курилах, Китая в Приморье. В этом случае США займут выжидательную, но явно дружественную к Японии и Китаю, позицию, а затем предложат измученному войной Российскому Востоку “помощь” — согласиться с протекторатом США над азиатской частью России.

Парадокс державности таков: направление главных усилий на защиту территориальной целостности в логике мир-империи ведет Россию именно к утере этой целостности.

Есть ли альтернативы мир-имперскому пути?

К расцвету через смирение

Единственный видимый эффективный стратегический выбор России — трезво осознать свое сегодняшнее место в структуре мировой экономики и направить главные усилия в ближайшие десятилетия на занятие места и закрепление на уровне полупериферии (“срединчатого” статуса).

Такое непростое решение (противоречащее претензиям на великодержавность) ведет к непривычным императивам: Россия как “клиент” на уровне полупериферии должна выбрать себе “патрона” на уровне ядра мировой экономики (то есть решить вопрос о том, кто будет инвестировать развитие России, причем не из гуманитарных соображений, а с целью извлечения прибыли).

Кроме того, Россия должна сама осознать себя в качестве “патрона” и выбрать для себя “клиентов” уже на уровне периферии, с целью извлечения экономической прибыли уже из этих отношений.

При выборе партнеров необходимо учитывать уже сложившийся крепкий и чрезвычайно эффективный альянс Японии (инвестирование и поставка передовых технологий), США (обеспечение безопасности и широкий платежеспособный рынок сбыта) и Китая с “драконами” Юго-Восточной Азии (непревзойденные по количеству, весьма высокие по качеству, дешевые трудовые ресурсы, большая территория для размещения производств и политическая стабильность).

За бортом этой “экономической трубы” остается один член ядра — Западная Европа. Единственный ее шанс в экономическом состязании в США и Европой — освоить свою полупериферию (как “клиента”), не меньшую, чем Китай. Центральная Европа явно недостаточна для этих целей. Южная Америка уже стала “клиентом” США, а Африка (кроме ЮАР) политически нестабильна, социально и культурно малоразвита, имеет в большинстве неграмотное население с низким уровнем элементарных трудовых навыков.

Таким образом, сама логика истории подсказывает Западной Европе стать “патроном” России.

России также крайне выгодно согласиться на роль “клиента” Западной Европы, поскольку только в этом союзе у нее есть шанс сопротивляться будущему неминуемому давлению с востока со стороны всех трех союзников: Китая, США и Японии.

В роли периферии России естественно выступают бывшие республики СССР, Монголия, но также скорее “ клиентом”, а не “ патроном” России должен выступать Китай, огромные потребности которого в энергоресурсах, технологиях и полуфабрикатах для производства ширпотреба будут с неизбежностью расти.

Борьба за место в ядре

Какова должна быть стратегия сотрудничества России с Западной Европой и Китаем? Выделим три больших этапа.

Первый этап — прокладка “великого кроссовочного пути” из Китая в Западную Европу по территории России. (Такого рода идеи уже высказывал Н.Моисеев и другие). Мощности производства ширпотреба в Китае неумолимо растут (10% в год), Европа является не меньшим, чем Северная Америка рынком сбыта, благодаря огромному зажиточному среднему классу. Сейчас китайские товары не движутся по России, а плывут, огибая Индию и даже Африку, из-за трех факторов: неналаженности системы перевозок Китай-Сибирь-Москва-Западная Европа, высокой криминальной опасности торговых путей в России, малой пропускной способности Транс-Сибирской магистрали. Соответственно, в данной логике защищать следует не столько границы, сколько безопасность торговых путей!

После прокладки и апробации маршрута будет осознана его стратегическая значимость, не только для России, но и для Европы. Тогда можно будет рассчитывать на инвестиции для “стройки века” — платного автобана (именно немецкого автобана, а не американского хайвея!) Берлин-Москва-Новосибирск-Владивосток. Параллельно следует наладить широкое производство “дальнобойных” грузовиков на базе западно-европейского капитала и технологий с помощью простаивающих сейчас трудовых ресурсов и мощностей военно-промышленного комплекса.

Второй этап — создание по линии Москва-Владивосток дочерних производств западно-европейских компаний по переработке Сибирских и Средне-Азиатских природных ресурсов и выпуску технологий, полуфабрикатов для обеспечения бурно растущего производства ширпотреба в Китае. Снижение до минимума поставок любого сырья за границу должно стать главным лозунгом геоэкономической стратегии России: все перерабатывать “дома”. Главная проблема — обеспечить инвестиции, а это

невозможно без серьезных правовых гарантий, устойчивости политического режима и широкого общественного согласия в России относительно пагубности любых поползновений на внеправовую насильственную национализацию.

Переломить ситуацию могут только следующие факторы:

— переход к экономическому федерализму, то есть к резкому расширению полномочий регионов в определении своей стратегии развития и распоряжения поступающими налоговыми сборами от местных производств;

— прецеденты быстрого экономического развития и роста благосостояния большинства жителей тех регионов, которые не побоялись предоставить максимальные гарантии европейскому капиталу (вплоть до прав собственности на заводы и занимаемые ими территории),

— количественный рост среднего класса, благосостояние которого определяется стабильностью сотрудничества с зарубежными партнерами,

— массовое осознание того, что западно-европейское экономическое присутствие в России — это не опасность, а напротив — главный гарант безопасности и целостности востока России, соседствующего со столь опасно демографически растущем Китаем.

Третий этап — партнерство с Западной Европой в коммуникационном, информационно-научном и образовательном обслуживании всего гигантского пространства Евразии; здесь речь идет о прокладке оптоволоконных кабелей, о спутниковой связи, о создании сетей телекоммуникации и информационных ресурсов во всех сферах науки, технологии, коммерции, культуры, образования, о создании многонациональных научных центров, о создании российских филиалов лучших европейских университетов с целью привлечения зарубежных граждан богатеющих стран Азии для платного образования и т.д. Здесь Россия уже начинает выполнять функции ядра, но для этого уже будут нужны собственные российские капиталы, накопленные при осуществлении первого и второго этапов; вероятно, по-прежнему нужен будет союз с Западной Европой (заинтересованной в состязании с США, реально претендующими на роль монопольного центра науки, информации и образования для всего мира).

Путь к расцвету свободной России XXI века — открытие трансконтинентальных торговых путей, теснейший союз с Западной Европой в торгово-промышленном, а затем — интеллектуально-информационном освоении всего пространства Евразии.

Стратегия и согласие как факторы процветания

Выше было показано, что возврат России к логике мир-империи сулит крупные геополитические неприятности вплоть до гражданской войны и территориального распада. Напротив, осознание необходимости укрепиться в

“срединчатом” статусе глобальной мир-экономики, теснейший союз с Западной Европой как “патроном” — инвестором, партнерство с Китаем как “клиентом” — потребителем технологий, энергии, производственных полуфабрикатов, прокладка по России трансконтинентальных торговых путей обещают быстрый экономический подъем России и гарантируют ее территориальную целостность.

Приведем следующие фундаментальные факторы процветания любой страны:

— необходимость долговременной, адекватной современной мировой ситуации стратегии национального развития, учитывающей ход истории страны и относительно независимой от ротации властных режимов;

— наличие “критической массы” общенационального согласия относительно этой стратегии (между властью и оппозицией, между политическими, финансовыми, промышленными и другими элитами, между “ветвями власти”, между центром и регионами, между социальными слоями, между сферами общества и т.д.).

Острота дефицита общенационального согласия в России общеизвестна. Чтобы разобраться с этим комплексом проблем, рассмотрим вначале, что понимать под столь многозначным термином как “страна”.

Страна — (общество в широком смысле) — историческая система, объединяющая заселенные территории через общность политико-правового режима, признанного международным окружением, общность мер обмена (денег, их предшественников и аналогов) и общность языка социального взаимодействия.

Где пределы нашей страны? Это один из самых непростых и потенциально конфликтных вопросов российской истории и политики. Если пользоваться определением страны, данным выше, то гражданство, порядок выборов и назначения властей, законы, международное признание границ, рублевое пространство, государственный русский язык определяют современную Российскую Федерацию как страну.

Какие будут новые формы политического, правового, финансового, культурного объединения с другими постсоветскими странами — покажет будущее. Важно, чтобы россияне поменьше разглагольствовали, устрашая соседей, о своей великой державе (в границах СНГ? СССР с Прибалтикой? или Российской империи с Польшей, Финляндией, Аляской?). Пусть другие народы выразят свое желание объединяться в приемлемой для них форме. Пока же большое постсоветское пространство будем считать эпизодом охватывающей истории Евразийской цивилизации, где Россия является бесспорным, не только военно-политическим, территориальным, но и социокультурным доминантом. Саму же Россию как страну будем рассматривать в ее современных, признанных международным правом границах.

Время расколов

Раскол (по А.Тойнби) лучше всего характеризует современное состояние страны. Помимо известного и действительно грозного идеологического и политического раскола “коммунисты” — “демократы” наиболее болезненными являются:

— явный перекос отношений между Москвой и регионами,

— отчуждение между государством и частным предпринимательством (непосильные налоги, массовое бегство от них, скандальная слабость государственной защиты личности и собственности, результирующая криминализация всей сферы бизнеса); это отчуждение компенсируется коррупцией — нездоровым (зачастую преступным) симбиозом корыстного чиновничества с малолетним, но уже весьма растленным “русским бизнесом”;

— сохраняющийся с советских времен раскол между личностью и государством (в сущности враждебным интересам личности);

— раскол между городами (потребителями импортного продовольствия) и прозябающими (погибающими?) селами,

— раскол между богатеющим меньшинством и нищающим большинством,

— раскол между ныне живущими и будущими поколениями россиян (проедание невозобновимых природных ресурсов).

Все эти и другие расколы — не злой рок и не вражьи происки, а вполне закономерные результаты развития страны по двум своим логикам внутренней логике мир-империи и внешней логике мир-экономики.

Согласно отнюдь неизжитой еще логике мир-империи продолжается собирание центром дани с провинций и перераспределение, сохраняется глубинное недоверие власти и широких слоев населения к независимой от государства экономике. Согласно новой логике мировой экономики, где Россия скатывается к низшему статусу периферии, происходит резкое социально-имущественное расслоение, растет коррупция среди властных элит, угнетается национальное производство перед лицом более сильных внешних конкурентов, ведется расширенный экспорт природного сырья.

Исторические законы сильны, но не фатальны. Изменив условия, можно изменить действие законов. Как переломить ситуацию и от углубления расколов выйти к общенациональной консолидации?

Как ни крути, без политической воли и последовательности, поддержанной критической массой общественного согласия, здесь не обойтись. В то же время необходимо обеспечить обратную связь, научаемость как властей, так и электората в отношении эффективности проводимой политики.

Культуральные ограничения

Возьмись за это дело немцы, японцы, американцы, шведы или чехи, сердцу было бы спокойно. У нас же вмешиваются такие факторы как российский менталитет, стереотипы отношений власти и народа, традиции социальной и политической жизни, коренящиеся в многовековой истории. Не будем кривить душой, большая часть этих факторов скорее препятствует, чем способствует принятию и реализации предложенных или подобных идей. Причем препятствия заложены в самой сердцевине "народного духа" — на глубинном цивилизационном и ценностном уровне.

ЦИВИЛИЗАЦИЯ — устойчивая историческая система, объединяющая различные этносы через общность их культурно-исторической самоидентификации, общность базовых культурных образцов (особенно в сферах религии, мировоззрения, семейных отношений, обрядов, связанных с рождением и смертью, властно-правовых традиций), общность институализированных культурных текстов (священные книги, исторические и литературные тексты, обязательные для изучения подрастающими поколениями и т.д.).

Отвергаем жесткую организмическую метафору (рождение-рост-расцвет-зрелость-старость-упадок-смерть), зато принимаем в качестве эвристики идею К.Квигли об "инструментах экспансии", специфических для каждой цивилизации. Модифицируя и соединяя эту идею с известной схемой "вызов-ответ" по А.Тойнби, получаем понятие "волны экспансии" — институционально закрепляемые серии "ответов" цивилизации (осознанные или неосознанные стратегии развития), успешные в наличной структуре "вызовов" внутренней и мировой ситуации.

Ожидать или нет от некоторой цивилизации новой успешной волны экспансии, — это зависит от следующих факторов:

— адекватность ответа (серии ответов) на вызовы, точнее, восполняются ли дефициты и устраняются ли препятствия для базовых процессов цивилизации благодаря ответу;

— способность властных и идеологических элит мобилизовать широкие массы населения для этих ответов (с учетом этнической, политической разнородности частей цивилизации);

— успешность создания самовоспроизводящихся институтов для этих ответов;

— способность духовных элит укоренить эти ответы и институты в пространстве базовых культурных образцов данной цивилизации.

Разумеется, в нескольких строках такой сложнейший феномен не представить, поэтому отсылаю интересующихся к моей книге "Структура цивилизации и тенденции мирового развития" (1992).

Евразийская цивилизация

Евразийская цивилизация является дочерней по отношению к классической Греко-Римской цивилизации, соответственно “сестрой” Западной цивилизации. Это подтверждается общностью самоидентификации (все мы “из Греции” и “из Рима”), определенной общностью мировоззрения (христианство и секуляризм, наука и философия), семейных отношений и обрядов (моногамия, венчание, крещение, похоронные обряды), общностью базовых текстов (Библия, Гомер, древнегреческие мифология, философия, литература, история).

Специфику русского строя как доминанта Евразийской цивилизации образуют:

1) православие (с включением всех его церквей, старообрядчества и сект), а также секуляризм “от православия”;

2) культурно-историческая самоидентификация (быть преемниками Византийской империи и наследниками Киевской Руси);

3) соответствующий “византизм” властных и имперских традиций с гипертрофией централизованного государства, культом великого князя (царя-императора-вождя-генсека-президента), тягой центральной власти к самосакрализации;

4) специфический корпус базовых культурных текстов (восточная патристика, старославянские переводы священных книг христианства, древнерусская и русская классическая литературы);

5) всячески скрываемый, но весьма мощный остаток традиций “ордынства”, с безответственным и оккупантским отношением власти и чиновничества к собственному народу в целом и каждому индивиду в отдельности;

В этом пункте Евразийская цивилизация печально отличается и от Западной цивилизации с ее традициями правовой защиты личности и собственности, и от большинства восточных цивилизаций, где личность защищена системами семейно-патриархальных, клановых, кастовых традиций.

Россия — волны экспансии

В начале статьи уже было показано, чем определялся успех российских “волн экспансии” в логике мир-империи, и почему больше такого успеха не будет.

С 1970-х годов по сегодняшний день Россия осуществляет невидимую и позорную экспансию по отношению к будущим поколениям россиян — выкачивает и экспортирует в огромных размерах невозобновимые природные ресурсы.

Грамотное вхождение в мир-экономику, реализация эскизной стратегии внутреннего развития могли бы стать новой волной процветания России, а значит и всей Евразийской цивилизации. Но вмешиваются культуральные факторы.

Несложно увидеть, что как минимум три черты (2,3,5) из указанных выше пяти препятствуют “скромному” вхождению России в логику мир-экономики, препятствуют стратегическому принципу “делиться” , напротив, они толкают нас на “горделивый” возврат к стезе мир-империи, толкают к принципу “держать при себе, захватить все” .

Цивилизационные признаки суть признаки глубинные, никакими указами и экономическими реформами их не поменять. И все же это не означает их вечной фатальной заданности. Приходится признать, что Россия встала перед необходимостью коренной цивилизационной трансформации.

Возможна ли трансформация менталитета?

Целенаправленные переломы мировоззрения в России уже проводились, но обычно насильственным путем (Иваном Грозным, Петром I , Николаем I , большевиками, Сталиным). Возможна ли ненасильственная, цивилизованная трансформация российского менталитета?

Как ни странно, такие исторические прецеденты тоже были: это большое общественное влияние Новикова, а затем Карамзина с их проповедью человеколюбия и нравственности, это обновление социальных ориентиров в земском движении, экстраординарное духовное воздействие Льва Толстого на общественное сознание. В XX веке можно назвать влияние на общество идей шестидесятников, а затем правозащитников и диссидентов. Плодом перестройки стала реализация принципов гласности и свободы слова, многопартийности и реальной выборности властей. И все-таки, возможна ли вообще целенаправленная смена глубинных стереотипов и ценностей национального менталитета?

Это сложный специальный вопрос философии, культурологии, этики. Решение его в рамках направления конструктивной аксиологии состоит в том, чтобы через просвещение, общественные дискуссии, обсуждение программ реформ и законопроектов изменять частные, исторически тупиковые формы стереотипов, оставляя в неприкосновенности глубинные ценности менталитета и опираясь на них.

Тупиковые стереотипы должны быть потеснены не привнесением внешних идей, а возрождением собственных глубинных образцов. Россия имеет в данном случае три главных культурных ресурса для опоры — память о неимперских периодах процветания в отечественной истории, традиционное российское европейство и обостренное чувство национального достоинства россиян.

Неимперское процветание: вехи истории

Необходимо возрождать и всячески усиливать такой компонент исторической памяти россиян как само становление Древней Руси вокруг и на основе торгового пути “из варяг в греки”, соединившего бывшие до того изолированными разнородные геоэкономические регионы: “Варяжское” (Балтийское) море и море “Греческое” (Черноморско-Средиземноморский бассейн).

Вторым важнейшим периодом было становление и расцвет Московской Руси, ставшей перекрестком торговых путей всей тогдашней северной Евразии. Великая торговая река Волга соединяла Каспий (Персия, Индия, Китай), Сибирь (Тобольск, Томск), Центральную Европу (через Москву-Смоленск), Черное море и Средиземноморье (через Москву-Дон-Азов), Балтику (через Нарву, позже — Санкт-Петербург), Англию и Голландию (через Рыбинск, Вологду и Архангельский порт, через порты Балтики).

Следует также хорошо уяснить, что от Смуты начала 17 века Россию спасли нижегородские мещане — волжские купцы и ремесленники, снарядившие народное ополчение. Всем известный религиозный и державный энтузиазм народа был мощно подкреплен менее известным фактором: кровными геоэкономическими интересами инициаторов (и “спонсоров”) народного движения в порядке и безопасности жизненно-важных сквозных торговых путей, а значит — в восстановлении Московской Руси как царства-гаранта прибыльной международной торговли.

Расцвет Российской Империи эпохи Петра и Екатерины также был немыслим без подпитки старыми и подкрепления новыми торгово-промышленными осями: Урал-Москва-Петербург (и другие порты Балтики) и Петербург-Москва-Одесса (и другие порты Черного Моря).

Российское европейство как культурный ресурс

Под традиционным российским европейством следует понимать идущую от эпохи Петра I готовность учиться у Европы, европейские по происхождению и сущности наука, высшее и среднее образование, право, большинство искусств и литературных жанров, практически все общественные и политические движения. Еще Бердяев хорошо показал, что даже российское славянофильство и почвенничество (предшественники нынешней постсоветской волны национал-патриотизма) — типично европейские духовные движения, родственные несколько более ранним немецкому, английскому, итальянскому национальным движениям культурной самоидентификации.

Что же может дать российское европейство на исходе XX столетия? По большому счету, за последние два века Россия, будучи доминантом Евразийской цивилизации, достигла паритета, а во многом и преимущества, в сфере развития литературы, искусства, науки, образования, технологии по сравнению со странами сестринской Западной цивилизации. Провал имеется в самой уязвимой и неудобной для российского имперства (в том числе "византизма" и "ордынства") сфере — в области права, в отношениях между правом и властью, в массовом (не!)правовом сознании.

Ключевым архетипом требуемой глубинной трансформации может стать "порядок". Россияне со времен Рюрика страдали от отсутствия порядка, но связывали чаемый порядок почти исключительно с твердой авторитарной властью. Задача современной духовной элиты России — установить новую связь: действительный человечный и справедливый порядок может появиться у нас только при верховенстве права над властью, только если народ в целом и каждый человек в отдельности будет отстаивать силу права и "бороться за закон как за свои крепостные стены" (Гераклит).

Российское достоинство — ключевая ценность

Рынок, конкуренция, право, защита частной собственности до сих пор остаются чуждыми "русской душе". Прямая пропаганда соответствующих идей дает скорее обратные результаты. Нужен путь через ценности, внутренне, природно присущие российскому менталитету. Важнейшую из них сегодня подсказывает сама жизнь. В чем наиболее ущемлены россияне в результате событий последних лет? Не самим распадом СССР, не исчезновением иллюзий о светлом будущем, даже не бедностью. Попрано их достоинство. Именно ценность достоинства является сегодня ключом к российскому менталитету. Достоинство гражданина России — вот стяг для консолидации самых разных общественных и политических сил.

В разных сословиях и в разные исторические периоды достоинство в России понималось по-разному. Однако есть некий инвариант — это причастность к власти. Подданные царской империи и советские граждане, живя в большинстве своем в тесноте и нищете, были преисполнены национальной гордости. Эта странная гордость проистекала из причастности к власти над огромными территориями ("от моря и до моря", "одна шестая часть суши", "широка страна моя родная"), а также над многими народами и народностями.

Но достоинство может быть осмыслено как независимость личности от власти. Такое понимание отнюдь не чуждо российскому менталитету. Вольные новгородские купцы гордились не причастностью к власти, а независимостью от нее. Боярская знатность ("мы не царские холопы, мы сами рюриковичи"), честь русского дворянина и офицера, казацкая вольница,

зажиточная свобода сибирского крестьянства, интеллектуальная оппозиция российской интеллигенции и земщины, правозащитного движения — вот исторические проявления достоинства как независимости от власти.

В условиях правового нигилизма вольность, свобода могли выражаться только как бегство или бунт против власти. Власть же светская, вместе с властью духовной (церковью, идеологическим управлением) делали все, чтобы очернить вольность как "своеволие", чтобы внушить понятие о свободе как "осознанной необходимости" подчиниться власти.

Достоинство же человека понималось весьма хитроумно.

Традиция "Домостроя" в новой трактовке

Формулу достоинства дает русский "Домострой", являющийся не только значительным культурным памятником, но одним из столпов традиционного российского нравственного и гражданского воспитания. Согласно "Домострою" достоинство (честь) человека определяется его способностью обустроить, содержать "дом" (семью, двор) и верно служить "господарю" (князю, царю, а в позднейших интерпретациях — Отечеству).

Формула вполне годится и для нашего времени, если только ввести в нее необходимые уточнения.

Чтобы с а м о м у содержать семью (а не быть на пайке у государства), нужна защищенная правом собственность. Разумеется, материальные средства производства окажутся далеко не у всех в руках, но зато каждый человек должен быть уверен, что своими неотъемлемыми "средствами производства" — квалификацией и интеллектом — он может распоряжаться свободно по своему усмотрению. Гарантию же такой свободы дает защищающее личность право, а также экономика с конкуренцией независимых работодателей.

Кроме военного призыва (общеобязательный принцип которого стоит под вопросом) служба Отечеству — свободной России — должна пониматься в двух главных смыслах:

во-первых, служить Отечеству, значит, выполнять его законы, исправно платить государству налоги из доходов от своей профессиональной деятельности, и это непременный долг каждого (если законы или налоги кажутся несправедливыми, то следует правовым путем добиваться их исправления);

во-вторых, служить Отечеству, значит, участвовать по мере сил (духовных, интеллектуальных, организационных или финансовых) помимо своей работы еще и в поддержке, развитии российской культуры, образования, медицины, науки, технологии — любых сфер, которые являются или должны стать предметом нашей национальной гордости. Но это лишь по добровольному велению сердца!

Только при таких поправках следует приветствовать восходящую к "Домострою" формулу достоинства: содержать семью и служить Отечеству.

Упадок или взлет?

Можно ли судить по приведенным условиям успешности “волн экспансии” о вероятном будущем России как доминанта Евразийской цивилизации? Рассмотрим с этой точки зрения предложенную внешнюю стратегию самоопределения России в логике мировой экономики и внутреннюю стратегию преодоления расколов.

Учтена необходимость преодоления таких дефицитов и препятствий как:

— нехватка ресурсов для чисто военной защиты территориальной целостности, которая становится все более уязвимой;

— нехватка собственных ресурсов для необходимой прокладки современных транспортных артерий, скрепляющих страну;

— узость рынков сбыта для отечественной промышленности;

— невостребованность российского научно-образовательного потенциала;

— социальная разорванность и временная изломанность государственной политики;

— опасность истощения природных ресурсов и деградации рабочей силы;

— атрофия экономической активности регионов,

— слабость среднего класса и социальная поляризация,

— отсутствие адекватной переработки и нормального рыночного спроса на продукты сельского хозяйства,

— перманентное неудовлетворение базовых жизненных потребностей россиян в достойном жилье и питании.

Об адекватности предложенных идей “ответа” на эти современные “вызовы” судить читателю. В любом случае, пусть и для другого рода “ответов”, властные и духовные элиты должны суметь мобилизовать широкие слои населения, объединяя ныне расколотый по лагерям народ.

Обмануть уже его не удастся, изнасиловать террором тоже не получится. Придется искать адекватные объединяющие, а не разъединяющие духовные ценности, укоренять их в менталитете, народном самосознании, искать пути здорового, не основанного на ограблении кого-либо, экономического самообеспечения граждан, строить закрепляющие эту новую целостность самовоспроизводящиеся институты.

Решения, предложенные в этом плане, касаются усиления неимперского исторического самосознания, использования сущностного европейства России для достижения порядка через право, а не через авторитарную власть. Вся предложенная стратегия предполагает общенациональную консолидацию вокруг таких ключевых ценностей, как российское достоинство, процветание

России как процветание прежде всего россиян (а не только и не столько государственной и военной машины), готовность делиться друг с другом, преодоление расколов не через насилие, а через право.

Если этот корпус идей будет освоен в наших властных, имущественных, идеологических элитах, доведен до народного сознания, положен в основу проводимых реформ, то, на мой взгляд, России обеспечено самое достойное место в многополярной структуре будущего мира, а XXI век будет веком нового, уже не имперского, а свободного и гуманистического подъема русского строя, а значит и всей Евразийской цивилизации.

Виктор Гущин

ОТКРОВЕННЫЕ ТЕЗИСЫ О “НАЦИОНАЛЬНОЙ ИДЕЕ”

Тезис первый “Национальная идея” в поисках не нуждается

Призыв господина президента, обнародованный им летом 1996 г., состоял в том, чтобы поискать для России “национальную идею”.

Это было, скорее всего, лукавство, если не намеренная провокация. Существует правило: надо погубить дело, — создай комиссию, хочешь заморочить людям голову, — затей публичную дискуссию. Формулу, что в спорах рождается истина придумали интеллектуальные мазохисты. На самом деле в спорах она погибает.

Без сомнения, желающие отыскать для Б.Ельцина “национальную идею” найдутся. Уже нашлись. Одни утверждают, что это, — “житейская идеология здравого смысла”, другие видят в ней вольтериянскую мудрость — “возделывай свой сад”, “подметай у своего порога”, третьи убеждены, — “национальная идея” ничто иное как “конституционная законность”, и вообще, смысл существования личности, нации и государства определяют “не национальные, а общечеловеческие ценности”. Все это замечательно, если не считать того, что никакого отношения к “национальной идее” приведенные утверждения не имеют. Поскольку их авторы упираются в понятие “идея”, в то время как главное, определяющее слово здесь -”национальная”.

Искать в “национальной идее” смысл — бессмысленно. Она непостижима в своей простоте и проста в непостижимости. Наиболее точно сформулировал эту мысль еще в 1918 году Н.Бердяев. “Национальная идея” вся на виду, — писал он, — но попытки ее рационального определения ведут к неудачам. Она таинственна, мистична, иррациональна, точно также как таинственно, мистично, иррационально любое индивидуальное бытие”. Она не откликается на вопросы “кто?” или “что?”, а только на “зачем?” и “почему?” (см. “Судьба России”. — 1918 г. М., с.97). Иными словами, “национальная идея” — вроде лежащего под ногами булыжника. Булыжник, как его ни крути, остается булыжником. Что по форме, что по содержанию. А вот над тем, как его применять, подумать не мешает. Можно дорогу вымостить, мост или дом построить, а можно соседу или прохожему череп проломить, чтобы карманы обчистить.

Гущин Виктор Викторович, журналист с двадцатилетним стажем, автор публикаций по проблемам имперской политики, которые стали поводом для широкой общественной дискуссии.

Сложность подхода к “национальной идее” состоит не в постановке вопроса, а в ответе на него. Не искать, а применять — не применять, использовать — не использовать, вот на чем мысль заклинивает. Заклинивает, обнажая сокровенное, то, что противникам и сторонникам “национальной идеи” хотелось бы скрыть. И те и другие прекрасно понимают, что “национальная идея” в силу специфического стечения исторических обстоятельств (об этом чуть ниже), может стать весьма эффективным фактором государственной политики, но только опрокидывая при этом привычные нормы морали и нравственности, все житейские представления о смысле общественного бытия. И те и другие отдают себе отчет, что она может стать залогом успеха, но в то же время и прологом беды.

Именно в “национальной идее” предельно обнажается противоречие между моралью и политикой. В своем абсолютном выражении политика несовместима с моралью, а мораль с политикой. (Это не значит, что в политике нет места порядочным людям. Но все-таки необходимо различать: личная порядочность это одно, а сфера деятельности — совершенно другое). В ординарно текущей жизни, не подверженной историческим катаклизмам, мораль и политика взаимно сбалансированы. Но в кризисных, тем более экстремальных ситуациях, обстоятельства вынуждают выбирать один их двух полюсов практически в чистом виде. Не всегда и не у всех хватает мужества сделать это.

Сторонники “национальной идеи”, понимая ее политическую эффективность, но осознавая аморальность, стараются эту идею “одухотворить”, возвысить. Противники, не желая признавать эффективность — усердно выставляют на позорище ее безнравственность, и поэтому как правило ее “обездушивают”, примитивизируют. Получается, что первые “национальную идею” непомерно обожествляют, вторые — излишне демонизируют. В итоге и те и другие лукавят, точнее — лгут.

Так продолжается до тех пор, пока в стране не появляется так называемый “национальный лидер”, которому в равной степени наплевать на тех и других. Он говорит: мне неважно кто вы, — коммунисты, демократы, либералы, верующие или атеисты, главное, — мы с вами одной крови, у нас общая Родина, общие предки. Все, что нам досталось в наследство наш долг сохранить, все, что нам нужно мы обязаны добыть, не перед чем не останавливаясь. Такой лидер предпочитает не рассуждать, а действовать. По собственному разумению, хотя и от имени нации, которая нередко воспринимает его появление как пришествие с небес.

Один из парадоксов “национальное идеи” состоит в том, что она прокладывает себе дорогу не благодаря поголовному признанию, а как бы вопреки всеобщему отвращению. Есть народ и есть политики. Народ, за вычетом политиков, оценивая окружающий мир и происходящие в нем события, предпочитает моральные критерии политическим императивам. Политика начинается там, где соображения целесообразности и интересов

переступают через общепринятую мораль. Все это в каждом конкретном случае бывает очень трудно объяснить, еще сложнее понять.

Высшее предназначение профессиональных политиков как раз в том и состоит, чтобы не объясняя того, что все равно понять невозможно, принимать под собственную ответственность “судьбоносные” для страны решения, не напрягая непомерно народную психику и не подвергая непосильному испытанию обыденное народное сознание. А там история рассудит кем быть взвалившему себе на плечи эту тяжкую ношу — Александром Македонским, Юлием Цезарем, Карлом I, Генрихом IV, Наполеоном, Фридрихом Великим, Гитлером, Сталиным, Пиночетом, Горбачевым, Лебедем, Ельциным. Степень риска в политических “мирах” исторически высока.

Кстати, подавление морали прессом политической целесообразности или форс-мажорной необходимости явление не такое уж редкое. Скажем, принцип армейского единоначалия с точки зрения нравственности абсолютно аморален. Ни один из воинских уставов не предписывает военнослужащим действовать “по уму”, руководствуясь соображениями совести, человеколюбия, сострадания, справедливости наконец, а только, — в соответствии с приказом, исходящим от старшего по званию или рангу. Безнравственно? Безусловно. Аморально? Абсолютно. Но без этого невозможно было бы обеспечить порядок и дисциплину в вооруженных силах, и, следовательно, безопасность государства.

Не вписывается в рамки обыденных представлений о морали и деятельность разведок (дезинформация, ошельмовывание, шантаж, угрозы, подкуп, обман, тайная слежка вплоть до ликвидации человека, если того требуют “интересы дела” и т.д. и т.п.). Много стыдного и даже позорного в истории мировой и отечественной дипломатии. (Мюнхенский сговор, секретные протоколы к договору Риббентроп — Молотов, Карибский кризис, так называемые “Беловежские соглашения”).

Иногда, в ответ на вышеприведенные примеры говорят: нельзя мерить политику критериями обыденного сознания и обыденной морали. Политика, мол, это ступень, где личные интересы и соображения уступают место общественным, государственным интересам. Поэтому и мораль в политике другая, более высокого качества, вроде бывших советских товаров в экспортном исполнении.

Лукавство. Мораль понятие самодавлеющее, она неделима и немодифицируема. Она либо есть, либо ее нет. Нельзя быть немножко, где-то и в чем-то моральным, а немножко, где-то и в чем-то неморальным. Точно также, как нельзя быть чуть-чуть беременной или же слегка усопшим. Достаточно эмбрионального присутствия аморальности, чтобы она в конечном итоге выродилась в дикого монстра. Стоит лишь на секунду закрыть глаза на нарушения нравственных норм, пренебречь ими, прощайся с нравственностью навсегда. Перед входом в политику, точно также как перед вратами Ада

должен висеть лозунг: “Оставь надежду всяк сюда входящий”. Здесь иной мир, здесь царят другие законы.

Однако, это не значит, повторяю, что в политике перестает действовать критерий личной порядочности. Наоборот, порядочность, пожалуй, единственный компенсаторный фактор, служащий в функционально аморальной политической среде своеобразным “предохранителем”. Если не срабатывает он, “вырубается” вся цепь. В политике начинается беспредел.

Наглядный тому пример, — нынешняя ситуация в России. Сегодня, пожалуй, даже невооруженным глазом видно, что общественно-политический и социально-экономический кризис перекрыт еще одним, гораздо более глубоким и острым, — морально-психологическим кризисом. Нынешние реформаторы, круша коммунистический режим, стремясь скорее сбросить с себя и со страны его путы, вернуть Россию в лоно естественно-исторического развития, начали лгать “во благо”.

Обещали быстрое возрождение, возвращение в “цивилизованный мир”, превращение каждого человека в процветающего собственника, (вплоть до того, что каждому выдали чуть ли не сертификат на получение двух автомашин “Волга”), хотя на самом деле, они знали, просто не могли не знать, что вся тяжесть реформ ляжет тяжким грузом на самых незащищенных и обездоленных, что выбираться из кризисов и катастроф будут за счет “простых людей”, что страна, подвергнутая радикальному реформированию, будет резко отброшена назад, низвергнута в пропасть и не сможет начать подъема, пока не грохнется о самое дно колодца.

В одной из телепередач по каналу РенТВ по названием “Национальный интерес” разыгралась такая сцена: ведущий программы обратился к присутствующим в студии участникам передачи, — а их было несколько десятков, в том числе много примелькавшихся, узнаваемых лиц политиков, ученых, деятелей культуры, журналистов, — с вопросом: “Считаете ли вы политику нынешней российской власти нравственной?” В студии воцарилась гнетущая тишина. Тогда ведущий вновь повторил: “Поднимите руку, кто так считает.” Опять никакой реакции. Тогда ему не оставалось ничего другого, как предложить: “Поднимите руку, кто считает политику нынешней российской власти безнравственной?” Руки подняли все, независимо от политических убеждений, симпатий и антипатий, хотя до этого жаркие споры возникали практически по любому вопросу. Похоже, поголовное единодушие у нас сложилось только по вопросу — о безнравственном характере нынешней российской власти.

Сегодня мы все в ужасе увидели, сколько там, наверху подлости, негодяйства, мерзости и грязи. Но ведь этого и следовало ожидать. Мы сегодня пожинаем плоды того наглого вранья, с которого начались российские “демократические преобразования”. Самый страшный грех с точки зрения обыденной человеческой порядочности — это ложь. Она всегда в одной

постели с любой бедой, любыми невзгодами, ставшими следствием неправедных слов и поступков людей.

Наглая ложь могла произвести на свет только наглую власть, преступный обман может породить только криминальное общество, циничное вранье могло дать жизнь только циничным, бездушным отношениям между людьми. Так родились, и пока еще продолжают рождаться “новые русские”. И скорее всего будут продолжать рождаться пока Россия и люди с исконно русской душой не выродятся окончательно.

В этом месте, наверное, кто-то готов поймать автора на слове: как же так, голубчик, сначала вы говорите, что нравственность, мораль вообще не имеет с политикой ничего общего. Потом одну политику, нынешних демократов, клеймите безнравственной, а ведете, похоже, к тому, что на смену ей пророчите пришествие другой, надо полагать тоже безнравственной, но основанной на “национальной идее”. Как все это прикажете понимать? Где же логика, здравый смысл, наконец?

Сложный вопрос, что называется, на засыпку. И все-таки я попытаюсь на него ответить. Диалектика, если хотите парадокс, того процесса, который мы называем политическим как раз в том и состоит, что в нем невозможно разобраться пользуясь моральными, нравственными критериями. О морали в политике речь заходит тогда, когда она заведомо со своими сугубо политическими задачами не справляется. Любая политика выходит на сцену как политика, а вот сходит с нее как аморальная.

Истинные причины краха того или иного политического курса никогда не появляются на свет в чистом, доступном для восприятия невооруженным глазом, виде. Не каждый задумывается над тем, почему ураганы бушуют, зато всякий бывает огорчен, когда с его дома ветром крышу срывает. На этом огорчении растет недовольство, на недовольстве, в свою очередь — стремление найти виноватого. Вот вам и почва для моральных оценок: “чуждая политика”, “чужая власть”.

Нравственные императивы — категория довольно эфемерная: что-то вроде благих пожеланий, используемых на бытовом уровне в качестве фильтра грубой очистки. Все, что можно, должно или нельзя с точки зрения государства, и, следовательно, политики, регулируется не моральными нормами или требованиями, и более жестким регламентом, — предписаниями законов, приказов, постановлений, договоров, указов, соглашений и т.д. и т.п.

Взять хотя бы знаменитые христианские заповеди, ту же “не убий”, к примеру, да приложить к самой церкви, к ее исторической биографии и текущей жизни. Тут же выясняется, что не так уж однозначно обстоят дела с этим “не убий”. Христианскую веру насаждали, были времена, огнем и мечом, с ересью и чернокнижием, вспомните средневековье, боролись насмерть, братоубийственные войны между единоверцами живущими в разных государствах “крестом животворящим” осеняли. А все потому, что у

церковных иерархов, точно также как и у политических, государственных деятелей против всякой моральной заповеди резонное исключение имеется.

В одних случаях в интересах веры, в других — ее чистоты, в третьих — страны, четвертых — государства, пятых — народа, шестых — правды, седьмых — справедливости, восьмых — братства, девятых — свободы, десятых — равенства и так далее. В зависимости от потребности момента, или как у нас любят говорить, — “вызова времени”. С одной стороны, конечно, — “не убий”, а с другой, как пишут те же самые священные книги, но на менее известных страницах: “лишение жизни по приговору суда убийством не является”. Вот вам и вся мораль, все заповеди...

И уже если быть последовательным до конца, то следует признать: как только критерии морали и нравственности выходят за пределы сугубо личностных отношений между людьми, оказывается, что они перестают “работать”, ими вообще становится очень сложно оперировать. Они скорее затуманивают, чем проясняют суть дела, проблемы, идеи.

В отношении политики, основанной на “национальной идее” тоже никаких иллюзий питать не стоит. Важно какие конкретные формы она обретает. В зависимости от этого, как уже было сказано, она может стать залогом успеха, а может и прологом новой беды.

Если обратиться к истории российской политики и общественной мысли, то среди великих имен число сторонников и противников “национальной идеи” окажется примерно равным. На каждое безусловное “да”, найдется категорическое “нет”. Но только у В.Ключевского сказано: “национальная идея” лишь однажды за всю историю государства российского сослужила ему добрую службу — в период преодоления внутренней смуты и отражения польско-литовского нашествия.

В ту пору Россию спасло только то, что ее граждане вспомнили, что они русские и православные. Тогда эти понятия были неразрывны. Олицетворением русской “национальной идеи” стали мещанин Кузьма Минин и неродовитый князь Дмитрий Пожарский. Они ворвались в российскую историю стремительно, без специального приглашения и наверняка, не смотря на свои великие заслуги, были бы забыты. Их уже при жизни постарались вытеснить из первых рядов “сынов Отечества”, их даже пытались изобразить чуть ли не самозванцами, а памятник в их честь решили воздвигнуть лишь после войны 1812 года, когда борьба с Наполеоном вновь всколыхнула в России чувства национального патриотизма. Памятник стоит до сих пор, но как-то незаметно, за оградой, так, чтобы особенно в глаза не лез.

Тезис второй
Что такое “национальная идея”

Если определять очень коротко, без нюансов и смысловых оттенков, “национальная идея” — ничто иное как превращение нации, ее исторически и

психологически сложившихся запросов, пристрастий, интересов, потребностей и традиций в главный, стержневой фактор государственной политики, в начало всех начал: государству полезно только то, что идет на пользу нации. Под этим углом зрения рассматриваются все законы, указы, постановления, правила поведения и нормы приличий. Это в смысле политическом.

В смысле нравственном, “национальная идея” это то, за что люди, причисляющие себя к одной и той же нации, готовы умереть. Умереть не просто за “общечеловеческие ценности”, а именно как немец, американец, поляк, чех, русский, китаец, японец или чеченец. Здесь речь не идет об идеологии, принципах, мировоззрении, законах или конституциях. Даже не о жизненных интересах. Все это вполне достойные поводы для того, чтобы сложить свою буйну голову, не причисляя себя к какой-либо нации. Просто потому, что обстоятельства так сложились или по причине приоритетного выбора: предпочитаю умереть, чем так жить.

Применительно к человеческому обществу “национальная идея” не несет на себе печати возвышенных чувств, героических поступков, грандиозных масштабов. В словосочетании “национальная идея”, если иметь в виду суть, слово “идея” вообще лишнее. По причине его чрезмерной претенциозности. На самом деле “национальная идея” это инстинкт самосохранения “национального вида” в рамках человеческого рода. Национальная идентификация и самоидентификация дело будничное, житейское, но именно в нем заключена историческая основа существования нации, ее “особенность”, неповторимая индивидуальность.

Нации свято дорожат своей узнаваемостью, если даже она не вызывает симпатий у ближних и дальних соседей. Иногда осознавая, но чаще подсознательно, люди чувствуют, что в этой узнаваемости жизненный потенциал нации.

До тех пор пока нация узнаваемая — она живет. Узнаваема, конечно, не по шотландской юбке, ковбойской шляпе, цвету рубахи или покрою сарафана. Чтобы быть узнаваемой у нации должен проявляться характер, существовать потребность национального самоутверждения, передающаяся из поколения в поколения.

Ничего зазорного, стыдного в этом нет до тех пор, пока потребность национального самоутверждения реализует себя на бытовом, житейском, этнографическом, если хотите, уровне. Безнравственной она становится, когда побудительный мотив национального самоутверждения используется в качестве средства государственной политики. Пожалуй, это наиболее красноречивый пример диалектического превращения нравственного в безнравственное при смене сфер применения.

Мистичность, иррационализм превращения “национальной идеи” из абсолютно нравственной категории в категорию абсолютно безнравственную состоит в том, что в принципе никакой внутренней потребности у какой-либо нации трансформироваться из нации нормально живущей на равных правах с

другими в нацию господствующую нет. Более того, на бытовом уровне, в личном общении выпячивание своей национальности, даже намек на какие-то особые права или преимущества в связи с принадлежностью к ней, считается недостойным, даже позорным.

Но, что стыдно и невозможно в обыденной жизни, в политике государства — обычное дело. Пока существует государство ему всегда необходима точка отсчета, мера бытия. Особенно в критические, кризисные моменты своей истории. Как утопающий хватается за соломинку, так государство вспоминает о “национальной идее”, когда под угрозой оказывается его жизнеспособность. Для того, чтобы сохранить или упрочить целое, необходимо одну из его частей превратить в центр кристаллизации усилий. Сердцевиной такой кристаллизации и становится как раз “избранная нация”.

Однако не надо думать, что осуществление государственной политики на основе “национальной идеи” обязательно ведет к ущемлению, подавлению, а то и геноциду по отношению к другим, не господствующим нациям. (Хотя такие примеры истории известны). Грамотная реализация “национальной идеи” по сути дела очень проста: всем гражданам государства тоже самое, но господствующей нации — прежде всего.

Иногда для этого приходится использовать какие-то “цензы”, “квоты”, “предпочтения”, “приоритеты”, “льготы”. Не потому, что они нужны по существу, а скорее в качестве символов. В политике срабатывает универсальный психологический принцип: для того, чтобы увеличить обязанности и ответственность, необходимо создать видимость увеличения прав и предпочтений. В принципе государству жизненно важно держать права и возможности на одинаковом для всех граждан уровне, независимо от их национальной принадлежности, а вот обязанности и ответственность, правда, трактуя их как “почетные”, “исключительные”, демонстративно возлагать на представителей господствующей нации. Именно такую политику проводила в период своего наивысшего расцвета Римская Империя.

К примеру, в государстве, проводящем политику, основанную на “национальной идее”, только на представителей господствующей нации может распространяться обязанность служить в армии, участвовать в войнах, состоять в “гражданской гвардии”. Только “избранные” должны платить дополнительный, пусть символический, но обязательный “патриотический” налог. Только представители господствующей нации могут быть лишены гражданства за совершенные уголовные преступления. Только они должны нести ответственность за распространение венерических заболеваний, по высшей, установленной уголовным кодексом шкале, отвечать за правонарушения, особенно имеющие моральную подоплеку: торговлю и употребление наркотиков, растление малолетних, изнасилование. В нынешних условиях если господствующая нация и может на что-либо претендовать сверх меры, так только на обязанности и ответственность. На то, что обычно называют гражданским долгом.

Еще один парадокс “национальной идеи” состоит в том, что будучи абсолютно аморальной в смысле политическом, она очень требовательна к моральной атрибутике в плане житейском. На одних лишь “квотах”, “цензах”, “привилегиях, “национальная идея” работать просто не может. Блага и привилегии по национальному признаку делят только в дряхлеющем национальном государстве. В государстве, находящемся на подъеме, максимально велик уровень требований к личной порядочности национальной гордости и гражданской ответственности. Короче, “национальная идея” — это не принцип дележа пирога, а рецепт его изготовления.

Тезис третий
Генетические корни “национальной идеи”

Обращение к “национальной идее”, превращение ее в стрежневой принцип государственной политики — всегда дело вынужденное. О ней вспоминают лишь тогда, когда к этому подталкивает особое стечение обстоятельств, когда все другие сплачивающие элементы государственного строительства — исторические, геополитические, социально-экономические, гражданские — по тем или иным причинам оказываются утраченными, исчерпанными или недостаточными для обеспечения национально-государственных интересов.

Иными словами, обращение к “национальной идее” — это всегда показатель переживаемого страной и народом острейшего общественно-политического и социально-экономического перелома, воспринимаемого прежде всего как кризис государственности. Поэтому “национальную идею” никогда не приходится придумывать, тем более искать. Просто в один “прекрасный момент” мы вдруг обнаруживаем: ничего другого, что могло бы нас объединять, а тем более сплачивать, как граждан одного государства, кроме национальной принадлежности у нас нет.

Все остальное слишком сложно и проблематично: мировоззрение разное, идейно-политические убеждения и пристрастия диаметрально противоположные, вплоть до враждебных, уровень благосостояния, социальная принадлежность тоже разбросаны в самом широком диапазоне. Так что если мы еще не отказываемся от потребности считать себя людьми, живущими в одном государстве, то поневоле приходится для гражданской самоидентификации обращаться к национальным признакам, способным объединить прежде всего большинство населения. Для государственной политики, исповедующей “национальную идею”, это непременное условие.

Национальные параметры все равно что военный мундир или фуражка, которые всегда на тебе. Даже в бане. Взглянул и сразу ясно — свой братец, кровный. А уж богат или беден, “правый” или “левый”, образован или туп, как сибирский валенок, принципиального значения не имеет. Важно, что на призыв “наших бьют” откликнутся именно те, кто должен, если хотите, обязан. Иначе

его могут неправильно понять. А если правильно, ему же, не откликнувшемуся, хуже.

С учетом того, что “национальная идея” является по сути порождением охватившего страну кризиса, то государство может апеллировать к национальным чувствам граждан только в двух случаях: либо ради сплочения перед лицом какой-либо угрозы, бывает, что и мнимой, намеренно внедряемой в сознание людей (чаще всего в этой роли выступает “внешний враг”, но иногда бывает и “внутренний”); либо во имя обеспечения “великого предназначения нации”, исполнения ею некоей особой “исторической миссии”, нередко тоже мифической.

Но для политики, как мы знаем, мифотворчество вообще обычное дело. Политика либо использует уже существующие возможности для достижения намеченных целей, либо такие возможности создает. При апелляции к существующей угрозе мы получаем национал-фундаменталистский вариант реализации “национальной идеи”, в случае “великого предназначения”, “особой миссии” — национал-имперский.

Все известные истории национал-фашистские, этнократические, расистские режимы относятся к государствам национал-фундаменталистского типа. “Национальная идея”, реализующаяся в этой своей ипостаси может быть весьма эффективной, приносящей максимальные результаты при минимальных возможностях. Однако, при этом поставленная на службу государственной политике “национальная идея” обретает роковые качества шагреневой кожи. Любое исполненное с ее помощью желание приближает государство к краху, а то и гибели.

Национал-фундаменталистские государства нередко скатываются в своей политике к ксенофобии, расизму, пещерному национализму, а порой и к геноциду по отношению к другим, не господствующим нациям. При проведении национал-фундаменталистской политики “национальную идею” очень трудно удержать в цивилизованных рамках. Все это ведет к огромному перенапряжению сил, нередко сопровождается нежелательными эксцессами, подтачивающими национал-фундаменталистские режимы изнутри, создавая острые коллизии во взаимоотношениях с другими странами, прежде всего соседними.

После распада СССР возникли предпосылки для развития национал-фундаменталистских тенденций в некоторых республиках бывшего Союза, особенно таких как Латвия, Эстония, Молдавия, Украина, республики Средней Азии и Закавказья. Не обошли они стороной и Россию. С той лишь разницей, что наши бывшие “братья” и “сестры” оказались посмекалистей, да попроворнее: там не стали вести дискуссий на тему о “национальной идее”, там и так убеждены, что на Украине законодателями политической моды должны быть украинцы, в Латвии — латыши, в Эстонии — эстонцы, в Казахстане — казахи.

Все это сопровождается, конечно, ссылками на имперские замашки России и русских, которые, якобы, спят и видят, как бы своих соседей снова под себя подмять. Однако попробуйте не то что произнести, намекнуть, но даже про себя подумать, что Россия — государство русских и для русских, как тут же схватите сами себя за горло. С момента победы интернационалистской советской власти повелось, что называть себя русским в России стало неприличным, дабы не обидеть, полагаю, населявшие “великий и могучий Советский Союз”, другие национальности.

Русские как-то близко к сердцу восприняли, что они вовсе даже не нация, а “неотъемлемая часть новой исторической общности людей — советского народа”. Не случись распада Союза, августовского путча, рыночных реформ, ваучеризации с приватизацией, выбросившей за борт государственного корабля подавляющее большинство населения (опять же русского), мы бы, скорее всего, по-прежнему пребывали в милом неведении относительно своей национальной принадлежности.

Те, кто не хотел возрождения “национальной идеи”, кому претит само это понятие, не нужно было крушить коммунистическую интернационалистскую доктрину, лежавшую в основе советского многонационального государства, населенного представителями “новой исторической общности”. Не нужно было говорить о преимуществах рыночных отношений. Если Е.Гайдар и А.Чубайс сотоварищи не понимали, и, похоже до сих пор не понимают, что демократические и рыночные преобразования, расчленение бывшего Союза на независимые суверенные государства, неизбежно поставят на повестку дня на Украине — украинский, в Эстонии — эстонский, в Латвии — латышский, в Армении — армянский, в Грузии — грузинский, в России — “русский вопрос”, то им нужно было заниматься реформированием где-нибудь в другой стране.

Вообще, в этом смысле, странная, если не сказать, дикая создалась у нас в России ситуация. Националистического джина из бутылки выпустили именно демократы. Это с их “легкой руки” сначала в бывшем Советском Союзе, а затем и в России стартовал так называемый “парад суверенитетов”. Это они первые заговорили о “национальных приоритетах” во взаимоотношениях с “центром”.

Трудно поверить, что начиная рыночные реформы их инициаторы не понимали, что возвращение страны в лоно товарно-денежных отношений неизбежно приведет к обострению чувств национальной общности и принадлежности. Можно ли допустить, что принимая решение о роспуске Союза они не давали себе отчета в том, что дележ прежнего союзного “добра” по республиканскому признаку неизбежно приведет к националистическим эксцессам? Они не могли не знать, что даже в единокровных семьях передел наследства без обострения отношений, а то и без конфликтов, не обходится. И, наконец, заведомо можно было быть уверенным, что даже в том случае, если бы русские не захотели вспоминать о своей русскости, им бы об этом напомнили, как, собственно, и случилось, бывшие “братья” и “сестры”.

Теперь оказавшись перед лицом неизбежных последствий своих собственных опрометчивых, (если не сказать “злонамеренных”) решений наиболее отчаянные демократы пугают Россию пришествием “красно-коричневых”, “национал-социалистов”, “черной сотни”. Действительно, такая опасность существует, возможность превращения России в национал-фундаменталистское государство вполне реальна.

Но с чего все начиналось, кто в этом виноват? Демократический процесс в нашей стране “пошел”, как мы знаем, под национальными знаменами. Теперь поздно об этом горевать. Раньше нужно было думать, куда он Россию заведет. Теперь надо беспокоиться о том, куда выведет. Демократы же националистическую кашу в стране заварили, а теперь стоят в сторонке, и опасностью фашизма пугают.

Хотел бы ошибиться, но к сожалению, слишком много доказательств, логических и фактических, которые говорят в пользу предположения, что знаменитый призыв Б.Ельцина “поискать национальную идею” — не более чем попытка замаскировать ту ответственность, которая ложится на демократов за “спиритическо-политический сеанс”, вызвавший из небытия потребность в такой идее.

Парадоксальная создалась ситуация. И демократы, и их основные идейно-политические оппоненты коммунисты вышли из одного и того же, общего для нас всех советского прошлого, но преодолевают его рудименты и те и другие в двух противоположных направлениях. Демократы бьются что есть сил за рынок, но как черт ладана боятся возрождения “национального государства”, “российской державности” Коммунисты, преодолев свой доктринальный интернационализм, теперь только и твердят о национальном патриотизме, но на дух не выносят частной собственности, прибыли, рынка и вообще товарно-денежных отношений. И каждая из сторон стоит на своем, как в бою.

В отдельных случаях это противостояние доходит до смешного. Демократы, к примеру, самостийно ввели в официальный оборот имперскую государственную символику, коммунисты же, в подавляющем большинстве своем уже давно “перекрестившиеся” в наследников российской державности, поднялись против имперских государственных символов России с серпом и молотом наперевес. Странные все-таки люди нынешние российские политики!

В результате естественно-исторические, объективно обусловленные нынешним этапом развития интересы и потребности России выходят на свет искореженными, деформированными. Именно это создает предпосылки, точнее, реальную опасность того, что в стране могут возобладать национал-фундаменталистские тенденции, вместо того, что бы развиваться в национал-имперском, гораздо более благоприятном и естественном для России, направлении.

Тезис четвертый
“Национальная идея” для России.

Мало кто сегодня хочет сознаваться, что процесс реставрации в России империи начался с того самого момента, как рухнули опоры бывшего Советского Союза, а на его месте стали возникать суверенные, независимые государства. Прежде, как до, так и во время советской власти, составлявшие с Россией единое целое.

Распад СССР именно по этой причине был воспринят как тяжелый удар по национальному самолюбию русских. Он как бы демонстрировал, что существовавшее единство не было добровольным, что “братским” народам оно было навязано, что русские были исторически не правы, объединяя вокруг себя народы и территории. Та легкость, с которой инициаторы демократических реформ санкционировали расчленение государства, их готовность идти на уступки при возникновении территориальных споров между Россией и ее ближайшими соседями, заведомо ставили Россию, ее граждан, в ложное положение.

В результате демократический процесс и осуществление в стране либеральных реформ оказалось обремененным чувством исторической вины, а точнее — исторической обиды. У исторического процесса есть своя объективная логика и в соответствии с ней русские и Россия были центром притяжения “окольных земель” и народов. Мы как-то забыли, что 350 лет назад не русские под гетманскую булаву, а украинцы под российскую корону просились, видя в этом свое национальное спасение. И спасались. Теперь вот упрекают Россию и русских в имперских замашках.

Кстати, и Крым Россия тоже воевала по “нижайшей мольбе” своих украинских братьев, желая помочь им в борьбе с татарскими набегами и разбоем. Сегодня русским говорят: “Не ворошите далекое прошлое, ни к чему хорошему это не приведет, давайте будем строить отношения на новой основе, с учетом новых исторических реальностей.” Но никто не хочет честно сказать, что призвание этих “новых исторических реальностей” означает фактически крах российского государства, его неминуемую гибель. Спасение же, единственная возможность не уйти в историческое небытие — это возрождение в России основ имперской государственности, со свойственной для нее жесткостью и последовательностью в отстаивании национально-государственных интересов.

Если без кокетства и политического лукавства, то не только так называемые национал-патриотические силы, но и наиболее прозорливые представители нынешних российских реформаторов прекрасно понимают, что иного выбора у России нет. Не заблуждаются на этот счет и наши ближайшие соседи. Они-то уж прекрасно понимают, что за декоративным возрождением российской имперской символики — знамен, гербов, гимна, имен, традиций, точек отсчета, памятников и храмов — неизбежно последует возрождение

имперской российской политики. Это не они сами, а мы их вынудили обратить свои взоры на Запад, Юг или Восток. Если не умом, то нутром наши бывшие “братья” и “сестры” почувствовали (не могли не почувствовать!) — время демократического прекраснодушия пройдет, Россия окажется перед лицом суровых реальностей и тогда она станет для них опасной.

Иными словами, любому мало-мальски разбирающемуся в политике человеку должно быть ясно: возрождение рынка, товарно-денежных отношений в России, при ее масштабах, при ее потребностях, продиктованных национально-государственными интересами как внутренними, так и внешними, ни чем иным, кроме возрождения империи, обернуться не может. Рыночные реформы привели, совершенно логично, к необходимости создания национального государства, а национальное государство в России — это империя. Это может нравиться или не нравиться, но мы имеем дело в данном случае с проявлением объективной закономерности.

Если будем ей противиться, как это происходит сейчас под влиянием идеологических пристрастий нынешней российской власти, называющей себя демократической, мы получим ситуацию, чреватую установлением в стране национал-фундаменталистского режима — диктаторского, а то и фашистского. Разумней было бы действовать в соответствии со знаменитой формулой: “Если насилие неизбежно, нужно расслабиться и попытаться получить удовольствие”. Тем более, что “империя” это не так уж страшно, и не так уж больно, как иногда это пытаются изображать.

Главная трудность адекватной оценки “национальной идеи” в ее имперской ипостаси лежит не в исторической или политической, а в морально-психологической плоскости. За словами “империя”, “имперский”, особенно у нас в стране, закрепилась дурная слава. Стоит их произнести, как в памяти тут же всплывают ужасы захватнических войн, угнетения, эксплуатация народов, подавление свободы. А потом — “третий рейх”, “имперская канцелярия”, “советская тюрьма народов”. Иными словами, “империя” — понятие не только отжившее, которое навсегда хотелось бы оставить в прошлом, но и позорное. Для порядочного, уважающего себя и других человека, недостойное.

На самом же деле восприятие слова “империя” обыденным сознанием отнюдь не отражает его действительного смысла и значения, определяемых историческими параметрами. Империи — это верстовые столбы всемирно-исторического процесса и прогресса, ими отмечен путь развития человечества. Возьмите любой учебник истории, любой хронологический справочник и вы обязательно убедитесь в этом. Я бы даже рискнул сказать, что в основе развития человеческой цивилизации лежит имперская парадигма. Нужно только уметь ее разглядеть, обнаружить, научиться использовать сообразно времени и обстоятельствам.

Правильному восприятию понятия “империя” больше всего мешают два стереотипа. Во-первых, что время империй безвозвратно ушло, и, во-вторых, что существование империй несовместимо с демократией. И то, и другое

неверно. Все нынешние супердержавы, вся так называемая “большая семерка”, регулярные встречи которой давно уже превратились в заседания “мирового правительства”, являются по сути дела империями. И они же (этого тоже никто не отрицает) — образцы демократии. Во всяком случае, так считается у нас, в России. Но главное, что это и по существу верно.

Сами принципы демократии зарождались в империях, начиная с Древней Греции и Рима и кончая родиной современного парламентаризма — королевской Великобританией, представлявшей собой величайшую из колониальных империй. Просто по сравнению с прошлым империи изменились, они обрели иной, отвечающий потребностям времени облик, иные нормы и формы проведения. Для того, чтобы сегодня быть империей вовсе не обязательно вести захватнические кровавые войны, подчинять себе другие государства, навязывать другим свою волю.

Сегодня для обеспечения интересов империи используются иные способы и средства, в том числе и демократия. По сути своей демократия не самодовлеющая ценность, она лишь одна из возможных форм власти, обслуживающих удовлетворение гражданских и национально-государственных интересов страны. Демократия в этом смысле ни в коем случае не отменяет существование имперских интересов, она лишь придает процессам их удовлетворения цивилизованную, щадящую, а главное, — наиболее эффективную форму. Это как в жизни: разумный, отдающий отчет своим поступкам человек, прекрасно понимает, что гораздо безопаснее и, в конечном итоге выгоднее купить, чем украсть, ограбить или убить.

К вопросу об перспективах имперского возрождения России на базе реализации “национальной идеи” считаю необходимым добавить еще один сюжет. Судьбы таких стран как Россия, учитывая их масштабы, историю, экономический потенциал и политическое влияние, никогда не решаются в отрыве от судеб мировой истории.

После того, как стало ясно, что деление мира по классовому принципу себя не оправдало, когда соревнование между капитализмом и социализмом было прекращено за явным преимуществом капитализма, планета и человечество не избавились от необходимости решать существующие между странами и народами объективные и субъективные противоречия. Крах “трех миров” неизбежно повлек за собой процесс нового передела планеты, но теперь уже не на основе классовых, а геополитических параметров.

Сегодня с геополитической точки зрения существует 9 великих держав: “большая семерка” плюс Россия и Китай. И только два глобальных центра силы — США и Объединенная Европа. Усилиями США и Европы вполне можно обеспечить стабильность и порядок в двух мировых регионах, остальные зоны — Африка, Ближний и Средний Восток, Юго-Восточная Азия, Тихоокеанский регион, — все еще находятся в стадии геополитического формирования. Очень многое будет зависеть от того, какое влияние сможет

оказать на развитие этого процесса Россия. Ведь Россия исторически пользовалась и продолжает пользоваться в этих зонах огромным влиянием.

В принципе, если судить по объективным предпосылкам, России сам Бог велел стать центром формирования еще одного “центра силы”, который превратил бы мир в устойчивую гармоничную геополитическую модель. Именно эти соображения дают основания предполагать, что в стратегическом плане, как с учетом собственных интересов, так и по соображениям глобальной стабильности, цивилизованный Запад не только не опасается, а наоборот, заинтересован, чтобы Россия проводила имперскую политику, как внутри страны, сохраняя политическое единство и территориальную целостность государства, так и вне ее, в отношениях со своими ближайшими соседями, а также с государствами, находящимися в зонах влияния бывшего Советского Союза.

Конечно, здесь не обходится без конкурентной борьбы, без попыток подставить друг другу ножку, выгадать, не только за счет конкурента, но и за счет партнера, как можно более выгодные условия собственного бытия. Товарно-денежные, рыночные отношения и в международное общение вносят свои правила. Не надо думать, что возвращение России в цивилизованный мир, а тем более ее возрождение в имперском качестве, будет выстлано ковровыми дорожками или усыпано розами. Здесь еще придется не раз самой о камни спотыкаться и другим на больные мозоли наступать. Но все-таки объективная логика исторического процесса должна взять верх.

Как бы там ни было, но прежняя Россия, а затем Советский Союз всегда служили одной из важнейших опор формирования международного миропорядка. Субъективно, пожалуй, можно отказаться от этой, только условно почетной, но обременительной роли, отмежеваться от великодержавных амбиций, претензий, от обязательств, заявить, что отныне мы не хотим ничего большего, чем обыкновенное равноправие, добрососедство, взаимовыгодное сотрудничество.

Но по сути дела не так-то просто это осуществить, потому что на протяжении веков вся система жизнеобеспечения страны, да и международной стабильности, строилась совершенно иначе. Можно не захотеть быть империей. Само по себе такое желание выглядит даже благородным, но тогда нужно отказаться и от собственного имени, от наименования “Россия”.

Тогда нужно было появиться на свет, к примеру, Швейцарией. Богатая, всеми уважаемая страна, известная честными, мужественными людьми. Не случайно швейцарские гвардейцы охраняют папский престол в Ватикане, а швейцарские банки — берегут чужие деньги, как свои собственные. Но ведь от Швейцарии никто ничего другого и не ждет.

Ведь не ей принадлежит право “вето” в Совете Безопасности ООН, не с ней ведут переговоры о ядерном разоружении, о системе не только европейской, но и глобальной безопасности. Если Россия хочет стать вровень с

великими державами, то ей для этого предстоит стать не менее имперской, чем они. И желательно, не менее демократической...

Для этого необходимо согласие в следующем.

Первое. Россия правопреемница и наследница той России, которая существовала до октября 1917 года. Путь для добровольного воссоединения ее в прежних границах открыт. Время собирания земель, прежде нажитых, кровью предшествующих поколений политых, конечно, прошло. Но это не значит, что наступила пора их разбазаривать , раздаривать, уступать, на что-либо менять, или во имя чего-либо ими жертвовать. На Руси всегда презирали людей, транжирящих то, что не ими нажито было. Всемирная история не знает другого такого примера, когда бы государство в одночасье, без боя, лишилось почти половины своей исконной территории, чтобы оно само себя четвертовало и оскопило. Единственно, на что не поднялась рука, так это по собственной политической воле подписать России смертный приговор.

Расчлененная Германия пятьдесят лет после поражения во Второй Мировой войне лелеяла идею объединения и дождалась-таки своего часа. Никто ее за эту мечту не осуждает. Кто знает, как события повернуться. Может и на Украине родится новый Богдан Хмельницкий, который поймет, что истинное благополучие и величие Киева состоит не в присоединении к НАТО, где союзниками станут бывшие, еще по прежним, далеким временам, враги, а в братском единении с Россией. Только благодаря такому добровольному объединению Украина в свое время спаслась и сохранилась. Иначе бы ее разодрали на части, разграбили крымские ханы, польские паны, литовские серые волки-князья.

Второе. Россия вновь должна стать национальным государством. Но не в смысле установления каких-то особых привилегий или исключительных господских прав для русских. Российская имперскость тем и отличается от других, что она поперед силы и власти поставила духовность, нравственность. Постановка вопроса о возрождении Российской империи имеет в виду не только решение национально-государственных задач русских и для русских, но всех граждан российской империи, независимо от их национальности. Империи всегда стремились к тому, чтобы понятия национальность и гражданство слились воедино. Но решить эту сложнейшую задачу, да и то с огромным трудом, удалось, пожалуй что, лишь Соединенным Штатам. Теперь очередь за Россией.

Историческая задача русских состоит в том, чтобы возложить на свои плечи основную тяжесть забот за возрождение Отечества. Права и возможности в новой Российской империи у всех граждан любой национальности должны быть равными. У малых народов даже большими, чем у других. Это важно как стратегически, так и тактически. Всем должно быть ясно: русские строят империю нового типа не только для себя.

За сохранение России, за ее возрождение в имперском статусе должны заплатить прежде всего русские. Если этого не в состоянии понять разум, должен подсказать инстинкт национального самосохранения.

Третье. Сегодня можно считать, что Россия окончательно и бесповоротно вернулась к либеральным, товарно-рыночным отношениям как внутри страны, так и с другими государствами. Впредь она не собирается разменивать по мелочам свои национально-государственные интересы, тратить ресурсы в угоду доктринальным пристрастиям, желая кому-либо понравиться, тем более угодить.

Все, чем Россия располагает, как в плане ресурсов, так и в смысле возможностей, должно быть подчинено главной цели — подъему национальной экономики, отечественного производства и предпринимательства, повышению благополучия и благосостояния. У России нет других интересов, во всяком случае более дорогих, чем ее собственные.

Россия должна проводить твердую, самостоятельную политику, чтобы каждый ее гражданин, где бы он ни был, где бы он не жил, чувствовал, что он России дорог точно также, как и она ему. То, что после распада СССР мы бросили на произвол судьбы 25 миллионов своих соотечественников является нашим национальным позором. Не будет в России покоя и благополучия, пока мы не загладим, не искупим этой вины. Без этого Россия не вернется на круги своя.

Нужно было США защитить своих граждан, попавших в беду в Панаме или на Гренаде, преподать “урок” Ливии или Ираку, они это делали, не взирая на “мировое общественное мнение”. Зато американские граждане всякий раз убеждались: лучше, сильнее, благороднее их страны в мире нет. Захотела Великобритания подтвердить свои права на далекие Фолклендские острова, где нога англичанина уже давно не ступала, — за морской эскадрой дело не стало. И все сразу поняли — время уступок прошло. Считает Франция, что в интересах национальной безопасности ей необходим ядерный полигон в Новой Каледонии, — он там был, есть и будет. До тех пор, пока сама Франция не сочтет, что в нем больше нет нужды. Решила Япония, что Россия обязана вернуть ей два острова из Курильской гряды, — она ставит любую проблему во взаимоотношениях с нашей страной в зависимость от того, будет это сделано или нет. И когда...

Зато нынешние российские “перестройщики” и демократы совершенно задаром, только для того, чтобы новоиспеченным западным партнерам, недавним “потенциальным противникам”, понравится, Нобелевскую премию мира от них заслужить, чуть ли не извиняясь из Европы ушли, чужие грехи на Россию взвалили, позволили обращаться с ней как с побежденным государством.

Жизнь, в том числе и политическая, при всей ее уникальности и разнообразии, имеет свою объективную логику: ушли из Европы; распустили Советский Союз; расчленили Россию на независимые и суверенные “субъекты

Федерации”; довели страну до Августов и Октябрей, до гражданских раздоров; проиграли войну в Чечне... Теперь вот пытаемся найти способ достойно противостоять НАТО. Напрасные потуги, Атлантический альянс, если уж чего решил...

Вот куда завело страну, так называемое, “новое мышление”. А мысли ли бы по-старому, по-имперски, как другие великие державы мыслят, такого бы никогда не случилось. Прагматичные и дальновидные американцы знают что говорят, когда утверждают: “У нас в Штатах умников не любят”.

Тезис пятый
“Национальная идея” для русских

В одном и предыдущих разделов (см. Тезис третий. “Генетические корни “национальной идеи”.) говорилось, что обращение к этой “идее”, превращение ее в стержневой принцип государственной политики — это всегда дело вынужденное. Не от хорошей жизни приходится так поступать. К тому же существует угроза: неумелое, бездумное обращение с этой опасной субстанцией может обернуться нежелательными результатами, а то и бедой. Так вот, чтобы этого не случилось, нужно точно знать, какие струны в душе русского человека нужно затронуть, дабы на “национальный призыв” она добром, а не злом отозвалась. В противном случае мы можем не возрождение империи, а этно-деспотическое государство получить.

Хотя по своим предпосылкам, по присущим национальному характеру качествам, русские, составляющие подавляющее большинство населения России, представляют собой идеальную, потомственную имперскую нацию.

Именно России, ее лучшим умам принадлежит заслуга соединения имперской государственности и имперского верховенства закона (вспомним древнее римское изречение “закон есть закон”) с имперской духовностью. Только после этого имперская идея обрела гармоничную целостность, завершенность. Величайший, всемирно признанный вклад внесли в осознание имперской идеи Достоевский, Толстой, Ключевский, С.Соловьев, Леонтьев, Бердяев, Ильин, Флоренский. Хотим отречься от империи, значит нужно отречься и от этих великих имен. Также, как и от имен русской славы — Невского, Минина и Пожарского, Суворова, Кутузова, Макарова и Нахимова.

Очень жаль, что нынешние российские реформаторы решили действовать не в соответствии с этими предпосылками, а как бы вопреки им. Как если бы они забыли, что осуществлять задуманное предстоит не где-нибудь, а в России, на просторах бывшей Российской империи, населенной не французами, китайцами, немцами, поляками или чехами, а русскими людьми. Со всеми их достоинствами и недостатками, плюсами и минусами.

Что же нужно было иметь ввиду в русском характере, чтобы и реформы пошли на лад, и былую мощь, былое российское величие можно было восстановить?

Здесь нужно было прежде всего исходить из того, что русские по своей национальной природе страдальцы и самоотрешенцы. Вся наша история, культура, традиции, психологический склад, рассудок и предрассудки, чувства и предчувствия, подтверждают это. Русский человек приходит в мир, чтобы маяться, страдать, казнить себя за недостойную жизнь. В России испокон веку бедные страдали от того, что бедны, богатые — от того, что богаты. И тех и других терзали муки совести за содеянные, а еще больше — за не содеянные грехи. Русский человек должен чувствовать себя постоянно виноватым, постоянно в долгу. Если больше не перед кем, хотя бы перед самим собой.

Еще мы очень любим страдать за все человечество. Это открыло нам доступ к сердцам и чувствам представителей других наций. Если кому-то хочется сочувствия или сопереживания собственным мукам и страданиям, если у кого-то наступает смятение ума, сумятица чувств — нет ничего лучше, как обратиться к русской литературе, музыке, живописи, философии. Здесь все пронизано страданиями, поисками ответов “на проклятые вопросы”, жаждой справедливости, исповедями на заданную тему. Но это еще не все.

Как уже было сказано, русские — отчаянные отрешенцы. Они непременно должны ощущать готовность снять “последнюю рубаху”, принести себя кому-то или чему-то в жертву по соображениям родства, любви, дружбы, личной преданности, верности слову, идее, просто “за кампанию”. Это только русские могли придумать поговорку: “на миру и смерть красна”. Но самое главное, русских, в их подавляющем большинстве, хлебом не корми, водой не пои — дай Родину защитить.

Для русского человека власть, государство — это одно, а Отечество, держава — совершенно другое. У русских даже в религии есть святыня, олицетворяющая единство и неделимость России — это чудотворная икона Богоматери со скипетром и державой в руках. Ее так и называют — “Богоматерь Державная”. Русский просто обязан жить в ощущении, что дороже Отечества у него ничего нет и быть не может. Покинуть Родину в поисках счастья и благополучия, пойти на службу к “басурманам”, всегда считалось у нас тяжким грехом, а то и преступлением. Если бы не это мы никогда бы не свергли татарского ига, не победили бы в двух Отечественных войнах, не выдержали бы жестоких испытаний, из раза в раз учиняемых для собственного народа российской властью.

Но мы выстояли. Прежде всего потому, что гордились принадлежностью к Великой державе, видели в ее существовании компенсацию за все свои муки и страдания, за свою бедность и неустроенность. Нам казалось, что просторы Родины оборачиваются для нас широтой души. Где-то в глубине, нас никогда не покидало чувство, что быть русским — это историческое предназначение, гражданское призвание, что смысл “национальной гордости великороссов” состоит в сохранении российской державности, ее территориальной целостности и масштабности. Нужда в “жизненном пространстве” здесь не

причем. Это была психологическая потребность. В ней материализовались представления русской души о Земле Обетованной.

Все, что сейчас происходит с нашей страной, русскому человеку органически чуждо. Он нутром чувствует — не может не чувствовать, — как исчезает геоисторический, а главное, — нравственно-психологический ареал его бытия, как уходит из под ног, распадается на куски почва родного Отечества, исчезает душевная субстанция, на протяжении веков формировавшая русский национальный характер.

В этом смысле большевики были гораздо смекалистей, хитрее и прозорливей, чем нынешние преобразователи России, все еще никак не находящие ответа на вопрос, как так могло случиться, что кучка авантюристов и фанатиков, уличных демагогов могла свернуть с исторического пути “великий народ”, “могучую страну”. А ведь ответ на поверхности: просто они были в гораздо большей степени русскими людьми, знатоками того, на какую приманку русский человек “клюнет”, а на какую нет, на что откликнется, а чего — хоть на ухо кричи — даже не услышит.

Умница и провидец Николай Бердяев в одной из своих работ еще в середине двадцатых годов писал, что большевики победили не потому, что были слишком сильны или умны, а потому, что в них “воплотилась душа русского народа”. Хотя и не в лучших своих проявлениях. Окончательно погубят Россию те, кто придет большевикам на смену. Они превратят Россию в вульгарно буржуазную страну, где исконно русской душе уже вообще не найдется места.

С чем нынешние российские реформаторы вышли к народу? С тем, что самая главная ценность — личное преуспевание и благополучие, что богатые граждане — основа могущества и процветания государства, а собственник — двигатель прогресса, что единство и территориальная целостность державы — всего лишь одна из возможных форм, а не смысл существования. Мол, лучше быть крошечной, но богатой и процветающей Бельгией или Данией, чем бескрайней, нищей и убогой Россией, не умеющей этим своим территориальным могуществом толком распорядиться.

В принципе в этих стратегических благих намерениях ничего плохого нет. Они для русского человека приемлемы и вполне могли бы стать для него желанными. Не монстры же русские люди, не идиоты. Нужно только понять, что им хочется стать благополучными и богатыми, не переставая маяться и страдать. Им тоже хочется жить в процветающей стране, но только чтоб она простиралась “от края и до края, от моря и до моря”. Им хочется продолжать чувствовать себя “старшим братом”, Ильей Муромцем, томящимся на печи в ожидании грядущих подвигов.

Никакими посулами, никакими доводами вроде того, что “лучше быть богатым и здоровым, чем бедным и больным”, энтузиазма русского человека не пробудить. На Руси всегда считалось, “лучше быть бедным и бледным, чем богатым и вороватым”. Русский человек упорно и систематически трудиться

ради гарантированных успехов не может и не станет. Ему нужно, чтоб труд был как праздник, авралом, чтоб за минуту, зато всем миром. А нужно — не нужно, целесообразно — не целесообразно, с пользой — без пользы, это вопрос десятый. Он лично для себя даже убежища строить не станет, зато ради друзей-товарищей вражескую амбразуру грудью закроет.

Можно ли было повернуть дело либерально-демократических реформ так, чтобы они пришлись по душе русскому человеку? Поначалу все выглядело достаточно обнадеживающе. В нужный момент под рукой оказался подходящий броневичок для оглашения соответствующего манифеста, налицо был внутренний враг, без борьбы с которым в России никакие общественно-политические и социально-экономические преобразования не осуществлялись и осуществляться не могут. Были произнесены нужные, ласкающие русскую душу слова: “российский народ — великий народ”. Был объявлен крестовый поход “за справедливость”, против привилегий, коррупции и казнокрадства, против “Чаек”, “ЗИЛов-членовозов”, “Березок”, спецбуфетов и спецраспределителей.

Если бы Б.Н.Ельцин сразу сказал, что он с теми, кто “за богатых”, такой массовой поддержки он никогда бы не получил. В России любят обиженных и притесняемых, кто готов с соотечественниками бедность делить, а не богатство наживать. “Наш президент” — это когда не в “Мерседесе” с почетным эскортом, а в трамвае до Кремля, чтоб по нездоровью не в ЦКБ, недоступную для рядовых граждан, не в закрытый санаторий в Барвихе, а в разгар гриппозной эпидемии — в очередь к окошечку в регистратуре районной поликлиники. Вот это по-нашему, это по-русски.

Помнится, пару таких сюжетов про Б.Ельцина показали по телевизору, а остальное людская молва довершила сама. Русский человек вообще простоту любит, за нее многое прощает. В народе до сих пор с благоговением вспоминают, что В.Ленин носил стоптанные башмаки, Сталин сам себе дырявые носки штопал, Хрущев в кулак сморкался, а император Николай II христосовался на Пасху с солдатами дворцовой охраны.

Недооценили нынешние российские реформаторы русский человеческий фактор. Очень быстро они от простого народа “дистанцировались”, слишком рано начали его убеждать, что жить в бедноте и тесноте стыдно и глупо, слишком уязвили они ленивую русскую душу демонстрацией своего умения на нескольких иностранных языках изъясняться, да всякие такие-эдакие слова произносить, хотя и русские, да странные — “отнюдь”, “тем паче...”.

Нет, не так надо было действовать. Нужно было на том же самом броневичке не только внутреннего врага громить, все прошлые и будущие грехи на него списывать. Это само собой, это — святое. Нужно было еще рубаху на себе рвануть, шапкой оземь шмякнуть, в грудь кулаком стукнуть: настала, мол, пора Отечество спасать, из беды его выручать. Не до личного благополучия теперь, загнали, мол, страну совсем, рушится наша историческая Родина, погибает и есть только один шанс ее спасти — пояса потуже затянуть,

нашим братьям и сестрам в глубинке, да по периферии помочь. Россия, мол, всегда провинцией сильна была. Там, в дальних и темных уголках русская душа теплится. Оттуда и начнем новую Россию строить, там наши корни, их и будем, прежде всего, удобрять.

Короче, рыночные реформы могли увенчаться успехом только в одном случае: если бы начали улучшать жизнь провинции, а не Москвы, ставшей бельмом на глазу у всей России. А у нас начали ваучерами, да приватизацией, акциями, да полисами, лицензиями, да сертификатами, московскими коммерческими банками людей соблазнять. Не горюйте, славяне, не страшитесь, разбогатеем все в одночасье, вот только государственную собственность поделим, да новый финансовый механизм запустим. И посыпятся на нас денежки как манна небесная, успевай только руки подставлять, да рот раскрывать. Врали, конечно, и знали, что врали. Теперь вот плоды этого вранья пожинаем.

Наши новоиспеченные реформаторы пытались русских людей убедить, что неважно в какой стране жить, какому Богу молиться, лишь бы сытно, уютно, прилично, комфортно было. Как в цивилизованных странах. Чтоб права человека обязательно на первом месте, а интересы Российской державы — это империализм, от этого нужно отказаться. Раз и навсегда. Богатеть и цивилизоваться лучше врозь.

А то, что за прибалтийские, дальневосточные, северные и южные земли, ставшие теперь чужими, закордонными, нашим предкам приходилось кровь лить и жизни класть, об этом предлагалось навсегда забыть. Вряд ли это можно было сделать без ущерба для русского национального самолюбия и достоинства. Людей, способных по ветру пустить то, что не ими самими нажито, на Руси никогда в чести не держали. О том, что никакие демократические, никакие рыночные реформы не требовали, не предполагали развала великой страны, тоже никто не заикался. Да и сегодня не заикается.

Предпочитают не говорить и о том, что роспуск СССР, осуществленный по воле “беловежских пущистов” заведомо наносил урон национально-государственным интересам России. В результате всех этих “реформаторских преобразований” русская душа, привыкшая “простирать свои орлиные крыла” над одной шестой частью света, скукожилась, почувствовала себя четвертованной и кастрированной, не способной на какие-либо продуктивные действия.

Ну, рассудите сами, зачем биться-бодаться за какую-то там Чечню, по третьему разу ее завоевывать, за земли терских казаков цепляться, за Курилы, за республику Мари Эл или Якутию? Разве они ей, русской душе, дороже и теплее, чем Крым, Украина, Белоруссия. Да пусть они, эти независимые и суверенные “субъекты Федерации” горят синим пламенем, раз сами не хотят считаться Россией.

Попытки так называемых национально-патриотических сил поправить дело, вернуть нынешним русским прежнюю Россию и прежнюю

великоросскую гордость, тщетны. Не сумели отстоять, не удастся и возродить. Никакой конструктивной силой национальный патриотизм уже не станет. Он может воплотиться только в ампиловское кликушество, бабуринскую псевдоозабоченность, зюгановское занудство, в плакатные мизансцены ЛДПРовского лидера в обнимку с убогой старушкой на фоне золоченых куполов православных церквей. Но В.Жириновскому хоть в фантазии, в чувстве юмора не откажешь.

Ю.Лужков и А.Лебедь не в счет. Они не в патриотизм играют, а в президентскую предвыборную кампанию...

Нет, не удались в России демо-рыночные реформы. Слишком мало оказалось среди русских людей “бурбулисов” и “чубайсов”. Потому и разбогатели немногие. Подавляющее же большинство русских людей стало гораздо беднее, чем прежде. Но раньше была “хучь гордость за Великую Расею”, за державу. Без этого русскому человеку жизни не было и нет. Они, русские, вымрут, скорее всего, как динозавры — поголовно и почти одновременно. Статистики уже сообщают, численность русского населения России убывает примерно по миллиону в год.

Не от нищеты, болезней и недоедания или отсутствия медицинской помощи русские мрут. Бывали в нашей истории беды и лишения пострашнее нынешних. И холодали, и голодали так, что не приведи Господь. И ничего, стояли, да еще другим, кто послабее, старались помочь, последним куском хлеба делились. А теперь от наших же бывших противников, поверженных врагов ждем подачек и гуманитарной милостыни. Такого удара по национальному самолюбию нам, точно, не вынести, не пережить.

С русскими происходит то, страшнее чего для нации не бывает: в их душах стала распадаться связь времен, они начали превращаться в Иванов, родства не помнящих. У таких Иванов дети обязательно Каинами становятся. Вот, скажем, ворон — мрачная птица, могильная. Однако, говорят, ворон ворону глаз не выклюет. Не то, что русские. Мы уже пятый год между собой воюем, судим, рядим, убиваем, а в августе 91-го и октябре 93-го выводили друг против друга танки. Ради чего, спрашивается? Чтобы так жить, как живем?

Безродная идеология, воспринятая “новыми русскими”, что страдать за себя и “за того парня” — скучно; за справедливость бороться — глупо; Отечество защищать можно и по контракту, прежнему русскому не по душе. Ему жить, если умирать не за что, становится просто незачем. Не ради же двухслойной туалетной бумаги повышенной мягкости или устойчивого курса российского рубля по отношению к американскому доллару небо коптить.

Чтобы там ни говорили, но подавляющее большинство людей в России свое прошлое, даже советское, вспоминают с ностальгической тоской. Тогда они знали, что у них есть Отечество, есть Родина, именно то, что составляло смысл жизни, а не только гражданского долга. По ходу рыночных реформ эти ощущения были растеряны. Естественно, смысл “национальной идеи” для

русского человека не может обретать иных очертаний, кроме как возрождения былого могущества и величия России.

Кого-то это пугает, тревожит, кому-то такие настроения и устремления представляются величайшей опасностью для демократии, даже угрозой фашизма. Что ж, если этот процесс пустить на самотек или наоборот, попытаться застопорить, наглухо перекрыть, беды не миновать. Однако, спешу напомнить, о неизбежных последствиях нужно было раньше думать, тогда, когда начинали за демократию “бороться”, союзное государство разрушать. Теперь джина из бутылки уже выпустили, назад не загонишь. Значит выход только один: постараться направить его силу на благое дело.

Российская империя и прежде пугалом для народов, как населяющих ее, так и окружавших, не была. Сочувствие к ближним, верность дружбе, принятым на себя обязательствам, отличавшие русских людей были достаточно надежным противовесом жесткой имперской политике. Да и вообще, быть жесткой не значит жестокой, стать сильной не значит — насильницей. Если правильно распорядиться этим, не только историческим, но и психологическим наследием России и русских, то и так называемую “национальную идею” в нынешней непростой ситуации вполне можно к делу приложить.

Иначе дело действительно может обернуться тем, чего так бояться шкодливые российские демократы: въедем-таки в национал-фундаменталистский, авторитарно-этнократический, фашистский режим, если не на красном коне, то на рыжем козле. Это уж точно...

Сергей Марочкин

РУССКИЕ И ИМПЕРИЯ

Империи и колониальные державы

Не только Западная пропаганда и примкнувшие к ней демроссияне, но многие непримиримые противники компрадорского режима, установившегося в России, употребляют слово “ИМПЕРИЯ” как ругательство: “Останкино — империя лжи”, “Москва — империя тьмы”... Действительно, Москва опередила Содом и Гоморру, стала самым порочным городом всех времен и народов, а Останкино — самое лживое место на Земле, но причем здесь Империя?

В Западной пропаганде “Империей зла” называют государство русских, в американских фильмах “Империей” именуют “плохих парней”, но это означает лишь то, что США, Израиль и возглавляемое ими мировое сообщество — не Империя!

Империей был Великий Рим, а вот Карфаген был не Империей, а колониальной державой. Россия (не нынешний обрубок, который достойно именовать “бывшая РСФСР”, а настоящая ИСТОРИЧЕСКАЯ РОССИЯ существовавшая до марта 1917 г.) была Империей, а Запад, мировое сообщество — не Империя, а мафия колониальных держав, паразитический “золотой миллиард”, процветающий за счет ограбления остального населения Земли.

Говорят, что любую научную работу можно ужать в четыре раза без ущерба для основного содержания, но после пятого или шестого сокращения от монографии останется развернутый заголовок. Попытка выразить суть цикла лекций В.Л.Махнача “Империи в мировой истории” породила определение: ИМПЕРИЯ ЕСТЬ СИМБИОЗ (СИМФОНИЯ) ДРУЖЕСТВЕННЫХ НАРОДОВ (ЭТНОСОВ), ОБЪЕДИНЕННЫХ ИМПЕРСКИМ (СТЕРЖНЕВЫМ) ЭТНОСОМ ИМПЕРСКОЙ ИДЕЕЙ И ОБРАЗУЮЩИХ ОБЩЕИМПЕРСКУЮ ЭЛИТУ ДЛЯ ОБЕСПЕЧЕНИЯ ОБЩИХ ИНТЕРЕСОВ И СОПРОЦВЕТАНИЯ. Короче говоря, ЕДИНСТВО ВО ИМЯ ОБЩЕГО БЛАГА.

Вокруг термина “Империя” сложилась путаница понятий. Например, Британская Империя била двухслойной. Империей в ней можно считать лишь Соединенное Королевство: Англию, Уэлс, Шотландию и Северную Ирландию. Все остальное — колониальная держава. Не только Ирландия или Индия, но и Канада, Австралия не могли претендовать на равные права с метрополией. Будущий геополитический наследник Великобритании — Северо-Американские Соединенные Штаты, подняли восстание к добились

Марочкин Сергей Николаевич

независимости из-за неспособности Великобритании стать настоящей Империей: англичане отказались предоставить североамериканским колонистам места в палате общин, предоставить право обсуждать и утверждать собираемые с них налоги.

В России грузин Багратион был командующим армией, армянин Лазарев — командовал Черноморским флотом, оба почитаются русскими как национальные герои. А в Англии индийский раджа никогда не мог стать ни адмиралом, ни даже командиром корабля.

Из сравнения Империй (Персии, Рима, Византии, России) с колониальными державами (Карфагеном, державой Инков, Португалией, Англией, Францией, Японией) вырисовываются некоторые характерные различия:

1.Колониальные державы паразитируют на грабеже колоний, а Имперский центр, хотя тоже себя не забывает, обеспечивает правовые гарантии, свободу торговли, уверенность в завтрашнем дне. ИМПЕРСКИЙ ПОРЯДОК стоит суверенитета: “И Божья благодать сошла на Грузию. Она цвела в тени своих садов, не опасаяся врагов, за гранью дружеских штыков”.

2.Имперские этносы обладают повышенной уживчивостью, культурной и цивилизованной терпимостью, способностью перенимать, учиться и одновременно оказывать влияние. То есть способностью образовывать СИМФОНИЮ с другими народами, которая облегчает имперскому этносу выполнение СТЕРЖНЕВОЙ роли, функции УДЕРЖИВАЮЩЕГО, обеспечение Имперского порядка не только, а часто и не столько, силой, сколько способностью к согласию, умением избегать обострений межэтнических отношений.

3.Имперская элита, в отличие от знати колониальной метрополии, — система открытая. В Египте чужеземец Иосиф Прекрасный мог стать первым министром фараона (видимо, Эхнатона). Ранняя история Рима — это история войн, которые заканчивались союзом с побежденными. Римляне вплоть до Пунических войн выступали не столько завоевателями, сколько объединителями. В отличие от большинства полисов античного суперэтноса, Рим с самого начала легко шел на расширение числа полноправных граждан. В Афинах, тем более в Спарте или Карфагене, полноправным гражданином можно было только родиться.

4 Удавшиеся Империи (Древний Египет, Персия, Рим, Византия, Южная Германия, Историческая Россия) образовали единое экономическое и геополитическое пространство, территория каждой из них лежала “единым куском”. Достаточная компактность территории, сколь бы обширной она ни была, определяет выгоды от имперского мира, Имперского порядка.

Кроме Империй, образующих единство ради общего блага, и колониальных держав, где метрополии жиреют за счет грабежа покоренных народов, есть еще колонизуемые территории, на которых держава-завоеватель уничтожает коренное население, очищая ЖИЗНЕННОЕ ПРОСТРАНСТВО для

заселения колонистами. Классический пример уничтожения аборигенов колонистами — США и Австралия.

Интересно сравнить теории Адольфа Гитлера с практикой отцов-основателей Соединенных Штатов. Создатели “самой демократической страны всех времен и народов” очищали “жизненное пространство” от “низших рас” точно так же, как и гитлеровские нацисты. Разница лишь в том, что Гитлер слишком увлекался теорией, а в США занимались почти исключительно практикой. К тому же русские оказались организованнее индейцев. Поэтому историей при все одинаковости исторической практики подтверждено правило: “Победителей не судят, но горе побежденным!”.

Сейчас на Ближнем Востоке аборигены-палестинцы доблестно выстояли против израильских колонистов, зато опасность вновь нависла над русскими и народами, дружественными русским. Власть над ними захватили “демороссияне” и в случае успеха “демократических реформ” выморочное жизненное пространство может быть поделено между китайцами, исламскими фундаменталистами и “золотым миллиардом” западных демократий.

Империи нужны друзья и союзники имперского этноса, колониальной державе — холопы-илоты, колонистам — жизненное пространство и природные ресурсы, очищенные от аборигенов.

Говорят, что История не терпит сослагательного наклонения. Так заявляют те, кто хочет отучить людей думать. Почему в шахматах каждая партия анализируется, выявляются ошибки и упущенные возможности сторон, а историю нельзя анализировать как шахматную партию? Эйдельман, Тойнби описывали возможные варианты развития исторических событий при том или ином повороте общеизвестных событий, чтобы выявить соотношение случайного и закономерного. Учиться на уроках истории, на чужих ошибках можно лишь моделируя ситуацию: “что было бы, если бы...”

Например, если бы Орда приняла не ислам, а православие. Шансы на это были, особенно, если бы Благоверный князь Александр Невский прожил бы лет на 10 дольше. Тогда мы уже в XV веке имели бы Православную Империю во главе с династией Чингизидов или Рюриковичей, от Желтого до Адриатического моря, со столицей в Константинополе. Для всяких-разных назар-баев, туркмен-башей просто не осталось бы места.

Во 2-й половине XIII века Орда стояла перед выбором: развиться как Империя, укрепляя задатки симбиоза с Русью — или переродиться в колониальную державу, для которой Русь лишь податное стадо. Не сумев стать Империей, Орда была обречена, но борьба с ее осколками на восточном и южном фронтах несколько веков отвлекала силы Руси от решения задач на западном и северо-западном направлениях.

Вот другая историческая модель: если бы Русь объединили не московские Данииловичи, а виленские Гедиминовичи, если бы Гедиминас или Ольгердас твердо приняли православие. Тогда вся энергия Православной Церкви, готовящей преемницу умирающей Византии, была бы обращена в

пользу Вильны. Православное Великое княжество Литовское к Русское успело бы встать на ноги на сто лет раньше, чем это удалось сделать Москве. К началу XV века объединенные силы всей Руси и Литвы сумели бы оказать помощь православным на Балканах, отстоять Царьград от турок, с самого начала были бы решены задачи воссоединения Западнорусских земель, задачи освобождения Причерноморья и Таврии, на решение которых у Московии ушли XVII и XVIII века.

Отказавшись от возможности стать ядром Православной Империи, Литва превратилась в захолустье Речи Посполитой. Знать, магнаты перешли в католичество. Большинство малороссийского и белорусского народа сохранила верность православие. Возникла колониальная держава, неизбежной стала национально-освободительная борьба за воссоединение западнорусских земель с православной Великороссией, русская Реконкиста.

Наполеон Бонапарт и Адольф Гитлер проиграли потому, что пытались создать не Империи, а колониальные державы. Наполеон силой навязывал европейским странам неравноправные экономические отношения, вместо Имперского Мира население Европы получило непрерывные Наполеоновские войны, финансируемые за счет покоренных территорий. Для гитлеровских нацистов идеалом представлялось монорасовое "жизненное пространство", заселенное колонистами из "истинных арийцев". Сопротивление таким моделям государственного строительства должно было неизбежно нарастать, длительность их исторического бытия ограничивалось несколькими десятками лет.

Советский Союз одни считают Империей (сравните сталинский гимн и определение Империи), другие — колониальной державой, "тюрьмой народов".

В советской истории выделяется три периода: до середины 1930-х — революционный интернационализм с установкой на Мировую революцию, с середины 1930-х до середины 1950-х — военно-патриотический период, с имперской тенденцией, с середины 1950-х — развитой социализм, окостеневший и загнивающий.

СССР задумывался как база для Мировой революции, это было записано в конституции и выражено в гербе. Монофедеративное устройство из Союзных Республик, объединенных властью партии коммунистов-интернационалистов было рассчитано на расширение, присоединение Польской, Германской и последующих Советских Социалистических Республик Земного Шара. Но Мировой Революции не вышло. СССР стал КОЛОНИАЛЬНОЙ ДЕРЖАВОЙ НАВЫВОРОТ. Под лозунгом "не только сближения но и слияния" этносов ущемлялся имперский этнос — русские, истреблялась русская национальная элита, подрывалось русское национальное самосознание, уничтожалась русская культура. Насаждалось "право наций на самоопределение", постоянно росло число национально-государственных территориальных образований и повышался их статус, автономные республики переводились в ранг союзных с

“правом на отделение”, территория республик выкраивалась в интересах “титульных” этносов, получивших статус “коренных наций”, в ущерб русским финансировались “национальные культуры”, за счет ограбления русских выкармливались республиканские номенклатуры.

Нация и этнос в Империи

Великая заслуга Л.Н.Гумипева состоит в том, что он разделил понятия НАЦИЯ и ЭТНОС, которые до сих пор часто путают, делая из путаницы политические выводы.

Нация — население страны, множество граждан государства. Этнос (народ) — явление по происхождению географическое, а по способу существования культурологическое и социально-психологическое. Важнейший признак этноса — сознание его членами принадлежности к одному этносу, подкрепленное общностью языка и религии. Разница религий — важнейшее препятствие к межэтническим бракам, водораздел между великороссами к казанскими татарами, малороссами и галичанами, англичанами и ирландцами, сербами, хорватами и боснийцами. Соответственно, понятие “национальная принадлежность” необходимо разделить на два признака, две разные “координатные оси”: этническая принадлежность и гражданство.

Этносы — русские, немцы, афроамериканцы, ашкенази. Нации — немцы ГДР, советский народ, американцы, израильтяне. Нация может состоять из представителей разных этносов, а представители одного этноса входить в состав многих наций, имея разное гражданство.

Этносы (народы) исторически принадлежат к великим культурам, суперэтносам. Нации (государства) объединены в экономические и военные союзы. Человек не может сменить этническую принадлежность, она формируется, воспитывается всем окружающим обществом, пока человек лежит еще поперек лавки. Но можно много раз сменить гражданство, то есть национальную принадлежность. Весь этнос может сменить суперэтническую принадлежность, “переменить закон”, сменить веру. Но это, даже при энергичных и последовательных усилиях начальства, требует нескольких поколений — не менее 50 лет, соответствующих глубине живой памяти в три поколения.

Нередко смена веры ведет к расколу этноса. Например, на сербов, хорватов и боснийцев. А вот нация (государство) за время жизни одного поколения может несколько раз сменить военно-политических союзников, экономических партнеров.

Исходя из разницы понятий “нация” и “этнос”, ошибочно смешиваемых в термине “национальный”, следует обратить внимание на две формы государственного национал-социализма в современных высокоразвитых странах. Высокая степень социальной защиты населения в странах “золотого

миллиарда” может обеспечиваться по принципу нации-гражданства, социализма для граждан, подобно античным Афинам, или по принципу этнической общины, подобно Спарте. Социализм для граждан существует в США или Швеции, но получить гражданство в этих странах нелегко, существуют квоты и жесткие критерии полезности для страны “благоприобретенных” граждан. Этнический социализм, когда право на приобретение гражданства и всех причитающихся благ определяется принадлежностью к этносу, принят в Японии, Израиле (там скорее в форме суперэтнического происхождения — надо иметь предков-иудеев), Германии (в бывшей Западной Германии гражданство получали немцы и евреи по происхождению).В нашей бывшей стране сейчас сложился территориальный вариант национал-социализма, когда за счет ограбления большинства населения жиреет Москва, портовые города и сырьевые регионы.

Одним из проявлений антиимперской политики в СССР была КОРЕНИЗАЦИИ, ущемление стержневого этноса и его естественных союзников, небольших этносов, в пользу средних этносов, получивших статус “коренных наций” и свои титульные национально-государственные образования. Небольшие этносы либо находились до уровня народностей, либо приписывалась к средним.

“Коренным” создавались привилегии при получении образования (квоты при приеме в вузы, когда этническое происхождение значило больше, чем способности и подготовка), при продвижении по службе в национальных республиках, дополнительные бюджетные ассигнования на развитие “национальных культур” и теплые кресла “живых национальных классиков”.

Нельзя согласиться с утверждением С.Пыхтина (“Неизбежность империи”), что в гражданской войне большевики победили за счет привлечения окраинных народов. Великое множество знати, традиционной элиты всех народов Империи сражались на стороне “белых” и были разгромлены и уничтожены вместе с элитой русского народа, а опорой “красных” были “интернационалисты”, иностранный легион из латышей, венгров, китайцев, чехов и прочего перекати-поля.

В результате вместо разгромленных старинных этнических и племенных элит насаждались этнические номенклатуры, выдвинувшиеся в результате введения льгот для посредственностей и не способных выдержать честной конкуренции. Создалась власть циников и серости. Но эта власть местных “коренных” жуликов осуществлялась от имени Москвы. Поэтому все недостатки, безобразия к преступления местных мафий списывались на государство в целом, валились на русских, а все заслуги были на счету местной власти.

Имперская политика — это выдвижение по годности и верности, а также выдвижение традиционной знати, аристократии народов, входящих в Империю, в состав общей имперской элиты. Эта политика давала превосходные результаты во всех Империях. Знать, аристократия — это

лучшие люди, отобранные многими поколениями стихийной евгеники. Включение их в систему общеимперского служения повышает жизнеспособность Империи.

Империя гораздо бережнее других государственных систем относится к традиционным структурам. До 1917 г. Верховный Сюзерен — “Белый царь” — воспринимался на этнических окраинах как высшая сила, а непосредственное управление осуществляла **традиционная** местная знать. После 1917 г. власть была хотя и из “коренных”, но из выскочек, **назначенных Москвой** в новые национально- государственные структуры.

Соотношение между обязанностями и льготами для провинций — вопрос политического искусства. Льготы для вновь присоединенной провинции обеспечивают геополитические, военные и экономические интересы Империи на вновь присоединенной территории при минимальных расходах на поддержание в ней порядка, но не гоже провинциях жить за счет остального народа Империи. Ничто так не сплачивает, как совместное служение, и ничто так же развращает, как привилегированный паразитизм.

Положение Финляндии и Польши в составе Российской Империи, когда средние этносы освобождаются от обязанностей и получают привилегии за счет русских, можно считать прообразом “коренизации”, взятой на вооружение советскими интернационалистами. В Польше это осложнялось еще традиционным конфликтом между православными и католиками.

Пренебрежение стержневым положением русского этноса в петербургский период происходило из западничества властей и аристократии и ослабления Церкви (основы и этнического, и имперского самосознания русских). Прав Петр Хомяков (“Неизбежность империи”): русские, в отличие от римлян , часто не умели сохранить достоинство имперского этноса. Особенно в петербургский период.

Некоторые историки утверждают что “малый” народ всегда с “большим” против “среднего”. Корректнее утверждение, что с “большим” имперским этносом против произвола “средних” этносов в защиту Имперского порядка выступают небольшие этносы и субэтносы (абхазы и осетины — против грузин, лезгины против азербайджанцев, гуцулы и русины, да и малороссы, против галичан-украинцев). Кстати, римская формула “разделяй и властвуй” — это опора на небольшие этносы, союз большого и небольших этносов для ограничения амбиций средних этносов в интересах Имперского порядка.

И.Р.Шафаревич ввел термин “малый народ” для обозначения АНТИНАРОДА. В русской истории эту роль играет “демократическая интеллигенция”, всегда выступающая генератором великих потрясений, гегемоном Смуты. По терминологии Л.Н.Гумилева “малый народ” — это АНТИСИСТЕМА , структура (хотя бы и неформальная), действующая в обществе подобно раковой опухоли. Поэтому МАЛЫЙ НАРОД всегда против “большого” народа и созданного им государства-Империи. Вместе с кем угодно — с любым внешним и внутренним врагом.

Смута и иноэлита

К началу XVII в. страна была дезорганизована опричным террором и порожденной им хозяйственной разрухой. Чашу переполнила полоса неурожаев. Тогда страну спасли провинции, наименее пораженные кризисом и сохранившие организованные сословия — духовенства, посадских, дворянство.

К началу XX в. аристократия утратила общественное значение, духовенство только начинало подниматься после двух столетий господства западничества, мелкая буржуазия (“хозяйчик”) не была организована, а крупная национальная буржуазия еще не настолько созрела, чтобы занять место аристократии. Зато расплодилась “прослойка” разночинцев, демократическая интеллигенция. С.Пыхтин (“Неизбежность империи”) прав: Шариковая создал не Швондер, а профессор Преображенский — западник и приверженец прогресса.

Положение стабилизировалось, когда в огне революции сгорела ее движущая сила — левая интеллигенция и примкнувшие босяки, когда Шариковы сожрали Преображенских и Швондеров, а затем а друг друга.

В конце XX в. у власти стояло сословие номенклатуры, Чичиковы и Молчалины. Всеобщее недовольство ими было использовано “прорабами перестройки”, блоком западнической интеллигенции и наиболее циничной номенклатуры, для разрушения страны. Советская власть пала не из-за отставания от Запада, не от проигрыша в “холодной войне”, а потому, что при ней было слишком много вранья и слишком велико отчуждение власти от народа. Очень многих оскорбляли ложь и недоверие к народу коммунистической власти. Поэтому власть становились легкой добычей “ловцов душ”, действующих в интересах Запада.

Краху способствовала не лень русских (ленивый не живет в нашем климате), не пьянство (в “борьбу за мировое первенство” по потреблению алкоголя русские включились лишь после 1953 г.) и даже не разгильдяйство (до того, как потерять Россию, русские все же сумели ее создать), а низкое национальное самосознание, доверчивость и снисходительное отношение к предателям.

Что касается последнего, то именно интеллигент — прирожденный агент влияния. Раньше он верил в социалистическую революцию и Маркса, сегодня — в то, что Америка — хорошая, а Запад стремится ко всеобщему благоденствию. Как и раньше, он уверен, что русские — плохие работники, в отличие от японцев, немцев, китайцев, турок. Он готов утверждать, что “теорию заговора” мировой закулисы против русских придумали шизофренки, что разорение страны — благое дело, ибо она есть “империя зла”. Для интеллигенции “Сахаров — это наша совесть”. А ведь эта “совесть” всю жизнь защищала интересы крымско-татарского, западно-украинского, немецкого, эстонского, еврейского народов, но никогда — интересы русских. Для таких

интеллигентов хорош тот национализм, который направлен против русских. “Хорошие народы”, имеющие право на национализм — чечены, эстонцы, крымские татары, грузины. “Плохие”, которым в праве на национализм отказывается — палестинцы, абхазы, сербы, русские.

Второй фрагмент, составляющий иноэлиту — компрадоры, “нью рашенз”. Среди них немного русских по происхождению и практически нет русских по национальной ориентации. Компрадор, по определению Л.Н. Гумилева, паразит, подменяющий настоящего хозяина. Сегодня это те, чей экономический интерес состоит в превращении нашей страны из развивающейся в неразвивающуюся. Именно таких предпринимателей плодит “демократическая реформа”. Если патриотически настроенный предприниматель помогает русскому движению, он делает это вопреки интересам своего бизнеса, исходя из своей культурной ориентации и национального самосознания. Для того, чтобы экономический и национальный интерес объединились, нужны другие реформы.

Третий отряд АНТИСИСТЕМЫ — “этнические россияне”.

Уже само определение “российский, “россиянин” приобретает все более ярко выраженный привкус русофобии. Оно введено для подавления русского национального самосознания, чтобы вывести из употребления понятие “русские”. В то же время, понятие “этнические россияне” приобрело официальный, почти юридический характер. Термин “русские” демпресса употребляет лишь как ругательство: “русская мафия” на Западе (хотя по этническому составу она вовсе не русская), “зверства русской армии в Чечне” (хотя зверства в основном на совести чеченских боевиков) и т.п.

“Этнические россияне” — подобие “многонациональной нации”. Нечто вроде двойного гражданства: нация “россиянин” состоит из граждан бывшей РСФСР, Израиля, США, Германии. Православные малороссы и белорусы такие же русские, как и великороссы, но их выводят за пределы множества “россиян”. Так же насаждали понятие “украинец” вместо “малоросс”. Насаждали до тех пор, пока миф не превратился в реальность, пока эта реальность не встроилась в конструкцию АНТИСИСТЕМЫ.

Как заметил В.Л.Махнач, если режим подавляет национальные меньшинства, он жесток, бесчеловечен, может быть даже неумен, но если подавляется национальное большинство, происходит его социальная деградацию и физическое вымирание, то это режим оккупационный.

Нынешняя демроссийская власть — это олигархия иноэлиты, нерушимый блок антирусской интеллигенции и компрадорской буржуазии. Ее цель — избавить Запад от опасного конкурента и обеспечить его ресурсами за счет России. Только таким путем олигархия сохраняет власть и получает прибыль в своих антироссийских проектах.

Вместе с тем, после 1993 г. в демроссийской номенклатуре растет число крупных к средних функционеров, которые полностью сохраняя компрадорскую генеральную линию, но сменили терминологию публичных

выступлений: вместо “общечеловеческих ценностей” и “нового мышления” вошли в употребление “духовность” и “державность”, вместо диссидентов в номенклатурную компанию стали приглашать иерархов РПЦ, “царевичи” и “цесаревичи”. Идут разговоры об интеграции, судачат о поддержке власти Лукашенко в Белоруссии, даже о претензиях на Севастополь, а то и на весь Крым...

Все это не мешает нам видеть компрадорский характер олигархии, которая отмечена следующими признаками:

1. Поддержка Ельцина на президентских выборах 1996 г.

2. Отказ признать преступлением расчленения СССР.

3 Политическая и экономическая поддержка антирусских режимов в бывших союзных республиках.

4. Поддержка экономической политики, направленной на поощрение экспорта сырья, энергоносителей и продуктов первичной переработки, импорта готовых изделий ширпотреба и роскоши.

5. Профанирование идей монархии, извращение православного мировоззрения.

Против иноэлиты русским придется вести борьбу не на жизнь, а на смерть.

У русских нет возможности жить вне Империи. Нам НЕГДЕ стать на путь изоляции. Северо-Восток, куда нам предлагает отступить Солженицын — это наихудшие земли Империи, наименее пригодные для сельского хозяйства и добычи сырья, хуже всего обеспеченные коммуникациями. У нас нет выбора между Реставрацией Империи и замкнутостью в резервации, в “русской республике.” Либо Империя будет восстановлена, либо вымороченное жизненное пространство будет поделено между США, Германией, Китаем, исламским миром, Турцией...

Александр Севастьянов

НАЦИОНАЛИЗМ ПРОТИВ СОЦИАЛИЗМА

Это есть наш последний
И решительный бой,
С “Интернационалом”
Воспрянет род людской.

Слова гимна, столетие вдохновлявшего социалистов всех мастей, на котором они воспитывались сами и воспитывали поколения

Сегодня, когда все русское общество, болезненно разбуженное перестройкой, грезит новыми планами национально-государственного устройства, резко актуализировались теоретические проблемы обществоведения.

В первую очередь, это касается проблем, связанных с естественным разделением человечества вообще и населения отдельных стран в частности, а именно, с делением их на: а) классы, б) народы и нации.

Национальная и социальная координаты любого общества — есть природная данность, определяющая жизненные установки огромных людских контингентов и каждого человека в отдельности. Именно сочетание и пропорции этих установок определяют, главным образом, массовую идеологию, которая, рано или поздно, сама определяет все общественное устройство той или иной страны.

Все исторические формы государственного устройства — есть лишь зримая оболочка, оформляющая данную господствующую идеологию, закрепляющая данные социальные и национальные отношения. Цепочка детерминант выглядит таким образом: бытие (социальная и национальная данности) — сознание (соответствующая этой данности, суммирующая ее идеология) — новое бытие (государственное устройство, воплощающее данную идеологию) — новое сознание (критика данного государственного устройства и его социальной и национальной основы; критика, отражающая изменения этой основы и зовущая к общественным переменам во имя новых перспектив) — новейшее бытие (изменившаяся социальная и национальная данность) — новейшее сознание — и т.д.

Севастьянов Александр Никитич, кандидат филологических наук, автор книг “Национал-капитализм”, “Национальная демократия”, президент Лиги защиты национального достояния. Настоящая статья написана на основе выступления автора на конференции “Государство н национальная идеология” (Москва, 01 .11.96 г.).

Непредвзятый взгляд на социально-исторические реалии наших дней позволяют констатировать принципиальные изменения в классовой и национальной структуре России наших дней по сравнению с Россией 1913 г. и Советским Союзом 1950-1970-х гг. Русское общество конца XX века категорически, в корне не схоже с российским обществом его начала и советским — середины. Это связано, во-первых, с образованием класса интеллигенции, выросшего за данный период более чем в 10 раз (с 2,7% до 30% занятого населения), и вобравшего все лучшее, все наиболее талантливое и жизнеспособное, что было в рабоче-крестьянской массе. Это связано, во-вторых, со стремительным сокращением сельского населения (с 86% до 10-12 %). Это связано, в-третьих, с исчезновением пролетариата как такового, расслоившегося на политически управляемый рабочий класс и люмпенов. Наконец, в-четвертых, это связано с превращением России в мононациональную страну, где 85% в составе населения занимают собственно русские и народы общерусского корня.

Сказанное означает, что ни одна из старых общественных теорий, ни одна идеология из числа тех, что были вполне приемлемыми, “рабочими” в начале и середине века, не годятся в наши дни. Они изжили себя, “протухли”, и место им — на исторической помойке.

А между тем, мы видим, что в нашем обществе повсеместно (а что досаднее всего — даже в среде идеологов) делаются попытки реанимировать архаические идеологии, то в виде “православия-самодержавия-народности” то в виде простого “социализма” и “коммунизма”, то в виде “национал-социализма”. Последнее представляется наиболее прискорбным и опасным для русского движения.

Люди, пропагандирующие в том или ином виде национал-социализм (А.П.Баркашов, Э.В.Лимонов-Савенко, В.Ю.Попов и другие), несомненно, относятся к идеологическому авангарду, если сравнивать их с “православными монархистами” и “интернационал-социалистами” (и коммунистами), чью политическую убогость и историческую обреченность они уже поняли, как поняли также и всю актуальность, неизбежность и прогрессивность национализма в новых российских условиях, чем и заслужили определенный интерес и доверие людей к собственным персонам. Вместе с тем, сами национал-социалисты столь же очевидно архаичны и политически зашорены (а значит так же обречены), если сравнить их воззрения с подлинно авангардной национальной идеологией.

Социологический анализ российского общества однозначно показывает: именно в России и именно сегодня любой социализм, в том числе и национал-социализм, есть лишь вредная и бесперспективная, беспочвенная, обращенная в прошлое утопия. Само словосочетание “национал-социализм” звучит на слух просвещенного русского современника как оксюморон, как “жареный лед” или “жидкая фанера”.

Опасность иллюзий, порождаемых пропагандистами “национал-социализма”, очевидна: ведь осуществление ложно поставленной задачи может завершиться только национальной катастрофой.

Цель настоящей статьи разъяснить ложность и неприменимость национал-социалистических установок в современной России. Представленная в данной статье точка зрения не есть просто беспристрастное мнение частного лица, она не “беспартийна”, не внеположна острой идеологической борьбе, развернувшейся в сегодняшней России. Эта точка зрения обусловлена идеологией современного интегрального национализма, основные постулаты которого читатель найдет в соответствующей литературе[6]. Впрочем, это имеет отношение лишь к авторской позиции и оценкам, а не к качеству аргументов.

Прежде всего напомним о том, каков есть главный враг для любого националиста. Главный враг националиста это не национализм ближайшего или отдаленного народа, к примеру, украинского или немецкого, а ИНТЕРНАЦИОНАЛ, в каком бы обличьи он ни выступал.

Приходится напоминать об этом потому, что, к сожалению, *интернационализм и социализм — в равной мере исторически органичны для русского народа, имеют один источник, восходят к исконным архетипам,* глубоко связанным между собою. Именно поэтому в России и теория социализма, и его практика до недавних пор всегда были намертво связаны с интернационализмом. Можно сказать, что интернационализм есть родимое пятно всего без исключений русского (хотя и не только русского) теоретического социализма.

Обратимся непосредственно к работам всех выдающихся русских социалистов. Их воззрения на национальный вопрос отличались ясностью и отчетливостью, в чем нетрудно убедиться.

Для краткости приведем несколько цитат[7].

М.В.Буташевич-Петрашевский: “Социализм есть доктрина космополитическая, стоящая выше национальностей: для социалиста различие народностей исчезает, есть только люди”. Буташевич искренне полагал, что в исторической перспективе в мире исчезнут не только вражда, но и различие между народами, что нации по мере своего развития утрачивают свои признаки, и что только утрачивая эти свои отличительные прирожденные свойства, они могут стать “на высоту человеческого, космополитического развития”.

П.Л.Лавров полагал, что интернационалисты в лице Маркса и его последователен возродили космополитическую традицию просветителей-энциклопедистов 18 века, придав ей новый характер и найдя социальную опору в пролетариате. Сама по себе национальность — “не враг социализма, как

---

[6] См., например: А.Н.Севастьянов. Национал-капитализм. — М., 1995; А.Н.Севастьянов. Национал-демократия. — М., 1996; П.М.Хомяков. Национал-прогрессизм. — М., 1994; П.М.Хомяков. Национализм без социализма. — М., 1996; Русский народ. Историческая судьба в XX веке. Сб. ст. — М., 1993; В.И.Козлов. История трагедии великого народа. — М., 1996, а также статью В.Б.Авдеева в данном сборнике.

[7] Подбор цитат взят из кн. А.И.Вдовина “Российская нация. Национально-политические проблемы XX века и общероссийская идея.” (М., 1995), иногда в транскрипции автора.

современное государство; это не более, чем случайное пособие или случайная помеха деятельности социализма”. Поэтому социалист, даже прикрываясь порой обликом “ревностного националиста”, имеет целью ввести людей своей нации в работу социалистических идей с тем, чтобы в конце концов национальные различия между людьми были преодолены и позабылись”. Лавров полагал, что национальный вопрос должен совершенно исчезнуть перед важными задачами социальной борьбы, для которой границ, языков, преданий не существует: “есть только люди и общие всем цели”. В дальнейшем, считал он, границы будут иметь мало значения, а там и само различие национальностей станет лишь “бледным преданием истории, без практического смысла”.

Л.Н.Ткачей в статье “Революция и принцип национальности. По поводу “Записок южнорусского социалиста” (1878) полагал, что между образованными людьми, между людьми психически развитыми нет и не может быть ни эллинов, ни иудеев, есть только люди; что интеллектуальный прогресс стремится уничтожить национальные особенности, слагающиеся из бессознательных чувств, привычек, традиционных идей и унаследованных предрасположений. Принцип национальности несовместим с принципом социальной революции и должен быть принесен в жертву последнему — это одно из требований настоящего социалиста. *Между принципом социализма и принципом национальности существует непримиримый антагонизм.* Социалист “с одной стороны... должен содействовать всему, что благоприятствует устранению перегородок, разделяющих народы, всему, что сглаживает и ослабляет национальные особенности; с другой он должен самым энергичным образом противодействовать всему, что усиливает и развивает эти особенности. И он не может поступать иначе”.

В.И.Ленин писал**:** “Пролетарская партия стремится к сближению и дальнейшему слиянию наций”, “Национальные движения реакционны, ибо история человечества есть история классовой борьбы, в то время как нации — выдумка буржуазии”. В марте 1919 г. Ленин солидаризировался с Пятаковым в том, что мир без наций — “это великолепная вещь и это будет”, жаль только, что не, скоро. И т.д.

Теоретики русского социализма — это не доморощенные мыслители, не понимавшие, кому и что они говорят. Это были, во-первых, наиболее прозорливые идеологи, создатели учения, остро ощущавшие и ясно понимавшие абсолютную несовместимость принципа национальной солидарности с принципом солидарности классовой. А во-вторых, это были столпы общественного мнения, оракулы, которые лучше других чувствовали и понимали настроения огромных народных масс и лучше других эти настроения и мысли выражали. Их влияние, авторитет были столь велики именно потому, что в них видели выразителен народной воли, народного духа.

События начала века показали их правоту в том смысле, что, связывая социализм с интернационализмом, они, как оказалось, сумели заглянуть в душу русского народа и отразить ее, как в зеркале.

Стихийный социализм и стихийное же неразличение национальностей триумфально вышли рука об руку из толщи народной жизни на поверхность жизни общественно-политической. Самый яркий и убедительный пример — выборы в Учредительное собрание в 1917 г., когда *90% избирателей (!!) проголосовало за социалистов всех мастей.* Что же, люди не видели, кто стоит во главе социалистических партий, кто составляет их ядро, их боевую головку, их штабы — всех этих цедербаумов, апфельбаумов, гершуни, азефов, гоцев, либоров, данов, розенфельдов, лурье, лениных, бернштейнов, свердловых, дзержинских, джугашвили и проч.?! Отлично видели, все знали и понимали. Но это никого не смутило! *Торжество идей социализма шло в ногу с торжеством идей интернационала* (вспомним эпиграф к нашей статье). Лишь ничтожное меньшинство, не имеющее ни веса, ни доброй репутации в политике, так называемые “черносотенцы”, впоследствии в корне изведенные, открыли для себя вторую сторону, изнанку революции и гражданской войны, *их страшный, истребительный для русской нации характер.* От большинства же русских — абсолютного, подавляющего большинства! — этот характер остался скрыт.

Почему же так получилось? Ответ на этот вопрос приходится искать в истоках древнерусского общества, точнее в природе славянской общины (концепция проф. А.Г.Кузьмина).

Славянская община, в отличие от германской, еврейской, чеченской, относится не к кровнородственному, а к территориальному типу. Это значит, что любой пришелец, поселившийся на данной территории, становился членом общины, мог вступать в брак с ее представителями, мог делать карьеру, мог быть избран старейшиной. Раб через определенное время тоже мог влиться в общину (в кровнородственной общине инородец мог быть только рабом). Защищать славяне шли не “род-племя”, а “родимую землю”. Завоевав в VI-VII вв. большую часть Центральной Европы, славяне нигде не установили своего господства, так же, как впоследствии в Сибири, Туркестане, на Дальнем Востоке.

Можно сравнить эту модель поведения с моделью поведения чеченцев, корсиканцев, сицилийцев, евреев и представителей других народов, возникших на основе кровнородственной общины, в отношении “своих” по крови людей, родни, единоплеменников, которых долг и традиция предписывает защищать в первую очередь, всегда, любыми средствами, на любой территории, независимо от обстоятельств. Их национальная победа оборачивается тотальным национальным господством, вплоть до геноцида.

Как видим, национальное неразличение, феноменальная способность ассимилировать и ассимилироваться (русские за границей уже в третьем поколении теряют национальную идентичность) существует у нас в народе как архетипическая черта с незапамятных времен. То же относится и к стихийному

социализму, так как славянская община культивировала антииндивидуализм, равноправие и самоуправление со всеми вытекающими отсюда установками.

Приход в IX веке к славянам русских племен, организованных по принципу кровнородственной общины и возглавивших новую историческую общность — русский народ, породил принципиальную оппозицию Власти и Земли. Затянувшись на тысячу лет, эта оппозиция закрепила на разных общественных полюсах противоположные психосоциальные установки. Национализм сделался исключительной привилегией аристократии, отличительным признаком верхнего класса (хотя непрерывные вливания инородцев в состав российского дворянства и здесь подрывали национальную идею).

Наряду с ярким русским национализмом Волынского и Ломоносова, “екатерининских орлов” и декабристов, Пушкина и Гоголя, Николая Первого и Александра Третьего, существовала народная национальная индифферентность. *Национальная идентичность легко и органично оказалась подменена идентичностью конфессиональной.* Если “наверху” какой-никакой русский национализм все же существовал, то “внизу”, в народе, его не было вовсе. Это дало возможность Бердяеву в 1915 г. заметить: “Россия — самая нешовинистическая страна в мире... Русские почти стыдятся того, что они русские; им чужда национальная гордость и часто даже увы! — чуждо национальное достоинство. Русскому народу совсем не свойственен агрессивный национализм”.

В начале XX века скрепы, сдерживавшие стихийные народные импульсы, ослабли, а затем и лопнули. Власть не могла больше сдерживать устремления Земли. Победа русского социализма и — как это ни парадоксально — русского интернационализма была неизбежна.

Чем это обернулось? А обернулось это национальной катастрофой и русским геноцидом. Параметры этой катастрофы здесь прописывать не место — имеется специальная литература. Поэтому не станем говорить ни о прямом и чудовищном ограблении русского народа, ни об уничтожении его элиты, ни о навязанной ему иссушающей роли донора, ни о подрыве русской биопопуляции и демографическом кризисе...

Остановимся только на одном моменте. В результате построения практического социализма денационализация русского народа дошла до невероятных масштабов. Господствующей “русской идеей” в так называемой Советской Империи стал *великодержавный космополитизм,* он же — *безродный патриотизм.* По мере того, как в союзных республиках росли национальные элиты, а с ними — местный национализм, русские чем дальше, тем больше отрекались от национального сознания. Дошло до того, что в 1986 г., по опросам, 78% русских считали себя “советскими” и только 15% — “русскими”, а 7% вообще не смогли идентифицировать себя.

Не только в русской политической теории, но и в государственной практике России сплав социализма с интернационализмом оказался

органичным, жизнеспособным, действенным, победным, но — это столь же очевидно — губительным, самоубийственным для нации. Какой урок отсюда извлечем?

Национализм и социализм две вещи несовместные, взаимоисключающие. Об этом говорят нам русские социалисты-теоретики. Об этом кричит русская социалистическая практика. Об этом гласит современная идеология русского национализма.

Нам заявляют, правда, что пример Германии 1-й половины столетия опровергает вышеприведенный тезис. Это неверно.

Во-первых и прежде всего, под личиной национал-социализма в Германии был в действительности осуществлен национал-капитализм (см. об этом работу автора "Уроки Гитлера" в кн. "Национальная демократия").

Во-вторых, трюк Гитлера состоял в том, что он посулил всему немецкому народу, включая рабочих и крестьян, роль элиты во всемирном масштабе. Таким образом элитарное (по определению) националистическое мировоззрение вмиг оказалось открыто для всех слоев немецкого общества, радостно приобщившихся к нему в предвкушении мирового господства. Можем ли мы хотя бы в бреду обещать сегодня нечто подобное русским?

В-третьих, национал-социализм действительно оказался возможен, но только не в одной отдельно взятой стране: он возникает в условиях империалистической международной эксплуатации как результат ее, когда развитые страны даруют своему населению социальные льготы и гарантии за счет эксплуатируемых народов. (Гитлер не смог добиться этого грубой силой, но его политические преемники в странах "золотого миллиарда" осуществили его заветы и мечты с помощью самого совершенного "оружия новейшего времени": экономики и идеологии.) Россия пока что бесконечно далека от подобной возможности. Ставить несообразные силам задачи — значит наверняка надорваться вконец.

В-четвертых, как говорится, "что русскому здорово, то немцу смерть". У славян и германцев разные архетипы: древние германцы жили кровнородственной общиной (и именовались по имени общего предка), а славяне — территориальной (и именовались по ареалу обитания: поляне, древляне, полещуки и т.д.). У простого немца в крови извечный национализм есть, а у простого русского — нет. Это надо твердо усвоить и не забывать.

Что из этого следует? Не надо преуменьшать сложность наших задач, но не надо и отчаиваться. Нужно трезво оценивать обстановку, ясно видеть расстановку социальных сил, их характеристики. *Нужно ставить на верную лошадь.* И здесь уместно вспомнить о тех социальных изменениях, которые произошли в послевоенной России и о которых говорилось в начале статьи. Вспомнить о том, как изменилось соотношение рабоче-крестьянской массы и интеллигенции, о том, как изменился политический вес, общественный потенциал этих классов. Охарактеризуем в нескольких словах ситуацию.

За последние годы мы убедились в том, что народ утратил навыки роевой, классовой жизни — а вместе с ними и всякое самостоятельное значение в социальной борьбе. Народ — мы видим это воочию — не борец и, соответственно, не творец истории. Организовать народ на борьбу за свои классовые права, классовые интересы не могут даже коммунисты, чья реликтовость и недееспособность наглядно проявились во время фактически провалившееейся всероссийской акции протеста 27 марта 1997 г.

Организовать народ на борьбу за национальные интересы не получится и подавно. Спросите у русского рабочего, крестьянина, как они относятся к русскому национализму. Почешут в затылке: “А у меня бабка — татарка...”, “А у меня друг — еврей...” “Да чего там, Россия большая — всем места хватит...”.

Баркашов — лидер именно народного, социалистического течения национализма — собирался баллотироваться в президенты, но не сумел собрать и миллион подписей. Навряд ли за ним пошел бы хоть один процент населения. Определенно: народный вариант национализма, то есть именно национал-социализм, как и любой другой социализм, в принципе непроходим в сегодняшней России.

Итак, мы не можем завербовать народ в наши ряды в качестве активных сторонников, бойцов. Но нам это и не нужно. Сегодня народ в политике мертв. А народный русский менталитет — это своего рода рудимент, уже не определяющий тенденций общественного развития, практически не формирующий общественное сознание. Утрата *такого* соратника — небольшое горе.

Однако мы можем превратить народ если не в союзника, то, по крайней мере, в силу нейтрально-благожелательную. Для этого мы должны обещать народу одно: социальные гарантии. Отвергая социализм как общественный строй, мы, однако, дадим ему работу, отдых, медицину, жилье, еду. **Не больше. Но и не меньше.** Сегодня и эти простые гарантии — недостижимая мечта.

Социальные гарантии должны действовать избирательно: только своим, только русским. Если кто-то захочет увидеть именно в этом “национал-социализм” — ради Бога. Для нас же важно увидеть в этом другое: *реальный механизм пробуждения* (только лишь пока пробуждения!) *национальных инстинктов.* И можно предполагать, что запустить этот механизм будет непросто: русские же и будут негодовать: “Ваньке с Манькой на троих детей пособие дали, а Ахмету с Фатимой — у них пятеро! — не дали. Несправедливо! Ванька, делись!!”

Любой радетель и заступник русского народа должен зарубить себе на носу: национализм придется насаждать в народе вопреки его исконным установкам, ломая привычный психотип и искореняя архетип. Нужно ли это делать? Не уверен. Получится ли? Гарантий успеха нет.

Иное дело — интеллигенция.

Многие сочтут это парадоксом, но именно русская интеллигенция может быть и непременно будет опорной силой русского национализма.

Нам говорят: интеллигенция вся космополитична. Это правда лишь постольку, поскольку наука и культура располагают истинами и ценностями, выходящими за рамки национального. Интеллигент принадлежит миру культуры, который только на первый, поверхностный взгляд не имеет границ. Чем шире эрудиция интеллигента, тем яснее видит он особенности национальной культуры народов вообще и своего народа в частности, тем лучше может оценивает его неповторимую самобытность и его место в культурной истории человечества. И вообще он постигает простой и неопровержимый факт: подлинная культура всегда национальна, она этим только и интересна, этим и значительна, и важна. Никто так, как культуролог, не убежден вполне в необходимости существования отдельных наций, национальных границ, национальных традиций, никто так не поносит смешение наций и рас, создание ублюдочных цивилизаций (именно цивилизаций, а не культур: культура полукровок есть нонсенс). Национализм, таким образом, — признак зрелости интеллигента.

Наша русская интеллигенция молода: одно-два поколения, как правило. Но сейчас приток в нее со стороны (из других классов, сословий) практически прекратился: она превращается в достаточно замкнутое сословие, где статус интеллигента становится наследственным[8]. Это значит, что сословная зрелость не за горами.

Нам говорят: интеллигенция не патриотична, двести лет она только и делала, что с разных сторон разрушала великую Россию, а потом Советский Союз. Это неверно фактически: кто, спрашивается, строил ту же великую Россию, тот же Союз? Разве хоть один строй, хоть одна страна могли бы удержаться на мировой арене, где идет беспощадная борьба за выживание и господство, без своей интеллигенции? Разве не благодаря НТР и “зеленой революции” мы все сейчас едим, одеваемся, защищаем себя от природных невзгод и от врагов?

Дело не только в том. Значительная часть интеллигенции (хоть и далеко не вся) словом и делом испытывала Россию и СССР на прочность, критиковала и стремилась к переменам. Но, во- первых, было за что критиковать. А во-вторых, жилось-то интеллигенции при Романовых неважно, а при Советах и вовсе погано. Разве царизм и советская власть когда-либо прислушивались к интеллигенции? Считались с ее интересами и потребностями? Относились к ней с вниманием и уважением? Допускали к рычагам управления? Нет, ее всегда третировали, держали за людей третьего сорта, выслушивали только, чтобы поступить по-своему, вопреки советам, пытались превратить в род интеллектуальной обслуги режима (в чем частично преуспевали), платили мизерные деньги, совершенно не соответствующие ее вкладу в народное

[8] Правда, есть проблема: это нерусская российская интеллигенция и полукровки, люди с нечеткой национальной идентификацией. Они бывают зачастую даже патриотичны, но уж конечно, ожидать от них не то что русско-националистических настроений, а хотя бы элементарной заботы о русской нации, о ее будущем — наивно. Большинство из них прямые космополиты! Но блокировка этой части интеллигенции вполне выполнимая технически задача: грамотно сформулировать ее значит уже наполовину решить. Этих людей относительно немного. Было бы только кому ими заняться...

хозяйство, надзирали за ней, затыкали ей рот, преследовали за убеждения, а то и просто уничтожали и экспроприировали, ограничивали в доступе к информации, не давали зарабатывать честным трудом и т.д. и т.п. Словом, низводили интеллигенцию до полукрепостного состояния, обращались, как с неприятелем, да еще изумлялись, почему-де она не патриотична!

Давно, еще Княжниным, замечено: “Раб не имеет отечества”. Интеллигент и не должен теоретически быть патриотом в рабоче-крестьянском государстве — это не его государство. (На самом деле, как ни странно, русские интеллигенты, вопреки всему, в большинстве своем были патриоты: и трудились самоотверженно, и на фронтах гибли, и Родину любили...) Но вот на наших глазах произошло колоссальное всемирно-историческое событие: российская буржуазно-демократическая революция. Ее главной движущей силой — впервые в мире! — была именно интеллигенция. В награду она получила гражданские свободы, без которых она задыхалась, как рыба без воды, а также возможность заниматься профессиональным интеллигентским бизнесом: врачебным, учебным, юридическим, издательским и т.п. Но главное: интеллигенция, по сравнению с советским периодом, прямо-таки скакнула во власть! Достаточно сравнить по социальному составу нынешние представительные органы власти с советскими, где существовали квоты, жестко ограничивающие интеллигенцию, чтобы в этом убедиться. А рост влияния интеллигенции, связанной со СМИ! А возросшее значение экспертов во всех сферах жизни, включая политику! Немалое значение имеет и отмена социальных разнарядок при приемке в вузы, чем обеспечивается сословная преемственность...

Словом, хотя бюджетная интеллигенция, которую государство содержать уже не хочет, а новые структуры еще не могут, попала в ужасное положение вместе с большей частью всего народа, тем не менее характер совершившихся перемен позволяет прогнозировать: наше будущее — это технократическая Россия, в которой приоритеты будут определяться интеллигенцией и, в первую очередь, для интеллигенции. В этом гарантия того, что интеллигенция, укрепившая свои социально- политические позиции, впервые в истории страны почувствовавшая себя ее хозяйкой, получившая доступ к управлению и к большому бизнесу, неизбежно проникнется и патриотизмом, и национализмом — патриотизмом и национализмом хозяина, не желающего делить свой дом с чужаками. А поскольку сегодня в России абсолютное большинство интеллигенции — русское, не может быть и сомнений в характере ее национализма. Пусть с задержкой, но мы пойдем по пути, по которому уже пошла интеллигенция украинская и литовская, чеченская и казахская... Национализм — элитарен; элита — националистична.

Есть и другие, дополнительные соображения в пользу такого прогноза событий. Интеллигенции имманентно присущи индивидуализм (ее родовое свойство), себялюбие, она поддерживает себя в состоянии перманентной оппозиции к народу и его архетипам. Именно для интеллигента вполне

возможен и объясним теоретически национальный эгоцентризм (то есть национализм в его современном понимании) как суммарный эгоизм многих особей, объединенных по единому национальному признаку. Человеку из народа, с народными представлениями о справедливости, с инстинктом коллективизма, все это объяснить куда труднее. Труднее ему, нежели интеллигенту, и сопротивляться нивелирующему, денационализирующему влиянию масс-культуры (не случайно сегодня народ — уже не творец и не хранитель русского языка). Ну и, наконец, русскому интеллигенту как человеку просвещенному, знакомому с отечественной историей и русской культурен, по большей части присущи и национальная гордость (вспомним письмо Пушкина Чаадаеву!), и понимание нерасторжимой экзистенциальной, несмотря ни на что, связи с народом. Надо лишь уметь пробуждать и использовать эти чувства.

Итак, мы должны систематически атаковать, будить “мозг нации”, интеллигенцию, добиваться того, чтобы мысли, которые еще вчера казались ей дикими, сегодня стали привычными, а завтра — естественными. Вода долбит камень. Только овладев сознанием русской интеллигенции — главной общественной силы современности, мы полностью овладеем и политической ситуацией в стране.

Национализм — идеология, вырастающая на почве перерождения народа в буржуазную нацию. Это глубоко буржуазное по своей сути мировоззрение. Оно не совместимо ни с каким “социализмом”. Таковы истины обществоведения, заслуживающие названия азбучных.

В России буржуазно-демократическая революция уже свершилась. Это значит, что в ближайшем будущем национализм станет ведущей идеологией в стране. Это, в свою очередь, значит, что вслед за буржуазно-демократической произойдет революция национальная. Ее главной движущей силой будут русские предприниматели и русская интеллигенция. Иного не дано. У нас есть все основания дам оптимизма. Победа будет за нами!

Владимир Авдеев

ИНТЕГРАЛЬНЫЙ НАЦИОНАЛИЗМ

“У узкого национализма такие
же короткие ноги, как у лжи.”

Освальд Мосли

Кастовая структура древних обществ

Когда в Центральной Европе, в Центральной Азии, в Средиземноморье, в Индии, Китае и Латинской Америке появились первые государственные образования, то все они, совершенно незнакомые друг с другом, с поразительной точностью воспроизвели один и тот же тип общества. Независимо от географии возникновения и даже расовой принадлежности в лоне всех этих культур возникала вертикальная организация, принципиально сводимая к четырем основным компонентам.

Высшее положение в обществе занимала каста жрецов (брахманов) — цвет национальной элиты — в обязанности которой входило накопление, сохранение и передача из поколения в поколение эзотерических знаний с целью повышения жизнеспособности всего общества в целом. Социология, магия, психология, астрология, география, этнопсихология, медицина и множество других наук, накопленных в процессе обитания данного этноса в его ареале, были сферой деятельности жреческой касты. Эта каста представляла собой коллективный Разум предков, и на основе этого Разума должна была вырабатывать оперативные решения в зависимости от сложившейся ситуации. В обязанности данной касты входило обучение здоровой и полноценной жизни всего вверенного им Богами общества. Само слово “жрец” происходит от простейшей архаической связи двух слов, означающих “жизнеречение”. Бытие жреческой касты было соткано не только из контроля за высшими знаниями, но и из долга, чести, трезвомудрого расчета и самопожертвования.

Вертикальная иерархия в традиционном обществе соблюдалась неукоснительно. Жрецы как высшая каста всегда должны были жить обособлено, не смешиваясь с остальными соплеменниками. Жрецами могли быть только жрецы по крови. Кроме того, прошедшие строжайшие инициатические испытания. Т.е. мало было родиться жрецом, им еще

Авдеев Владимир Борисович, писатель и философ, автор ряда книг и статей, посвященных истории религии и древних обществ. Настоящая публикация представляет собой переработку статей “Кастовая этнократия”, “Интегральный национализм”, “Была Евразия, теперь — Азиопа”.

надлежало стать, доказав неоднократно свою профессиональную пригодность. Имея доступ к высшим ценностям — национальным эзотерическим знаниям — и развивая их, они должны были понимать душу своего народа. За утрату этих знаний, передачу их другому этносу и даже их искажение жрецам грозила немедленная смерть.

Невзирая на исключительно высокое положение, на то, что жрецы имели собственность и все общество содержало их, чтобы физический труд не отвлекал их от священнических функций, тем не менее, на общем фоне своего экономического положения в обществе они никак не выделялись.

Древние общества с самого их зарождения вовсе не были основаны на принципе насилия; они были основаны на принципе естественно сложившейся идентификации “свой — чужой”. Если применить принцип социального дарвинизма к кастовым этнократиям, то получилось бы, что в древнейших обществах у кормила власти стояли бы наиболее сильные и выносливые представители этноса. Однако мы наблюдаем всюду совершенно противоположную картину. На высотах власти царили физически ничем не примечательные люди. не носившие даже оружия, но им обязательно подчинялась нижеследующая в иерархии каста — каста воинов (кшатриев).

Основу этой касты составляли физически одаренные и доблестные люди, профессиональная деятельность которых была сопряжена с риском для жизни. Жертвовать жизнью во имя интересов всего общества — вот а чем состояла их сословная миссия. Они также были освобождены от всех видов хозяйственной деятельности. Закалять душу и тело в походах и кровавых битвах, повинуясь только внутреннему чувству долга и приказу командира — вот в чем был смысл их существования на земле.

Все, что прельщает прекрасных дам в рыцарском кодексе чести, — непременные атрибуты кастовой энтнократии. Понятия долга, чести, внутренней моральной дисциплины, проистекающих не из принуждения, но из принципов профессиональной принадлежности, — все это отличало представителей касты кшатриев.

Трусость, добровольная сдача в плен, утрата высшего символа — воинского знамени — в классических кастовых сообществах не допускались и во всех случаях провинившиеся карались смертью. Здесь, как и в жреческой касте, привилегии всегда уравновешивались мерой ответственности кшатриев перед обществом. Каждый воин получал в соответствие с содеянным. Ордена, повышения в звании, разжалования, офицерский суд чести, дуэль, расстрел — все это не более, чем функциональные элементы жизнедеятельности воинской касты. Равного по положению в обществе воин вызывал на поединок, в котором шансы на жизнь распределяются между сторонами поровну. Человека же более низкого звания, выразившего непочтение к воину, приказывали выпороть или просто спустить с лестницы.

Следующей по рангу кастой была каста производителей материальных благ, объединяющая 60-70% этноса. Все представители данной касты — от

наемных рабочих до крупнейших землевладельцев — также подчинялись законам чести и долга. Профессиональное мастерство, моральные ценности цеховой солидарности, слово купца, качество товара — вот нравственные категории, которыми жила эта самая многочисленная каста. Человек, которого публично попрекали невыплаченным долгом, даже если он занимал невысокое положение в обществе, мог покончить с собой, как и офицер, неспособный постоять за свою честь. В канцеляриях русских купцов испокон века не велось почти никаких деловых бумаг, кроме амбарных книг, потому что слово русского купца было “бриллиантовым”.

В отношениях между людьми, занятыми производством материальных благ, также как и в иных сферах жизнедеятельности, в древности прекрасно работал все тот же принцип идентификации “свой — чужой”. Ни один мастер никогда не учил молодого подмастерья, если из него, по его разумению, не могло выйти ничего путного. Ни один пахарь не доверял плуг чужаку, который не любил и не боготворил землю как великую кормилицу: оскорбить Мать-сыру-землю — кощунство для человека, подлинно привязанного к земле.

Налог, уплачиваемый представителями третьей касты на содержание первой и второй каст, выполнял, помимо фискального своего значения, еще и глубоко мистическую функцию. Он означал скрепление каст в единый национальный механизм. Ведь ни один крестьянин, рабочий или купец не в силах заставить жреца иссушать свой мозг в поисках единственно верного решения для спасения нации, также как не способен он и заставить воина умереть в неравном бою за тридевять земель от родного очага.

Не логика хозяйственной жизни ведет к такой взаимосвязи, о нет, но логика биологической жизни дает нам нерушимое соединение здоровых форм бытия. Пахарь или иной работник клянется воину, а тот, в свою очередь, принародно отдает честь жрецу. И всеми ими движет не рабская сущность марксистского принуждения и не скотоподобный страх “классовой эксплуатации”. Сама мистерия жизни, независимо от цвета кожи людей и форм их миросозерцания, всюду правит одним и тем сценарием своего впечатляющего бала! Не хозяйственные различия хотим мы выявить, но естественно-природные, закрепленные и освященные магическим ритуалом. Жизнь не может быть неэкологична и несоразмерна законам, которые она не устает всюду являть.

Вполне очевидно и не нуждается в доказательствах, с учетом всей хозяйственной истории человечества, что эта основная масса населения, самой Природой заключенная о рамки третьей касты, производит всю совокупность материальных ценностей, необходимых для полноценного и независимого существования этноса. Представителей данной касты никто и никогда не ограничивал в овладении материальными благами. Освобожденный раб в древнем Риме мог быть сколько угодно богаче своего бывшего хозяина, и монархическая мощь великой империи нисколько не противилась этому.

Роскошь, удовольствия, дворцы — все мог иметь нувориш, кроме одного: за деньги он никогда не мог купить положение в обществе; он не мог влиять на выработку стиля жизни; он не смел касаться сакральных основ бытия, созданных самой жизнью и Богами. Нувориш не смел там, где ему было не положено, задавать тон и освящать алтари. Смысл и стиль жизни в кастовых этнократиях вырабатывал жрец, а воин осуществлял их своей волей и своим мечом. Так было везде и у всех народов и рас.

Наконец, к четвертой касте (шудр) принадлежали отверженные члены общества, в силу своих моральных и физических качеств, способные не к самостоятельной жизни, но лишь к социальному паразитизму: рабы, нищие, наркоманы, проститутки, половые извращенцы, воры, психически невменяемые, и все подобные прочие — все эти типы людей. Представители этой касты составляют не более 10-15 % численности здорового общества.

Слово “шудра” — означает “подлый”. Отсутствие всяких моральных обязательств перед народом и обществом является основной отличительной чертой этой касты. Поразительно: и не только на вершинах социальной пирамиды, но среди отбросов общества работает принцип идентификации “свой — чужой”. Отщепенцы быстро признают друг в друге своих, группируясь вокруг одинаковых историй разбитой жизни, как и вокруг нищенского костра в непогоду.

Марксизм и здесь дает логическую трещину, ибо не может объяснить, почему древние общества, находившиеся у самых истоков экономического развития, содержали эти явные отбросы, а не тотально истребляли их по праву сильного. Видимо, из-за самой их природы ненасилия, заложенной в основе всех кастовых этнократий. Жрецы, воины и работники взирали на щудру как на проклятье Богов.

“Боги ведают, что творят”,- полагали они, исходя из соображения, что все люди различны от рождения и нет смысла требовать от человека невозможного.

Реалистическая антропология и здоровье нации

Обращаясь к классическим ценностям, национализм не может игнорировать достижения современной консервативной философии. Немецкий философ Герд-Клаус Кальтенбруннер, формулируя свои тезисы, писал: “Исходным моментом консервативной теории является реалистическая антропология”. После этого заявления становится очевидной ложь коммуно-евразийцев, русских космистов и иных “всечеловеческих” философов, избегающих применять терминологию расологии и антропологии, а также предпочитающих вместо реальной этнической статистики и психологии архетипа говорить о непременной духовности в условиях генетической анархии. В смешении они черпают отраду и вдохновение для своих вздорных писаний. Их труды — это гербарии из сорняков. Их доводы — это

ментальность постоялого двора. Нам не по пути с кочевниками от философии, осуществляющими свои трансцендентные набеги на любую аристократическую мысль. Мы напротив, предпочитаем “реалистическую антропологию” и, как результат, искусство разделения, ибо смешение не может быть ни культурным, ни совершенным, ни прогнозируемым.

Борьба с извращениями, патологиями, наркоманией, гомосексуализмом должна быть возведена в ранг государственной политики и проводиться в виде масштабной евгенической программы. Люди же с патологическими отклонениями в психической и сексуальной сферах должны быть поражены в политических правах. У дегенератов должно быть только одно право — право не плодить себе подобных.

Избирательное право должно стать не всеобщим, и между полноценными членами общества оно должно и будет распределяться дифференцированно. Мы не должны позволять, чтобы голос боевого офицера приравнивался к голосу проститутки, чтобы лицедей затмевал мудреца, а фотомодели навязывать свою систему ценностей изобретателю. Маргинальные, умственно бесперспективные люди не должны иметь возможностей для достижения высокого положения в обществе, влиять на судьбы нации. Настоящий плюрализм мнений бывает лишь в выгребной яме, в других местах плюрализм должен считаться делом неприличным.

Для кастового общества совершенно безразлично, кто на улице просит милостыню: цыгане или марсиане — они своей национальностью лишь увеличивают к ним отвращение. Подача им милостыни здесь носит ритуальный характер с целью избавления от некой назойливой оккультной напасти в виде ублажения демонов. Площадные рифмоплеты и лицедеи из шудры, даже если их угораздило дорасти до уровня друзей некого владыки, у нормального человека также способны вызвать лишь суетную ухмылку от спорадической рифмы или неосознанной аллегории. Не более.

Национальность в самом низу общества ничего не значит, она тонет, будто детская игрушка в бочке с мутной водой. Национальность шудры вещь столь же непроглядная, как и национальность осеннего дождя. Однако, если подняться по социальной лестнице на ступень выше, мы замечаем, что этнический принцип начинает играть все более заметную роль. Качество любой работы и товара напрямую будет сопряжено с этноментальностью и привычками производителя. Человек, неспособный к усидчивости, не привыкший к длительному кропотливому творческому труду, не может создать законченное совершенное творение, требующего длительного созидательного процесса.

Своего апогея этническая доминанта достигала в условиях деятельности высшей жреческой касты, ибо принцип чистоты крови, помноженный на чистоту мировоззрения, здесь был просто необходим. Узкий круг жрецов занимался обработкой эзотерических знаний во всех их направлениях. Нередко получалось так, что несколько жрецов, или даже один жрец, контролировали

целый аспект жизни общества, концентрируя всю полноту власти в своих руках. Понятно, что вторжение чужой ментальности могло иметь самые роковые последствия для всего этноса. Именно поэтому во всех жреческих коллегиях всех государств неукоснительно велись родословные книги, и под знатностью происхождения жреца всегда подразумевалась его этническая чистота. Вверять священные знания своего этноса чужакам всегда было страшным преступлением по понятиям жреческой касты. Никакие добродетели не позволяли человеку из другого племени посягать на багаж высших знаний, накопленных представителями коренного оседлого населения. Принцип идентификации “свой — чужой” в высшей касте жрецов достигал почти абсолютного звучания.

Современному человеку, воспитанному на аксиоме “равенства всех людей”, изначальное деление общества на касты покажется неким “варварским изуверством”, т.к. он полагает, что это не дает ему реализоваться. “Проблема” эта, из-за которой в классической русской литературе сломано столько копий, в условиях кастовых этнократий древности была решена еще на этапе их создания. Никто в те времена не учил такой очевидной глупости, что у любого родившегося человека должен быть один и тот же смысл жизни. Их подразумевалось, как минимум, четыре, т.е. по числу каст. В душе каждого человека существовало как бы зеркальное отображение сословного “устройства”. Многомерное существо — человек — по представлению древних, должно было реализовать себя, во-первых, на уровне социального долга, т.е. нравственных обязательствах, морали и чести; во-вторых, на уровне способности производить материальных благ и связанным с ними ростом его положения в обществе; в-третьих, — всего того комплекса морально-этических и эстетических проблем из-за принадлежности каждого к своему полу; и, наконец, в-четвертых, на уровне высшего просветления и трансценденции, парящих за пределами обыденной жизни.

В древности ни один вид государственного устройства никогда не был столь щепетилен и требователен к качеству человеческого материала, как кастовая этнократия. Продвижение наверх по социальной лестнице, помимо чистоты мировоззрения и благородства происхождения, еще требовало и генетического совершенства.

Евгенические законы, основанные на принципе улучшения качества потомства, в целях совершенствования всего этноса, его моральных и физических достоинств были заложены в основу всех мировоззренческих доктрин древности.

В Спарте дегенератов сбрасывали в пропасть. В зороастрийской Авесте присутствуют трактаты о ритуальном уничтожении гомосексуалистов, то же самое имеет место и в иудаизме. Древнеарийский воинский Бог Митра, кроме своего прямого кшатрийского назначения, являлся также оккультным борцом с ложью, заблуждениями и половыми извращениями. У древних славян и

германцев в национальной мифологии присутствовало множество табу в сексуальной сфере.

Все цивилизации древности, оставившие нам свидетельства своего былого культурного величия, были предельно взыскательны в отношении расовой, этнической и кастовой гигиены.

Качество крови было необходимым атрибутом отношений между полами вплоть до эпохи европейского Романтизма, и только революционные какофонии последующих времен изменили это незыблемое правило. Декадентские фантазии и модернистские извращения поколебали самый принцип генетической полноценности и как следствие сокрушили классическую мораль. Генетически неуправляемая любовь сделалась символом свободы и XX в.

Можете ли Вы себе представить в Древнем Египте, Вавилоне или в Иудее государственный орган под названием “Совет по делам национальностей” или политическую партию под названием “Женщины Египта”, или “Одалиски Пальмиры в борьбе за реформы”, или “Совет Ветеранов Пунических войн”? Можете ли Вы себе вообразить Александра Македонского, занятого лавированием между исполнительной и законодательной властью в десятках суверенных государств его империи от Македонии до Индии?

Неравные изначально и природно, смешанные в мнимом неосязаемом равенстве люди производят вместе ту пеструю и хаотическую картину современного мира, которую мы сегодня наблюдаем: воинов с душой приказчика, философствующих пахарей, нищих, наполненных “возвышенным духом” и т.д. Личность жреца уравнивается с личностью воина, торговца и профессиональной проститутки. Древний принцип кастовой идентификации “свой — чужой” размывается, нравственные традиционные категории духа, чести, священного становятся ненужными.

Но люди остаются разными сословно и ментально, нравственно и психически. Все нации различны в принципе и по сути, все они имеют свои задачи, свою мораль, свои цели. Все расы различны по своему происхождению. Смешение неравных в равенстве ведет к хаосу и деградации.

От евразийства к азиопству

Общество болеет тяжелее всего не физически. Организм нации более всего подрывают болезни идеологические. Одной из таких болезней является евразийство, расцветающее в России во время самых тяжких исторических испытаний.

Сегодня евразийство становится инструментом борьбы кочевых этносов, возглавляемых среднеазиатскими обкомами компартии против оседлых народов — прежде всего, русского. Еще вчера идеологии этой концепции строили свои спекуляции на доводах о единении экономик, но быстро сменили увещевания на угрозы, как только кочевые народы, поддавшиеся

неистребимым инстинктам, присвоили себе все, что было создано на территории их проживания талантом народов оседлых. едва цивилизованные народы евразийского пространства оказались в экономическом и политическом затруднении, лишились ясной национальной идеологии и национальных приоритетов, тотчас ментальность ордынского дикаря, привыкшего жечь, насиловать и грабить, выплеснулась наружу. Подвиги хромого кочевника Тамерлана вновь ожили в сознании любителей наживы.

Открытый грабеж был санкционирован и направлен евразийской концепцией. Именно евразийцы оправдывали крах царской России, а позднее благословили развал СССР. Будто сплетенная руками фокусника из разноцветных веревок, эта фрагменты этой концепции при желании иллюзиониста-обманщика могут расплетаться и вновь переплетаться в самых причудливых сочетаниях, сохраняя, между тем, исходные этнопсихологические и геополитические компоненты.

Оправдав многовековое монголо-татарское иго на Руси, евразийцы воспели и революцию 1917 года. Эмигрант князь Николай Трубецкой в 1920 году выступил с прославлением туранского наследия и призвал все народы Земли к освобождению от “гипнотического действия цивилизации”. Всю новейшую историю, начиная с Петра I, он назвал “романо-германским игом”, причем более тяжелым, чем татаро-монгольское. Другой евразиец князь Святополк-Мирский объявил большевистскую революцию “восстанием русских масс против господства европеизированного ренегатского высшего класса. Русский поэт А.Блок, увлекшись поэтизацией архаики, даже назвал эту революцию “скифской”. (Теперь будем знать, что Лейба Троцкий и Янкель Свердлов были скифами!)

Двигательной энергией этого иллюзионистского обмана является теория пассионарности, сформулированная Л.Н.Гумилевым. Согласно этой теории, пассионарным является человек с избыточной внутренней энергетикой, человек, которому не сидится дома, и он пускается на поиски приключений. Такие люди формируют пассионарные народы.

Если внимательно присмотреться к евразийским мистериям Гумилева, то мы увидим прославление царства наживы и сексуального бандитизма. Нигде на страницах его многотомных сочинений не встречается апологии интеллекта, духовности, творчества. Все культуры, государства, религии были, по Гумилеву, созданы революциями пустых желудков и набухших гениталий, а великое Российское государство отстраивалось предприимчивыми метисами. Роль личности с присущими ей моральными обязательствами и духовностью были выведены за рамки гумилевской историософии.

В гумилевской теории русские, как и другие народы Европы, выглядят неспособными к самоорганизации. Только степной гений Великого Турана, по Гумилеву, прекращает европейские склоки и приводит к долгожданному покою и равновесию в законченных государственных формах. Так, сострадательно описывая крашение империи турок-османов, Гумилев демонстрирует генный

штамм потомственного тюркофила. Как было хорошо, говорит он, когда молодой турецкий аристократ обращался к матери по-польски, а к бабушке по-итальянски! При этом кормчий мировой пассионарности из евразийской скромности забывает, что и мать, и бабушка этого вельможи были просто белыми рабынями, купленными на невольничьем базаре для укрепления и облагораживания разбойничьей крови. Г.Климов гениально окрестил этот паразитический прием “генным варварством”- похотливый узкоглазый бай набирает себе рабынь для удовлетворения низменных похотей, мальчиков обрезаю для продажи в наемники или оскопляют для надзирания за гаремами.

Необузданный варвар-гумилеид — вот герой комиксов, которыми увлекаются современные философы-патриоты. Как гласит народная поговорка, ворон к ворону летит. Падальщики слетаются на пиршество бесчисленных евразийских конференций.

Сегодняшняя Россия, подавившаяся евразийством, встречает на своем “третьем пути” ненависть как с Запада, так и с Востока. Восток ненавидит Россию как неумелого эпигона Запада, Запад — как неизбывную азиатчину. Ненавидят за то, что мы пытаемся сидеть на двух стульях, выхаживая мичуринское древо “третьего пути”.

Как и в 20-е годы, евразийство возродилось усилиями диссидентов, оппозиционеров, внутренних мигрантов и “вечных студентов”-бунтарей. Зародившееся в конце XIX века усилиями К.Аксакова, А.Хомякова, К.Леонтьева, Н.Данилевского как разновидность обновленного панславизма, евразийство сегодня прочно забыло о своих истоках, выродившись в пантюркизм, панисламизм.

А.Дугин на страницах своих книг открыто признается в любви к Великому Турану, проповедует “исход к Востоку”, агитирует за “Европу от Дублина до Владивостока”. Но его подельщик по теории “большого пространства”, исламский фундаменталист Г.Джемаль при этом задается справедливым азиопским вопросом: почему Европа до Владивостока, а не Азия до Дублина?”. И действительно, какая разница, если пространство общее? Ведь главное, кто наглее заявит свои права на обладание им!

Все евразийцы — одного происхождения. Грехи предков назойливо цепляются за спесь потомков. Рабы, по прежнему ненавидя рабовладельцев, продолжают искать их. Евразийская философия — этот уловка голодного бесчестного оборванца, похищающего яства со стола во время званного обеда родовитых персон.

Современный оскароносный дворянин-режиссер, ведущий родословную от постельничьего царя Алексея Михайловича, все время пытается представить пляски цыган в качестве краеугольного камня русский духовности [1] .

Они “творят” с особым рвением когда горят библиотеки.

[1] Для любителей цыганских романсов и цыганских плясок приведем официально опубликованную цифру: среди цыган зарегистрировано в шестьдесят раз больше распространителей наркотиков, чем среди русских.

Наблюдая за мыслительным процессом евразийца, невольно замечаешь в нем хаотическую игру идей, порождаемых кровосмесительными импульсами. Евразией по своей природе — расовик-затейник, культурмичуринец. В мешанине идей он чает найти долголетие, плодовитость и здоровье. Чем больше загубленных исходно-чистых культур, тем более научной считает он свою теорию. Современное евразийство окончательно стало азиопством — болотом, засасывающим неосторожных мыслителей, облепляя его пиявками своих паразитических идей.

Современная цивилизация выработала целый комплекс мер по борьбе с паразитами. Настал и наш черед использовать аэрозоли и дезодоранты против пахучих евразийских паразитов. Единственное средство от евразийства, как и от других инфекционных идеологий, — гигиена. И не только расовая, но и, в первую очередь, гигиена мысли.

От патриотизма к национализму

Последние два года обозначили перелом в сознании русской национальной элиты. Еще совсем недавно труды теоретиков славянофильства, белой эмиграции, евразийства и тому подобной архаики считались незыблемыми авторитетами в интеллектуальной среде. Концепции Третьего Рима, Евразийской империи, монархической державности по старинке еще бередили сознание даже весьма и весьма неглупых людей, и только в 1995-96 гг. произошел качественный скачок. Классическое определение “национал-патриоты”, будто единое покрывало, укутывавшее клубок бушующих разнохарактерных идеологических движений, лопнуло от напряжения внутренней борьбы. Национал-патриоты, до этого неосознанно выступавшие единым фронтом, наконец разделились на патриотов и националистов. Этот разрыв между старым, отжившим, и новым, стремительно прокладывающим себе дорогу в будущее, ясно оформился в окончательно обнажившемся противоречии между патриотами и националистами. Две системы ценностей окончательно размежевались, оформились и заявили себя во всей полноте.

Все противоречия, клокотавшие в лагере интеллектуалов, озабоченных судьбой Родины, ушли на второй план или исчезли вовсе, ибо на первый план окончательно вышел корневой философский вопрос, лежащий в основании каждого большого государственного организма. Что выше: кровь или почва? Реставраторы социализма, борцы за православную монархию, коммуно-евразийцы, а также ревнители антикварной эстетики белой эмиграции — все они так или иначе отдали свое предпочтение объединению по принципу почвы. Все, в чьем сознании “золотой век”, “Святая Русь” и иные символы благополучного величия лежали в прошлом, предпочли единство по признаку общности территории. Но те, кто желает видеть принципиально Новую Россию, кому лубочно-сусальная Русь не застилает сознание и не щемит сердце, кому чужды византийская набожность и тяжеловесная

сентиментальность царской империи, все они отдали предпочтение первоверховенству крови. Все, кто желают видеть Россию мощным динамичным жизнерадостно-активным и ультрасовременным государством, все, для кого ее будущее ценнее всего, пусть даже героического и помпезного прошлого, — все они отдали предпочтение национализму.

Провозгласив торжество нации над всеми пустыми разговорами о сакральной духовности, о невидимой красоте многонациональной души, подавляющее большинство интеллектуалов, не сговариваясь, стали рассуждать о расах и соответствующей ментальности, о нордическом типе человека, о родине ариев и о промышленной цивилизации Севера. Все, что доселе было смешанным в условиях коммунальной евразийской идеологии, разделилось и обозначилось. Эффект от достигнутого прозрения был подобен разорвавшейся бомбе. Националистическое мышление разом представилось более современным, научным, взвешенным. Там, где патриот, апеллируя к своей системе ценностей, прибегал к сумбурным ностальгическим образам и безотносительным определениям, там националист стал оперировать данными расовой и этнической статистики. Там, где патриот взывал к безликой вненациональной духовности, националист предпочел уже говорить о расовом архетипе.

Патриотизм — это способ выиграть войну, а национализм — это способ выиграть мир. Главное для национализма — усовершенствовать качество нации, добиваясь при этом ее количественного роста. А эта работа не знает предела, поэтому национализм, победив в войне, не останавливаются в своем развитии, а напротив, переходит на уровень выше, Победив физически, он начинает неминуемо желать господства в интеллектуальной, духовной и религиозной сферах.

Таким образом национализм всегда будет иметь поле деятельности, не зная пределов. Он будет возвышать и совершенствовать свои задачи по мере возвышения и совершенствования самой нации. Народ в понимании интегрального национализма — это порода, из которой можно отлить клинок и в процессе закаливания и обработки создать. оружие в своем совершенстве подобное произведению искусства.

Патриот при всяком упоминании о недостатках его народа чаще всего пытается апеллировать к недостаткам других народов, а затем сокрушенно разводит руками, констатируя как наивысшую мудрость: “что же делать, ведь другого народа у нас нет и не будет!”. Именно в этом пункте националист кардинально расходится с патриотом, ибо знает, что мы можем иметь другой народ, если сами этого захотим. Недостатки его народа не фатальны для националиста, поэтому он спокойно может выслушивать все поношения. Сфера деятельности националиста вообще лежит за пределами понятий “достоинство” и “недостаток”. Если “недостатки” содействуют росту могущества нации, то это уже не недостатки, а, напротив, его достоинства. Национализм

нечувствителен к обывательским обвинениям или оскорблениям продажных журналистов. Как гласит русская поговорка: “Собака лает, ветер носит”.

Национализм и патриотизм превратились в два антагонистических образа мышления. Строители будущего России окончательно порвали с коллекционерами и реставраторами ее прошлого. Впервые прямо у нас на глазах, возник мощный лозунг. “Националисты против патриотов”, ибо в новой системе координат явно обозначилась несовместимость интересов существующего государства с интересами русского народа.

Государство, угнетающее русских, перестало быть патриотическим фетишем в сознании националиста. Если государство — центр вселенной для патриотов всех мастей работает на уничтожение русского народа, то оно само должно быть уничтожено. Таков приговор националиста. В современной ситуации сохранение нынешней государственной машины неизбежно вызовет деградацию и гибель большей части русского народа, являющегося по сути дойной коровой как для промышленно развитого Запада, так и для экономически убыточных автономий в ее составе. Такое государство может и должно быть уничтожено. Современный немецкий социолог Хельмут Шельски сформулировал эту проблему так. “Настолько мало государство, насколько возможно, настолько много государства, насколько необходимо”.

В современных условиях классический вопрос “Что выше: кровь или почва?” обретает уже новые черты в форме вопроса “Что выше: нация или государство?”. И националист, не задумываясь, ответит, что однозначно выбирает нацию.

Мы должны благодарить нынешние политические реалии, вызванные крахом мировой системы социализма, которые помогли наиболее здоровой части национально мыслящей элиты овладеть, наконец, искусством разделения. Разделения национальных интересов с интересами национального государства.

На фоне этого первичного размежевания явственно обозначился и следующий уровень противостояния. Безродное добролюбие, подталкивающее целоваться со всеми без разбору, “не ведая ни эллина, ни иудея” (что только и возможно, разве что, в Царствии Божием), и подставлять всем другую щеку после удара по одной (что противоречит христианской догме о “Христовом воинстве”), сделались в одночасье неприемлемыми. Органическая потребность в возврате в культурный оборот древних нордических культов, полных света, поэтики и героизма, дала себя знать тотчас же. Мораль космополитического раба, пусть даже и раба Божия, недолго сопротивляясь, уступила место суровым добродетелям северного воинства. Метафизика языческого своеволия, противного дурно усвоенному принципу христианского смирения, сделалась критерием расчета нового миросозерцания.

Можно говорить о том, что космополитизм вообще лишен морали.

Евразиец спокойно констатировал, что русский народ — это горючий материал в топке мировой пассионарности, коммунист, не моргнув глазом,

оправдывал беды русского народа текущими задачами экспорта революции или интернационального долга, православный космист, не задумываясь, закладывал весь русский народ в ломбард Царства Божия под квитанцию обещанного спасения. И только националист впервые ужаснулся этому показному двуликому благочестию, возненавидел весь этот вредоносный идеализм. Химерические красоты большого евразийского пространства отныне не пленяют душу человека, бесстрастно констатирующего вырождение белой расы.

Коренной пересмотр расовой и религиозной концепций показал невозможность дальнейшей аналогии евразийского сумбура, замешанного на нечистой космогонии. Наконец изменились и геополитические ориентиры. Коммунисты, говорившие об интернационализме и братстве народов, русские космисты, взывавшие к мировой бездомной духовности, и лукавые евразийцы, прославлявшие тюрко-славянский союз, — все они, прикрываясь высокопарным витийством, хотели внушить русским одну единственную мысль, что степной кочевник нам духовно, морально и даже умственно ближе, чем швед, немец или голландец. Для того, чтобы поссорить нас с нашими расовыми и религиозными братьями, коммунисты придумали классовую борьбу, русские космисты — “бездуховность материалистического Запада”, а евразийцы изобрели композиционный фантом некого Атлантизма.

Националисты прокляли все эти концепции, осознав их тлетворную пагубность для белого человечества. Нам не нужны больше откровения песчаных барханов, мы нуждаемся в магии нордических рун. Спасение лежит не во внешнем мире, оно заключено в нас самих.

Интегральный национализм в его русском варианте преодолевает родовую болезнь отечественных национал-патриотов, имя которой “Третий Рим”. Это помпезное изобретение при дворе русских царей притягательно лишь для неэмансипированных умов. Оно требует безоговорочного подчинения идеалу, и даже, в известной степени, — рабства.

На фоне идеологической декорации Третьего Рима любая личность, даже национально мыслящая, превращается в ничтожного статиста. Ненасытная утроба этого монстра с удовольствием переварит любого человека лишь как статистическую единицу, как жертву, приносимую на алтарь своих вселенских амбиций. Единственная свобода, которая у Вас есть при этом, это свобода умереть. И смерть русского воина от басурманской пули будет поставлена в один ряд со смертью римского легионера от стрелы вандала и смертью византийца от турецкой сабли. Все, что может предложить идеологема Третьего Рима — это стать частью коллекции безымянных надгробий на задворках империи.

Первый Рим пожрал римлян, стерев их с лица земли как этнос, Второй — поглотил Византию, Третий с удовольствием поглощает русских во имя своих неуемных фантазий. Желая лицезреть крест на Храме Софии в Константинополе, он считает миллионы крестов на могилах, что выстилают

заветный путь к нему. Однако, увы, герои государства умирают в памяти людей вместе с государством. Национальные же герои, напротив, становятся персонажами любимых сказок, преданий и судьба государства никак не сказывается на ореоле их популярности.

Интегральный национализм, порвав с системой римского права, избавился от этого тяжелого родового недуга. Государство не является больше высшей ценностью. Государство — это внешняя пластическая форма в которой нация выражает свое историческое бытие, поэтому оно может быть разрушено ввиду своей непригодности или видоизменено по желанию нации. Принцип государственного устройства не смеет более диктовать свою волю интересам нации. Она сама вправе решать, каким должно быть государство.

Этатизм умер! Высшее достояние нации — это сама нация.

Патриотизм желает усовершенствовать государство, национализм же, напротив, желает усовершенствовать нацию, работа с государственными нормами для него всего лишь эпизод. Патриотизм — это идеальный способ выиграть войну, но после одержанной победы патриоты начинают слагать песни о славных походах, почитать память павших друзей, красоваться медалями, словом, они останавливаются в своем развитии. Победивший патриотизм в бездействии очень быстро теряет иммунитет. Государство, победившее в войне, признается идеальным по форме и не нуждающимся в реформировании. Патриотизм сам исчерпывает себя, останавливаясь в развитии. Ностальгия старшего поколения очень быстро начинает подкрепляться безоблачным романтизмом подрастающей молодежи, и патриотический колосс, стоящий на ногах глиняного видимого национализма, рано или поздно рушится сам собою. Все крупные империи, созданные по принципу доминирования государственных интересов над национальными, погибли на редкость одинаково, точно повторяя губительный алгоритм национального вырождения, следующего по пятам за политическим возвышением.

Народы, создавшие империи, растворились без остатка в покоренных и пришлых национальных образованиях. Бесплодность метисации всегда изъедала изнутри созидающий этнос, и, лишившись его наполнения, государство падало как пустая и ничем не заполненная форма.

Стратегия овладения ценностным пространством

Пройдя путь духовного возмужания, националисты быстро поняли, что не могут находиться на прежнем уровне местечкового чванства. Идеология своей юрты как купола мира не соответствует полноценной русской ментальности. Именно так в новейшей посткоммунистической русской истории возник культурнополитический феномен, который мы назовем ИНТЕГРАЛЬНЫЙ НАЦИОНАЛИЗМ.

Идеолог английских правых Освальд Мосли еще в 30-е годы нашего века изрек пророческую фразу, что “у узкого национализма такие же короткие ноги, как у лжи”. Сегодня стало совершенно очевидно, что русский национализм не может ограничивать себя перспективами возврата к былинному прошлому или исходить из текущих нужд сохранения единого русского народа. Современный русский национализм возможен только как составная часть общего возрождения белого мира. “Золотой век” угадывается нами не в прошлом, он отчетливо виден в будущем. Свою цель мы видим не в осуществлении национальной революции и даже не в построении русского национального государства, это лишь средство, но в создании нового типа белого человека, традиционного по крови и совершенно нового по духу, который способен будет решать проблемы, выдвигаемые перед ним грядущей историей. Нордические ценности древней прародины ариев являются нашим абсолютным центром отсчета, а все синтетические чужеродные эрзацы устраняются раз и навсегда. Торжество ценностей белого человека и его безграничное могущество является вектором нашего стремления вперед.

В качестве иллюстрации данного тезиса можно привести высказывание известного французского политического деятеля современности Мишеля Понятовски, который призывает “во имя нашего этнического, языкового, этического и политического прошлого сплотиться для того, чтобы воссоздать индоевропейские ценности людей белой расы и доверить свою судьбу будущему, которое нигде еще не описано”.

Обыкновенный национализм, вырвавшись на свет, неизбежно начинает искать почву для сведения счетов, всюду видя врагов и виноватых. Интегральный же национализм не имеет ничего общего с этим малодушием и болезненными комплексами. Он исходит из внутренней морфологической потребности самосовершенствования. Народ есть для него — рабочая заготовка, из которой посредством длительной и кропотливой работы предстоит создать новую нацию с тем, чтобы эта новая нация начала активную работу по перерождению и обновлению всей расы. Интегральный национализм — это не распри и войны с соседями, это творческий акт возвышенного характера, он лишает человека возможности отыграться на ком-то и выместить зло, он дает возможность усовершенствовать себя. Все больное, низкое, суетное уходит в небытие и исчезает за скобками истории, и только жизненно здоровое, чистое, полноценное, способное иметь продолжение, развивается, занимая новые горизонты.

Интегральный национализм формирует себя сам и без посторонней помощи, регулируя свой рост с учетом будущих потребностей и задач. Он абсолютен по своей сути, он сам мерило себя и оценка. Он развивается в своей собственной системе координат, совершенно не обращая внимания на страхи и претензии со стороны. Это вещь в себе в полном смысле этого слова. Но, вместе с тем, интегральный национализм не подразумевает никакой низменной анархии. Это исключительно аристократическое движение, исходящее не из

потребностей усредненного человека толпы, но ориентирующееся на систему ценностей жреца, воина, поэта.

Это не бессмысленный звериный бунт. Это волевой натиск.

Это также не гипертрофированная функция сознания. Это системное мышление, находящееся в гармонии с Природой.

Это диктатура возвышенного разума, не подавляющего инстинкты, но, напротив, опирающегося на них.

Интегральный национализм — это не мистико-аскетическое учение, но гедонистическое. Категории выгоды и удовольствия занимает ключевое положение в фискальном примитивном миропонимании. В интегральном национализме любовь к Родине рассматривается не как обезличивающий и стесняющий в действиях долг, но как первейшее удовольствие. Борьбу со злом интегральный национализм также интерпретирует не как метафизическую обязанность, а как удовольствие. Смерть за Родину — это высшее наслаждение

Интегральный национализм не знает страха смерти. Эпикур говорил. что страх смерти совершенно лишен смысла, ибо по условиям жизни всегда существует что-то одно: или смерть, или человек.

Интегральный национализм — это в принципе евгенический традиционализм. Он исходит из потребности оттачивания вечных ценностей, а не ублажения сиюминутных прихотей. Он не гонится за модой, он сам создает ее. Это также и эстетическое учение, желающее облагородить лицо нации. Опираясь на здоровые естественные инстинкты, интегральный национализм требует также изящества и такта. Это эстетика варварства, понимаемого как свобода от болезненной и одряхлевшей классичности, как юность, свежесть и неисчерпанность. Одним словом, как молодость духовная и физическая одновременно. Это торжество здорового духа, происходящего из здорового же тела.

Народ превращается в нацию не посредством покаяния, а посредством катарсиса, самоочищения. И тогда с вершины своего могущества мы сможем уверенно и спокойно заявить, что самая ценная вещь на свете — это наше снисхождение.

Мы мыслим традиционалистскими категориями, и понятие “золотого века” занимает одно из центральных мест в нашей системе ценностей, но, в отличие от либеральных утопистов и социальных волшебников, мы говорим, что наш “золотой век” не исключает войн. Мы не призываем к агрессии, но на каждый выпад противника мы будем отвечать удвоенным противодействием. Чаще всего “несимметричного” типа.

Бездумному самоистребительному героизму больше не найдется места в наших учебниках. Бороться с современным миром профанических ценностей мы будем по-своему. Нужно воспринять ценности нового мирового порядка, но в расширенном количестве измерений. Предлагаемый нам **n**-мерный мир мы должны, не колеблясь, принимать, но расширив его хотя бы на одно измерение.

Тогда сразу становится очевидным, что **n**-мерная система ценностей просто пропадает в **n+1**-мерной.

Индийские брахманы называют этот метод борьбы с противником "удушением в своих объятиях". Расширяйте мир западных ценностей до уровня восточной глубины, и тогда вы неминуемо станете властелином и Запада, и Востока!

Если бы наши непримиримые спорщики, западники и славянофилы, были бы несколько лучше образованы, они не изнуряли бы нас своей никчемной полемикой, мучая бесплодным выбором. Мы ничего не будем больше выбирать, мы просто возьмем все сразу!

Интегральный национализм должен будет подчинить интересам нации все виды умственной деятельности. Философия и иные гуманитарные науки должны будут служить нуждам не абстрактного человечества, но своей нации. Каждая мысль должна иметь практическое воплощение и цену, причем в национальной валюте.

Мишель Понятовски говорил также о необходимости избавления от всех видов "пораженческой идеологии", добавляя при этом: "Нужно, чтобы проект предлагаемого общества был убедительным для большинства нации. Для этого он должен интегрировать все, что было самого значительного в прошлом и наиболее привлекательного в будущем". Именно из этого качественного соединения традиции и футурологии, консерватизма и революционности, правой и левой частей политического спектра исходит интегральный национализм.

Эстетика интегрального национализма

Как и любое прогрессивное эпохальное движение, интегральный национализм нуждается в выработке своего оригинального узнаваемого стиля. Русский же интегральный национализм должен эстетически изменить международный образ России и русскости вообще. Заунывная хандра и беспричинное неуправляемое веселье, лень, бездумный героизм, проистекающий чаше всего из-за отсутствия внутренней дисциплины, — все эти атавизмы примитивной и низкой природы нуждаются в селекционном устранении.

Россию слишком долго изображали то с лицом трагической мученицы, то сумасбродной неуправляемой румяной хохотушкой. Необходимо в корне пресечь эту вредоносную плакатную пропаганду. На ее место прочно встанет гордая бестревожная красавица в непременном обрамлении всех символов, окружающих жизнь счастливой женщины.

Наконец мы считаем, что изображать Родину в виде одинокой беззащитной женщины -- это просто оккультная провокация. Визитная карточка России должна представлять собой гармоничный союз мужской и женской символики, означающей плодородное объединение стихий. Если

рядом с русской красавицей не будет русского молодца, пышущего могуществом и оптимизмом, все мирские дела пойдут насмарку.

Нам не нужно никакого “просветленного” аскетизма и печати возвышенного страдания на лицах наших героев. Еще никто на практике не смог показать наглядно, что только страдания действительно облагораживают. Радость, задор, самодостаточность, экономическая независимость, гордость — вот что должна запечатлеть новая эстетическая пропаганда на коллективном портрете русской нации. Всех, вечно угрызающихся по любому поводу, а также вялых и плаксивых неудачников, следует считать генетически бесполезными или даже нежелательными.

В чем современный русский национализм принципиально разошелся с классической консервативной теорией, так это именно в том, что Герд-Клаус Кальтенбруннер назвал в ней “пессимистическим учением”. Другой классик современного консерватизма немецкий философ Армин Молер, детально изучив все компоненты этой идеологии, вынужден был констатировать, что “консервативная революция — это комплекс запутанных идей”. Позднейшая русская история выбрала весь пессимизм, точно археологический пласт, из душ людей, посвятивших себя национализму, который мыслится ими исключительно как оптимистическая концепция.

Шлак пессимизма закончился, мы вышли наконец-то на ценную богатую породу. Пессимизм остался в награду тем, кто потерял “золотой век” России в толще времен, оптимизм стал наградой тех, кто вознамерился создать “золотой век” России. Грандиозность цели, помноженная на здравый энтузиазм оформила и цели, и задачи русского национализма. Из былого комплекса запутанных идей он очень быстро начал превращаться в стройное учение.

Совершенство нации, переходящее в совершенство расы, — вот девиз интегрального национализма. Учебники истории не дают моральных оценок победителям даже в послесловии. Совершенный всегда прав. Интегральные националисты — это люди, живущие умом в будущем, телом — в настоящем, а убеждениями — в прошлом.

Личинка превращается сначала в гадкую осклизлую гусеницу, чтобы потом выпорхнуть из тесного кокона прекрасной бабочкой. Также и русский народ, влача сейчас жалкое и убогое существование, вынужден кутаться в кокон антинационального евразийского государства для того, чтобы затем, прозрев в Интегральном национализме, сорвать путы и выйти на свет восхитительной Русской нацией.

ИМПЕРИЯ:
ПРОБЛЕМЫ ВОССОЗДАНИЯ

Леонтий Бызов

РОССИЙСКОЕ ОБЩЕСТВО В ПОИСКАХ ИДЕНТИЧНОСТИ

Пошло второе десятилетие реформ, а современная Россия продолжает оставаться крайне аморфным, “киселеобразным” национально-государственным образованием. За десять лет она так и не смогла выбрать своей судьбы, породить достойных национальных лидеров, выработать общенациональную идеологию, сформировать внутри страны каких-либо значимых политических субъектов. Обладая, казалось бы, всем необходимым для успешного проведения модернизации (ресурсная база, культурный и интеллектуальный потенциал), страна продолжает деградировать и по уровню самоорганизации отставать даже от некоторых значительно более бедных исходно стран постсоветского пространства. Оппозиция многое списывает на “подрывную работу противника”, что, конечно же, имеет место, но главная причина нашего “системного кризиса” — это процессы внутреннего распада общества и этноса, кризис собственно этничности и идентичности, который, видимо, и препятствует формированию российской субъектности. И в этом смысле, судьба России конца XX века — это вопрос жизнеспособности и сохранения идентичности русского этноса и, более того, всего восточнохристианского “суперэтноса”.

Осознание глубины исторического вызова, стоящего перед Россией, и трезвый взгляд на современное состояние русского этноса дает многим аналитикам, в том числе представляющим разные политические направления, почву для весьма пессимистических прогнозов, связанных с перспективами российского государства и самого русского этноса. Отмечаются низкий уровень самоорганизации и пассионарности, все возрастающая субэтничность — и региональная, и социокультурная. За более, чем пять лет, прошедших с распада СССР, фактически русский этнос пока не смог создать своей национальной государственности, а способность “цементировать” суперэтническое образование стал утрачивать (чему подтверждением события на Северном Кавказе). Уйдя как от старой традиционной идентификации в качестве “российской империи” (с идеологией восточнохристианского мессианства), так и от советской идентификации (с идеологией социального

Бызов Леонтий Георгиевич, известный социолог, автор многочисленных статей и исследований, кандидат экономических наук..

мессианства), новая, “послеавгустовская” Россия так, по-существу, и не сумела определиться ни по одному из основных вопросов своего бытия. Кто мы — империя или национальное государство? Часть западной цивилизации, часть евразийской цивилизации или самостоятельное цивилизационное образование? Мы догоняем западную экономическую систему или строим самостоятельную? Где проходят территориальные, культурные, геополитические границы новой России? Политическая неопределенность стала основой выживания. Возникла любопытная тенденция: любой политик, так или иначе отчетливо заявивший свою позицию, обычно проигрывает. То есть общенациональным лидером может стать лишь политик, действия и взгляды которого каждый может интерпретировать в соответствии с собственными установками. Лидерами общественного мнения становятся суперпопулисты типа генерала Лебедя, способного радикально менять свои взгляды в зависимости от той аудитории, к которой обращается. В российском “политическом болоте” уже увязли и либералы, и националисты, и традиционалисты любой ориентации.

Пока ни все российское общество в целом, ни российский политический истеблишмент так и не смогли внятно сформулировать российские национальные интересы и то, что можно назвать общегосударственной идеологией. В этом смысле Россия стоит особняком на постсоветском пространстве, где правящий режим и его лидеры, как бы к ним не относиться, в большинстве государств выступают в качестве национальных лидеров, проводников общенациональной стратегии (и, отметим, зачастую отстаивают стратегические интересы своих стран весьма жестко и эффективно). В нашей же стране, по данным последних социологических опросов, лишь 4.3% населения верят, что “лидеры государства, основные государственные институты в своих действиях руководствуются интересами государства и народов, его населяющих”, напротив, 83.6% считают, что они руководствуются “исключительно или преимущественно личными и корпоративными интересами”.

Политическая элита существует, однако, не сама по себе, она отражает современное общество и его состояние. Фактически же элита, сформировавшаяся после 1991 года, хотя и претерпевает определенные персональные изменения, в целом постоянно самовоспроизводится. Сам тип отношений, сложившийся между обществом и властью, также в значительной степени воспроизводится. Результаты выборов и референдумов, проводившихся в России в этот период, несмотря на отмечающееся многими наблюдателями “полевение”, демонстрируют также весьма большую устойчивость как электорального поведения, так и мотивов политического выбора, хотя и сами мотивы зачастую остаются достаточно иррациональными. Продолжает воспроизводиться главное — раскол общества на группы и регионы, сохраняющие ориентацию на традиционную систему ценностей и политических отношений, с одной стороны, и “западников”, с другой, ориентированных на ценности и мифологию “догоняющей модернизации”.

Проблема политического выбора (в большей степени — на федеральном уровне, в меньшей — на региональном) носит в значительной степени мифологический характер, а говоря социологическим языком — социокультурный. Так, по мнению проф. А.Панарина, главный кризис современной России — это кризис не социальный и не экономический, а кризис идентичности. “В поисках идентичности”, — назвал свою монографию А.Мигранян. Именно этот кризис препятствует “вызреванию” и в обществе, и в недрах политической элиты общенациональной идеи и образованию субъектов национальных интересов. Истоки этого кризиса лежат далеко в недрах российской истории и связываются с комплексом явлений, объединяемых понятием “цивилизационный раскол”.

В качестве центральной проблемы, соответственно, мы видим анализ характера, причин и генезиса наблюдаемого в современном российском обществе социально-политического и социально-культурного раскола, определявшего в значительной степени политическую жизнь последнего десятилетия и перспектив его преодоления в рамках выработки общенационального консенсуса. И это при том, что по оценкам некоторых современных историков (Л.Семенникова), сам цивилизационный раскол носит исторический характер, прослеживается в различных формах на протяжении длительного периода (от религиозного раскола в 17 веке). Его современные острые и противоречивые формы стали ведущим фактором, препятствующим оформлению и институционализированию общенациональных политических и экономических субъектов. Параметры же, характеризующие внутригражданское противостояние, весьма многообразны: это, очевидно, и историко-культурные, и идеологические факторы, и сложные этнополитические процессы, принявшие во многом необычную, нетрадиционную для России форму, и резкое изменение конфигурации и характера социальной структуры, приведшее к глубокому не только материальному, но и ценностному расслоению. Как отмечает ряд аналитиков, современное российское общество вообще отвергает любую идеологию, тем более мобилизационного характера, однако общество без идеологии носит нетрадиционный для России характер.

Адаптация массового сознания к новым реалиям еще далеко не завершена, что определяет его переходный и неустойчивый во многом характер. Современными исследователями (в той или иной степени достаточно обоснованно) высказываются противоречивые суждения об особенностях трансформации массового сознания: от представлений об его глубинной консервативности, сохранении мощного “традиционалистского” ядра, способного “перемолоть” слабые и неорганичные попытки модернизировать социальные отношения (Г.Осипов), до выводов об уже произошедшей тотальной “революции ценностей”, приведшей к его глубокой индивидуализации и рационализации (И.Клямкин). “Данные клямкинского института... подтверждают, что синдром ориентации на отца, на

распределительную экономику, на культуру и политику, исходящую из безальтернативных позиций, в целом в России изжиты. Можно сказать, что Россия переходит сейчас от инфантильного типа личности к современной западной форме взрослого типа индивидуального сознания” (НГ-сценарии, 13.02.97).

Впрочем, противоречие носит скорее мнимый характер: в этническом менталитете заложена сложная система архетипов, которая способна “вызывать” разные архетипы в качестве реакции на некоторые “сигналы извне”. И.Бунин называл русский народ “пугающе переменчивым”, способным то поражать христианской кротостью, то оборачиваться “обдорской”, т.е. азиатской “рожей”. И сейчас мотивы политического выбора также часто коренятся в некоторых старых архетипах. Согласно оценкам ряда политологов, анализировавших в ходе двух завершившихся избирательных кампаний механизм политического выбора, последний примерно лишь на 55-60% определяется набором доминантных факторов, связанных с глубинными установками, в остальном же влияние оказывают привходящие социальные факторы — в первую очередь, СМИ и другие информационные каналы. Частично, особенно в условиях возрастающего отчуждения массового сознания от политических процессов, на политический выбор оказывает воздействие так называемый пласт парадных ценностей, мотивация выбора которых зачастую существенно расходится с мотивацией принятия текущих жизненных решений.

Относительно сегодняшнего состояния общества обычно высказываются следующие суждения, в той или иной степени определяющие мотивацию политического и жизненного выбора:

- внутри общества существуют по крайней мере две ярко выраженные субкультуры, характеризующиеся как “традиционная” и “западническая”, в каждой из этих субкультур наблюдаются свои механизмы ретрансляции ценностей, социальных норм и политических установок, свои “опережающие” группы, выступающие в качестве генераторов установок; в то же время не менее половины общества существует в рамках пограничных культурно-политических ценностей. Правда, некоторые политологи (М.Малютин) выделяют в качестве инвариантных — т.е. корреспондирующих с соответствующими субкультурами — “пять электоральных типов”;

- в то же время стало уже почти общепринятым рассматривать общество и, в частности, его электоральные группы в контексте триады “коммунисты”-”либералы”-”националисты”. Однако качественные характеристики этих электоральных групп в полном объеме не изучены и анализа мотиваций идеологического и политического выбора пока в полном объеме не существует. Политическая практика последних лет демонстрирует, что сторонники национальной идеи в самых различных ее вариантах до сих пор не составляют собственно субкультурной группы;

- сформировались ярко выраженные “страты” на основе достигнутого социального и материального успеха; социальное деление общества коррелирует с социо-культурным, но не более, чем на 50-60%;

- для различных групп современного общества характерны различные механизмы и условия социальной мобильности, различные возможности для реализации своих жизненных перспектив, что также определяет социальное, а следовательно, и политическое расслоение общества. Если первый из названных факторов можно охарактеризовать как “иррациональный” фактор политического выбора, то два последующих как “рациональные”;

- за последние годы оформилась тенденция переориентации значительной части общества на индивидуальные ценности, что некоторые исследователи характеризуют как “революцию ценностей”, т.е. произошел в определенной степени отказ от традиционной “русской ментальности” с ее приоритетом коллективных ценностей. В то же время масштаб этих изменений остается дискуссионным. С реалистичной оценкой этой тенденции связаны, в частности, перспективы поддержки обществом мобилизационных политических программ;

- многие исследователи связывают общекритическое состояние современного российского общества с т.н. “кризисом идентификации”, т.е. в условиях неопределенности и частичного разрушения этнических, государственных, корпоративных, профессиональных и социальных связей на всех этажах общества, теряется или деформируется социальная модель поведения и индивидов, и социальных групп, происходит своего рода “биологизация” поведения, упрощение мотивации, с одной стороны, а с другой, ее усложнение в связи с частичной переориентацией на нетрадиционные социальные и этнокультурные ориентиры;

- особым фактором переходного состояния общества стала так называемая регионализация сознания, впрочем, не только сознания, но и социально-политической и социально-экономической организации общества. Отношения между обществом и региональными элитами в принципе отличаются от взаимодействия с общефедеральными структурами. Некоторые исследователи в этой связи прогнозируют распространение ныне наблюдаемых элементов регионализации массового сознания на социально-культурную и этнокультурную сферу;

- все сказанное заставляет предположить, что кризис идентичности, проявляющийся практически во всех сферах жизнедеятельности общества, является проявлением более глубокого кризиса этничности и даже более того, суперэтничности (последние события в Восточной Европе — стремительное наступление прозападных сил в сферу традиционного влияния православной цивилизации) служат тому подтверждением).

После октября 1993 года, когда противостояние двух невоспринимающих друг друга социально-культурных миров достигло состояния гражданской войны, начались внешние признаки эволюции режима в направлении от

откровенно прозападнического к национал-бюрократическому. На периферию политического бытия стали отодвигаться наиболее видные политики периода “демократии первой волны”, режим ввязался в вооруженный конфликт с Чечней, что дало повод некоторым аналитикам предполагать, что постепенно страна начала выруливать к единственно консенсусной идеологии национальной модернизации, а социокультурный раскол в обществе постепенно преодолеваться.

В период президентских выборов 1996 года страна вновь выглядела расколотой, причем, в первую очередь, по социальным критериям. На первый взгляд, оппозицию, тогда представлявшуюся в качестве непримиримой, поддерживали наименее адаптированные к реформам слои населения — жители депрессивных регионов (аграрные, ВПК), а также представители старших возрастных групп. Ельцин пользовался поддержкой более адаптированной части общества — в основном, сконцентрированной в крупных городах с развитым рынком труда, в том числе — квалифицированного. Ситуация, казалось бы, типичная для всех стран, проводящих не очень популярные реформы. Движение политического маятника от “радикальных реформаторов” к “левым” того или иного уровня радикализма наблюдается в большинстве стран и постсоветского пространства, и в Восточной Европе.

Однако внешнее и поверхностное сходство на этом и заканчивается. Классический путь модернизации экономических и политических отношений обычно сопряжен на этапе перехода от индустриального общества со значительными включениями структур и массового сознания, характерного для традиционного общества — с национальной консолидацией. Возникающее в период модернизации социальное напряжение, связанное с имущественным и статусным расслоением, компенсируется процессом формирования нации. Во всех странах Восточной Европы процесс перехода от советского типа общества к современному был инициирован и возглавлялся национально-демократическими или национал-реформистскими силами. Освобождение от политической и экономической зависимости от СССР сопровождался национальной и религиозной консолидацией. Общества этого типа сумели выработать консенсус по большинству вопросов, связанных со стратегическим направлением национального развития. То же касается и постсоветских стран в бывшем СССР. Более слабо консолидированы Украина и Грузия, не говоря уж о Таджикистане, что связано с рыхлостью основного этнического ядра и существованием субэтничности (на Украине — пассионарное прокатолическое ядро “галичан”, в Грузии субэтносы Западной Грузии). В большей степени политически и национально консолидирован Азербайджан, в еще большей — Армения, Узбекистан, Туркмения. На наибольший этнокультурный раскол наблюдается в современной России.

Стало общим местом утверждать, что общество давно уже находится в состоянии глубокой апатии. Действительно, не вызывают сомнения

утверждения, что интерес к политике весьма низок; политические деятели — и те, которые находятся у власти, и те, которые представляют оппозицию — не вызывают доверия граждан; то же касается и политических партий; ни одно из явно выраженных идеологических течений — демократическое, коммунистическое, националистическое — не способно привлечь большинства; мобилизационная готовность населения — идти на митинги, демонстрации, активно участвовать на чьей либо стороне, еще ниже (практически активный электорат не превышает 1-2%). Можно сказать, что общество достаточно спокойно в период политической спячки — и лишь события типа президентских (в меньшей степени — парламентских) выборов актуализируют субэтнический раскол. Рассмотрим в этой связи эволюцию массового сознания в последние три-четыре года (сводные оценки по ряду исследований).

сторонники	1991	1992	1993	1994	1995	1996
“демократической” доктрины, т.е.либералы-западники	37	25	24	18	16	18
“коммунистической”	9	11	14	17	18	21
“национал-патриотической”	8	9	13	15	16	14

При этом около 50% населения не отождествляет себя ни с одной из идеологических доктрин, а остальная часть делится примерно поровну между сторонниками трех ведущих идеологий. Разумеется, в основном речь идет о парадных ценностях, которые значительно отличаются от бытовых. Так почти 40% либералов в 91 г. — это отражение существовавшей пропаганды СМИ, внедрявших соответствующие парадные ценности. Следует также иметь ввиду, что значительная часть населения (до 20-30%) в большинстве случаев в принципе готова отождествлять себя с идеологическими конструкциями, исходящими от правящего режима.

Сегодняшнее состояние общества носит весьма неопределенный характер, что отчасти объясняется идеологической неопределенностью официальной политики. Как уже приходилось ранее отмечать, попытки создания системы “опричнины” для проведения в жизнь через головы традиционных элит активной политической воли (а также определенной идеологии), исходящей от ряда элитных группировок, представляющих федеральный центр, не увенчались успехом. А вспомним, что в 1991 году, когда идеологи режима типа Г.Бурбулиса и Г.Попова выступили с линией на “десоветизацию” системы власти, имелось ввиду именно повсеместное

насаждение “демокомиссаров” для контроля над старым классом управленцев, сохранившихся от советского периода. Сложившаяся система многополюсной власти (у практически всех элитных группировок сформировались каналы влияния в Кремле и Белом Доме) явилась результатом сложного компромисса между хозяйственными и региональными элитами, она сама по себе блокировала любые попытки проведения активной политики, делая нынешний достаточно аморфный курс по-существу безальтернативным. Предельно низкий уровень самоорганизации общества исключает угрозу неконтролируемого “социального взрыва”, вернее имеющие место отдельные “акции протеста” организуются и используются некоторыми элитными группировками как способ давления на власть и повышения таким образом своего веса при оформлении компромисса.

Таким образом можно говорить об определенной деидеологизации правящих элит, формальная “приверженность” их каким-либо идеологическим доктринам, носит скорее функциональный смысл “борьбы” за повышение своего внутриэлитного статуса. Наибольшая идеологизация свойственна в этой связи контрэлитам, представленным в политических “тусовках” вплоть до Государственной Думы, однако при переходе из контрэлиты в элиту (кооптации в исполнительную власть), они становятся идеологически более толерантными. Любая власть, не проводящая активной политики и держащаяся на балансе интересов отдельных группировок, обречена на потерю своих активных сторонников, это мы наблюдаем и ныне. Однако это не означает ее слабости автоматически, все зависит от активности и консолидированности контрэлиты. Тем не менее приведенные нами выше данные о том, что симпатии общества разделены примерно поровну между ведущими идеологическими доктринами, свидетельствуют о том, что никакая “идеологическая” власть не сможет сегодня располагать ресурсами, необходимыми для консолидации и общества, и элитных группировок. Между тем, идеология — основной политический “хлеб” и способ существования контрэлиты. Заставив оппозицию “проглотить” идеологическую “наживку”, даже непопулярная власть (а она сегодня почти предельно непопулярна) может себя чувствовать в относительной безопасности, занимался лишь сталкиванием между собой контрэлитных группировок, не давая им шансов на консолидацию. Эта линия проводилась в период после 1993 года и проводится президентской администрацией весьма успешно. Следовательно, единственно приемлемым для общества правительством является правительство функционеров-технократов, в основном деидеологизированное.

Приведем некоторые данные, иллюстрирующие сказанное. Для современного состояния общества характерно низкое доверие ко всем органам власти. Исключение в большинстве регионов составляет высокое доверие к местным органам власти (наиболее близкий пример — Москва). Тем не менее, перевыборы губернаторов в период 94-96 гг. показали, что далеко не всегда в регионах побеждает “партия власти”, хотя и сумевшая консолидировать вокруг

себя огромные административные и финансовые ресурсы. Наибольший потенциал у “партии власти” наблюдается в национальных республиках, причем в равной мере как с влиятельными национальными движениями “снизу” (Татарстан), так и с практически отсутствующими национальными движениями (Коми, Хакассия, Удмуртия).

По данным РНИСиНП за декабрь 1996 года:

Доверие к::	полное	частичное	недоверие
Президенту	12	14	71
Правительству	5	13	72
Государственной Думе	3	7	79
Администрации города, области	29	17	31
Законодательному собранию города, области	2	9	47

Это означает, что на уровне регионов-республик в составе России наблюдается что-то вроде ценностного консенсуса, а значит, и имеются “национальные” лидеры, олицетворяющие этот консенсус. Например, тот же Президент Татарстана Шаймиев избирается в Татарстане с результатом под 90% голосов избирателей. При этом, следует учесть, что Татарстан — этнически неоднородное образование, в Татарстане, так же как и в России в целом существуют значительные социальные противоречия, так же имеется как адаптированная, так и неадаптированная часть общества. Консенсус вокруг национал-реформистского курса, которому по большому счету нет альтернативы (как показывает практика государств, проходящих через процессы модернизации). Вернее альтернативы есть — либо социальный и политический регресс, связанный с неуспехом модернизации, либо потеря национальной идентичности, и, следовательно, государственности. Консенсус, которого не дано федеральным властям в России — и дело, на наш взгляд, вовсе не в личностных особенностях нынешнего президента и претендентах на его “трон”.

В течение своего первого срока пребывания у власти, Ельцин, безусловно, стремился нащупать что-то вроде приемлемой для общества консенсусной идеологии — национал-государственной или национал-реформистской, но в рамках этих поисков оказывался обреченным на постоянные противоречия. “Партия государственников” в его окружении

оказывалась постоянно теснима откровенно компрадорскими силами, и в преддверии такого испытания как всеобщие выборы 1996 года, Ельцин был вынужден снова опереться на “демократическую общественность”, финансовые источники, связанные с компрадорскими силами, на “демократические СМИ”. Как часто говорит политолог М.Малютин, российское общество по-прежнему остается “бессубъектным”, в том смысле, что ценности и стратегические интересы, связанные с национальным развитием не институционализируются на должном уровне, то есть национал-традиционалистский электорат остается достаточно антиреформистским, а реформистские рыночные силы — антинациональными и по-существу и по форме. Многочисленные политические проекты, связанные с попыткой консолидировать национал-реформистские силы, кончались неудачей. Самые яркие из этих неудач — история “надувания” и стремительного падения “Гражданского Союза” в 92-93 гг., а также крах попыток объединить национал-реформистские силы вокруг Конгресса русских общин, предпринятые Ю.Скоковым в 95 году. Так захлебывались попытки оформления национал-реформистского курса извне, со стороны гражданской оппозиции, то же не получилось и изнутри, когда политическое поражение потерпела группировка Сосковца-Коржакова. И дело вовсе не только в личной политической неподготовленности Руцкого, Вольского, Скокова, а в том, в первую очередь, что национальная буржуазия, под социальный заказ которой собственно и производились указанные попытки, так и не стала в России реальным политическим субъектом. То же можно сказать и о почвеннической контрэлите, которая вопреки прогнозам так и не сформировалась за десятилетие перестройки и реформ.

На наш взгляд, общество, находящееся в переходном состоянии, еще не готово определиться по ряду важнейших пунктов, связанных с конкретной формой будущего национально-государственного устройства.

А) Вопрос формы государственного устройства.

Конкретные формы — республика, монархия, роль парламента — носят второстепенный характер. Основное противоречие между тенденциями конфедерализации и централизации. Сейчас тенденции конфедерализации и регионализации подкреплены провалом управленческих функций центра, который не в состоянии обеспечить жизнедеятельность регионов, и самое большее, на что может претендовать, — это чтобы с ним тоже хоть как-то считались. Парадные ценности общества — в соответствии с исторической традицией и опытом — авторитарно-централистское государство, но эти ценности носят скорее ностальгический характер, и не всегда переходят на бытовой уровень. Как, в частности свидетельствует вышеприведенная таблица, большая часть общества ориентируется на местные органы власти, к которым отношение пусть скептическое, но альтернативы которым люди не видят. То же касается и вопроса о существовании федеративного устройства России —

опросы показывают, что до 70% населения готово поддержать унитарный вариант государственного устройства (чему способствуют настроения национализма, в основном направленного против национальных меньшинств). Однако национал-сепаратизм на территории России далеко не в прямую связан с активизацией национальных движений в автономиях, скорее он является превращенной формой регионал-сепаратизма (можно повторить уже приводившиеся примеры Республики Коми, Саха-Якутии, Приморского края и др., где на основе сырьевого комплекса развивается регионал-национал-сепаратизм). Следовательно, даже формальная унитаризация России (впрочем, практически невероятная) не изменит развивающихся тенденций, состоящих в балансировании между конфедерализацией и сильным федеральным центром.
— 13 -
Любой перегиб в этом отношении (в ту, или другую сторону) чреват резкой дестабилизацией. В этой связи по-прежнему остающаяся малопопулярной идея восстановления монархии (до 4-6%) также демонстрирует скорее ностальгические настроения в отношении сильной федеральной власти.

Б) Социально-экономическая модель.

После многочисленных шараханий, в обществе сложился вполне отчетливый “центристский” консенсус — регулируемая государством экономика на рыночной основе (что-то вроде госкапитализма).

представления о социально-экономической модели	1991	1993	1995	1996
чистая либерально-рыночная модель	38	18	7	8
смешанная экономика с высокой ролью	36	55	64	69
государственного регулирования планово-социалистическая модель	14	20	22	21

В обществе господствующими являются настроения раздражения против “новых русских”, которые их “ограбили”, но, похоже при смене власти или курса, оно будет удовлетворено чисто символическим восстановлением “справедливости” без радикальной перемены социально-экономической модели на уравнительную. По мнению многих (до 45%), плохо не то, что “наживаются большие состояния”, а то, что “простым людям от этого ничего не достается”.

На наш взгляд, в этой связи исключен реальный приход к власти радикально-социалистической оппозиции (совершенно независимо от формальных итогов выборов — как президентских, так и парламентских), и в силу толерантности общественных настроений, и в силу разрушенности основных механизмов общественного управления (нынешний курс — или что-то вроде этого представляются объективной необходимостью, возможно, за вычетом некоторых крайностей и после принесения в жертву некоторых наиболее одиозных фигур, что поможет демпфировать общественное напряжение). “Национально-ориентированная рыночная экономика”, о которой в частности столь много говорится оппозицией (С.Глазьев и др.), будет формироваться постепенно, параллельно самоорганизации общества. Осознание обществом неудачи модернизационного проекта в России по “западным” образцам (что уже произошло — лишь около 8-12% выступают ныне за “сближение с Западом” на условиях Запада) делает актуальным формирование идеологии “альтернативного прорыва”.

В “НГ” от 16.01.96 академик О.Богомолов задается вопросом: “Имеет ли социал-демократия будущее в России?”. Как и многие апологеты социал-демократического пути, он полагает, что сегодня Россия мечется между крайностями, “еще значительное место в политическом спектре принадлежит экстремам, а также корпоративным объединениям, причем не только в России”. “Полевение”, продемонстрированное российским обществом на выборах 17 декабря, он относит за счет незрелости общества, его склонностям к шараханиям, наличием иллюзий неокоммунистической реставрации. Подобное объяснение нам не представляется чрезмерно глубоким. На наш взгляд, основные причины несостоятельности социал-демократии в современной России определяются следующими обстоятельствами:

— превращение России в страну “догоняющей модернизации”, произошедшее в период “великих реформ” подорвало ее геополитическую, экономическую, культурную идентичность. Объективно основным противоречием эпохи является не “социальное” — между трудом и капиталом, а между национальным капиталом и компрадорским капиталом. Соответственно, “труд” как таковой, т.е. организованные движения и структуры рабочих и других групп трудящихся на настоящем этапе развития России не могут выступать в качестве дееспособных политических субъектов. В качестве субъекта политического процесса “труд” может выступать только в союзе с “национальным капиталом”, и то лишь в качестве младшего партнера. Аналогичная ситуация была характерна для ряда государств в XX веке — примерами могут служить перонистская Аргентина и муссолиниевская Италия;

— таким образом, с точки зрения классической социал-демократии, Россия сегодня бессубъектна. Общество за период реформ подверглось глубочайшей деградации, атомизировано, полностью или частично разрушены социальные и профессиональные связи. Поэтому все политические объединения в сегодняшней России носят исключительно верхушечный

характер, если только за ними не стоит ярко выраженный корпоративный интерес. Внутри самого гражданского общества не существует иной точки кристаллизации социальных связей, кроме корпоративного интереса;

— в ходе либерального этапа реформ традиционная для России модель патерналистского государства оказалась уничтоженной. Национальное государство не создано. Частичная модернизация общества, связанная с созданием рыночной инфраструктуры и более современных производственных отношений, практически не привела к модернизации современных отраслей экономики, которые подверглись глубокой деградации. Между тем завершить процесс экономической и социальной модернизации может лишь национальный капитал, носящий смешанный характер (государственно-частный). В странах Восточной Европы, где социал-демократы у власти, этап построения национального государства и национальной экономики в основном завершен. В России же он еще и не начинался;

— национальный капитал, не вставший на ноги, не располагает в сегодняшней России ресурсами для социальной политики на государственном уровне. Социальная политика сегодня — это “объедки” с компрадорского стола. Ресурсами для целенаправленной “подкормки” отдельных социальных групп располагает лишь капитал, связанный с экспортом ресурсов, в первую очередь, нефтегазового комплекса, а также государство, содержимое этим капиталом. Программа национального возрождения, напротив, неизбежно носит элементы мобилизационного характера, режима сознательного потребительского ограничения. Соответственно, российская социал-демократия на нынешнем этапе — это “охвостье” либерально-компрадорской политики.

Классическая социал-демократия вненациональна. Как пишет уже цитировавшийся академик О.Богомолов, “социал-демократическая идеология не допускает претензий на национальную исключительность, скатывания на ультрапатриотические или шовинистические позиции. Она исходит из общепризнанных принципов международного сотрудничества, недопустимости применения военной силы для решения спорных вопросов, включает понятия интернациональной солидарности прогрессивных общественных сил”. Сегодня идея социальной справедливости — это в большей степени национальная, чем собственно социальная идея. Без социальной справедливости невозможно национальное единство. Без идеологии модернизационного прорыва невозможно построение социально ориентированного государства. Вплоть до завершения этого этапа, социал-демократия может эффективно развиваться не в качестве самостоятельной доктрины по образцу европейских государств, а лишь как составная часть национал-реформизма;

— как мы отмечали выше, общество остается крайне дезорганизованным. Отсюда глубокий кризис политической системы, сложившейся в России после августа 1991 г. Установка архитекторов “послеавгустовского” режима на

фактически “бонапартистскую” диктатуру с созданием институтов непосредственного президентского правления в обход сложившейся на обломках коммунистического режима олигархии, в первую очередь, отраслевой и региональной элиты, фактически привела к системе, по выражению Ш.Султанова, “виртуальной диктатуры”. Формально налицо огромные, почти диктаторские президентские полномочия, огромный аппарат, задумывавшийся как элемент “президентской вертикали”. Налицо же фактическое перерождение президентской диктатуры в олигархическую форму правления, где “удельные князья” в лице местной администрации практически лишены эффективного контроля как сверху, так и снизу. В их руках сосредоточен весь набор финансовых и административных ресурсов.

На этом фоне такая классическая структурная основа социал-демократии как местное самоуправление (или земство) лишена опоры со стороны общества. Малочисленные органы представительной власти обычно или на корню куплены администрацией, либо лишены реальной власти. Местные активы, в значительной мере послужившие базой для формирования первых в послекоммунистической России демократических местных советов в 1990 году, как правило, распались. Следовательно, на сегодняшний день представляются весьма утопическими идеи “возрождения России через земства” при всей их внешней привлекательности.

Еще хуже обстоят дела с производственной демократией. При дешевом и малоквалифицированном рынке труда, сложившемся в России в послереформенные годы, вокруг производственных коллективов и внутри них на сегодняшний день не складывается никаких элементов гражданского общества. Отсюда и низкий авторитет профсоюзного движения.

А это означает, что гражданские права могут быть защищены сегодня только сверху, со стороны правительства национал-реформаторов.

В) Гражданское общество.

Итогом развития последних четырех-пяти лет стала утрата обществом самоценности демократии и ее институтов. Как мы показывали выше, несмотря на непопулярность власти вообще, представительная власть и в центре, и на местах остается самой непопулярной ее ветвью. То же касается и партий, и самого института многопартийности. Как справедливо отмечают многие наблюдатели, институты демократии носят чисто верхушечный характер, при полном отсутствии ее “подпитки” снизу, где элементы демократической самоорганизации общества (предприятие, село, район), возникшие в конце 80-х годов, оказались полностью распавшимися.

ценности демократии
(1996 г.)

	очень важно	не очень важно	совсем не важно
многопартийность	6	9	53
парламентаризм	4	12	42
местное самоуправление	11	29	45
производственная демократия	15	21	44
разделение властей	5	29	34

Именно действующие сегодня формы верхушечной демократии представляются обществу как раз наименее важными. Залогом тем не менее ее сохранения служат те факторы, о которых мы упоминали вначале: крайняя неконсолидированность правящих элит, неопределенность общественного мнения почти по всем важнейшим вопросам. В этих условиях любая власть может опираться только на баланс интересов, а следовательно будет заинтересована в множественности политических субъектов, частичной подпиткой правящей элиты контрэлитой (а современная Государственная Дума — прошлого созыва, правда, в большей мере, чем нынешнего — может быть охарактеризована как “отстойник” контрэлиты — также как и распущенные союзный и российский съезды).

Сказанное позволяет сделать вывод: в целом на уровне ценностей современное российское общество если не близко к консенсусу, то и далеко не столь “разорвано”, как это демонстрируют институты власти (Государственная Дума) и процесс выборов на федеральном уровне. Уровень принятия обществом национал-реформистских ценностей, вокруг которых на современном этапе модернизации только и возможно хоть какое-то подобие общенационального консенсуса, достаточно высокий (в целом где-то от 65 до 72%). Однако адекватных национал-реформистских сил в обществе по-прежнему нет, либо они есть в наличии в качестве интеллектуальной “тусовки”, но не наполняются реальным социально-политическим заказом. А значит — в качестве субъектов национал-реформизма и модернизации в современной России могут выступать только российские регионы.

В условиях острого кризиса власти, связанного с борьбой за постельцинское политическое наследство, фактически именно Совет Федерации, представляющий региональные элиты, прошедшие к началу 1997 года через местные выборы, является наиболее легитимным органом политической власти (недееспособный президент, окруженный временщиками; Госдума, избранная уже в иную политическую эпоху, к тому же наполовину состоящая из депутатов, за которых никто персонально не голосовал;

правительство, которое тоже никто, кроме полулегитимной Думы, не выбирал, к тому же не выполняющее перед гражданами элементарных обязательств).

Г) Национальная доктрина.

Когда речь идет о выработке общенациональной, государственной идеологии, что особенно часто происходит в последнее время, неявно предполагается, что сегодняшнее общество расколото, атомизировано, отсутствуют или явно не сформулированы стратегические цели, способные его объединить. Опыт стран, проходящих или ранее прошедших через этап модернизации обществ традиционного или посттрадиционного (в том числе советского типа) показывает, что в этих условиях национальная идеология, связанная с идеей создания национального государства, как правило, в наилучшей степени способна решить задачу консолидации. И в этом качестве она выглядит безусловно перспективнее как архаичной коммунистической (или просто “левой”) идеологии, так и абстрактных ценностей свободы, гуманизма и демократии (либеральная идеология). Однако именно в условиях России оформление действенной и воспринимаемой обществом национальной идеи оказывается крайне затруднено. Этому способствовали следующие факторы:

а) Россия в историческом контексте практически никогда не была национальным государством — она развивалась по совершенно другим законам. Идеология создания национального государства в значительной степени противоречит историческому опыту общества, реализация ее требует новой социально-исторической идентификации;

б) Социально-культурный или как принято говорить после появления “теории Хантингтона”, “цивилизационный раскол”, начавшийся, впрочем, проявляться в российском обществе еще с 17 века. Как пишет историк Л.Семенникова, уже цитировавшаяся выше, “цивилизация” и “почва”. “Особенный, подлинно евразийский характер страны, которая нуждается... в долговременной цивилизационной модернизации. Внутрицивилизационное столкновение — это долговременное дело и единственной платформой победы в нем может быть патриотизм, соединенный с демократией” (А.Уткин, “НГ”, 07.09.96);

в) Вытекающая из первых двух факторов видимая “бессубъектность” современного российского общества, проявляющаяся в том, что в политической элите, да и в недрах самого общества отсутствуют субъекты, способные объективно отражать и выражать национальные интересы общества.

Таким образом, для современной России оказывается типичной ситуация, при которой, с одной стороны, ни одна из “глобальных” политических платформ не может обойти национальный вопрос, с другой, акцентирование на национальном вопросе, слишком определенная позиция в нем — способны резко ограничить политический и электоральный потенциал. Можно сказать, что сегодняшнее российское общество, переживающее тяжелейший в истории России кризис идентичности, в принципе пока не способно к выработке

консенсуса именно в национальном вопросе, в большей степени, нежели в социально-экономической или любой другой сфере. Отсюда и постоянные политические поражения тех сил, которые особенно жестко привязывают себя к т.н. “национал-патриотической” идеологии.

Когда в рамках современного политического процесса речь идет о национальной идее и политических партиях и движениях национальной (националистической) ориентации, обычно имеются ввиду ценности, связанные с борьбой за гражданские и политические права той или иной национальной группы, чаще всего — национального меньшинства. В современной России, стране многонациональной, этнически неоднородной, эти движения присутствуют — хотя “градус” политического и национального “разогрева” достаточно различный — от вполне разогретого и даже перегретого Кавказа, жестко ориентированного на этническую консолидацию Поволжья до спокойных Хакассии, Карелии, Эвенкии и Чукотки. Есть (как и всегда были в России) русские националисты, борющиеся за права русского народа (например, права русской диаспоры в Ближнем преимущественно Зарубежье — Конгресс русских общин) и его политическое и государственное самоопределение (сторонники создания “Русской республики”). Впрочем, на всех выборах в последний обозримый период все партии “русской” ориентации обычно терпели поражение, хотя, справедливости ради следует отметить, что тот же Конгресс русских общин на последних парламентских выборах считался одним из фаворитов (впрочем, и в этом случае, шансы на удачное выступление КРО полностью связывались с популярной и харизматической фигурой генерала Лебедя, шедшего вторым в списках этой организации, а не с интересом русской общественности к проблеме нарушения гражданских прав в отношении русской диаспоры). Декабрьские выборы продолжили грустную для “русской” партии традицию, сформировавшуюся в 90-е годы — проигрывать все возможные выборы. Президентские выборы 96 года снова поставили сторонников русской национальной идеи перед выбором — коммунист или либерал?

Силы, называющие себя национал-патриотическими, занимают фактически с самого начала процесса политического реформирования значительное место в современном политическом спектре. В этом смысле они могут рассматриваться в качестве российского аналога “новых правых” в политическом спектре западной демократии. Идеологическая основа “новых правых” состоит в восстановлении государственной и национальной идентичности на путях апелляции к “традиции”. Однако, как мы покажем ниже, взгляды именно российских “национал-патриотов” на собственно национально-государственную политику России носят весьма противоречивый характер. Возможно, это происходит потому, что само понятие “традиции” для российской истории носит отнюдь не однозначный характер. Одни традиционалисты апеллируют к монархическому периоду истории (причем к различным его этапам), другие — к также уже впитавшей в себя определенную

традицию — советской истории и советской ментальности. Важнейший "оселок" противостояния — это дилемма "национальное государство" (с той или иной — мягкой или жесткой — формой этнократии) — "возрождение империи" (опять-таки в разной форме, с различной конфигурацией).

Общественное мнение по этому вопросу носит чрезвычайно противоречивый характер. С одной стороны, нарастает, как отмечает в частности, И.Клямкин, великорусский национал-изоляционизм, популярна и в обществе, и в политизированной среде идея объединения восточнославянских республик и создание "православного" государства без кавказских и среднеазиатских народов. С другой стороны, отмечаются и тенденции роста центростремительных сил на всем постсоветском пространстве. В этой связи наиболее распространенным является мнение, согласно которому Россия должна восстановиться в качестве сверхдержавы, но не совсем в прежних границах.

Представления общества о национальной доктрине	1993	1995	1996
Россия — "русская республика"	24	28	22
Россия — "союз славянских народов"	46	49	54
Россия — евроазиатская сверхдержава	17	14	10

Приведем в этой связи следующие высказывания политиков и публицистов, принадлежащих к лагерю "национал-патриотов" — авторов недавно вышедшего сборника "Неизбежность империи". "Противопоставить идее целенаправленного разрушения Российского государства и русской нации мы можем только понимание того, что объединительная имперская сущность нашего государства, его масштабы и мощь соответствуют масштабам русской миссии. Россия может быть только великой державой. Задача России состоит в том, чтобы укрепиться как национальное государство и подготовить себя к новому имперскому строительству" (А.Кольев). "Главная задача государственного цивилизационного строительства — сохранить духовную чистоту и этническую целостность созидающего народа. Формирование нового национального сознания возможно лишь на духовном фундаменте Православной Церкви... Отсюда вторая задача — воссоздание лишь той Империи, которая бы максимально полно объединила духовно близкие народы восточно-православной цивилизации. Из пределов будущей Российской Империи должны быть жесточайшим образом исключены представители

чуждой нам исламской цивилизации (Кавказ, Средняя Азия)...” (И.Артемов, Председатель правления Российского общенационального союза).

Разумеется, свои подходы к национальному вопросу имеются и у других политических сил, не идентифицирующих себя (или идентифицирующих вторично) с национал-патриотами. И также, как у национал-патриотов, у них нет единства по подходам к решению национального вопроса. Коммунисты (и вообще “левые”) также делятся на “национал-коммунистов” (Г.Зюганов и его окружение, особенно ярко в идеологии примыкающему к КПРФ движению “Духовное наследие” под рук. ак.А.Подберезкина; именно Г.Зюганов и А.Подберезкин — ключевые фигуры в недавно созданном “Национал-патриотическом союзе России”) и “интернационал-коммунистов” (В.Анпилов, С.Умалатова, идеолог “Правды” Б.Славин). Можно утверждать, что национал-коммунисты по своим подходам к национальной проблеме в целом мало отличаются от национал-патриотов как таковых, различия скорее состоят в том, что если среди некоммунистических национал-патриотов много нетрадиционных националистов, сторонников этнократического государства (А.Баркашов, А.Севостьянов), то национал-коммунисты представляют собой в большей степени типичных традиционалистов, пытающихся интегрировать монархическую и советскую традиции.

Аналогичная ситуация наблюдается и в стане “либералов”, среди которых есть и убежденные космополиты-западники (С.Ковалев, Г.Явлинский, Е.Гайдар, Г.Старовойтова) и сторонники национал-либерального государства, хотя последние и пребывают в явном меньшинстве. Так события в Чечне вызвали существенный идеологический раскол среди “либералов” если перечисленные выше известные политики — демократы первой волны — выступили в качестве “голубей”, сторонников “демократического пораженчества”, то такие “либералы” как Б.Федоров, А.Нуйкин и другие, напротив, фактически сомкнулись с кремлевской “партией ястребов”, представленных некогда такими известными фигурами как А.Коржаков, П.Грачев, О.Лобов. “Апостолом” либерального подхода к национально-государственному устройству России по праву является А.Сахаров со своим знаменитым высказыванием (в связи с подготовленным им проектом Конституции) о том, что даже самый малый народ имеет право на создание собственной государственности. Развивая его идеи впоследствии Г.Попов, Ю.Афанасьев, Г.Старовойтова высказывали в свое время мысль о желательности создания на территории современной России 40, 50 и даже 70 независимых государств.

Можно констатировать, что в посткоммунистической России роль национальной идеи вообще значительно скромнее, чем в других странах, находящихся или находившихся на аналогичной стадии — переходе от индустриального общества с сохранившимися существенными характерными чертами традиционного общества — к постиндустриальному обществу. Чтобы

понять почему активный националистический электорат столь ограничен в России, следует рассмотреть некоторые его качественные характеристики.

Стремление к построению национального государства (т.е. национальный изоляционизм) непосредственно вытекает из характера процессов модернизации. “Модернизация разрушала империю именно потому, что она созидала нацию...Восстановление общей государственности было бы не на пользу России... Носители социальной архаики стали бы тормозом общего движения к гражданскому обществу” (А.Вишневский, “Полис”, № 2, 1994). По мнению И.Клямкина, в соответствии с этим вектором, русский национализм проявляется в России в большей степени в форме поиска великорусской этнической идентичности, а не в идеях “державности” и пресловутом “имперском сознании”. Последние исследования, выполненные в РНИСиНП, скорее подтверждают наши представления о том, что ностальгия по утраченной “державе” носит скорее ритуально-парадный характер в массовом сознании, то есть провозглашается, но реальная ее актуальность остается за пределами по крайней мере “первой пятерки” наиболее актуальных проблем для сегодняшних россиян.

Как видно, тенденции остаются довольно устойчивыми. События в Чечне только актуализировали эту остающуюся открытой проблему, но не внесли в нее принципиально нового содержания. Можно констатировать, что:

а) у общества нет сформировавшейся позиции по вопросу оценки чеченской войны; в основном транслируется точка зрения СМИ — как правило, пацифистски ориентированная;

б) власти пытаются инстинктивно апеллировать к самым разным точкам зрения, т.е. с одной стороны продемонстрировать свою “воинственность” и “жесткость”, с другой стороны, ощущая что и в этом вопросе “пережим” не проходит — общество в целом настроено пацифистски, население, утратив “пассионарные гены”, предпочтет войне и крови мир на любых, даже унизительных условиях, менять “жесткую” тактику на “мягкую”. Можно за это сколько угодно критиковать власть, но нельзя не признать, что ее действия в целом адекватны современному состоянию общества.

В период “расцвета” радикально-либеральной идеологии в 90-91 гг. большинство аналитиков полагали, что неизбежно и весьма скоро наступит жесткая “реакция” в виде возврата к традиционным национал-государственническим ценностям. Ряд аналитиков и идеологов этого направления (С.Кургинян, А.Дугин, А.Проханов) предсказывали в России “консервативную революцию”, причем уже не позднее середины 90-х годов, тем более неотвратимую и радикальную, чем дольше остаются у власти “либерально-космополитические” силы . С другой стороны, существовало мнение, что ставка на националистические силы в сегодняшней России бесперспективна, поскольку русский этнос слабо “пассионарен”, и по сравнению с другими странами, избавившимися от коммунистического тоталитаризма, и в постсоветском пространстве, и в Восточной Европе, Россия

остается едва ли не единственной страной, в которой “антикоммунистическую революцию” осуществили не националистические (национал-демократические) силы, а либерально-космополитические.

Пять лет, прошедшие с 1991 года, показали, что либерализм в России в его антинационально-космополитическом варианте имеет значительно большие корни, чем это могли предположить в свое время даже самые вдумчивые аналитики. Особенно показателен в этом отношении ход президентской избирательной кампании 1996 года. Г.Зюганов, выступающий в качестве лидера некоей “национал-патриотической” коалиции — реально, в гораздо большей степени — национал-государственник, традиционный консерватор, нежели коммунист — отторгается массовым городским сознанием, фактически представляя “традиционалистскую резервацию”. Б.Ельцин, в течение последних лет (особенно в 1994-95 гг.) эволюционировавший в направлении консервативно-бюрократического государственничества с элементами полицейского режима, вновь перед выборами оказался вынужден опереться на “демократов” и стоящие за ними политические и финансовые структуры. Тот же генерал А.Лебедь, консолидировавший вокруг себя часть “национал-протестного” электората, в дальнейшем, уже получив государственную должность, предпочел опереться на поддержку “радикал-либералов” (и политические силы — Г.Явлинский, Е.Гайдар, В.Новодворская, Г.Старовойтова и СМИ, в первую очередь, НТВ), и решить проблему Чечни в духе “радикал-либеральных” рецептов (фактически признать суверенитет Чечни).

Глубокий раскол общества на субкультурные группы (по нашему мнению, имеющие уже и некие субэтнические характеристики) препятствует выработке единого национального сознания, общей национальной идеологии, основанной на единой идентификации (этнической, исторической и политической). Приверженность той или иной идеологии в России носит далеко не однозначно рациональный характер. Проще всего было бы утверждать, что сторонники “реформаторов” — это просто адаптированные к социально-экономической ситуации граждане. Экономический фактор определяет политический выбор вовсе не столь однозначно. В условиях этнокультурного раскола — “Демвыбор” Е.Гайдара, например, выступает фактически в качестве национального движения космополитического городского субэтноса, а коммунисты — в лице Г.Зюганова — в качестве “национального движения”, отражающего идентификационные интересы традиционного субэтноса. Образно выражаясь, “партия туземцев” против “партии колонизаторов”.

Дело, на наш взгляд, состоит в том, что в отличие от западной цивилизации, где социалистические тенденции носят однозначно антиконсервативный и антинационалистический характер, в России они составляют национальную традицию. Массовое консервативное сознание, опорой которого является российская глубинка, является национал-

социалистическим. Основная черта его состоит в отношении к государству как высшей ценности, являющейся гарантом воспроизводства некоторых жизненных устоев, включающих своеобразное понятие о социальной справедливости, национального самосохранения, прогресса, этнополитических ориентаций. (“Мы — русские — представляем собой одну семью... У нас нет своей индивидуальной нравственности... В семье за нравственностью следит отец семейства, у нас — власти. Если власть безнравственна, мы и все становимся безнравственными” — редактор лево-националистической газеты “Дуэль” Ю.Мухин, сентябрь 1996 года). Соответственно, ориентация на власть как таковую составляет важную характеристику консервативного электората. Революционаризм национал-патриотической оппозиции противоречит ожиданиям стихийного национал-патриотического электората и препятствует ее электоральному успеху.

Если прослеживать динамику количественных показателей национал-патриотического электората, то обращают на себя внимание следующие моменты. В середине 80-х, “национал-патриотическая компонента” присутствовала на равных с либеральной в формировании перестроечной контрэлиты, впоследствии выдвинувшейся на первые роли в суверенной России. Признанные лидеры русских националистов того времени — известные писатели и деятели культуры (В.Распутин, В.Белов и другие) — пользовались исключительно высоким авторитетом, были своего рода лидерами общественного мнения наряду с другими культурными “символами” перестройки.

Но уже в 87-88 гг. в культурной и политической элите началось стремительное размежевание. Побеждавшей при поддержке высшего кремлевского руководства западнической партии удалось “загнать” своих оппонентов на радикально-маргинальные позиции (связать их с провокационным обществом “Память”, непопулярным Е.Лигачевым и др., навязать им имидж реакционеров-антиперестройщиков) и таким образом сильно подорвать их позиции в массовом сознании. Например, в 1989 г. в Москве, согласно данным нашего опроса, за то, чтобы “страна стала такой же как цивилизованные страны Запада” высказывалось около 56% респондентов, за то, чтобы “страна развивала свою самобытность, не стремилась во всем следовать за странами Запада” — всего 11%. Отношение к лидерам патриотической контрэлиты стало явно отрицательным. На благодатную почву упала борьба с имперским сознанием, так по опросам, проведенным в начале 1990 г. в Москве, лишь 13% высказывали сожаление в связи с односторонним провозглашением суверенитета Литвой при 32% одобряющих этот акт и остальных равнодушных. Позднее с равнодушным одобрением и населением, и политической элитой в целом от либералов до национал-коммунистов из КПРФ был встречен распад СССР (68% москвичей согласно опросам, проведенным 10 декабря 91 г. поддержало беловежские соглашения при 7% высказавшихся против — в тот период, чтобы ни делал Ельцин, все воспринималось

положительно; лишь несколько депутатов ВС РФ, в котором уже через год будет доминировать непримиримая национал-коммунистическая оппозиция, выступили против или воздержались при ратификации Беловежских соглашений).

Что же касается российской глубинки, то она в этот период находилась в состоянии апатии, явно не выражая своего мнения. В конце 190 году произошло блокирование либералов с наиболее динамичной частью националистической контрэлиты, сплотившейся в то время вокруг только что образованной КПРФ. Именно благодаря поддержке этой части националистического спектра либералам удалось провозгласить суверенитет РСФСР (в этом они были поддержаны практически всеми лидерами российских националистов от В.Распутина до С.Бабурина и В.Аксючица) и надолго захватить политическую инициативу.

Однако после августа 1991 г. националисты-почвенники были практически исключены из формировавшейся политической элиты, а Ельцину в качестве национального лидера удалось в то время объединить вокруг себя значительную часть стихийного националистического электората, воспринимавшего его в качестве “сильной руки”, авторитарного вождя, способного противостоять “антинациональной политике М.Горбачева”. Гайдаровские реформы уже к середине 1992 г. значительно подорвали поддержку либералов, российская провинция стала достаточно определенно склоняться в направлении коммунистов и патриотов, что же касается Москвы, то снижение поддержки в московском электорате либералов не приводило все это время к усилению позиций националистов.

Таким образом, мобилизационный потенциал национальной идеи в России остается сравнительно небольшим — гораздо меньше, чем это вытекает из объективных факторов. Проблема — в рыхлости этнического русского ядра, раздираемого социальными и культурными противоречиями. Очевидно, от преодоления этих противоречий и зависит будущность российской государственности.

Как заметил А.Ципко в “НГ” от 30.08.96, “возникли основания для нового размежевания политической элиты”. Угроза российской государственности, проявившаяся (в том числе) в чеченских событиях и подходах к урегулированию кризиса, по-существу привела к расколам внутри всех ведущих политических сил. Новый исторический вызов России, связанный с нерешенностью кардинальных проблем, ее государственности, требует и совершенно иной расстановки политических сил. Итак, Россия сегодня стоит перед достаточно тяжелым выбором стратегии своего существования в XXI веке. Попытка создания собственного национального государства — путь естественный, но осложненный этническим кризисом русских как ведущего этноса национального государства. Тем более, что русский этнос на протяжении своей истории сам являл собой ядро суперэтноса, вокруг которого формировалась восточнохристанская или евразийская цивилизация. Сегодня

русские оказались в цивилизационном и геополитическом одиночестве. Без сильных союзников, в том числе в мусульманском мире, Россия не в состоянии сформировать жизнеспособную стратегию. Именно этот фактор недооценивают те идеологи патриотической ориентации, которые толкают ее на новую чисто национальную идентификацию. Задачей нынешнего поколения является формирование ядра ценностей и стратегий, вокруг которых можно начать склеивать новый суперэтнический организм. Успех стратегии во многом зависит и от состояния того, что называется современной западной цивилизацией. Немало исследований посвящено проблемам “глобального кризиса” западных ценностей, которые, по мнению аналитиков, будут в следующем веке стремительно отступать под натиском “нового фундаментализма”, представляющего коллективные религиозные и этнические ценности. Сможет ли в этих условиях западная цивилизация длительное время сохранять внутреннее единство? По крайней мере ясно, что сегодня, несмотря на предпосылки кризиса, она в целом остается достаточно агрессивной и наступательной, и восточноевропейский бастионы (Россия, Украина, Сербия, Болгария) вынуждены во многом уступать этому цивилизационному натиску.

Если Россия выживет — то только в качестве цивилизационной альтернативы. Оставшись на руинах социальных и цивилизационных проектов в конце XX века, всю новую цивилизационную работу России придется начинать сначала.

Андрей Кольев

КРАМОЛЫ ЭТНИЦИЗМА

Паразитический этницизм

У российских “демократов” шовинизация этнических групп — “этницизм” (это явление часто неверно именуют как “национализм”), противостоящий российской государственности, оказался благом, русский национализм — страшным жупелом, кошмаром “всего прогрессивного человечества”. В этом плане они переплюнули даже своих зарубежных учителей, спокойно, без всякого негатива и ажиотации использующих термин “национализм” в научной литературе.

Директор Института этнологии и антропологии РАН В.Тишков совершенно правильно указывает на то, что этничность не может быть основой для государственности, и даже для внутригосударственного административного деления она в качестве принципа ничего конструктивного дать не может (1). Но его представление о том, что политика Б.Ельцина отбросила этницизм — просто ненаучная фантастика, недостойная ученого, директора крупного института.

Лишение российской государственности русского государствообразующего стержня: подкрепленное привело к тому, что малые народы от идентифицированности с российской государственностью получили возможность идентифицироваться как оппозиция этой государственности.

После разрушения СССР ряд “титульных” республик предприняли успешную атаку на центральное правительство с целью выбить для себя привилегированное положение. В качестве платы за присоединение к Федеративному договору Башкортостан (проживает 22% башкир) потребовал подписания специального приложения о дополнительных полномочиях республики в области внешней торговли; республика Саха (проживает лишь 33% якутов), волей обстоятельств получившая в пользование огромные пространства Сибири, добилась права оставлять в своем распоряжении значительную долю доходов от разработки месторождений золота и алмазов. 90% федеральных субсидии направлялись в республики Саха, Татарстан, Башкортостан и другие, где доход на душу населения выше, чем в среднем по стране и лишь 10% — в регионы со сложными климатическими и природными условиями. В результате 10 территорий с доходами ниже среднего уровня

Андрей Кольев, политолог и публицист, автор многих статей по проблемам государственного строительства и книг “Мятеж номенклатуры” и “Идеология абсурда” (А.Кольев, М., “Интеллект”, 1995), “Чеченский капкан” (препринт, 1997).

стали донорами бюджетных поступлений, 8 территорий, в которых доходы выше среднего, — получателями федеральных субсидий (2).

Кремль, пользуясь обстановкой переворота 1993 года, попытался вынудить регионы и республики к уплате федеральных налогов. Но даже угрозы прекращения всех форм федерального финансирования, установления эмбарго и конфискации счетов в ЦБ испугала далеко не всех. Чечня и Татарстан налоги платить не стали. Ельцину удалось лишь распустить Совет глав республик. В 1994 г. 20 этнических республик уже действовали коалиционно, защищая свои привилегии.

Попытки обсуждать проект “губернизации” России встретили жесткий коллективный отпор со стороны этнических элит и полное равнодушие со стороны элит в русских регионах. Назначенные Ельциным главы администрации предпочитали не ссориться с этницистами. В то же время президент Башкортостана Рахимов даже объявил о том, что Федерацию образуют не края и области, а республики (“Сегодня”, 13.08.94), а президент Чувашии Федоров (бывший министр юстиции) в январе 1995 подписал указ, позволяющий чувашским солдатам отказываться от несения службы на территории Чечни.

Примером воплощения этницизма в политике современной России стал Проект Государственной программы национального возрождения и межнационального сотрудничества народов России, подготовленный под руководством заместителя председателя Совета Федерации Р.Г.Абдулатипова (“Этнополитический вестник” №1, 1994, “Этнополитический вестник” №1, 1995) стал в дальнейшем концепцией национальной политики, утвержденной Указом Президента РФ.

Проясняет указанную концепцию целый ряд работ, подготовленных Р.Абдулатиповым (см., например, “Независимая газета” 14.03.95, 10.01.95, книга “Федерализм и история России”, М.: “Республика”, 1992). Проект Государственной программы национального возрождения и межнационального сотрудничества народов России, подготовленный под руководством заместителя председателя Совета Федерации Р.Г.Абдулатипова и поддержанный движением “Сенежский форум” был рассмотрен в книге А.Кольев “Идеология Абсурда” (3). С тех пор творчество лидера интернационала сепаратистов-этницистов пополнилось новыми теоретическими достижениями.

Вот, к примеру, Р.Абдулатипов пишет (“Независимая газета” 18.04.96) о том, что есть такие народы, духовная жизнь которых заторможена. Причем, это дает им преимущества приспособления, устойчивости, предсказуемости. Отсюда возникает рациональность поведения, неагрессивный национализм и замкнутость на индивидуальном эгоизме, а все это вместе дает благополучие. Тут, якобы, национальность и гражданство сближаются, становясь равноправными элементами общества и национально-этнического самосознания. Другого рода явление обнаруживает Абдулатипов в российском

варианте национального самосознания. Для него здесь обнаруживается эмоциональный тип, характерный для молодых наций, который ведет к ложному представлению о собственной самобытности, к агрессивности. Здесь, декларирует Абдулатипов, “здорового национализма” нет, как не может быть здорового радикулита или холеры. Ну а в Концепции национальной политики Абдулатипов прямо записал: “решительная война против агрессивного национализма”. То есть война России против самой России. К этому добавим еще и фразу Абдулатипова, прозвучавшую по радио “Свобода” примерно так: “Российская Федерация антиконституционно становится православным государством”.

Мы прекрасно видим русофобский дух этой позиции и попытку подменить норму — здоровое стремление к укреплению собственной нации — патологией. Все это названо как “федерализм”, на деле — этницизм, скрытая антигосударственная (а поскольку дело происходит в России, и антирусская) крамола. Стержневая идея этой крамолы состоит в том, что единого общенационального мировоззрения быть не должно, а должно быть этническое мировоззрения, внешне миролюбивое, но ведущее лишь к одному — к расчленению страны по этническим улусам.

Именно поэтому оказывается, что абдулатиповский федерализм в России (политический, философский и проч.) ничего общего с разделением властей “по вертикали” (то есть с определенной долей самостоятельности низовых звеньев управления) не имеет. Это просто политика удельного суверенитета, конкурирующего с суверенитетом центрального правительства.

Этницисты строят свою политику так, чтобы вывести контролируемые ими территории из состава России вместе со всеми богатствами. Причем игнорируется тот факт, что богатства эти возникли или были открыты усилиями России в целом при самых незначительных заслугах “титульного” этноса в этом деле. Этницисты просто души не чают в меленьких государствицах и крошечных народцах, ради которых не жалко умертвить русский народ, его историю и его государственность.

Мы видим, что воинствующий этницизм скрывается под маской федерализма, ставшего косметическим средством для сокрытия чудовищной физиономии варварского самосознания. Выраженное на русском языке (публицистическом или научном) варварство как бы смягчается, становится внешне лишь признаком озабоченности по поводу возможных конфликтов между народами. В действительности российский федерализм — суть самое настоящее варварство.

Извращение истории — особый инструмент в руках варваров-этницистов. При желании всю историю России представляется как история федерации. Например, начать с того, что Ярослав Мудрый собирал русские земли на принципах федерализма (Абдулатипов). При расширительном толковании термина “федерализм” можно продолжить перетолковывание истории заявлением о том, что крах Российской Империи и распад СССР

произошли из-за “перегруженности центра”. Можно даже похвалить большевиков за переход от “тоталитарного самодержавия” к союзной и федеративной форме государственности (Р.Абдулатипов, А.Лебедь и др.).

Что называется, неубиенный аргумент в пользу этницизма-федерализма — мировой исторический опыт. Подобно варвару, забивающему гвозди микроскопом, этницисты говорят: “Мир накопил огромный опыт. Он свидетельствует о том, что не жестко унитарные, а именно федеративные государства наиболее прочные, ибо они создают возможность сохранить целостность и мощь государства при проявлении величайшего уважения ко всем народам и территориям, его составляющим, к каждому человеку, независимо от численности его национальности.” (Р.Абдулатипов)

Приведенное утверждение является глубокой неправдой, которая не видна только варваризованному сознанию. По всей вероятности в истории человечества нельзя найти ни одного весомого примера, когда государственность укреплялась путем автономизации ее частей. Любая автономизация, не остановленная вовремя правовыми барьерами, вела к распаду и жесткому обособлению. И наоборот, в множество азбучных примеров из истории показывают, что федерации всегда составлялись из независимых государственных образований (пример того же Ярослава Мудрого).

Еще одно доказательство благотворности федерализма-этницизма для России опирается на бесспорно огромные размеры страны и множественность компактно проживающих на ее территории самобытных народов. Под этим соусом приводятся доводы в пользу уничтожения эффективных механизмов управления. Тут, якобы никак нельзя управлять без разнообразия в законодательстве и высокого уровня самостоятельности отдельных регионов. При этом из истории приводят пример Польши и Финляндии, имевших в Российской Империи особый статус. Но как раз Польша и Финляндия в конце концов отпали от России. Таким образом подобное понимание федерализма ничем не отличимо от сепаратизма.

Интеллектуальная агентура этницистов порой совращает с пути цивилизации целые народы. Она продолжают политическую линию на расчленение России, которая связана с генетической русофобией.

Наследие украинской самостийщины

История Киевской Руси для русского человека служит источником образов, составляющих его национальное мировоззрение, древний Киев является неоспоримым символом русского единства. Для обычного мировосприятия — что в РФ, что на Украине — русские, украинцы, белорусы различимы лишь говором и полностью идентичны во всем остальном. Но насколько же образы нынешних политики Украины далеки от русской легендарной мифологии, русской истории, общерусского мировоззрения!

Во времена Дмитрия Донского все части Руси назывались Украинами — Залесская, Днепровская, Червонная Украина. Название Малороссия, происшедшее из принятой XIV в. унии галицкого князя с Римом, постепенно распространилось на Днепровскую Украину. Великороссы и малороссы волей истории разошлись, образовав южнорусскую и северорусскую особенности, но не обособились друг от друга, всегда чувствуя себя одним народом.

Древний Киев, пришедший в упадок, высужено уступил место сумевшей сохранить традицию Москве. Именно от возвышения Москвы и упадка Киева идет традиция украинского сепаратизма. Киев сберегал традиции русского западничества в надежде на возрождение собственного величия, Москва же олицетворяла собой традицию. Чисто провинциальное устремление притягивало противников России, извлекала из Украины честолюбивые замыслы и крамолы.

Идея украинской распри, идея разложения русского единства всегда питалась извне, препятствуя единой исторической судьбе великороссов и малороссов. Эта идея подхватывалась любым сбродом, которому сильное русское государство мешало вольно жить и грабить русских оратаев. Миф распри был подхвачен действительно нерусской “казачьей ордой” Запорожья, состоящей из беглых босяков и ворья — поляков, татар, армян, черкесов, мадьяр... Эти орды, живущие по принципу “сабля приносит больше барыша, чем хозяйство” ничем не отличаясь от татарских орд ни по своей свирепости, ни по отсутствию какой-либо культурной основы своей общности.

Запорожское казачество ловко использовало противоречия между интересами России, Польши и Турции в борьбе за привилегии новому “сословию” реестровых казаков. Лидеры казачества пресмыкались перед польской шляхтой, то и дело признавали себя подданными турецкого султана, не брезговали заключать союз с Крымским ханством. воевали всегда на стороне тех, от кого можно было больше получить.

Победы Хмельницкого над поляками в конце концов обеспечили русские ополченцы, русские крестьяне, которые хоть и брили головы под казаков, но перед поляками шапок не ломали, зная, что бьются с ними не на жизнь, а на смерть. Именно они сломали хребет воинствующему католичеству, разгромили польские армии. Они же были преданы казачеством, которое вместо того, чтобы добить врага, начало в тайных переговорах с Польшей и выторговывать для себя дополнительные привилегии. Только энергия русского народа позволила сорвать эти планы. Русские крестьяне отчаянно боролись с возвращением польских панов, несмотря на массовые казни, бились с казачьими карательными экспедициями, в массовом порядке переселялись на Харьковщину и переходили в московское подданство.

Русское население Малороссии вынудило казачью “аристократию” к московскому подданству, но было снова обмануто. Казаки выговорили огромные привилегии у московского царя только для себя. Но даже и в такой ситуации они всячески противились реальному установлению суверенитета

России над Малороссией, всячески препятствовали введению централизованного административного управления. Казачий страх “москалей” — это страх произвола перед государственным порядком, страх вора перед законом.

История казачьих измен составляет, быть может, наиболее гнусную страницу истории России. Только военные победы русских и стремление населения Украины к единству с Россией вынудило казачество отказаться от сепаратизма. Но даже после этого гетманы держали при себе многочисленные отряды наемников из татар и поляков, используемые для того, чтобы держать в повиновении казацкую “чернь” (все тех же русских пахарей). Внутриказачьи разборки были кровавыми и зверскими, предательство следовало одно за другим — резали друг друга, убивали царских, изничтожали русские гарнизоны.

Соперничество и предательство гетманов привели к тому, что по правобережью свободно рыскали отряды турецких работорговцев, а в крепостях засели польские гарнизоны. Всюду и везде привилегированное казачество проводило антимосковскую пропаганду, стараясь обрести возможно большее влияние, сохранить свои привилегии, оправдать свои измены. Поляки наполняли агитационную индустрию самостийников русофобскими небылицами. Порезанные самими казаками гетманы становились страдальцами за Украину, “москали” оказывались жадными обирателями казаков (хотя в Москву с Украины не поступало “ни единого пенязя”) и даже неправославными.

Между тем, украинский сепаратизм был совершенно бесперспективен с точки зрения государственности. Это было торгашеское политиканство, вечное балансирование между центрами силы.

Во второй половине XIX века украинский сепаратизм пользовался поддержкой Австро-Венгрии, а в Первую мировую войну украинских сепаратистов, наряду с большевиками, финансировали немецкие парвусы. Провозглашение независимости Украины 11 января 1918 года было актом германской политики. В дальнейшем откровенно антирусская “Директория” поддерживалось странами Антанты. Во время Второй мировой войны карту сепаратизма пыталась разыграть фашистская Германия. Помимо чисто пропагандистских трюков была создана дивизия СС “Галиция” и карательные отряды из числа тех, кто ненавидел не столько коммунизм, сколько русских и Россию.

Только вследствие того, что политика самостийников не пользовалась популярностью среди населения Украины, а московская власть была заинтересована в контроле над ней, украинский сепаратизм терпел неизменное поражение. Как только позиция московской власти изменилась, сепаратизм получил новый импульс развития.

Украинская номенклатура, вспомнившая практику изменничества и лжи гетманских времен, стала главным рычагом разрушения СССР. Только

благодаря ее упорному стремлению к обособлению удалось всего через полгода после референдума о сохранении СССР провести антиконституционный референдум о назависимости Украины. Напомним, что это событие произошло 1 декабря 1991 года — до сговора в Беловежской пуще, состоявшегося 8 декабря. Если бы не результаты украинского референдума (вероятно фальшивые), горбачевское окружение вполне могло бы избавиться от шока и остановить крушение СССР, воспрепятствовать расчленению страны по границам, прочерченным еще большевиками совместно с германскими оккупантами 1918 года.

Сегодня Украина является главным препятствием для воссоединения русских на всех исторических территориях России. Фактически украинская номенклатура, презирая свой собственный народ, “украинизируя” его, лишает одну из ветвей русского народа исторической перспективы, а русский народ в целом — конкурентоспособности в будущем тысячелетии. Ее деятельность снова встречает особое сочувствие у врагов и конкурентов России.

Как и в предыдущие столетия, самостийная украинская государственность остается абсолютно бесперспективной и насаждается украинской номенклатурой только исходя из ее сиюминутных интересов. Политика балансирования между интересами США, Турции, Германии и России превращает Украину в государство, проституирующее свои собственные стратегические интересы.

Если восточная Европа еще только собирается вступать в НАТО, то Украина уже сегодня становится форпостом этого альянса, который по-прежнему нацелен против России. Украина стала полигоном для отработки военных операций международных войск, которые очень похожи на тренировки оккупантов. США даже не скрывают, что на территории Украины отрабатываются операции, подобные осуществленным в Сербии.

Немалую роль сыграла Украина в разрушении Черноморского флота, который к концу века может причерноморскими странами вовсе не приниматься во внимание. Это значит, что пресловутый вопрос о контроле за проливами будет разрешен в пользу Турции и в ущерб России. По крайне мере, амбиции Турции по поводу использования проливов по своему усмотрению без учета интересов России выражены вполне однозначно.

Украинское руководство способствует расколу Русской православной церкви, предоставляет свою территорию для реабилитации чеченских сепаратистов, организует преследование за использование русского языка в высших и средних учебных заведениях, любыми методами затрудняет контакты между русскими России и русскими Украины. Последним мероприятием украинских властей стал беспредел на границе, связанный с отказом признавать паспорт СССР за документ, подтверждающий гражданство Российской Федерации.

Украина, вступая в альянс с США и Турцией, фактически становится самой враждебной для России страной в ее ближайшем окружении. Опасность

эта — в прямой угрозе геополитическому положению, в срыве интеграционных процессов, в прямом предательстве и экономическом паразитизме.

Политика Украины носит и подчеркнуто антирусский характер, но русофобии среди основной массы ее населения не было и нет. Это население остается русским по языку и культуре и именно оно в очередной раз предается украинскими верхами. Одним из актов предательства является курс Л.Кучмы, ставшего президентом за счет обещаний развернуться лицом к России. Попав в номенклатурное окружение самостийников, Кучма полностью отказался от своих обещаний и еще более усугубил антирусский и антироссийский характер украинской политики.

Примером антирусской истерии могут служить материалы “круглого стола” издательства “Просвита” (монополист в издании учебников), Национального совета по вопросам телевидения и радиовещания, Гостелерадио и Министерства информации Украины. В рекомендациях, которые мгновенно получили целую гирлянду поручений президента Кучмы для практического применения, говорится о необходимости “целенаправленного уничтожения” негосударственного языка, о том, что следует “считать разговоры и печатные издания на негосударственном языке деянием, которое своими негативными последствиями представляет не меньшую угрозу национальной безопасности Украины, чем пропаганда насилия, проституции, а также различные формы антиукраинской пропаганды”. Трудно сказать чего здесь большей — гнусного расчета на взрыв недовольства или примитивной тупости дошедших до животного состояния русофобов.

Перед Украиной стоит фактическая дилемма — либо превратиться окончательно в колониальную территорию, либо преодолеть номенклатурную узколобость и взять курс на второе воссоединение с Россией. Москва может помочь интеграции лишь одним путем — перестать сюсюкать с украинскими сепаратистами и подкармливать режим Кучмы экономическими подачками.

Мираж крымского ханства

Известно, что Крым был присоединен к России практически без серьезного сопротивления. Залогом тому была выигранная Россией русско-турецкая война. Крымское ханство, как государство, просто сгнило на корню. Если в петровские времена татарские работорговцы еще рыскали по территории Украины в поисках добычи, то при Екатерине II экономический и культурный упадок Крыма стал очевиден. Вырвав Крым у Турции, рассматривавшей полуостров только в качестве военного плацдарма, Россия подняла его из средневековья и нищеты, прославила своими морскими победами, героическим Севастополем, курортами и винами.

Смута, обрядившаяся в одежды “демократии”, отторгла Крым и его русское население от России, растоптала славу Черноморского Флота,

остановила производство и породила целый “букет” зловредных исторических мифов.

Один из таких мифов — миф о крымско-татарском народе.

Крымские татары — реликтовая этническая группа, давно утратившая практически все признаки народа, получила гальванизирующий импульс от российской демократии, породившей Закон “О реабилитации репрессированных народов”. Этим законом не замедлили воспользоваться авантюристы, разжигающие в России межэтническую рознь, паразитирующие на кровавых конфликтах.

В Крыму, как и в других регионах России, объявленная “реабилитация” стала закваской локальных кризисов. Сочетание авантюризма этно-шовинистического и авантюризма “демократического” породило здесь такое явление как Меджлис крымско-татарского народа.

Началось все с переселения в Крым сотен семей крымских татар, возомнивших, будто за полвека здесь ничего не должно было измениться, и кто-то должен возместить им ущерб, нанесенный депортацией. Депортация (о причинах и поводах которой даже не имеет смысла дискутировать) была единственным предметом гордости, единственным поводом для объединения и главным тезисом в идеологии ненависти к иноплеменникам. Потому и вылилось все в массовый мордобой, а в октябре 1992 — даже в нападение на Верховный Совет Крыма.

Умиротворяли возбужденное “национальное чувство крымских татар тоже предельно “демократическим” путем — за счет русского населения. Сначала для татар была выделена квота в крымском парламенте, позволившая лидерам этно-шовинистов создать собственную фракцию и добиваться этнических привилегий. Затем, фракция превратилась в удобный политический инструмент для Л.Кравчука, добивавшегося того, чтобы в Крыму забыли о всей предшествующей истории и с энтузиазмом приняли дерусификацию. В дальнейшем, когда Конституция Крыма была отменена вместе с квотами для представительства крымских татар, киевский режим стал расплачиваться за поддержку русофобского политического курса Меджлиса государственными программами по обустройству крымских татар (программ “адаптации” в украинское общество).

Украинским лидерам стоило бы знать, что сепаратизм, используемый как инструмент политической борьбы, никогда не останавливается на достижении частных успехов. Крымско-татарский сепаратизм тоже стремится “дальше, дальше, дальше...” Речь идет уже не о восстановлении попранных прав, а о том, чтобы отдать крымским татарам Крым в качестве автономии. Именно такую позицию высказал недавно лидер фракции “Курултай” крымского парламента Ленур Арифов. Мол, русские здесь — национальное меньшинство, хоть и числено превосходят всех остальных, а татары — коренной народ, который при своей 10% численности от общего числа крымчан является “титульной нацией” и обладает правом на самоопределение.

При таком подходе все русские выглядят шовинистами, а любое пророссийское течение будет объявлено фашистским. Отсюда и появляются прокламации, вроде той, что хотели принять на Курултае в июне 1996 — “О борьбе с колониальным режимом”. Тут вам и “иго российского колониализма”, и “политика геноцида российских властей”, и “зверства российских захватчиков”. У председателя Меджлиса Мустафы Джемиева тоже прорываются обороты вроде “полуфашистский парламент”.

Как и в любом варианте политического движения, основанного на этническом экстремизме, у крымских “курултайцев” имеются и свои “умеренные”, что стремятся лишь к повышению личного политического статуса, и свои “радикалы”, что ушиблены болезнью русофобии. Киев ставит на первых, а получить может социальный взрыв, руководимый вторыми. Вот вам и своя “Чечня” посреди Крыма. Может быть, кому-то и не терпится кровушки испить, но есть же в Киеве и те, у кого голова на плечах!

Хотелось бы спросить у новоявленных лидеров идеи Крымского ханства (крымско-татарской автономии): вы что, всерьез рассчитываете, что вам отдадут эту землю, которую не смогли отстоять и привести к расцвету ваши предки?

Великороссы и украинцы, положившие за нее сотни тысяч жизней в тяжелейших войнах, должны для этого впасть в полное историческое беспамятство и полную экономическую немощь. К этому их, конечно, во многом стараются подвести мировая “закулиса” и домашние “демократы”, но полагать, что дело уже сделано и пора превращать Крым в очередную “исламскую республику” — значит делать заявку на погребальный ритуал для собственного народа.

Когда народ ведут слепцы, подобные лидерам крымско-татарского Меджлиса, они заводят его в пропасть бескультурья, экономической деградации и всесторонней изоляции. Те, кто пытается сбиться в стаю по этническому признаку, вызывают вынужденную ответную реакцию. Вот и приходится жаловаться на Курултае, что русские мафиози грабят в первую очередь татар. Мустафа Джмаилев даже так сказал: “Крымские татары подвергаются вопиющей дискриминации во всех сферах жизни.”

А что же вы еще хотели, отгораживаясь от остального Крыма этническими барьерами, по собственной воле превращаясь в низшую касту? Вы хотели безнаказанно строить режим дискриминации для русских и не получить никакого ответа? Значит вы просмотрели естественную реакцию русских на такую подлую позицию и нарвались на “обратную связь”. Причем, следует учитывать, что русские медленно запрягают, но быстро ездят. Пока их реакция на русофобию не слишком энергична, что будет потом — можно представить.

Близорукими в этой истории выглядят и киевские политики, стремящиеся с помощью крымских татар унизить русских, выбить из них мечту жить в России. Желая использовать татар против русских, так, как использовали

чеченцев против России, они придут лишь к полной утрате контроля за Крымом. Тут уж никакими спецподразделениями русских не удержишь.

Л.Кравчук, решивший на президентских выборах воспользоваться поддержкой крымских татар заявил, что этот народ, имеет право на самоопределение и свою государственность на своей родине. Татары проголосовали за него, а весь остальной Крым — за его противника — Л.Кучму. Это была ответная консолидацию людей, тоже считающих крымскую землю своей родиной и не желающих уступать ее какой-то одной этнической группе, к тому же не имеющей никаких исторических прав на монопольное владение Крымом.

Киеву не стоит “покупаться” на заверения татарских лидеров о том, что они борются с просоветскими и прокоммунистическими настроениями, противостоят шовинизму и фашизму. Все это лишь прикрытие для пещерной русофобии, которая может появиться на свет только вместе с чувством собственной неполноценности, при неумении иным способом создать самому себе достойный уважения образ. А от русофобии до “украинофобии” — рукой подать. Не даром крымские татары выходят на митинги под дудаевскими флагами.

Турции не за что любить Россию. Нет у нее причин и для бережного отношения к целостности и стабильности Украины. У нас тоже к Турции больших симпатий быть не может, особенно в связи с ее поддержкой дудаевского мятежа. Но это не означает, что нужно одновременно наступать на одни и те же грабли и разбивать себе глупые лбы.

Пока же политики Турции делают ставку на крымско-татарскую русофобию и сепаратизм, надеясь, как видно на крупномасштабную дестабилизацию славянского мира. Хочется спросить: а не надорветесь? Ведь ответная консолидация русского народа приведет к “прессингу по всему полю”. Не спровоцирует ли “гуманитарная помощь” Турции крымским татарам попыток оказать такого же рода помощь курдским повстанцам на территории самой Турции?

Если Турция в своих долговременных целях предполагает навязывание конфликта России, то турки должны знать, что это для них путь возврата в средневековье. Точно так же, как и для крымских татар, чеченцев и прочих народов, что поддаются русоненавистнической мифологии. И дело даже не в том, что Россия сможет постоять за себя и своих сограждан (политика России все больше ориентируется именно на такую позицию), и даже не в том, что историческая память русского народа рано или поздно аукнется для всех русофобов большими неприятностями. Просто попытка унизить народ, создавший величайшую культуру, в действительности обращается против того, кто решился на такую гнусность. Они сгниют, как сгнило Крымское ханство.

С Украиной Россия может и должна договориться по поводу всех животрепещущих и кажущихся неразрешимыми проблемам. У наших государств единый исторический и цивилизационный стержень, практически

идентичная культура и понятные без переводчиков языки. Все основания для того, чтобы договориться — налицо.

Но если к российско-украинским проблемам кто-то захочет пристегнуть крымско-татарский вопрос, жди беды. Признание Меджлиса в качестве официального органа с государственным статусом, принятие активно пробиваемого в украинском парламенте Закона "О статусе крымско-татарского народа" породит русское движение, которое числом и умением добьется создания аналогичных органов русского представительства, аналогичных законов о русском населении Украины. Таким образом интересы реликтового и немногочисленного народа становятся причиной междоусобиц в среде народов цивилизованных.

Татарский сепаратизм

Татарский сепаратизм, пожалуй, более других сепаратизмов опирается не недобросовестные апелляции к историческому прошлому. В среде интеллектуалов он существует он под видом евразийской идеи. Под видом этой идеи сепаратизм рекрутирует сторонников в среде русской образованщины и образованцев, вышедших из этнических меньшинств.

Речь привычно начинается с интересов татар, с того, что с Татарстаном федеральный центр должен вести "равноправный диалог". Никаких других интересов не заявляется. Зато во множестве оговорок звучит стремление к полному отделению от России при сохранении всех экономических связей.

Приведем позиции лишь некоторых ученых, разрабатывающих благодарную ниву сепаратизма (4).

Представитель Ассамблеи тюркских народов СНГ заявляет, что мир идет к делению на три составляющие — западный мир, традиционно-мусульманский мир и тюркский мир. Причем, именно тюркский мир считается евразийским. На этом основании говорится о ведущей роли Турции и о необходимости вхождения русского общества (прежде всего 25 миллионов оказавшихся за пределами России) в тюркское. Другой представитель упрекает Россию в том, что она "рассекла тюркский мир на две части" и мешает тесной связи между родственными странами — Татарстаном и Турцией.

Глава общества историков-архивистов Татарстана вспоминает, что Казань к России добровольно не присоединялась и не видит более серьезной проблемы, чем строительство памятника защитникам Казани в 1552 году. Татарский академик М.Усманов обвиняет русскую интеллигенцию в русоцентризме и европоцентризме, считая, что евразийская идей — что-то вроде палочки выручалочки, о которой забывают когда трудности остаются позади. Казанский историк Э.Тагиров прямо предлагает отказаться от идеи единой и неделимой России и перейти к концепции "конфедеративного федерализма" (федерация с элементами конфедерации).

“Конфедератам” вторит известный своим социологическими фальшивками перед выборами 1995 г. профессор Д.Ольшанский. Он усваивает, что евразийство — есть способ дезинтеграции России и принимает это как должное. “Прорыв Татарстана” в отношениях с Россией Ольшанский рассматривает как начало конфедералистского обустройства страны. Русофобским измышлениям вторит и директор Института Дальнего востока РАН М.Титаренко, который исходит из принципа равенства культур, составляющих культуру России. Русская культура здесь выступает в роли элемента, смешавшегося с тюркской и другими культурами. Именно эта смесь и называется общенациональной идеей. Ну а директор Института востоковедения Р.Рыбаков и вовсе огорошил: “...нет ни Востока, ни Запада, нет славянофилов. Это понятия прошлого. Есть люди на планете Земля. И то, что у нас до сих пор существует Европа центристская, американо-центристская и даже азиато-центристское восприятие мира, — все это от недомыслия. Должно быть только общечеловеческое”. (Интересно, чем там занимаются в Институте востоковедения — уж не общечеловеческими ли ценностями?)

“Мягкую версию” евразийства предлагает профессор А.Панарин, считающий, что в России существует не русская цивилизация, а славяно-тюркская. Он говорит: “Я так ответил бы русским националистам: ни русской воли, ни русского интеллекта, ни русской культуры, ни русского государственного характера не будет без тесной связи России с мусульманским миром.” Он доходит до утверждения, что “государственную волю славянам в значительной мере привили татары”.

Татарские этно-шовинисты проводят митинги в память своих предков, погибших при взятии Казани Иваном IV. Но они не желают знать, что в штурме Казани участвовали многочисленные татарские отряды, татарская знать, а русские лишь приняли одну из сторон в татарской междоусобице. Не стоит говорить и о том, что татарские отряды участвовали в русском ополчении Смутного времени. Просто это были совершенно другие татары, практически не имеющие этнической связи с татарами нынешними. Как, впрочем, никогда не были коренными жителями Крыма “крымские татары”. В прошлом они были завоевателями, терзавшими южные пределы России, а в настоящем стали вороватыми наследниками, стремящимися не вспоминать о своем сотрудничестве с фашистами, выступающими на митингах под флагами чеченских бандитов.

Из Конституции Татарстана мы можем почерпнуть очень интересную мысль: “Республика Татарстан — суверенное государство, субъект международного права, ассоциированное с РФ на основе Договора о взаимном делегировании полномочий и предметов ведения”. Это по сути дела сформулированный акт предательства России, повод для немедленной реакции спецслужб.

Авторы упомянутого текста и политики, реализующие его на практике не арестованы только по одной причине — в Кремле обосновался режим, не

желающий заниматься защитой национальной безопасности. Это позволяет не только по факту отторгнуть от России часть ее территории, но и осуществлять геноцид русского народа. Доля судей татар а республике в 1996 г. достигла 80%, чиновники на 3/4 татары, а после проведения выборов по сценарию Шаймиева такое же соотношение сложилось и в представительных органах Татарстана.

Чеченский мятеж

Чеченская война, как и Кавказская война, в которой участвовала Россия в прошлом веке, представляются федералистами от науки в качестве национально-освободительных и справедливых со стороны горских народов, будто все горцы воевали против России, будто Россия покоряла их, обеспечивая чисто военный перевес. Со стороны горцев якобы велась “священная война за свободу”, за восстановление роли ислама в “мусульманском народе”, а потому Шамиль непобедим, Дудаев непобедим, чеченцы непобедимы... Все это сугубо превратные представления, не имеющие ничего общего с реальными событиями, реальной историей.

В действительности характер Чеченской войны менялся неоднократно, имитируя то народно-освободительное восстание, то внутричеченскую разборку, то межгосударственный конфликт, то действия по подавлению бандформирований. Чеченцы порой говорят даже о религиозном характере войны (хотя настоящий мусульманин должен считать Дудаева просто уголовным шакалом). Но главное, что подспудно присутствовало при всех внешних трансформациях, — этнический шовинизм подавляющего большинства чеченцев, направленный против всех русских.

По внутреннему содержанию это была война чеченцев (хотя и далеко не всех) против русских, открытая геноцидом русского населения Чечни и чеченской уголовщиной по всей стране. Внутренне приняв такой оборот дел, чеченцы подписали себе смертный приговор истории, приведение которого в исполнение оказывается отложенным только до того момента, когда в Кремле сменится власть.

Война в Чечне, начатая как война против бандитов и мятежников, приобрела национальный характер, хотя и не осознана в качестве таковой и не превращена в войну отечественную. Война со стороны бандитов Дудаева — это война антирусская, война против всех русских, а потому со стороны русских — сугубо национальная. Со стороны боевиков она не является ни национальной (чеченской нации нет и не было), ни этнической (ибо бандиты с яростью режут и своих одноплеменников, и русских).

Распад родо-племенного строя, происходивший на Северо-Восточном Кавказе в конце XVIII века, высвободил могучую энергию государственного строительства, разрывающую все прежние социальные связи, порождая варварскую стихию, стремящуюся прикрыть свое зверство достоинствами

одной из мировых религий. В этот период, который в прошлом проходили многие народы, возникают беспрецедентные завоевания и военные катастрофы. В них и решается вопрос, превратится ли этническая общность в нацию, построит ли мировую империю (а в дальнейшем — национальное государство) или вернется к этническому безгосударственному бытию, покорившись тем государствам, которые смогли развернуть национальное строительство.

Нечто подобное произошло в Чечне в конце XX века. Замороженный силой исторических обстоятельств процесс был запущен вновь. Как и два столетия назад, идеологической основой войны стала извращенная и примитивизированная форма ислама — мюридизм, основанный на единственном лозунге борьбы против “неверных”. Как и во времена Шамиля, основой протогосударства Дудаева стала система террора, а консолидирующим символом — образ врага в виде России.

Затяжная конфликтная ситуация на Северном Кавказе в XVIII-XIX вв. была связана со столкновением вызревшей русской государственности и проходящими стадию становления собственной государственности горскими сообществами. История, не терпящая пустоты, вынуждала Россию заполнить государственно неоформленное пространство и обеспечить политическое и экономическое смыкание с Закавказьем.

Экономической основой Кавказской войны стала гипертрофированная набеговая система, возмещающая внутреннюю нищету горских сообществ внешней экспансией и превратившаяся в своеобразный экономический уклад. Скудные плоды производительной деятельности горских сообществ породили “отхожий промысел”, использовавший в качестве обоснования межплеменная рознь, а в качестве консолидирующей социальной технологии — примитивную “военную демократию”. Набеговая экспансия усиливала власть и увеличивала богатство горской знати, а также сглаживала внутренние противоречия в горских сообществах, удовлетворяя минимальные материальные запросы общин.

Совершенно аналогичным образом были сформированы и экономические предпосылки Чеченской войны. “Отхожий промысел” в виде примитивного криминального бизнеса, распространившегося на всю Россию, достаточно быстро сменился организованным расхищением средств и проведением масштабных криминальных операций (теневая торговля нефтью, оружием, наркотиками, операции с фальшивыми авизо и вышедшими из употребления денежными купюрами).

До принятия ислама чеченцы считались миролюбивее своих соседей. С усилением роли ислама, с появлением духовного рабства, выразившегося в идеологии мюридизма (мюршид — учитель, мюрид — ученик), агрессивные идеологические установки в отношении сопредельных народов и племен стали доминировать. Ислам в Чечне и в наше время воспринимался не в качестве глубокой духовной традиции, а в качестве источника агрессивной идеологии.

Все, что составляло собственно веру, уходило на второй план. Главное в исламе виделось в том, чтобы воровство и грабеж назвать войной за веру. Воспринимались в большей степени установки ислама, связанные с дележом добычи, и значительно реже — связанные с судопроизводством, управлением, бытовыми правилами.

Поверхностное восприятие ислама не обязывало духовной практикой, но наоборот — возбуждало страсти, мстительность и жестокость. Религия была лишь прикрытием, чтобы горский общинник превратился в зверя. В Чечне, не имевшей глубоких исламских традиций ни в современных условиях (за пару лет даже 200 мечетей, построенных Завгаевым, не могли эту традицию укоренить), ни два века назад (ислам проник в Чечню только в конце XVIII века), воспринимались в основном "прагматические" военные установки, а в остальном продолжало действовать адатное (обычное) право, включая кровную месть.

Один из лидеров воинствующего исламизма периода Кавказской войны Магомет Ярагский писал: "Для мусульманина исполнение шариата без газавата не есть спасение. Кто исполняет шариат, тот должен вооружиться во что бы то ни стало, бросить семейство, дом, землю и не щадить самой жизни. Кто последует моему совету, того бог в будущей жизни с излишком вознаградит." Или: "Истребите русских, освободите мусульман, братьев наших. Если вы будете убиты в сражении, рай вам награда; если кто убьет русского, тому рай награда." Подобного рода риторика и во время Чеченской войны воспринималась либо с сознанием ее выгоды, либо под страхом смерти. Выгода главным образом распространялась на криминальные кланы и новую генерацию лидеров, стремящуюся заместить во власти прежнюю партийно-хозяйственную номенклатуру.

Государственное строительство, проводимое Дудаевым с 1991 года, было полностью аналогичным попыткам Шамиля построить феодально-деспотическую монархию.

Квазигосударственные структуры администрации Шамиля (налоговая система, система наибств, административная иерархия с соответствующей символикой, совещательный Верховный совет) лишь обслуживала систему устрашения, ставшей главным механизмом строительства этой квазигосударственности. "Жреческий" аппарат был настроен на выискивание прегрешений и воспитание комплекса вины. Социальные низы, поднятые на войну с прежней знатью призывами к уравниловке, оказались придавленными идеологией покорности, самоуничижения и постоянного приготовления к вечности.

В Кавказской войне Россия смогла локализовать конфликт в горных районах Дагестана и Чечни, фактически сведя большую войну к ограниченной. В Чеченской войне недееспособное руководство, исходящее в своей политике из мифов федерализма, по сути дела превратило локальный конфликт в большую войну, грозящую серьезными геополитическими последствиями.

Сплошное превращение мужского населения в воинов подорвало экономическую основу хозяйства. Для компенсации экономических утрат требовались все более масштабные набеги. Но народы, соседствующие с подвластными Шамилю территориями, без особого труда использовали тот же метод мобилизации сил, а Россия пользовалась еще более эффективными средствами ведения войны — строила крепости, вела успешную дипломатическую интригу, поощряла перебежчиков. Шамиль со своей стратегией государственного строительства опоздал на сотни лет и был обречен на поражение. Точно так же на поражение был обречен и Дудаев, и его преемники. Помешала этому поражению только деятельность кремлевских политиков, чьи политические технологии оказались менее эффективными, чем самые архаичные и стратегически гибельные технологии, применяемые мятежниками.

Главный урок Чеченской войны состоит в том, что государственная и экономическая система современной России показала столь глубокую неэффективность, что даже предельно примитивная методика государственного строительства, использованная Дудаевым, оказалась куда более конкурентоспособной.

Еврейский нигилизм

В дореволюционной России еврейский вопрос был связан с расовой неприязнью. Странный внешний облик и высокая конкурентоспособность экономической деятельности евреев-шинкарей, евреев-ростовщиков порождали природную неприязнь, а в ответ — клановую замкнутость, становящуюся причиной еще большей неприязни.

В других странах подобные ситуации заканчивались страшной резней и многолетним геноцидом. В России ограничивались чертой оседлости и редкими погромами — преимущественно в самых южных районах, где великорусское население было в меньшинстве, а бытовая культура несла в себе вечную неприязнь к “инородцам” и “пришлым”.

Более того, как отмечается в глубоком исследовании В.Топорова “Юдофобия. Обратная связь” (5), более органической и глубокой автономии, чем имели евреи в черте оседлости трудно было себе представить: “Несколько миллионов евреев, живущих на одной территории, говорящие на одном языке (идиш), придерживающиеся одной религии в двух ее разновидностях (традиционный иудаизм и хасидизм), обладающие единым самоуправлением (раввинат) и системой образования, передающие от отца к сыну наследственные профессии и ремесла (раввин, учитель, торговец, ростовщик, резчик, портной, мельник и т.п.), строго соблюдающие национально-религиозную “чистоту рядов”, — никогда и нигде со времен разрушения второго Храма евреи не обладали такой, выражаясь современным языком, национально-культурной автономией, никогда и нигде не подходили так

близко к национальной целостности, — на правах не “особого” или “избранного”, но рядового народа.”.

Беда в том, что евреи не смогли удержать этой целостности, развить местную форму своей культуры. В результате наиболее активные и способные представители местечкового еврейства отрывались от своих корней и осваивали русскую культуру, которую не могли принять в силу настороженности самих русских по отношению к явно отличающихся от них и образом поведения и внешним видом субъектов, обривших пейсы и скинувших ламбсердаки, но не изменивших родовых повадок. Еврейские “образованцы” — вот явление, вызвавшее настоящую ксенофобию, быстро распространившуюся на всех евреев.

Салтыков-Щедрин писал, что российское общество имело “совершенно произвольное представление об еврейском типе на основании образцов, взятых не в трудящихся массах еврейского племени, а в сферах более или менее досужих и эксплуатирующих.” “Имеем ли мы хотя приблизительное понятие о той бесчисленной массе евреев-мастеровых и евреев — мелких торговцев, которая кишит в грязи жидовских местечек и неистово плодится, несмотря на печать проклятия и вечно присущую угрозу голодной смерти? Испуганные, доведшие свои потребности до минимума, эти злосчастные существа молят только забвения и безвестности, и получают в ответ поругание...”.

Такое обстоятельство побуждало евреев прятать свои родовые черты, становиться “общечеловеками”, относящимися нигилистически ко всем прочим культурным основаниям. Задавив евреев в социально-экономическом плане, Россия получила целый слой предельно амбициозным, и в то же время дьявольски осторожных и пронырливых субъектов, формирующих (может быть даже вполне безотчетно) некий клан, столь многочисленный, что его можно было принять за “малый народ” (термин И.Шафаревича), оснащенный университетским знанием и нигилистическим мировоззрением. Именно поэтому евреи-”образованцы” стали мощным отрядом большевиков.

Председатель Комитета министров при Александре III и Николае II Н.Х.Бунге в записке для самодержцев писал (6): “Еврейство обособляется не столько национальностью, расовыми особенностями и религией (все это может представляться парадоксом, но это так) сколько талмудом, т.е. совокупностью гражданских и житейских правил, которые делают евреев государством в государстве.” <...> ...ни у одного народа поклонение золотому тельцу не доходит до такого обожания, как у евреев. Еврей на богатого еврея смотрит, как на высшее существо; на богатого христианина, как на золотую россыпь, из которой следует извлечь богатство искусными способами, на затрачивая физического труда. Вот источник ненависти, которую повсеместно возбуждали евреи. Напрасно евреи полагают, что эта ненависть имеет религиозную основу, что христиане евреев не терпят за то. что они замучили Христа. <...> Нет, причина этой ненависти и мер, ограничивающих права евреев, другая: это самозащита, это охранение своих единоплеменников и единоверцев от

еврейского гнета.” “Ограничение прав вызывало со стороны евреев более усиленную борьбу, а расширение прав — более обширное поприще для эксплоатации населения. Евреям открыли доступ к некоторым профессиями к службе государственной, — они немедленно переполнили эти профессии — медиков, присяжных поверенных. Им открыли доступ в школы, — оказался процент, — оказался процент учащихся евреев далеко не соответственным их числу, — как составной части населения.”

Расценивая этот материал как экспертную оценку, мы можем говорить о стремительном проникновении евреев в культурные слои общества при сохранении враждебности между “корневой системой” их собственной культуры и культуры общенациональной.

Напомним, что еврейские социал-демократы внешне утратили свои этнические признаки, влив Бунд в РСДРП, но это не означало, что связь с “корневой системой”, питаемой ненавистью, была оборвана. Впрочем об этом подробно, доходчиво и, кстати, предельно корректно, писал в свое время Василий Шульгин в книге “Что нам в них не нравится?”. С 1905 года к 1917 интеллигенция в рядах большевистской партии замещалась с русской-народнической на еврейскую. Русские чурались нигилизма, отбросившие местечковое происхождение евреи (и прочие представители социальных слоев, не имевших, по словам Маркса своего отечества) всячески стремились к нему.

Василий Шульгин пишет по поводу народившихся вместе с революцией нигилистов (7): “Не нравится нам в вас то, что вы приняли слишком выдающееся участие в революции, которая оказалась величайшим обманом и подлогом. Не нравится нам то, что вы явились спинным хребтом и костяком коммунистической партии. Не нравится нам то, что своей организованностью и сцепкой, своей настойчивостью и волей, вы консолидировали и укрепили на долгие годы самое безумное и самое кровавое предприятие, которое человечество знало от сотворения мира. Не нравится нам то, что этот опыт был сделан во исполнение учения еврея — Карла Маркса. Не нравится нам и то, что эта ужасная история разыгралась на русской спине и что она стоила нам, русским всем сообща и каждому в отдельности, потерь неизрекаемых. Не нравится нам то, что вы, евреи, будучи сравнительно малочисленной группой в составе русского населения, приняли во вышеописанном гнусном деянии участие совершенно несоответственное. Не нравится нам и то, что вы фактически стали нашими владыками. Не нравится нам то, что, став нашими владыками, вы оказались господами далеко не милостивыми; если вспомнить, какими мы были относительно вас, когда власть была в наших руках; и сравнить с тем, каковы теперь вы, евреи, относительно нас, то разница получается потрясающая. Под вашей властью Россия стала страной безгласных рабов; они не имеют даже силы грызть свои цепи. Вы жаловались, что во время правления “русской исторической власти” бывали еврейские погромы; детскими игрушками кажутся эти погромы перед всероссийским разгромом, который учинен за одиннадцать лет вашего властвования.”

На нигилистическую природу еврейства указывал еще один свидетель революционного разорения России Г.Федотов (8): “Освобожденное духовно с 80-х годов из черты оседлости силой европейского “просвещения”, оказавшись на грани иудаистической и христианской культуры, еврейство, подобно русской интеллигенции Петровской эпохи, максимально беспочвенно, интернационально по сознанию и необычайно активно под давлением тысячелетнего пресса. Для него русская революция есть дело всеобщего освобождения. Его ненависть к царской и православной России не смягчается никакими бытовыми традициями. Еврейство сразу же занимает в русской революции руководящее место.”

В советский период еврейский вопрос закончился вместе с предсмертным пароксизмом Сталина и “делом врачей”. В дальнейшем лишь элитные вузы страны позволяли себе несколько ограничивать наплыв евреев-абитуриентов, да секретные лаборатории и предприятия побаивались брать евреев на работу в связи с постоянными скандалами по поводу “узников совести”, затеваемых на Западе и стимулирующих отъезд евреев из России. Нигилистический слой формировался уже не из евреев, которыми считали себя очень немногие. Но во главе диссидентского движения стояли именно евреи, хранившие память о жертвах революционного террора, зацепившего как невинных из среды евреев-мастеровых, даже не помышлявших быть среди “малого народа” русской революции, так и тех, кто породил Молох гражданской войны. Если русские явную или вымышленную вину всегда относили к самим себе, то “малый народ” (по этническому составу — интернационал), старался по своей нигилистической сущности старался свалить на “систему”.

Еврейский вопрос в современной России до недавнего времени был обсуждаем либо доморощенными “антифашистами”, либо малообразованными “антисемитами”, и вообще мало кому интересен. Лишь с середины 1996 г. этот вопрос вдруг обрушился на средства массовой информации. Виной тому — целый ряд открытых заявлений крупных общественных и хозяйственных руководителей о своих нерусских или еврейских корнях. Апофеозом этого процесса добровольного срывания масок стала история с назначением заместителем секретаря Совета Безопасности РФ Бориса Абрамовича Березовского и история с его израильским гражданством в конце 1996 г., а также формирование вице-премьерской команды Ельцинского правительства в марте 1997 г. в составе Чубайс, Немцов, Кох, Уринсон и др.

Причем мы снова сталкиваемся с еврейскими “образованцами”. Об этом свидетельствует заявление Ельцина о том, что Ленин похоронен в мавзолее по иудейскому обычаю (см. НГ-религии, №3, 1997). Дряхлеющему президенту никто из окружение, перенасыщенного евреями не смог подсказать, что у иудеев такого обычая нет, зато есть запрет на подобные захоронения.

Большую услугу оказал общественности и Леонид Радзиховский, опубликовавший в зарубежной газете вдохновенные строки об огромной роли

евреев в российской политике и экономике (“Новое русское слово” 17.01.96) и процитированный практически всеми оппозиционными газетами. Нигилизм “с еврейским лицом” (или, по крайней мере, с лицом подчеркнуто нерусским) почему-то стал особенно моден.

Кстати сказать, тут проявляется шизофрения, вероятно, чисто этнического плана. Ведь самым страшным для евреев был “пятый пункт” во всякого рода анкетах, а тут — открытое (если не сказать “наглое) выставление своего “пятого пункта” на обозрение публике, привыкшей (благодаря тем же евреям) считать это неприличным. возникает догадка: не прочувствовал ли “малый народ” свою силу, не ощутила ли еврейская диаспора своей невероятной многочисленности (по оценкам в поле “еврейского влияния” через семейные и родственные узы находится около 10-15 млн. граждан России).

В ситуации разрушения страны, в ситуации, когда у власти оказалась группа, принципиально враждебная российской государственности, несущая в себе все черты антисистемы, возник феномен нигилистического рецидива, тем более опасный, что не знает себе серьезных противников, что легко использует взрывы невежественной юдофобии в своих интересах, а попытки интеллектуального противостояния выдает за такого рода юдофобию.

Этот рецидив обнаружился в болезненном отношении евреев к своей этнической идентичности, вызванной глубинным родовым страхом ответственности за творимые евреями-”образованцами” безобразия.

Пожалуй следует упомянуть один редкий конструктивный отклик на поток абсурдных публикаций в защиту права евреев быть евреями (на что никто никогда не покушался) — статью Ю.Мухина “О гражданских жидах” (“Дуэль”, №21, 1996), где предпринята попытка развести этнические и гражданские определения, намеренно смешиваемые нигилистами и наивно перепутанные “патриотическим” охлосом. Мухин предложил не оскорблять всех без разбора евреев библейским наименованием “жиды”, оставив его ненавистникам российской государственности, предателям и жуликам.

О том, что евреев необходимо защитить от “жидов” можно судить хотя бы по тому факту, что из тех 0.5% населения России, что считают себя евреями, лишь 10% дает своим детям еврейское воспитание, а 65% считает для себя русскую культуру ближе еврейской. К тому же около половины российских евреев и вовсе считают своих советских единородцев давно обрусевшими и ничем не отличающимися от русских (“Сегодня” 06.05.96). Евреи, вместе с тем, чувствуют себя в условиях демократических реформ крайне некомфортно и в большинстве (57%) даже ожидают погромов в самом ближайшем будущем. Вероятно из чувства ответственности за то, что творят евреи-”образованцы” в политике.

Понятно, что юдофобия проявляется в более широких масштабах именно в “демократической России”, а не в СССР, поскольку доминирование евреев в сфере науки, образования и здравоохранения (доля евреев среди научных работников и преподавателей вузов в 5 раз больше, чем доля в городском

населении, среди врачей — в 2 раза) было дополнено доминированием в сфере политики и бизнеса.

К этому добавилось еще и политическое расслоение. Еврейская (“образованская”) интеллигенция сконцентрировалась преимущественно на одном полюсе — радикально-демократическом. По этому поводу А.Севастьянов (“Дуэль” №10, 1996) верно подметил различие в составе подписантов воззваний по поводу вывести федеральные войска из Чечни в начале 1996 года. В поддержку вывода подписи поставили люди с почти сплошь еврейскими фамилиями, под протестом против — люди со славянскими фамилиями. То же самое можно сказать и по поводу кампании, развернувшейся вокруг попыток подписания союзного договора РФ и Беларуси в марте 1997 г. Истеричное противодействие объединительному процессу в этом случае тоже носило ярко выраженный характер этнической нанависти усилению государства, проявляемой людьми с характерными физиономическими признаками и звучанием фамилий.

Таким образом, сочетание доминирования евреев-”образованцев” в целом ряде важнейших областей социальной жизни с концентрацией их на вполне определенной политической позиции (чего не могло быть при этнической самоидентификации), плюс явный протекционизм со стороны официальных властей, все это может дать лишь одно — ответную консолидацию и противодействие этому явно враждебному российской государственности явлению. Более того, можно только огорчаться, что этот протест не носит более решительного (а значит и интеллектуально обоснованного) напряжения, выливающегося хотя бы в массовое признание открыто заявляющих о своем радикальном демократизме евреев в качестве бесспорно порочных персон.

К сожалению, вопрос не может быть решен столь просто. Пока не будет изжита мода на нигилизм, не могут быть устранены семитические черты у российской демократии. Выжигание еврейского нигилизма (по Мухину — “жидовства”) в целях сохранения российской государственности безусловно снова заденет ни в чем не повинных евреев, кои нигилистами никогда не были. Беда их состоит также и в том, что никто не ждет их теперь — после крушения СССР — ни в США, ни в Израиле, где формируется свой израильский народ. Все это исторический крест евреев, возложенный на их плечи неразумными еврейскими “верхами” — лидерами революционистских движений.

Цивилизационные корни этницизма

Представление о том, что историческое пространство и время делится между цивилизациями, уже достаточно устоялось в научной литературе и даже проникло в политическую публицистику. Менее очевидным для многих выглядит тезис о том, что цивилизационные пространства разделены “ничейными” территориями, пока только ищущими самоопределения.

После дискуссий вокруг известной статьи С.Хантингтона уже трудно сомневаться в том, что основные конфликты современности будут каким-то образом связаны с цивилизационными различиями. Причем, атлантическое самосознание представляет ситуацию так, что западная цивилизация будет вынуждена противостоять всему остальному миру. Отказавшись от надежд на триумфальное шествие либерализма, оно теперь полагает, что не несет ответственности за все понаделанные безобразия (в том числе, за российский марксизм конца прошлого века и российский же либеральный радикализм века нынешнего).

Более здравый и научно обоснованный подход говорит о том, что столкновение между цивилизациями — миф. Наоборот, большинство конфликтов происходит между цивилизацией и варварством. Последнее же порождено вовсе не восточной архаикой и остатками исторических империй, а тем самым Западом, который учит всех подряд как жить, но не несет ответственности за тех, кого приручил. В результате возникает бунт одичавшего самосознания, оторванного от одной цивилизации, но еще не прилепившегося к другой. И более всего вероятен такой бунт на кромках цивилизаций, в “проливах” между цивилизационными платформами.

Такого рода “проливы” в изобилии образовались после разрушения СССР, в результате которого был срезан мощный культурный пласт и обнажилась корневая структура архаического самосознания. “Бесхозные” территории начали искать причастности к истории. В Казахстане изобрели “казахскую нацию”, в Татарстане начали отдавать почести предкам, погибшим при взятии Казани русскими полками (забывая, что были среди штурмующих в изобилии и татарские полки), в Чечне вспомнили разбойный образ жизни и что-то смутно знакомое из шариата.

Чем меньше культурный пласт, тем агрессивнее этницизм, тем больше расхождение между риторикой “федералистов” и их реальными действиями. Так, бунт варварской архаики в Чечне приобрел наиболее яростный характер в связи с тем, что там по историческим причинам не возникло серьезных культурных напластований: сначала Кавказская война искорежила восприятие ислама, в котором видели только джихад против “неверных” и правила дележа добычи, потом большевистский переворот помог вспомнить вкус русской крови, наконец, чеченцы прошли через позор массового предательства в годы войны и возмездие депортации. “Демократизация” России позволила чеченцам освободиться от бремени культуры, которое так тяжело нести тем, кто еще недавно вышел из раннефеодального периода с его варварским изуверством и ложной героикой “военной демократии”.

Варварство развязывает кровавые конфликты, в которых цивилизация вынуждена отыскивать адекватный ответ, позабытый в периоды затишья. Сталкиваются мобилизационные парадигмы разной природы: парадигма социально-психологической консолидации общества определенной

цивилизационной принадлежности и архаика варварской, этнократической консолидации.

Варварское самосознание, сплотившее чеченцев в исключительно кровожадные бандформирования (их “подвиги” малоизвестны для российского обывателя), неожиданно получили поддержку другого варварского самосознания — самосознания, родившегося в среде российской интеллигенции в результате деградации коммунистических догм и не нашедшей себе лучшего применения, чем участие в открытой антигосударственной деятельности. Лишившиеся почвы работники пера тоже почувствовали огромное облегчение и взялись за дело, столь же недостойное, как и открытый разбой — за антирусскую, антироссийскую пропаганду.

Любая цивилизация (а Россия — государство-цивилизация) имеет на своей периферии территории, не вполне приживленные к данному типу культуры или испытывающие влияние другого типа культур. Более того, распад традиционных империй и образование государств-наций означает, что культурные и государственные границы перестают совпадать. Именно поэтому конфликт между цивилизацией и варварством всегда возможен. В этом конфликте Россия, к сожалению, не использует свое историческое достояние — сохранившуюся еще имперскую форму государственности, в которой столица государства совпадает со столицей цивилизации.

Ослабление государственности, утрата цивилизационной идентичности всегда приводят к тому, что сквозь культурные напластования происходят вулканические выбросы этнической архаики.

Противодействие такого рода выбросам может происходить тремя способами:

— вмешательством извне (вроде миссии миротворческих сил, которая толком преодолеть конфликт не может),

— силовое предъявление ресурсов государства без учета причин конфликта и характера противостоящих государству сторон (в этом случае для подавления варварского мятежа требуется на порядок больше ресурсов, а при их отсутствии приходится объявлять о капитуляции и задабривать победителя),

— локализация конфликта, подготовка государства к предъявлению своего цивилизационного превосходства и выдерживание паузы для “сваривания” внутренней конфликтности, неизбежной в варварской среде.

Последний вариант позволяет развернуть энергетику конфликта внутрь, а заодно обнаружить слабости своей цивилизационной позиции и вовремя откорректировать ее. Если это не делается, то измена собственной цивилизационной природе делает государство неспособным к сопротивлению варварству.

Опыт “цивилизованных стран”, на который все время ссылаются “демократы”, свидетельствует, что сепаратизм выжигают каленым железом всюду! В “цивилизованном мире” англичане могут двадцать лет оккупировать Северную Ирландию, турки — поливать напалмом курдских сепаратистов,

мексиканцы годами гасить индейские мятежи. Это нормально, потому что походит на прополку злаковой культуры с известной урожайностью от сорняков с непредсказуемой судьбой. Только глубоко заблудшему сознанию может показаться, что в России ничего подобного делать нельзя. Будь воля носителей такого сознания, они бы всю страну отдали под сорнячные плантации, под государствица для “этнической пыли”[1] !

Согласно “демократической” доктрине России давить этницизм и сепаратизм принципиально нельзя, ибо это нарушает права человека. Согласно коммунистической — надо поддерживать эти “национально-освободительные” движения и блокировать любые попытки их подавления. И для коммунистов, и для “демократов” Россия является страной 150 наций. Коммунисты полагают, что каждая из них может вырвать кусок из территории России, если того пожелает ее “национально-освободительный” каприз.

В действительности, на территории исторической России национальное становление прошла лишь русская нация. Она прошла через соответствующие исторические испытания, создала великую культуру и великую государственность. Остальные же этнические общности не всегда дотягивают даже до того, чтобы называться народом. Стоит ли считать народом рыхлую человеческую субстанцию с примитивным производством и убогим бытом, которая к тому же не сосредоточена в компактных поселениях и числено не превосходит города среднего размера? Тех же чеченцев, чья численность составляла в самой Чечне — не более 600 тыс., чью письменность пришлось основать на русских буквах?

Здравый взгляд выделяет в России только русскую нацию, состоящую из нескольких народов, исторически связанных друг с другом единой судьбой. Только сама Россия имеет право самоопределиться и отделяться (или отделять от себя гнилые места, когда сочтет их никчемными).

Принадлежность к малому народу не означает какой-либо личной униженности или ограничений для проявления гражданственности. Но любой малый народ по логике развития вместившей его нации и логике истории будет стремится к максимальному сепаратизму, если ему не ставить препятствий. Мелочная спесь всегда будет прорываться наружу и пытаться приобрести политический статус. Субэтническая группа всегда будет стремиться выдать себя за этнос, этнос — за нацию.

Чтобы пресечь в России сепаратизм, необходимо обозначить где национально-культурная автономия, а где начинается мятеж и вред государственным интересам, крамола этницистов. Сепаратизм начинается с признания “национального” образования в качестве равного общенациональному. Отсюда возникает признание в качестве полноценного

[1] “Пыль” в данном случае не значит “грязь”. Тот, кто оскорбляется на констатацию факта малости своего народа, не может таким способом вызвать сочувствие и уважение к себе. Никакому малому народу не заказано стать большим, никакому самому среднему человеку — стать великим ученым или общественным деятелем. Можно либо удовлетворяться той ролью, которая предоставлена тому или иному народу, либо винить в неспособности к величию самих себя.

Термин введен С.П.Пыхтиным.

гражданина того, кто с трудом говорит по-русски, плохо читает и пишет на русском языке. Не приняв русской культуры и лишь слегка приобщившись к какой-либо другой культуре эти полу-граждане с готовностью превращают все русское во враждебное. Возникает бунт варварского самосознания против цивилизации. В Чеченской войне это бунт раннефеодального самосознания, вкупе с препарированным исламом, сведенным до разбойничьего “джихада”.

Варвару (с “демократическим” или бандитско-феодальным мировоззрением) не понять, почему государство не просто может, но и обязано применять насилие и даже монополизировать насилие. Варвару более понятно, когда право на насилие становится общедоступным, когда лидеры бандфорирований и президент страны делят это право между собой. Ему невдомек, кто кровавые разборки между криминализированными бизнесменами в его собственном городе — явление того же порядка.

Судьба Римской империи, да и история Российской империи, должны напомнить нам, что вырождение и антинациональный характер власти, предательство, упадок морали ведут не просто к крушению институтов государственности. Вслед за ним с фатальной неизбежностью следует кровавый потоп. Цивилизация гибнет не бесследно, но ее язык становится лишь предметом изучения энтузиастов науки. На месте одной цивилизации вырастают другие, но не стоит забывать про моря крови, которые мы призываем в свою судьбу, примиряясь с варварским самосознанием.

Подавить бунт варварского самосознания этницистов без жестоких мер не удастся. Он уже вырвался на оперативный простор и на глазах пожирает наше будущее, русскую перспективу, еще возможное величие России. Если этому бунту не будет противопоставлена добровольческая армия солдат Империи, участь наша даже не трагична, а просто постыдна.

Литература

(1)Национальности и национализм, в кн. “Исторические записки”, Вып.1, АО “Издательская группа “Прогресс”, 1995, с. 153

(2) Ст.Солник, “Торг” между Москвой и субъектами федерации о структуре нового российского государства: 1990-1995. “Полис”, №6, 1995, с.103.

(3) А.Кольев. Идеология абсурда. М.: “Интеллект”, 1995

(4) Евразийский проект: реальности, проблемы, концепции. Клуб “Реалисты”, информационно-аналитический бюллетень №16, 1996.

(5) Юдофобия. Обратная связь, “Новая Россия” , №3, 1995, с. 48.

(6) Н.Х.Бунге. “Загробные записки”, в кн. “Река времени”, М.: 1995, с. 215-216

(7) В.В.Шульгин, Что нам в них не нравится..., М.:”Хорос”, 1992, с.35.

(8) Г.П.Федотов. Трагедия интеллигенции. В кн. Г.П.Федотов. Судьба и грехи России. 2 т., СПБ: “София”, 1991, т.1 с. 96.

Петр Белов

ДЕЗИНФОРМАЦИЯ И НАЦИОНАЛЬНАЯ БЕЗОПАСНОСТЬ

При спорах о сущности самого понятия “безопасность”, естественных при отсутствие общепринятой теории и соответствующего фундаментального образования, представляется уместным вначале разобраться с содержанием данной категории. Иными словами — пора определиться со значением столь модного ныне слова, а также с тем о какой безопасности обычно идет речь — о государственной или национальной. Если — государственной, то с тем, что есть Россия, какова исторически апробированная форма государственного устройства ей присуща? Если национальной, то о какой нации или народах идет речь, и почему именно о них? Как эти два понятия соотносятся между собой в смысле совпадения, пересечения, иерархии..?

Вряд ли можно оспорить необходимость такого уточнения. Равно как и его целесообразность. По крайней мере, без этого не мыслимы ни верное целеполагание, ни эффективная методология обеспечения безопасности. А без них не стоит надеяться на удачный выбор соответствующих критериев и оптимальное распределение ресурсов на наше самосохранение. Я уж не говорю о невозможности ясных рассуждений без введения точных определений, а также о пагубности подмен и любой дезинформации в столь важный для России исторический момент.

Исходные предпосылки и утверждения

Условимся считать, что когда говорят об опасности, то имеют в виду прежде всего живое (биоту), а уж затем все остальное — абиоту. А когда упоминают слово “безопасность”, то подразумевают некое представление о том, в каких условиях кому-то из биоты ничто не угрожает. Во втором случае имеется в виду некоторая система, включающая по меньшей мере одну биологическую особь — потенциальную жертву и хотя бы один источник опасности для нее. *Опасность* же трактуют как возможность причинения ущерба ей, а значит и популяции в целом в результате ухудшения их свойств и/или условий жизнедеятельности.

Чаще всего, однако, речь идет о человеке — из всего живого, как считается, единственном мыслящем существе. Именно он проецирует в конечном счете все опасности на себя, полагая, что может пострадать от них

Белов Петр Григорьевич, кандидат технических наук, полковник, специалист в области безопасности стратегических вооружений, автор большого цикла статей, касающихся договора СНВ-2 и общих проблем обеспечения национальной безопасности России.

непосредственно, например, в результате несчастного случая, либо косвенно — допустим, из-за неблагоприятных изменений своего окружения. С его точки зрения, безопасность обеспечивается при условии парирования всех угроз следующими *методами* — уничтожением источников опасности, уклонением и/или защитой от разрушительного воздействия носителей опасности.

Поскольку опасность в пределе (на биологическом уровне) грозит прекращению жизнедеятельности не только отдельных людей, но и образуемых ими сообществ, вплоть до всей человеческой популяции, то необходимо также определиться с нашей социально-биологической сущностью. На этом уровне проблемно-ориентированного описания, будем считать себя политическими (по Аристотелю) или стадными (по Н.М.Амосову — (1)) “животными”, хотя и с интеллектом, но чрезвычайно тщеславными и агрессивными, с низкой естественной биологической моралью, склонными к доминированию и не мыслящими себя вне определенного иерархического места в каждом конкретном сообществе — от семейного (для людей) до мирового (для государств).

Согласимся также и с тем, что деятельность каждого из нас предопределена тремя *программами*: “для себя”, “для рода” и “для вида”. Все программы мотивированы необходимостью удовлетворения соответствующих *потребностей*, которые иногда делят на индивидуальные (физиологические), социальные (самоутверждение и самовыражение) и духовные. Самые первые из них — базовые, их неудовлетворение равносильно смерти. Остальные также важны: без социальных немыслимо нормальное взаимодействие человека с себе подобными в различных сообществах, без духовных — наше самосовершенствование, в том числе с целью адаптации и коэволюции с непрерывно изменяющейся средой обитания.

Способность отдельных людей удовлетворять перечисленные выше потребности является главным системообразующим фактором. Ее значимость подтверждают врожденные (самосохранения и размножения) и приобретенные (самосовершенствования) инстинкты, утрата которых равносильна гибели всей популяции. Вот почему логично утверждать, что *безопасность* отдельных людей достигается удовлетворением тех потребностей, которые необходимы для их самосохранения, самовоспроизводства и самосовершенствования.

В сущности, нечто подобное можно говорить в целом и об основных человеческих сообществах — семье (роде) и народе (этносе), из которых образуются *нации*. Радикальными отличиями нации считаются: а) самоосознание составляющими их народами общности духовных, культурных и нравственных идеалов, б) явно выраженная воля к совместному обладанию соответствующими *ценностями*, необходимыми для удовлетворения потребностей каждого, в) проверенная временем способность к созданию государства, как средства защиты таких ценностей и повышения за счет этого жизнеспособности всей нации. Здесь уместно говорить и о реализации

дополнительных программ коллективного пользования: “для семьи, народа, нации, государства”.

Особо подчеркнем, что в международной практике население каждого государства рассматривается как одна нация, состоящая, как правило, из нескольких народов, совместно доказавших и уже реализовавших свое право на самоопределение[1]. Естественно, что для обеспечения территориальной целостности и продвижения других национальных интересов, в государстве не может быть и речи о праве отдельных народов на самоопределение. Вместо этого, налицо такие важные для нации потребности, как сохранение цивилизационного единства и воли народов к совместному проживанию, обладание достаточными для их полноценной жизнедеятельности ресурсами.

Исходя из вышеизложенного, можно сделать следующие чрезвычайно важные для последующих рассуждений утверждения относительно рассматриваемых базовых категорий: а) ***национальную безопасность*** России следует интерпретировать как системное *свойство*, характеризующее способность русской нации — государственно образующей общности — удовлетворять совместно с другими народами перечисленные выше жизненно важные потребности с минимальным ущербом для населения страны и его базовых ценностей; б) *главным объектом* Системы ее обеспечения необходимо считать русскую нацию и другие братские народы, в) *базовыми ценностями* следует признать присущий русским уклад духовной и общественной жизни, исторически принадлежащую территорию — источники удовлетворения духовных и материальных потребностей ныне живущего и последующих поколений.

Акцент на потребности при определении сущности национальной безопасности, а также учет их связанности с духовными и материальными ценностями, представляется вполне обоснованны. Только эти категории позволят нам ввести объективную классификацию тех опасностей, угроз и вызовов национальной безопасности, которые обусловлены современной неудовлетворенностью жизненно важных физиологических, социальных и духовных потребностей русской нации. Опираясь на них, легче понять и главные вызовы нашим основным ценностям — народам России, укладу их духовной и общественной жизни, занимаемой ими территории.

Внешние угрозы

Вряд ли можно оспорить следующий постулат: ***основным противоречием*** современной эпохи — конца 19 и начала 20 веков является явное несоответствие между растущими потребностями постоянно увеличивающегося числено человечества и возможностями непрерывно скудеющей среды нашего обитания.

[1] Заметим попутно, что в России — все наоборот: наша (русская) нация названа в Конституции РФ многонациональным народом, при этом широко декларируется право составляющих ее этносов на самоопределение!?

Антропогенная нагрузка на биосферу ныне на порядок превышает приемлемый для нее уровень. Неконтролируемый рост потребления и численности человечества без сомнения окажется губительным для среды обитания, а затем и самого человечества. Разговоры о внедрении разных "безотходных" технологий не выдерживают никакой критики: для практической реализации они требуют еще большего расхода невозобновляемых природных ресурсов.

Нельзя не согласиться с учеными, расценивающими "*Концепцию устойчивого развития*", принятую в 1992 году под давлением промышленно развитых стран, мягко говоря, как "консенсус политиков" и "заблуждение, противоречащее законам термодинамики для открытых диссипативных систем" (3). Согласно "Концепции..." дальнейшее развитие (рост потребления и численности) человечества возможно лишь в локальных масштабах и за счет еще большей деградации природы, а для исправления такой ситуации нет альтернатив кроме резкого (примерно десятикратного) снижения потребления или числа людей, проживающих на планете.

Декларацию устойчивого развития в этих условиях (обещание и впредь достатка ныне процветающим нациям, а всем остальным — "реального благополучия"), трудно оценить иначе, как искажение реальности и умышленную дезинформация. Поскольку Запад, и особенно США, вряд ли сократят темпы потребления, а Восток — прироста населения, "устойчивое развитие" подразумевается не для всех, а только для избранных народов из состава так называемого "*золотого миллиарда*". То есть, цель авторов "Концепции..." — притупление бдительности соперников и возможных жертв (стран с богатыми природными ресурсами) при подготовке к новому переделу мира. Именно в таком смысле нужно понимать этот консенсус "*мирового правительства*" (лидеров наиболее развитых стран), а устанавливаемый ими "*новый мировой порядок*" — как курс на еще большую, насильственную дискриминацию наций на сверхбогатых и нищих. При этом, за счет постепенного вымирания от голода последних, предполагается резко уменьшить численность народонаселения и сохранить расточительное потребление для первых. Усмирению несогласных послужит блок НАТО, призванный сыграть роль жандарма "мирового правительства".

Главным ***выводом,*** логично вытекающим из сказанного, является наблюдаемое *ужесточение борьбы* наций за самосохранение и фактическое вступление государств на путь бескомпромиссной конкуренции за невозобновляемые природные ресурсы.

Столь же очевидно, что на острие грядущего передела мира оказалась Россия с ее Сибирью — кладезем природных ресурсов, а после предполагаемого потепления климата еще и "житницей планеты". Не секрет, что уже сегодня мы слышим робко высказываемые территориальные притязания и полушутливые предложения продать ее за бесценок. Кто поручиться, что на Россию не набросятся когда лет через 30-40 иссякнут

невозобновляемые энергоресурсы, а сельхозугодья Северной Америки и Австралии станут полупустынями? Особенно если сохранится тенденция к сокращению численности русской нации и ослаблению обороноспособности России[1].

Происходящее сегодня в России подтверждает предположение, что страны "золотого миллиарда" уже вступили в завершающий этап борьбы за принадлежащие нашей стране природные ресурсы. Путем оказания помощи навязанному "курсу реформ", они поставили себе цель создать из нашей территории некий ресурсный резерват с малочисленным населением, слабо развитой промышленностью, относительно девственной и богатой ископаемыми природой. Сдается, что для ее достижения разработана целая программа, важное место в которой уделено учету пороков особо тщеславных политиков и государственных деятелей.

Внутренние факторы опасности

Самое лаконичное, проблемно ориентированное определение рассматриваемого нами предмета дано Э.Хемингуэем: "Безопасность — это когда *знаешь* как увернуться от опасности" (здесь и ниже выделено мною — *П.Б.*). Из него очевидна как важность осведомленности и компетентности для национальной безопасности, так и роль их антиподов — дезинформации и невежества в разрушении системы обеспечения безопасности. Опыт великих империй прошлого подтверждает это: все они, по мнению П.Левиса (4), погибли из-за невежества их правителей, а также из-за исчерпания нравственных сил образующей их нации, духовного надлома народов.

Новейшая история нашего государства полностью подтверждает указанный тезис, изобилуя примерами чрезмерного тщеславия, безнравственности и интеллектуальной ограниченности. Именно эти качества были использованы нашими недругами для разрушения СССР и ослабления России. Их *невежество* — в том, что сразу не заметили, как ими ловко манипулируют, играя на самолюбии, *безнравственность* — в том, что побоялись лишиться высоких должностей.

Бездуховность так называемых "лидеров новой волны" — в использовании для своей карьеры любых средств, в том числе слабостей и пороков окружающих людей. Пропагандой неограниченного суверенитета и превратного понимания права народов на самоопределение, провозглашением свобод человека высшей ценностью они освободили население от ответственности перед нацией и государством. При одновременном попустительство власть предержащих, все это привело к дезорганизации управления страной и фактической анархии в экономике. Попытки невеж реформировать страну методами "шоковой терапии" привели к ограблению

[1] В подтверждение вечных территориальных притязаний — высказывания лишь двух политиков, заявивших, что Россия должна быть "...отброшена к допетровским границам" — г. Клас, председатель Пангерманского союза, 1914 г. и "...в рамках границ, которых она не помнит со времен Петра великого" — г. Киссинджер, 1996 г.

страны, лишению большинства из нас возможности удовлетворить минимально необходимые потребности в продовольствии и медицинском обеспечении.

Другой важной причиной столь критичной ситуации служит колоссальная дезинформация, развернутая в последние десятилетия печатными и электронными средствами. Ее главными целями стали *подрыв* духовно-нравственных устоев государства и нации, утаивание или опошление действительных ценностей, подмена их фиктивными. Особенно в этом усердствует телевидение, которое превозносит культ насилия, денег и другие атрибуты массовой культуры, особенно пагубные для молодежи, а также людей без иммунитета к ложным ценностям и низменным потребностям.

Естественно, что творимое в средствах массовой информации, да и вообще в России, стало возможным при безнравственности руководителей СМИ и *некомпетентности* первых лиц государства. Практически все они оказались в последние годы окруженными либо доморощенными иноверцами с двойным подданством, либо этнически родственной “чернью”, для которой — по И.Ильину — личная выгода выше выгоды государственной[1]. Пользуясь удивительным *великотерпением* и присущим нам чувством “непротивления злу насилием”, они высасывают из страны последние соки, подобно пиявкам или раковым опухолям.

Таким образом, можно констатировать, что ***основной внутренней угрозой*** нашей национальной безопасности стала глубокая пропасть между властью и народами России. Ее следствие — явно выраженная антинациональная государственная политика, а причина — бездуховность и некомпетентность высших руководителей страны, а также безнравственность их ближайшего, зачастую инородного окружения.

Подмены в целеполагании

Самую разрушительную роль невежество и безнравственность играет в политике дезинформации, возведенной в ранг закона или оформленной решениями главы государства. Чтобы убедиться в этом, сопоставим наши исходные утверждения о целеполагании и методологии национальной безопасности с тем, что регламентировано нынешней властью в официальных документах. Полагаем, что для этого достаточно двух основных документов, а результаты их анализа могут быть полезными при разработке Концепции самосохранения страны и реформирования ее Вооруженных сил.

Действующий с 1992 года закон РФ “О безопасности” определяет данную категорию, как “состояние *защищенности* жизненно важных *интересов личности*, *общества* и государства...”, а послание Б.Ельцина Федеральному собранию “О национальной безопасности” (1996) уточняет первостепенные из них как “реальное обеспечение конституционных прав и

[1] Как не согласиться здесь с А. Солженицыным, утверждающим, что “... государственный строй нынешней России — замкнутая олигархия из 150-200 человек, управляющая судьбами страны. Их объединяют жажда власти и корыстные интересы — никаких высших целей служения Отечеству и народу они не проявляют”.

свобод...", "становление структур гражданского общества..." и "обеспечение регулируемости общественных процессов...". Отметим также, что в этих основополагающих документах ничего не говорится об основном противоречии современной эпохи, лишь единожды упоминается слово "русский", но лишь при обозначении одного из этносов, а не государствообразующей нации. Ни слова нет и о православии, соборности, общинности, других духовных устоях русского общества. Вместо них — много рассуждений об угрозах и вызовах "демократии, становлению гражданского общества, рыночной экономике и другим фундаментальным ценностям".

Нетрудно видеть, что *официальное целеполагание* безопасности не выдерживает никакой критики с точки зрения логики вещей. В сущности, в нем нет и речи о необходимости обеспечения безопасности государствообразующей (русской) нации за счет сохранения ее уклада жизни и территории. Вместо этих базовых ценностей — какая-то гипотетическая "личность"[1] и столь же абстрактное "общество". В лучшем случае упоминается "государство", но его безопасностью не следует подменять — национальную.

И уж тем более отождествлять их в нашей стране, где в последние десятилетия государство является скорее бюрократическим, чем национальным. Если служба в нем начинает приносить выгоду из-за несправедливого распределения результатов общественного труда, то государство становится самоцелью, а не средством самосохранения создавшей его русской нации. В высшие его структуры немедленно и активно инфильтрируются уже упомянутая "чернь" — разного рода проходимцы, иноверцы и инородцы.

Для того чтобы скрыть свою антирусскую сущность и подольше удержаться во власти, у них нет иных средств кроме широкомасштабного использования дезинформации, лжи и насилия. Чаще всего первая задача обеспечивается провозглашением каких-то наднациональных общностей — типа "советский народ" и "общечеловеческих" ценностей или интересов, а вторая — осуществлением по отношению к русским террора (в "общенародном" СССР или при "настоящей демократии" сегодняшней России). По форме и то, и другое — полярно противоположные крайности нашего государственного уклада, а по содержанию — родные сестры (5).

Правомерно и корректно, на наш взгляд, использовать термин "национальная безопасность", не боясь обидеть другие этносы и не допуская подмены "безопасностью государственной".

В дополнение к только что приведенным аргументам, можно привести по меньшей мере еще три: а) Россия — по доле русских (89%) — столь же мононациональна, как и другие державы; б) русская нация образовала великое государство, но сама выше его, поскольку с гибелью нации обречено и

[1] По классическому определению Г.Оллпорта — это "прижизненно формирующаяся, индивидуально своеобразная совокупность психофизиологических систем, определяющая присущее человеку мышление и поведение".

государство; в) величие любой страны обусловлено величием объединяющей ее народы духовной идеи, которая только и может быть выше нации.

Нетрудно показать, что использование представлений о “потребностях” нации как базовой категории и, ее укладе и территории как основных ценностях национальной безопасности более оправдано и плодотворно, чем официально принятые положения об “интересах” личности, общества и государства. Ведь оправданность вытекает из определения политики вообще (*politicos* — много интересов) и из логики вещей: нет большей угрозы для нации, чем угроза ее гибели, например, от неудовлетворения физиологических потребностей. Плодотворность же связана с возможностью достаточно строгой классификации всех потребностей и ценностей нации, делением их в соответствии с опасностями, угрозами и вызовами.

Толкование национальной безопасности через “потребности” позволяет уточнить содержание многочисленных “ценностей” и “интересов”. Ведь *ценности,* по определению — то, что ценно, т.е. объективно пригодно для удовлетворения потребностей каждого, а вот *интересы* — всегда субъективны, так как зависят от конкретного индивидуума, его потребностей и представлений о ценностях. Нечеткая определенность и чрезвычайная изменчивость двух последних категорий делают их непригодными для определения безопасности с научной и юридической точек зрения. Место термина “интерес” — скорее в политическом и бытовом лексиконе, где вынужденное манипулирование ими не так губительно, как в национальной безопасности.

Не менее коварны подмены и в официальной трактовке методологии обеспечения нашей национальной безопасности. По сути, действующим законом нам разрешена лишь пассивная *защита* и то, далеко не базовых ценностей — населения, территории и уклада, а второстепенных для самосохранения интересов. При этом, мы как бы лишены *права* на уклонение или превентивное уничтожение носителей более серьезных угроз, выявление и парирование источников иной дезинформации[1].

Дезинформации — удар по стратегическим интересам России

Несостоятельность целеполагания, да и методологии закона “О безопасности”, представляется нам вполне естественной. Ведь был он подготовлен, как известно, не без помощи “заокеанских консультантов”, а принят в период демократической эйфории. По словам его местных авторов, которым обычно поддакивают и некоторые зарубежные “эксперты”, данный закон — один из “самых прогрессивных” в мире. Однако, результативность его

[1] И это тогда, когда их действие налицо: территория страны ампутирована, уклад духовной, общественной и государственной жизни полуразрушен, а русская нация вымирает (из более 140 включенных в ООН наций лишь мы ныне имеем отрицательный прирост, 86,5% наших выпускников средней школы уже хронически больны, а 85% первоклассников — с психосоматическими отклонениями.

пятилетнего действия свидетельствует о совершенно обратном: нация вымирает, уклад ее жизни подорван, территория сокращается и разграбляется.

Когда результаты противоположны поставленным задачам, следует искать источник дезинформации. Иначе как объяснить появление совершенно непрофессиональных разработок Ю.Батурина, секретаря Совета обороны России, вошедшие в послание Президента? Быть может привлечение такого рода "специалистов" связаны не только с невежеством и бездушием самого президента, подписавшего послание в период пробуксовки своей предвыборной кампании, но и со скрытой от общественности задачей нанесения ущерба национальной безопасности России? Кстати, ельцинское послание даже не было обсуждено Госдумой, а рассмотревший послание Совет Федерации не принял по нему никакого решения.

Сегодня в структуры, обеспечивающие безопасность страны, пришли предприимчивые, но беспринципные люди, не раз менявшие свои убеждения и профессии. Именно поэтому анализируемые здесь Закон и Послание (как впрочем и предшествующая последнему "Политика национальной безопасности России до 2000 года") никак не способствуют самосохранению нации, но лишь затуманивают проблему и подменяют способы ее решения пустыми фразами. Похоже, что цель Ю.Батурина[1] — истинного автора двух этих документов — состояла в попытке оттянуть принятие Концепции национальной безопасности ("зачем Концепция, ведь есть Политика"), а также снять упреки в игнорировании данной проблемы. В доказательство этого предположения можно упомянуть и объявленный Б.Ельциным (по инициативе Г.Сатарова — еще одного инородца из окружения Ельцина) конкурс на разработку какой-то новой русской "национальной идеи".

Если следовать положениям "Стратегии национальной безопасности США", оказывается, что основными ценностями являются не права и свободы абстрактной личности и абстрактного общества, а вполне конкретные люди — американцы с их территорией и образом жизни. Способов активной, наступательной борьбы за самосохранение нации в данном документе указано более чем достаточно.

В России все наоборот. Абстрактные слова сочетаются с политикой, противоречащей самому понятию "безопасности", рассчитанной на безнравственность исполнителей и высшего руководства страны. К последствиям такого рода политики можно отнести: а)уничтожение оборонной промышленности под видом ее конверсии; б) разорение производственного потенциала во имя борьбы с инфляцией и невыплатой налогов; в) уничтожение основы стратегических ядерных сил России под видом сотрудничества со США в ядерном разоружении; г) небывалый ажиотаж в СМИ вокруг вроде бы намеченного продвижения НАТО на Восток, д) утверждение о необходимости

[1] Интересно отметить, что "укрепив национальную безопасность", ныне он совершенствует оборону России. По мнению министра обороны И.Родионова, его роль сводиться к искажению реального положения дел: "...пытается встать между Верховным главнокомандующим и министром" и "дезинформировать общественность".

дальнейших двусторонних сокращений СЯС по новому договору СНВ-3. Не надо быть семи пядей во лбу чтобы увидеть пагубность всех этих последствий.

Продолжение такого рода политики (а) неминуемо оставит Россию без передовых отраслей машиностроения и кадров, (б) обрушит на страну отложенную взрывную суперинфляцию, (в) в десятки раз удешевит создаваемую американцами ПРО, которой придется противостоять только легко уничтожаемым морским и однозарядным ракетам наземно-мобильного базирования.

В сущности, указанные нами пункты (в+г+д) — три шага одной многоходовой *комбинации,* направленной на постепенное избавление США от своей наземной компоненты СЯС, а в перспективе — на замену ядерного оружия высокоточным (для нас пока непосильным по экономическим соображениям). При этом наш “партнер” намерен попутно заставить Россию уничтожить смертельно опасные для него многозарядные шахтные ракеты типа SS-18 — то единственное, что сдерживает начало нового передела мира и расчленение России.

Госдуме чрезвычайно сложно будет противостоять давлению и угрозам тех, кто подпишет новый договор о сокращении вооружений, не дрогнуть перед криками многочисленной “общественности”. Любой отказ от “миротворчества” будет столь же шумно подан СМИ, как пренебрежение вынужденными уступками со стороны НАТО, как блокирование “миролюбивых инициатив США”.

Все это вышеприведенное убедительно иллюстрирует пагубность невежества и безнравственности для национальной безопасности, использование этих качеств чиновников госаппарата для борьбы с Россией.

Национальная идея как способ самосохранения

Наш великий соотечественник Д.И.Менделеев рекомендовал приступать к решению любых проблем с просвещения тех, кто к ним причастен. Коль проблема национальной безопасности касается всех граждан и во многом связана с невежеством и безнравственностью властей, то *спасение России* — в своевременном *пробуждении, примирении и объединении* ее народов вокруг русской нации, а также в просвещении или замене руководителей страны. В любом случае, однако, начинать нужно с объявления *Концепции самосохранения* как вполне очевидного и крайне актуального на данный момент компонента русской национальной идеи.

Представляется, что такая концепция должна содержать национальную самоидентификацию и стратегию обеспечения национальной безопасности России. Исходным ее моментом может стать заявление о намерении восстановить статус великой державы — мирового лидера в области культуры, науки, высоких технологий. Необходимо прямо подчеркнуть: для нас жизненно

важна именно *Россия имперская*, без возрождения величия которой невозможно самосохранение русской нации в современную эпоху.

Для обоснования имперского способа самосохранения, следует напомнить, что Россия уже — лидер особой цивилизации. Самовыражение России в форме империи не исчерпало себя. Предыдущий опыт подтверждает, что только в такой форме может быть воплощен присущий русским смысл власти и государства. Именно империя — монархическая и православная — соответствует наиболее полному самовыражению духовного мира и психологического состояния русской души и нации (6). Вся наша история свидетельствует об этом: расцвет России обычно наблюдался в периоды, когда империя в сущности своей была национальной монархией, основанной на сакральной силе и крепких нравственных устоях.

Помимо "православия" и "самодержавия", великую роль в процветании нации служила присущая нам "народность", т.е. артельность в труде, общинность в быту и соборность в государственных установлениях. Упадок же всегда случался при ослаблении или утрате хотя бы одного из этих трех устоев, т.е. — при перерождении национального государства в бюрократическое — в форме тирании, олигархии либо охлократии.

Закономерность чередования таких периодов в жизни любого государства была установлена еще греком Полибием, более 2000 лет тому назад и подтверждена в последующем. Следовательно, мы вправе надеяться и утверждать, что время имперской России еще не "кануло в Лету". Тем более, что об этом говорил и великий Ф.Достоевский, утверждая, что грядущий XXI век — век России.

Не стоит бояться неизбежных упреков в "имперских амбициях". Язык имперского гегемонизма является нормой современной международной жизни. Он и соответствующая политика хорошо понятны Западу и Востоку, так как предопределены природным инстинктом самосохранения. В нынешней борьбе за существование выживут лишь нации с ресурсами, достаточными для самосохранения, самовоспроизводства и самосовершенствования, с величием духовной идеи, объединяющей народы.

Непростительна проводимая современной Россией суетливая и несолидная государственная политика, ведущая к утрате сфер влияния в СНГ и за его пределами. Не даром все чаще высказываются мнения, что цивилизованный мир не опасается, а заинтересован в имперской политике России, направленной на сохранение своей целостности и былого влияния. Образно говоря, нам еще намекают, что двери для вступления в "мировой имперский клуб" пока что открыты, но тащить нас туда на аркане, похоже, никто не собирается.

Только имперская самоидентификация государственной системы России как великой державы и принятие, наконец, стратегии национальной безопасности заметно упростят выявление истинных партнеров и соперников. Обнародование стратегической линии также избавит Россию от фактической

изоляции, позволит сохранить прежних и приобрести новых союзников внутри СНГ и на *международной арене*. Принцип здесь таков: те государства, которые признают наши суверенитет и территориальную целостность, способствуют достижению лидерства России будут восприниматься как партнеры и союзники, а все остальные — как соперники и потенциальные противники.

Принятие Концепции самосохранения России, объявление в ней нашего понимания особенностей современной эпохи и своего места в мире чрезвычайно важно для возрождения духовного потенциала русской нации. Явное выражение задач самосохранения избавит наши народы от дезориентации в историческом времени и пространстве, возродит их волю к достижению поставленной цели. Более того, во *внутренней жизни* Концепция станет мерилом срочности и важности заключения новых и ратификации уже подписанных межгосударственных соглашений, принятия или корректировки существующих законодательных актов и целевых программ.

Методология национальной безопасности

Говоря о структурно-содержательном наполнении Концепции, хотелось бы кратко отметить следующие соображения. Помимо упомянутых выше исходных утверждений, она может содержать базовые положения, касающиеся каркаса, стратегии и технологии национальной безопасности. Безусловно, что в качестве обеспечивающего ее проблемно-ориентированного *каркаса,* возглавляемого лично президентом, должна служить Система обеспечения национальной безопасности России.

Структура данной системы может включать совокупность взаимосвязанных нормативных актов, организационно-технических и иных мероприятий, а также соответствующих им (актам и мероприятиям) сил и средств. Стратегическая *цель* — самосохранение, самовоспроизводство и самосовершенствование русской нации, а тактическая — в минимизация ущерба гражданам страны, территории и укладу жизни от объективно существующих угроз.

Базовыми *показателями*, указывающими на степень достижения Системой поставленных перед ней целей, должны служить численность населения России, продолжительность его жизни, степень удовлетворения материальных и духовных потребностей, размеры территории, ее состояние, естественное биологическое разнообразие, обеспеченность невозобновляемыми природными ресурсами, а также риск причинения ущерба нашим базовым ценностям и средние затраты на его снижение до приемлемого уровня. Два последних показателя могут рассчитываться как математические ожидания соответствующих случайных величин и измеряться в единицах социального времени, например, в человеко-днях (7).

В качестве *метода* обеспечения безопасности должна использоваться не только пассивная защита, но и уничтожение источников опасности или

своевременное уклонение от пагубного воздействия внутренних и внешних источников опасности. Достигнуть этого возможно только программно-целевым планированием и управлением, предусматривающим разработку, по меньшей мере, трех крупных целевых программ и создание системы оперативного управления их выполнением. Эти программы должны быть направлены на парирование тех угроз и вызовов населению России, нашей территории и укладу жизни, которые связаны с неудовлетворением соответствующих потребностей.

Критерием эффективности управления процессом обеспечения национальной безопасности может служить тот ее высокий уровень, который отвечает минимуму суммарных социально-экономических издержек (затрат и ущерба). Управляющими *параметрами* — значения перечисленных выше и других количественных показателей, взятые с учетом их динамики. Оптимальными следует считать те мероприятия совершенствования национальной безопасности, которые влекут максимальный прирост ее уровня при выделенных затратах, либо требуют минимальных затрат для обеспечения заданной безопасности.

Естественно, что на практике понадобится значительно большая детализация программно-целевого планирования и управления национальной безопасностью, вплоть до построения “дерева задач-мероприятий-ресурсов”, а также создание совокупности целевых программ и подсистемы управления их выполнением. Естественно, что при этом не обойтись без использования четкой *классификации* соответствующих опасностей, угроз и вызовов. Она может базироваться на триединстве введенных нами объектов национальной безопасности, связанных с ними потребностей, ценностей и интересов, а также требуемых энергетических, материальных и информационных ресурсов.

Введение такой классификации позволит отказаться от принятой ныне практики придумывания разного рода “ведомственных” безопасностей — изначально антинаучной и порочной, поскольку порождаемые в этом случае структуры зачастую конфликтуют между собой.

Для нации безопасность всего одна, а вот опасностей много. Рассматривая систему опасностей логично классифицировать опасности и подлежащие парированию угрозы и вызовы на а) техногенно-производственные, сопутствующие потокам энергии; б) природно-экологические, связанные с окружающей нас средой; и в) антропогенно-социальные, обусловленные дезинформацией. Необходимо соотнести каждую из опасностей к территории, населению и укладу нашей жизни.

Предложенная методология нуждается в соответствующем законодательном, организационном и финансовом обеспечении, а также в рекомендациях по технологии ее практической реализации. При их подготовке не обойтись без а) верного целеполагания национальной безопасности, б) современных программно-целевых методов обоснования, обеспечения, контроля и поддержания оптимальных ее количественных показателей, в)

четко определенных и хорошо структурируемых категорий — объектов, потребностей, ценностей, а также г) поддающихся ранжировке опасностей, угроз и вызовов.

Из всего многообразия угроз и вызовов национальной безопасности следует выделять те, которые связаны с дезинформацией, безнравственностью и невежеством. Вот почему одним из *первых* и ключевых направлений в деле самосохранения России должно стать привитие культуры национальной безопасности и совершенствование системы обучения, прежде всего, молодого поколения.

Начинать нужно с обуздания средств массовой информации, ныне широко используемых для подрыва духа и нравственных устоев нации. Пора, наконец, понять, что так называемая “свобода слова” уже явилась одной из причин развала СССР. Она нужна инородным руководителям СМИ, а не русской нации. Для пресечения деструктивной роли СМИ у власти есть “свобода дела”, но нет понимания, что речь идет о самосохранении, в том числе и тех, кто занимает сегодня высокое положение.

Вторым важным шагом может быть корректировка законодательства по обеспечению национальной безопасности. Закон, как известно, определяет нижнюю границу общественной морали, переход за которую социально опасен. Разумно устанавливая эту границу, можно приучать чиновника к нравственному поведению. Кроме того, требуется разработка не менее трех основ законодательства, соответствующих защите нации, сохранности ее уклада и территории, а также — ряда законов прямого действия[1];

Третий и последующие этапы должны быть связаны с улучшением организаторской работы, направленной прежде всего на пробуждение инстинкта самосохранения русской нации, примирение враждующих ныне народов перед угрозой исчезновения, мобилизацию их на борьбу с внутренними и внешними угрозами. Успех в этом благородном деле не мыслим без создания под лозунгом “*За имперское возрождение России*” общенародного движения или действительно массовой партии[2].

Задача политических лидеров — разъяснить, что у нации всего лишь два выхода из нынешней фазы надлома: самоизоляция или имперское возрождение. Коль причина надлома в исчерпании наших духовных сил и временной утрате самоосознания, то приемлем второй путь.

Для русской нации Империя означает вовсе не экспансию, а форму истинно национального государства, в которой мы станем гражданами.

---

[1] Подробнее о совершенствовании законодательного и образовательного обеспечения национальной безопасности см. в журнале “Свободная мысль” — соответственно №7 и №11 за 1996 год.

[2] Самые обстоятельные аргументы в пользу него и требования к лидеру новой имперской России изложены В.В.Гущиным в статье “Имперский мотив в политике России” в сборнике “Неизбежность империи”.

Литература

(1) Амосов Н.М. Мое мировоззрение. “Вопросы философии”, №6, 1984.

(2) Дольник В.Р. Этологические экскурсии по запретным садам гуманитариев, “Природа” №1-3, 1993.

(3) Большаков В.Н., Мартинес Р. и др. Проблемы восприятия современным обществом основных понятий экологической науки. “Экология”, 1996, №3. с.165-170.

(4) К.Родригес. Новые технологии, будущее империй и четыре всадника Апокалипсиса, М.: “Мир”, 1996.

(5) П.Хомяков. Империи национальные и бюрократические// В кн. “Неизбежность империи”. М.: “Интеллект”, 1996.

(6) Л.А.Тихомиров. Единоличная власть как принцип государственного строения, М.: “Трим”, 1993.

(7) Гвардейцев М.И., Кузнецов П.Г., Розенберг В.А. Математическое обеспечение управления. Мера развития общества, М.: “Радио и связь”, 1996.

Ростислав Юрьев

РУССКИЙ НАЦИОНАЛИЗМ И ПРАВОСЛАВИЕ

Вы еще не до крови сражались, подвизаясь против греха, и забыли утешение, которое предлагается вам, как сынам: "Сын мой! не пренебрегай наказания Господня, и не унывай, когда Он обличает тебя. Ибо Господь, кого любит, того наказывает; бьет же всякого сына которого принимает." Если вы терпите наказания, то Бог поступает с вами, как с сынами. Ибо есть ли какой сын, которого бы не наказывал отец.

Евр. 12,4

Итоги политического сезона 1996-го года, а особенно, его апогей — президентские выборы — приводят к выводу о том, что русский национализм, как идеология общественного сознания "русскоязычной" части населения потерпел поражение. Причин этому много, как объективных, так и субъективных, но главная на наш взгляд — одна: Русский национализм невозможен без принятия русской идеологии — Православной веры. В большинстве современных патриотических течений мы видим обратное — в лучшем случае Православие признается, как одно из правил игры в национальную политику и почти никогда — как духовный центр, идеологический стержень, вокруг которого и строится вся стратегия и тактика русского национального движения.

Почему так происходит? Потому что принятие Православия требует незаметного для окружающих подвига и не сулит ни денег, ни лавров, ни славы в ближайшей перспективе. Потому что принятие Православия приводит к кропотливой работе по очищению душ человеческих и через них — к пробуждению национального сознания. Для того, чтобы говорить о духовности, надо сначала вылечить души людей, которые в большинстве своем настолько деградированы и расчленены, что уже не слышат человеческого слова, а лишь примитивно реагируют на голубую точку на черном экране.

Это труд не для тех, кто возлюбил "славу человеческую", а лишь для истинных ревнителей за свое Отечество.

Юрьев Ростилав Михалович, эксперт Московского историко-политологического центра, эсхатолог, специалист по христианской символике.

Истоки отношения к русскому национализму лишь как к политико-националистическому флагу понятны, если принять во внимание, что это общественно-политическое движение на территории бывшего СССР (так называемой РФ) зародилось сравнительно недавно: в виде подпольных кружков — в конце 60-х, в виде более или менее массовых организаций — в конце 80-х годов. Вполне естественно, что с момента своего возникновения патриотическое движение испытывало едва ли не все болезни роста: от оголтелой ксенофобии до абсолютизации своего маленького “Я”.

Парадоксально, но факт: на территории СССР за весь период его существования (после подавления крестьянских восстаний 1921-1924 гг.) фактически не существовало влиятельных течений или организаций, выражающих именно русскую национальную идею. В так называемой “научной” литературе к русским националистам до сих пор относят, как правило, те движения, организации и политических деятелей, которые по сути своих воззрений являются в лучшем случае “советскими империалистами”. Для представителей этого течения идеал Российской государственности состоит именно в безнациональной Империи, а идеал русскости — в узко понятой ксенофобии, названной ложным термином “антисемитизм”. Иногда к националистам относят также тех, для кого главной и доминирующей идеей является ненависть к большевикам и коммунизму вообще, без позитивной программы последующего национального строительства. Такой “патриотизм”, безусловно, не может претендовать на звание русского.

Продолжатели традиций такого “русско-советского” патриотизма, показали свою полную практическую несостоятельность в годы, последовавшие за развалом СССР, который был предметом их пламенной и, как правило, искренней любви. Их оппозиция “новому” режиму на поверку оказалась лишь “плачем по Империи” и розовыми мечтаниями о создании нового Имперского образования на каких угодно идеологических принципах: хоть с Назарбаевым, хоть с Дудаевым — только бы территории было побольше. Впоследствии, однако, многие из них, будучи органичной частью советской партноменклатуры, неплохо встроилось в систему “новой России”. Некоторые окормляются ныне — и неплохо, судя по всему — из рук “демократов” (пример — А.Невзоров), другие примкнули к “патриотическому” обломку КПСС (пример — А.Проханов) и весьма успешно среди этих обломков функционируют.

На беду истинно русского национализма это направление использовало многое (символику, образы восприятия, информационную среду, термины и понятия) из того, что близко мировоззрению русского человека и что не успели использовать “демократы”. Тем самым, произошла очередная подмена русской культурной Среды фальшивой подделкой.

Представители именно этого направления оказались в октябре 1993 года во главе стихийного народного противостояния режиму и приведшей его к власти либерально-финансовой олигархии. Непонимание ими Русской идеи

привело к тому, что они сделались соучастниками разыгравшегося спектакля и совиновниками пролития русской крови.

Более маргинальная часть патриотических сил, сформировавшаяся в оговоренный выше период, также оказалась лишь “плюралистическим” выбросом диссидентской энергии национально ориентированных групп. Их внешней движущей силой была ненависть к “демократическому” и “инородческому” правительству, приведшая впоследствии к тому, что часть этих сил сконцентрировалась все на том же пресловутом “антисемитизме”, а другая перешла в сферы, обеспечивающие “демократический” стандарт материального выживания.

Сознание человека, который три поколения взращивался в условиях советского мировосприятия, где по одной оси расположен материалистический эволюционизм, а по другой — “Союз нерушимый республик свободных”, в массе своей неспособно вместить трехмерное пространство Русской идеологии, в котором основной осью является Богослужение через воцерковление всех сторон жизни.

На мировоззренческое поле постсоветского сознания, если оно сориентировано в националистическом направлении, влияет лишь направленный вектором в патологическую ксенофобию комплекс национальной ущемленности и комплекс экономико-географической ущербности. Оба комплекса не имеют ничего общего с русским национализмом.

Так называемыми “государственниками” (пример — А. Лебедь) последний комплекс обычно выражается формулой “За державу обидно!”, которая полностью выдает незнание ими русской политической терминологии. Ибо “Державность — это государственное самосознание народа, добровольно принявшего на себя **церковное** послушание “удерживающего”, т.е. готового стоять насмерть на пути рвущегося в мир сатанинского зла... Державность предполагает государственное воплощение этого религиозно-нравственного идеала, построение общества, признающего своей целью не только земное, плотское преуспеяние граждан, но и создание наилучших условий для спасения души, для творения добра и пресечения зла” (1).

Была ли у русского национализма возможность стать политической силой, способной в период переизбрания властей заявить о себе на уровне реальной силы в государстве?

Нет. И главная причина этого — в неготовности общественного сознания к исповедыванию Русской идеологии. “Им не нравится старинное построение государства на основании благословения и Закона Божия; они думают гораздо лучше воздвигнуть здание человеческого общества в новом вкусе на песке народных мнений, поддерживать его бурею бесконечных распрей.” (2)

Многие православные люди шли на последние выборы президента, забыв слова Царя и Пророка Давида: “Блажен муж, иже не иде на совет нечестивых и на пути грешных не ста, и на седалищи губителей не седе” (Пс.1, 1). Что

“выборы” — совет нечестивых, особенно разъяснять не надо. Совершающееся переизбрание властей, попущенных от Бога за грехи наши, сродни древнеязыческому обычаю, при котором люди сознательно выбирают себе кумира, соответствующего их внутреннему “Я”. Ни о каких государственных интересах речи быть и не может. “Электорат” и понятия не имеет о них, лишь бы ему было хорошо. Обманутые стократно, они готовы обмануться в сто первый раз, лишь бы снова заглушить свою совесть и кланяться очередному, или прежнему, кумиру, вознеся его до небес, а потом, когда он не выполняет их мечты, ругать его последними словами. Чем не чернокожие аборигены в обиде разбивающие своих глиняных идолов, когда “крокодил не ловится, не растет кокос”!

“Все беды и скорби, столь обильно излившиеся на наше Отечество в нынешнем столетии, являются лишь следствием забвения нами Заповедей Господних и попрания всесовершенного Закона Божия”, — писал угасший ныне светильник земли Русской митрополит Санкт-Петербургский и Ладожский Иоанн.

Только Бог, а не самые “суперпрезиденты” смогут вывести Россию из заколдованного круга. Это ведь очевидно!

Так немного надо, чтобы вновь войти под власть Того, кто вел нашу страну до страшного переворота. Ведет и сейчас путями горестей и скорбей. Только гордыня мешает большинству из нас сделать простой шаг, единственный ведущий к спасению России и русского народа.

Кто из кандидатов на должность “хозяина” РФ способен честно и открыто сказать об этом?

Никто! Да и не может сказать. Потому что все реальные претенденты являются продолжателями большевистской линии разрушения русского государства, лишь изменившими свое обличие и тактику.

Очень верно сказал о сущности большевизма архиепископ Аверкий: “Большевизм это отнюдь не одна только политическая система, а прежде всего — наиболее яркое и откровенное выражение дьявольской гордыни, дерзкого неистового бунта, своеволия, непослушания и противления Богу и Его Божественному закону... Большевизм это — и целостное мировоззрение, но отнюдь не атеистическое, а богоборческое... А потому борьба с большевизмом в сфере одной только политики ни к какому результату привести не может”.

Характерный показатель общественного сознания постсоветского жителя — это три кандидата в президенты (Ельцин, Зюганов и Лебедь), образы которых и отражают три главных психологических типа общественно-активной части населения РФ. Руководствуясь идеологией русского национализма можно сказать, что ни один из этих типов не имеет будущего на пути возрождения России как самобытного духовно-гоударственно-культурного образования.

В ситуации, когда русский национализм не может скоро стать основой государственной политики России, следует довольно четко определить, какие задачи и какими методами нам предстоит решать в это время.

Внешнеполитические условия уже определены и остались неизменными. Это — дальнейшее объединение “мирового сообщества” с целью создания Всемирного правительства контролируемого финансовой олигархией для осуществления “Нового мирового порядка”.

В “Новом мировом порядке” нет места ни России, ни русскому народу. И речь здесь идет не о закабалении, а о физическом уничтожении — через дебилизацию, контроль рождаемости, наркоманию, пьянство, растление, уничтожение среды обитания, продукты питания и т.д. “Россия приговорена к полному уничтожению, потому что “она есть подножие Престола Божия на земле” (Св. прав. Иоанн Кронштадтский), место сбора всех верных воинов Христа на последнюю брань с антихристом и полчищами его. Именно на это направлены все средства и орудия “цивилизованного” мира: медицина, педагогика, СМИ и прочее.

Внутриполитическая обстановка, увы, тоже способствует осуществлению планов мировой закулисы. Несколько преступных группировок, живущих за счет эксплуатации природных и людских ресурсов России и финансовых спекуляций, ведут страну к дальнейшей разрухе. Большинство воров, стоящих у власти, тешат себя надеждой эвакуироваться во “внешний” мир при выработке ресурсов оккупированной ими территории или взрыве гражданской войны. Но, к их сожалению, они там не нужны. Даже нынешняя финансовая верхушка, пришедшая на смену всевластному контролю коммунистических райкомов, нужна МВФ только здесь — в пределах РФ.

То, что называется сейчас Россией и русским народом фактически таковыми не являются. Это лишь часть территории бывшего СССР с частью “советского народа”, который этнически по языку близок к русскому типу.

Советский менталитет “россиян” и позволяет “прорабам перестройки” относительно безболезненно вживлять этот человеческий материал в космополитическую псевдокультуру. Когда вырастут дети воспитанные на идеалах “черепашек-ниндзя”, “дядюшек Даков” и “черных плащей”, умеющие с успехом пользоваться всеми достижениями “западной цивилизации” — от жвачек до сотовых телефонов и кредитных карточек, то мордатые советники из МВФ смогут считать свою задачу выполненной.

Дальнейшее ухудшение всех сторон жизни российского общества (при “прилавочном” изобилии отдельных центров) будет определяющим критерием ближайшего времени. “Подивимся, братья, человеколюбию Бога нашего: как Он нас приводит к Себе, какими словами нас наставляет, какие запрещения на нас налагает! Мы же к нему нимало не обратились. И видя наши беззакония, видя, что мы заповеди Его отвергаем, Он показал нам много знамений, много страшного, ...но лучшими мы не стали... Мы подвигнули на себя гнев Божий, по словам Давида, и возгорелся гнев Его на нас: ...исчезла сила князей и

воевод наших; храбрые исполнились страха и бежали; ...величие наше досталось другим; труд наш достался поганым; земля наша стала достоянием иноплеменников. Мы стали поношением нашим соседям и посмешищем наших врагов, ибо мы свели на себя, как дождь с неба, гнев Божий...” (Свт. Серапион Владимирский. XIII в.). При этом будет продолжаться и усиливаться борьба с Православной Церковью и всеми проявлениями Русского национализма. Эта брань будет, как все последнее время, скрытой. Секуляризация церкви, подмена христианского сознания, усыпление духовной бдительности, ложь и дезинформация в СМИ, поддержка ересей, раскольнических групп и сект, растление молодежи, разжигание “жидоненавистничества”, русофобии и т.д.

Русское национальное движение в этих условиях должно всемерно стремиться защищать очаги русской жизни, поддерживать другие христианско-националистические группы.

Центр возрождающейся Руси, духовная основа объединения русского народа — это Православная Церковь. Эта мысль должна доносится до сердца каждого русского человека. Эта мысль понятна и нашим противникам, которые по своей сути лишь слуги князя тьмы, направляющие все свои силы на разрушение этого Центра, подчинения его своей власти, создания лжецеркви. Требуется особая осторожность при контактах с СМИ, которые лишь будут усиливать и изощрять ложь и дезинформацию, чтобы “соблазнить если можно и избранных”.

В создавшейся ситуации только русский национализм может стать опорой и ориентиром русскому человеку. Только он может указать стратегию и тактику выживания во враждебном славянскому сознанию мире. Только человек православной веры, спасающийся под Церковным Покровом, способен не потерять свое национальное и человеческое обличие.

Важнейшей крепостью в деле выживания русской нации является семья. Сюда проводники “Нового мирового порядка” направляют один из главных ударов (через спаивание мужчин и женщин, разрушение семейной сферы мировосприятия, растление и уничтожение детей). Образ материального благополучия стал идолом семейной жизни, образ Женщины-Матери заменен образом подруги-блудницы, образ Мужчины-Отца — образом кормильца-сожителя.

Огромное поле деятельности здесь для русских патриотов. Пропаганда здорового образа жизни, воцерковление браков, противостояние растлению через неучастие во лжи, воспитание в детях осознания того, что семейные узы, на которых держится цепочка “личность-семья-народ-Отечество” — самые крепкие. Родители должны активно защищать своих детей начиная с момента зачатия, трезво осознавая, что современная медицина сориентирована либо на уничтожение, либо на уродование ребенка, современная школа — на растление его личности.

Примером выживания и сохранения русскости может служить русская диаспора за рубежом, которая существует уже почти 80 лет. Этот опыт показывает, что русская община смогла остаться русской только благодаря своему объединению вокруг Церкви, которая сумела сохранить в себе твердость к исповедыванию Истины.

Объективная реальность состоит в том, что только Бог может изменить что-то в том ходе истории, который проводят в жизнь агенты "Нового мирового порядка". При этом не следует забывать, что делают они это попущением Божиим. "Отступление попущено Богом: не покусись остановить его немощною рукою твоею." (Свт. Игнатий (Брянчанинов) Кавказский и Ставропольский).

Русский человек должен твердо понимать свою цель в этом мире. Социальное выражение духовного противостояния последних времен — это не противостояние политических систем, а противостояние двух типов культур — духовного природного человека и бездуховных "продуктов" научно-технического прогресса, которые лишь имеют человеческое обличье, "но не суть таковы" (Отк. 3, 9).

Все внешние политические механизмы отшлифованы в течение XX века и направлены на переустройство мира с точки зрения второго архетипа.

Необходимо твердо понимать, что наша жизнь проходит на поле брани Третьей Мировой войны, где незримая битва идет за души людей, против превращения человека в биоробота, служащего обиталищем бесов. Конечный приз в этой войне — не просто кусок Земли, территория — но Царство Небесное.

Нельзя заставить человека молиться, или ходить в храм, как на митинг. Лишь кропотливое разъяснение естественной потребности каждой души в общении с Богом может привести как к личностному изменению человека, так и к пониманию им Русской идеологии, Русской земли, "подножия Престола Божия на Земле", как Дома Пречистой Богородицы.

Нынешнее время, когда с одной стороны идет полное разрушение системы ценностей и ориентиров большинства советских людей, с другой — кажущееся торжество победно шествующего капитало-коммунизма, на самом деле является временем наиболее ярко выраженного действия Божиего Промысла, что отмечает любой внимательный наблюдатель. Господь всегда промышляет над народами, как посредством самих людей, так и посредством стихий мира. Но есть времена, когда Он берет "вожжи" управления в свои руки. Такие времена одичавшему безбожному человеку кажутся временами хаоса и катастрофы, но это лишь животный страх перед величием космической битвы.

Поле брани русского национализма — это не столько политические кресла нынешних властных структур, сколько души русских людей.

"Русь идет своим исповедническим, мученическим, жертвенным путем, предначертанным ей всемогущим Промыслом Божиим. От нашего

произволения зависит, станет ли сегодня этот путь дорогой к преображению России и русскому Воскресению, или приведет к мрачной пропасти духовной и физической погибели.” (3).

ЛИТЕРАТУРА

1. Митрополит Санкт-Петербургский и Ладожский Иоанн. Будь верен до смерти. М., 1993, С.21.
2. Свт. Филарет, митр. Московский. О государстве. Тверь. 1992. С.18.
3. Митрополит Иоанн. Там же.

Сергей Елишев

ФАЛЬШИВЫЙ ЯЗЫК АНТИСИСТЕМ

Глубокий духовный и мировоззренческий кризис, в котором вот уже на протяжении нескольких десятков лет пребывает российское общество, весьма печально сказался на науках, занимающихся изучением основ организации общественного и государственного строя. Возник своего рода язык, извращающий первоначальные понятия, подменяющий их смысл.

Мощный идеологический прессинг, обрушившийся на ее представителей при коммунистическом и посткоммунистическом режимах, не мог не сказаться на качестве и объективности оценок различного рода государственно-правовых и политических явлений, способствуя, к тому же, появлению различного рода терминологической путаницы, не устраненной по сей день.

Эта путаница, между тем, во многом способствует формированию искаженного и негативного мировосприятия подчас весьма здравых идей и явлений, например, идеи империи и национализма, ставших для большинства наших соотечественников синонимом наименования “нечистая сила”. Поэтому необходимость преодоления путаницы этих понятий очевидна. К преодолению одной весьма распространенной терминологической путаницы мы и обратимся.

Для большинства современных “россиян” само слово “фашизм” в массовом сознании традиционно ассоциируется с гитлеровской Германией 1933 — 45 годов и с соответствующими атрибутами этого режима — горами трупов, концлагерями, газовыми камерами, сожженными городами и селами. Данная точка зрения, сильно идеологизированная и политизированная, очень долго и тщательно вдалбливалась в умы наших сограждан, буквально на всем протяжении как военного, так и послевоенного периодов существования СССР, вплоть до его распада. Между тем, ошибочность этой точки зрения очевидна и легко объяснима, т.к. здесь происходит явная путаница и подмена понятий — “фашизм” и “нацизм”. Путаница эта восходит к определению, сформулированному в августе 1935 года на VII Конгрессе Коминтерна, согласно которому различные проявления фашизма и германский национал-социализм, отождествляясь, представляли собой не что иное как “открытую террористическую диктатуру наиболее реакционных, наиболее шовинистических и наиболее империалистических элементов финансового капитала”.

Во многом схожая точка зрения господствует и в зарубежных научных кругах, где также слабо осознают или, скорее, не желают осознавать, по вполне понятным политическим и идеологическим причинам, разницу между этими

Елишев Сергей Олегович, студент 4-го курса исторического факультета Российского православного университета.

двумя столь различными явлениями. А отсюда и неприличное замалчивание, игнорирование трудов немногочисленных авторов, пытающихся разобраться в этом вопросе, и весьма активное желание навязать эту точку зрения и нам, благо для этого есть подходящие условия.

Актуальность постановки этой проблемы обусловлена также и тем, что в последнее время в различных СМИ с планомерной периодичностью идет раздувание и нагнетание очередной волны истерии относительно мифической угрозы прихода к власти в России представителей крайних националистических течений, именуемых в разной степени справедливо или несправедливо русскими фашистами. При всём этом абсолютно непонятно, что тот или иной автор статьи или репортажа понимает под этим словом, поскольку нет ни единой общепринятой теории, ни единого определения фашизма.

Обобщая всё вышеизложенное и суммируя различные определения фашизма в целом, можно выделить четыре аспекта трактовки этого явления. Первый, слишком широкий, трактующий фашизм как синоним мирового зла, представляет собой набор определенных идеологических установок, рассчитанных на внедрение в сознание массового обывателя, а потому не является научным и лежит вне сферы научной полемики и не представляет для нас большого интереса, как, впрочем, и второй, слишком узкий, трактующий фашизм как локально исторический феномен итальянской истории 1915 — 1944 гг., но легко опровергаемый при самом поверхностном анализе политической ситуации, сложившейся в Европе в первой половине XX века. Наибольший интерес для нас представляют последующие два аспекта трактовки фашизма. Третий, господствующий как в нашей, так и в зарубежной науке, трактующий фашизм как название-обозначение правого варианта тоталитаризма. И, наконец, четвертый, трактующий фашизм как народное военизированное политической движение, ставящее себе целью воссоздание традиционного государственного строя посредством широкомасштабных социально-экономических и политических реформ, возрождения утраченных корпоративных связей в обществе.

Четвертый аспект трактовки фашизма не является общепринятым, хотя именно он объективен и наиболее полон. Не характеризуя фашизм как правый вариант тоталитаризма, он, однако, не исключает трансформации в последний, но считает это искажением, отступлением от нормы, т.к. создание тоталитарного государства отнюдь не является целью деятельности фашистских движений. На фоне большинства стран, где фашизм одержал победу (Португалия, Румыния, Испания, Словакия и др.), ярким примером такого отступления от нормы являются нацистская Германия и Италия, которые, безусловно, являются тоталитарными государствами. Утверждая это, мы автоматически напрочь отвергаем весьма упрощенный и идеологизированный 3 аспект трактовки фашизма, который не может, да и не пытается объяснить этот весьма интересный факт, т.к. это опровергает весьма

удобную для многих идеологическую картину. Фашизм, сразу же следует оговориться, вообще, не является синонимом определенного государственного строя или типа государств, хотя, как массово-политическое движение, во многом определяет их.

Обычно в политологии под типом государства понимают совокупность трех органически взаимосвязанных между собой и дополняющих друг друга компонентов: формы правления, формы государственного устройства и политико-правового режима. При характеристике любого из трех типов государства (тоталитарный, традиционный, “демократический”) форма правления и форма государственного устройства не являются определяющими компонентами. Специфическим компонентом, позволяющим отличить тот или иной тип государства, является политико-правовой режим.

Политико-правовой режим представляет собой совокупность приемов и способов, к которым прибегает государство для организации управления делами общества. Разновидностей политико-правовых режимов не так уж много — всего три: авторитарный, тоталитарный и либерально-демократический. Каждый из них определяет свой особый тип государства: авторитарный определяет традиционный тип государства, тоталитарный — тоталитарный тип государства, либерально-демократический — “демократический” тип государства. Авторитаризм есть традиционный государственный строй, при котором человечество жило на протяжении всей своей истории, в то время как тоталитаризм и либеральный демократизм — явления истории сугубо XX века.

Если пользоваться терминологией Л.Н.Гумилева, то тоталитаризм и либеральный демократизм есть стопроцентные химеры, антисистемы. Как любые химеры они недолговечны и во многом схожи. По крайней мере из шести признаков, позволяющих назвать тот или иной режим тоталитарным (установление однопартийной системы, срастание государственного аппарата с партийным, унификация всей общественной жизни, создание системы репрессивных органов, изолированность страны и создание образа врага, подмена религиозного сознания псевдорелигиозным), последние четыре в видоизмененном варианте можно обнаружить и в “демократическом” государстве (то же навязывание определенного стереотипа поведения через средства массовой информации, чрезмерное расширение бюрократического аппарата, создание образа врага плюс псевдорелигиозный культ “золотого тельца”). Конечно отдельные признаки могут встречаться и при авторитарных режимах, но только совокупность их позволяет назвать режим тоталитарным, к тому же по главному признаку — культивированию определенных ценностей — различие режимов несомненно.

Тоталитаризм культивирует идеологию создания Царства Божия на земле, создает псевдорелигию, претендующую на абсолютную истинность и непогрешимость.

Либеральный демократизм культивирует власть “золотого тельца”, эгоцентризм под аккомпанемент фраз о “правах человека” и религиозной свободе.

Авторитаризм культивирует традиционные устои жизнедеятельности общества, опираясь на исторически свойственную данному обществу религиозную самобытность.

Получившая же распространение в “демократических” кругах привычка определять тоталитаризм и авторитаризм как диктатуру довольно-таки некорректна, поскольку ни особая система построения государственных органов, ни степень силы государственной власти не годится для характеристики того или иного режима. Хотя причина этого вполне понятна и проста: авторитарный режим представляет для либерально-демократической идеологии куда большую опасность, чем его брат-близнец — тоталитаризм. Авторитаризм есть изначально традиционная форма общежития, здоровая альтернатива антисистемным построениям либерального демократизма. А потому стремление навязать определенный стереотип мышления для негативного восприятия авторитаризма характерно для этой идеологии. В то же время, определяя авторитаризм и тоталитаризм как диктатуру, т.е. “не демократию”, идеологи “демократов”, однако, выпускают из виду, что и либерально-демократический режим можно характеризовать как диктатуру. Но если авторитаризм можно охарактеризовать как диктатуру личности или группы личностей, тоталитаризм как диктатуру идеи, то “демократизм” можно определить как диктатуру “золотого тельца” и эгоцентризма. Думается, что любой здравомыслящий человек при предоставившейся ему возможности выбора, при каком режиме ему жить, отдаст предпочтение авторитаризму, так как личность лучше и ближе для восприятия, чем аморфная идея или пачка банкнот.

Главное отличие тоталитаризма от авторитарного и демократического режимов состоит, прежде всего, во всеобязательности исповедания этого нового культа для всех членов общества. Ни авторитаризм, ни либерал-демократизм на это не претендуют. Только тоталитарный режим с его культом псевдорелигиозной идеи стремится к этому. И, в конечном итоге, добивается своего, из-за чего, в частности, становится невозможным свержение тоталитаризма изнутри. Только внешний фактор или постепенное изживание тоталитарного режима, который, как и любые антисистемы, весьма недолговечен, может привести к падению тоталитаризма. Тотальному охвату всех сторон общественной жизни во многом способствует и государственная власть, главной задачей и функцией которой является установление тотального надзора за надлежащим исполнением культа. Но это лишь вспомогательный аппарат антисистемы. Главное, без чего немыслима тоталитарная антисистема, — это уродливо копирующая традиционную новая псевдорелигия со своим особым набором догм, проповедниками. мистикой, культом “вождя-пророка”, своим “Священным Писанием” и житийной литературой.

Тоталитаризм крайне нетерпим к традиции и всегда противопоставляет себя ей. Фашизм же культивирует традиционные ценности и пытается адаптировать их к новым реалиям, тем самым отвергая и либерал-демократизм, другую антисистему. Таким образом фашизм предстает перед нами как своеобразный антипод антисистемным режимам и аналог авторитаризма. Но, так как фашизм, как уже было выше оговорено, не есть обозначение определенного государственного строя, то вполне уместны 2 вопроса: в чем суть фашизма? Почему фашизм приводит к построению тоталитаризма, как это было на примере Италии и Германии?

Немаловажным фактором для понимания сущности фашизма является этимология этого слова. Термин "фашизм" производен от латинского слова fascis, что в переводе означает "связка, пучок, объединение". Фасциями в Древнем Риме назывались плотно связанные пучки прутьев, которые носили ликторы — низшие должностные лица Римской республики. Ликтор с пучком фасций, применяя современную аналогию, охранник-телохранитель, сопровождал высших римских должностные лиц — консулов и дикторов — и являлся внешним выражением их власти, а впоследствии стал символом традиции и могущества Древнего Рима.

Выбор этого слова в качестве названия новых политических сил был довольно-таки логичным и удачным. Логичным, потому что римская символика наиболее органично вписывалась именно в идеологические построения итальянских фашистов — первых фашистов в мировой истории. Удачным, потому что наиболее полно раскрывает сущность и характер этого нового политического движения, быстро распространившегося по всему миру. А сущность его проста.

Фашизм — это, прежде всего, "союз", "объединение" различных политических сил правой ориентации. Он примиряет, объединяет в своих рядах как умеренных традиционалистов-консерваторов, так и крайних представителей националистической идеи, т.е. нацистов. Ужиться этим диаметрально противоположным силам весьма сложно, а потому фашизм — временное явление.

Нацизм представляет собой абсолютную противоположность классическому консерватизму (традиционализму). Нацизм есть особая форма крайнего национализма, ибо она основана на развитой идее национального превосходства, подкрепленного различными теоретическими выкладками. Идеология нацизма носит ярко выраженный расистский характер, нетипичный для традиционных обществ, во многом противопоставляющий себя им. Культивируя и возводя в абсолют идеи расизма, нацизм стремиться не к обновлению старого строя путем реформирования и приспособления его к новым политическим реалиям, чего, в частности, желают консерваторы, а к построению нового тоталитарного строя. Именно нацизм, создающий очередную псевдорелигию, и есть правый вариант тоталитаризма.

Нацизм и фашизм — явления взаимосвязанные, но в то же время различные. Фашизм более широкое понятие. Фашистское движение не обязательно приводит к тоталитаризму (нацизму), но опасная тенденция скатывания к нему всегда в нем присутствует. Это и понятно: фашизм — такое же аномальное явление истории XX века, как тоталитаризм или либеральный демократизм.

Аномальность его заключается в том, что он представляет собой реакцию на угрозу победы коммунизма — левого варианта тоталитаризма — или впадения в разврат либерал-демократизма. Только перед угрозой этих факторов в нем смогли объединиться две столь противоположные друг другу силы. Сплотила их одна цель — борьба с общим врагом. А отсюда и недолговечность фашизма, ибо это союз до момента победы. А позже одна из этих сил берет верх над другой. От того, кто победит в этой борьбе, зависит и построение конкретного типа государства. Если победу одерживает консерватизм, что, как правило, и происходит, становится неизбежным возрождение во многом обновленного авторитарного строя. После чего роль фашистских движений постепенно сходит на нет, , т.к. главная их цель уже достигнута. Как говорится, “Мавр сделал свое дело, мавр может уходить.” Если же победу одерживают нацисты, также неизбежным становится и построение тоталитарного нацистского строя. Таким образом фашизм, как движение за авторитаризм, постепенно может перерасти в правый вариант тоталитаризма. В Германии, например, победил нацизм. Победив, он расправился со своими бывшими союзниками, вынудив слиться с собой или самораспустить их партийные организации. Распускаются НАРОДНАЯ, БАВАРСКАЯ НАРОДНАЯ партии, католическая партия “Центр” и ряд других партий. В структуру нацистской партии вливается “Стальной Шлем” — самая боевая военизированная организация германских фашистов. Подлежит запрету “Черный фронт” братьев Штрассеров.

К нацизму постепенно скатывается и режим Муссолини, но, так как в Италии влияние традиционализма было весьма велико, это произошло только к концу правления дуче, да и то при поддержке германских штыков. Только эволюцией режима Муссолини от авторитаризма к нацизму и можно, в частности, объяснить принятие серии антисемитских законов, весьма сильно шокировавших итальянцев, т.к. решение еврейского вопроса никогда никого в Италии особенно не волновало. Антисемитизм был чужд для сознания большинства населения Италии, а потому нацизм был обречен. И хотя попытка построения тоталитарного государства при помощи немецких штыков имела место (“республика Сало”), она в силу ряда обстоятельств не удалась. К тому же консервативное крыло итальянского фашистского движения весьма активно противостояло наступающей волне нацизма. Именно консерваторы во главе с маршалом Бадальо и отстранили 25 июля 1943 г. Муссолини от власти. Правда немцы заново восстановили власть Муссолини, но режим его был обречен.

Опасность скатывания к нацизму была и в испанском фашистском движении после победы генерала Франко, режим которого демократ Ж.Желев почему-то назвал тоталитарным. Однако Франко, как талантливый политик, сумел остановить это скатывание. Фашистская партия ФАЛАНГА была лишена самостоятельности. Ее военизированные подразделения были подчинены армейскому командованию. Непокорных ждала быстрая расправа. К тому же республиканцы облегчили ему работу в этом направлении, убив его главного конкурента — лидера пронацистского крыла испанского фашизма Хосе Антонио Примо де Ривера. Придя к власти, Франко, справедливо опасаясь крена в сторону нацизма, продолжает свой курс, направленный на постепенное отстранение от власти фашистской партии. Использовав ФАЛАНГУ, Франко без сожаления расстается с ней, начав в 1955 г. процесс “дефашизации” страны. Нетоталитарность же режима Франко подчеркивает весьма сильное антифашистское партизанское движение, мешавшее во многом стабилизации обстановки в стране. Сам факт того, что за относительно мирные 1945 — 49 гг. партизанами было проведено около 5.000 боевых операций, настолько противоречит представлениям о тоталитарности этого режима, что выводы Ж.Желева кажутся весьма поверхностными и необоснованными.

Не допустил скатывания к нацизму и португальский премьер-министр, лидер фашистского движения Португалии Салазар. А вот его австрийскому коллеге канцлеру Дольфусу это не удалось, хотя это произошло не по его вине. Он был убит в июле 1934 г. во время нацистского путча. Его преемник канцлер Шушниг как политик оказался гораздо слабее его и не смог противостоять победе нацизма и последующему аншлюсу с Германией.

Вообще говоря, личность (характер, нравственные качества) руководителя фашистских движений во многом определяла их судьбу. Бездуховность и тщеславие вели напрямую к нацизму. Яркий пример этому — Гитлер и Муссолини. Правда, путь Муссолини к нацизму был долог и стал реальностью только к концу его правления, да и то при поддержке немецких штыков, хотя построить аналог гитлеризма в Италии ему все-таки не удалось.

Сила духа, развитое религиозно-нравственное сознание вождя предохраняли от скатывания к нацизму, помогая ему наиболее последовательно исполнять свой долг. Именно к такому типу фашистского вождя относятся такие весьма колоритные фигуры, как Франко, Салазар, Дольфус.

Надо отметить, что фашизм не есть сугубо европейское явление. Его можно встретить как в исламском мире в виде такого аномального для ислама явления, как исламский фундаментализм, так и в виде большинства национально-освободительных движений стран третьего мира. Ярким примером таких неевропейских фашистских движений являются исламское движение аятоллы Хомейни в Иране и индийское национально-освободительное движение во главе с Махатмой Ганди.

Если же обратиться к нашей стране, то на данный момент в нынешней России нет никакого фашистского движения. Те же, кто называют себя фашистами, как правило, являются представителями крайне малочисленных нацистских группировок, вряд ли способных существенно влиять на сложившуюся политическую ситуацию в России. Те же, кого называют фашистами, т.е., как правило, националистов-консерваторов, сторонников “русской идеи”, называть так неправомерно, т.к. классический вариант консерватизма, который они исповедуют, в принципе не приемлет нацистских построений, в корне противоречащих основным догматам русского национализма. А потому союз между ними вряд ли возможен, хотя возможность возникновения фашистского движения у нас в стране все же имеется. Единственное, что на данный момент сближает представителей “русской идеи” с классическими вариантами фашистских движений, — это одна и та же цель деятельности: борьба с все разрушающими антисистемными явлениями. Но это отнюдь не основание отождествлять их.

Фашизм как движение, направленное против антисистем, является столь же сложным явлением, что и сами антисистемы. Перед лицом непрекращающегося наступления антисистем, в частности, в виде всепроникающей пропаганды “американского образа жизни” — идеала либерал-демократизма — всегда возможно и будет происходить сплочение и консолидация сил фашистского толка. Но это вполне закономерная реакция имеет также и ряд недостатков, одним из которых является возможность создания и собственной антисистемы в виде нацистского государства, разновидности тоталитаризма. А потому забывать об опасности фашизма и недооценивать ее нельзя.

Подводя итог всему вышесказанному, хотелось бы отметить, что фашизм, как политическое движение, ставящее перед собой в качестве конечной цели воссоздание авторитарного строя, как явление общественной жизни, далеко не искоренен и имеет тенденцию возрождаться вновь и вновь, что, в свою очередь, требует осознания этого факта и дальнейшего исследования данного явления.

Литература

1. Л.Н.Гумилев. “Этногенез и биосфера Земли”, М., 1994.
2. Ж.Желев. “Фашизм”, М., 1991.
3. А.Милер. “Фашизм как стиль”. В журнале “Элементы: Евразийское обозрение” №4, 1993.
4. А.Гливаковский. “Фашизм как ярлык”, “Россия” №1, 1992.
5. “Неизбежность империи”, сб., М., 1996
6. П.Тулаев “Консервативная революция в Испании”, М., 1994.
7. И.А.Ильин. Собр.соч., тт.1,2, М., 1993.
8. Б.Муссолини. “Доктрина фашизма”, 1936.
9. В.А.Пруссаков. “Портреты на фоне свастики”, М., 1995.
10. Г.Димитров. “Избранные произведения”, М., 195.